ВОЕННЫЙ ЗАРУБЕЖНИК

СБОРНИК статей и материалов буржуазной военной печати

1933

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Военный Зарубежник

СБОРНИК
статей и материалов
буржуазной военной печати

№ 8

Адрес редакции: Москва, 19, Манежная, № 7.

Содержание

1933
Государственное военное издательство. Москва.

I. Воздушные силы в будущей войне

Ген. **А...**

Наступательная мощность завтрашнего орудия войны

La puissance offensive de l'instrument de guerre de demain. Par le général de division A.. „Revue des Forces Aériennes". Août—septembre—octobre—novembre 1933.

От редакции

До последнего времени французское командование рассматривало ВВС как весьма значительную, но вспомогательную военную силу, призванную оказывать содействие сухопутной армии и морскому флоту. Той же точки зрения держался и полуофициальный журнал (издаваемый при участии генерального штаба) «Ревю де Форс Аерьен», тогда как другой французский военный журнал «Лэ З'Эль» («Крылья») проводил взгляд на ВВС как на самостоятельный род вооруженной силы.

Но в последних номерах «Ревю де Форс Аерьен» помещена однако обширная статья под указанным выше заглавием анонимного, но, как видно, весьма авторитетного автора, скрывшего свое имя под буквой А..., которая поддерживает идею автономного военновоздушного флота и таким образом свидетельствует о значительном повороте во взглядах на этот вопрос высшего французского командования. На самом деле эта статья принадлежит перу пом. инспектора ВВС, ген. Арманго.

Указывая на опасность для Франции «воздушного вторжения» противника, ген. А... доказывает, что ни наземная ПВО, ни воздушная (истребительная) авиация не в состоянии защитить ее от этой угрозы и что нужно иметь для этой цели активное средство в виде достаточно многочисленной и мощной бомбардировочной авиации, которая сохраняла бы способность оказать содействие сухопутной армии и морскому флоту, но была бы в то же время способна бороться с воздушными силами вероятных противников и производить нападения на его территорию как самостоятельная вооруженная сила.

В общем ген. А... по своим взглядам очень близок к известным идеям итальянского ген. Дуэ[1], которые ныне осуществляются в Италии. Он открыто признает, что именно перенесение центра тяжести итальянских вооружений на самостоятельный бомбардировочный флот и должно служить стимулом для создания во Франции автономного воздушного флота. Но в отличие от ген. Дуэ ген. А... не решается сразу порвать с ныне существующей доктриной и сразу сделать из воздушной армии орудие войны столь же важное, как и сухопутная армия, хотя и считает, что «такое радикальное изменение всей военной системы» все же «совершится постепенно, по мере того, как станет разумным это сделать», поскольку он думает, что **«создание воздушной армии — это не что иное, как модернизация вчерашних и сегодняшних армий — сухопутной и морской».**

Связь нового учения генерала А... с ныне действующей доктриной сохраняется в его характерном для буржуазной логики признании, что «раз только страна затрачивает на сухопутную армию большую часть кредитов, ассигнованных на ее обеспечение, то надо добиваться решения введением в дело этой армии в возможно лучших условиях, применяя воздушную армию ей на пользу». Поэтому **автономное положение ВВС представляется ему наиболее необходимым в начале войны** (для расстройства мобилизации и стратегического развертывания противника), а также после «генерального сражения» (в которое ген. А... еще верит) для довершения воздействия на волю противника нападениями на его территорию. В период же генерального сражения он считает целесообразным передать воздушную армию во временное распоряжение командующего сухопутной армии. В связи с этим он допускает также компромиссное решение вопроса об управлении автономной воздушной армией в смысле её подчинения командующему сухопутной армии, «если будет признано необходимым в мирное время возложить командование сухопутной армией на высшего военного начальника, к которому страна питает особое доверие».

Но эти уступки, которые ген. А... делает под давлением неустранимых внутренних противоречий политического строя Франции, не меняют **существа его идеи, направленной к признанию самостоятельного значения ВВС,** по крайней мере как тенденции их современного развития.

Обширная статья ген. А... разделяется на три части. В первой части, которая носит торжественное заглавие «Вероятная наступатель-

[1] См. «Военный зарубежник», вып. 1-й и 7-й (ген. Дуэ «Воздушная война будущего» и ген. Тюлян «Новая военная доктрина»).

производительность разных родов оружия и крупных соединений современной армии или относительная мощность завтрашнего вооружения в наступлении и обороне», ген. А... длинным рядом рассуждений стремится возвысить в глазах читателя значение воздушного флота за счет умаления могущества сухопутных вооруженных сил. Этими рассуждениями он пробует доказать, что операции сухопутной армии не могут иметь решающего значения без содействия воздушного флота и что вообще все усовершенствования в области сухопутного оружия усиливают лишь оборону, и только в авиации они идут на пользу наступления. Он не жалеет красок, чтобы изобразить недостаточность наступательных способностей не только пехоты, конницы и артиллерии (упуская из виду значение навесного огня, дальнобойность, уточненную стрельбу без пристрелки и т. п.), но даже танков, утверждая, что «танки — это просто немножко пехоты и немножко артиллерии, защищённых броней» и что «сочетание танка с пехотинцем напоминает союз слепого с паралитиком». Исключение делается только для быстроходных механизированных соединений, о чем ген. А... говорит также и в других частях своей статьи. Указанные рассуждения об остальных родах сухопутных вооруженных сил слишком тенденциозны, а потому **ниже дается сокращенный перевод только второй и третьей частей**, которые представляют наибольший интерес для характеристики зарубежных взглядов на современное назначение ВВС и их организацию.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АВИАЦИЯ И УСПЕХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО МАНЕВРА

Мы рассмотрели (в первой части), в какой мере прогресс вооружения будет в будущей войне итти на пользу обороны или атаки с тактической точки зрения. Нам представляется, что этот прогресс облегчит достижение решительного результата не более, чем в последнюю войну.

Остается рассмотреть, сможет ли разведка (противника), а в особенности воздушная разведка, учитывая эволюцию орудий войны, затруднить применение внезапности действий и будет ли она в состоянии помешать достижению решения также и в стратегической (оперативной) области, ибо это решение в наибольшей степени зависит от того, в какой мере достигнута внезапность.

Стратегическая (оперативная) внезапность складывается, когда противник лишается возможности пустить в дело своевременно свои общие резервы на решительном участке фронта.

Эта внезапность создается группировкой сил, исполнением маневров и отдачей таких распоряжений, которые могли бы обеспечить наивысшую производительность действий наличных сил одновременно:

соответствующей группировкой сил;

нейтрализацией мер разведки и охранения противника;

быстротой сосредоточения и применения сил;

их материальной мощностью;

быстротой эксплоатации успеха.

Посмотрим, как эта наивысшая производительность действий может быть облегчена или затруднена крупными изменениями в орудиях войны, а в особенности в ее воздушном орудии.

I. ГРУППИРОВКА СИЛ

Для командующего армией важно прежде всего нацелить усилия подчиненных частей в соответствующем направлении. Соответствующая группировка сил определяется более всего местностью и сведениями о противнике.

Местность и ее организация должны быть тщательно изучены.

Воздушная разведка, а в особенности фотографирование с воздуха будут наилучшим, если не единственным, для этого средством. Но задача чрезвычайно затруднилась по своему протяжению в глубину. Сможет ли авиация ее исполнить? Как известно, в феврале 1917 г. ни воздушная разведка, ни другие источники не раскрыли распоряжений германского командования очистить выступ на фронте в районе Нуайона, на Уазе, и долгие приготовления для франко-английского большого наступления против этого выступа оказались впустую.

Задача разведки противника еще сложнее.

Рассмотрим ее способы.

Агенты. В маневренной войне сведения из этого источника часто рискуют запоздать... но во всяком случае они могут направить воздушную разведку.

Воздушная разведка. В последнюю войну сведения именно воздушной разведки дозволяли почти всегда с точностью определить наиболее подходящее

направление главных усилий для контрнаступления или наступления против неприятеля, находившегося в движении. Пример: контрнаступление на Марне и на р. Урк. Напротив, разведка противника была гораздо менее надежной и убедительной, когда противник уже располагался на месте... Ныне перевозки по железной дороге могут быть раскрыты приблизительно так же, как в 1914 г. Движение по обыкновенным дорогам будет производиться главным образом ночью, а потому раскрыть его будет не так легко, как в 1914 г. Днем это будет несколько легче... Но интенсивное применение мотора позволит одновременную перевозку на автомобилях крупных соединений, даже целой армии, на расстояние около 100 км в течение 24 часов. Таким способом время для раскрытия движения будет значительно сокращено и затруднений будет несравненно больше.

Надо разумеется учитывать, что армия обнаруживает себя для воздушной разведки не только своими войсками. **Орудие маневра и боя имеет действительную ценность только тогда, когда оно опирается на сильно оборудованный тыл.** Организация, которой этот тыл требует, очень заметна. Авиация легко ее раскроет, **кроме однако случаев интенсивного использования в тылу автотранспорта.**

Действительно в виде исключения **соответственной организацией автотранспорта можно будет растянуть тыл на более значительную глубину,** чем в 1918 г., т. е. до 120 км вместо 60 км. Маневренная армия, имеющая задачей удлинить фронт или совершить захождение флангом или охват или обход, может в случае надобности получить снабжение с заранее организованного тыла, с расстояния в 100 и даже 150 км от предполагаемого фронта столкновения.

Таким образом если с одной стороны задачи воздушной разведки в некоторых отношениях должны быть облегчены, то с другой стороны **моторизация армий может их усложнить и сделать работу авиации менее производительной.** В итоге можно думать, что воздушная разведка в начале военных действий и в операции маневренной войны будет осведомлять высшее командование и командование армий столь же успешно, как в 1914 г., но при условии, чтобы верховное командование сумело еще в мирное время подготовить орудие воздушной разведки, способное как по своему качеству, так и по своему количеству и организации удовлетворить всем потребностям и при всяких обстоятельствах **с учетом противовоздушной обороны и моторизации армии.**

Будут без сомнения напряжены все усилия, чтобы постоянно совершенствовать **качество аппаратов воздушной разведки** [1]. В некоторых случаях авиация предложит командованию использовать способ более действительный, чем собственно воздушная разведка. Этот способ будет состоять в сбрасывании ночью, а при благоприятных атмосферных условиях даже и днем, гражданских или военных осведомителей (разведчиков) в расположение противника, в пункты, наиболее благоприятные для получения разведывательных данных (районы больших железнодорожных станций, узлы путей, районы расположения войск). Эти данные будут передаваться без замедления с почтовыми голубями, или по радио, или при помощи самолетов.

При всяких условиях воздушная разведка будет тем полнее, точнее и надежнее, чем больше будет полетов. Разведывательная авиация ныне будет **значительно многочисленнее,** чем в 1914 г., учитывая, что в ее состав войдут как наблюдательные самолеты (обслуживающие армейские корпуса), так и разведывательные (обслуживающие высшее командование). Надо кроме того предвидеть, что бомбардировочная авиация может и должна быть также и разведывательной авиацией. Таков опыт войны 1918 г.

---

[1] Сюда автор относит: приспособление для ночных полетов относительно бесшумных разведчиков, самолетов, снабженных прожекторами и в случае надобности броней для полетов на средних и даже низких высотах; ослабление зависимости полетов от состояния атмосферы, установление навигационных приборов — моторы с нагнетателями, винты с изменяемым шагом и переставными лопастями для возможности одинаково быстрых полетов как на больших, так и на малых высотах и внезапного снижения над целью с большой высоты; применение хорошо вооруженных многоместных самолетов. — **Ред.**

Бомбардировочная авиация почти неизбежно направляется в те полосы и против тех об'ектов, куда должна быть направлена стратегическая (оперативная) разведка. Дозволительно поэтому в решающие моменты рассчитывать на части бомбардировочной авиации как на вспомогательные части разведывательной авиации высшего командования.

Но интенсивность воздушных полетов в активной зоне в данный промежуток времени может быть сверх того повышена **соответствующей организацией**.

Учитывая возрастающую подвижность некоторых элементов современных армий, а в особенности **моторизованных дивизий** и быстроту, с которой армия может быть собрана, а затем переброшена довольно далеко в тылу на какую-либо часть фронта, организаторы воздушных сил будут принуждены сделать орган разведки высшего командования способным к чрезвычайно быстрым, интенсивным, а потому сконцентрированным действиям.

Каждая **армия** будет поэтому иметь органически лишь **минимум разведывательной авиации**, но зато составленный из самолетов возможно высших качеств, способных главным образом по своей очень большой быстроте глубоко проникать за линию противника при всякой обстановке. Производя глубокие полеты беспрерывно через более или менее правильные промежутки времени, эти самолеты будут сигнализировать малейший повод для тревоги. В то же время **резерв разведывательной авиации** будет оставаться в **руках высшего командования**, чтобы в случае такой тревоги сосредоточивать разведку там, где можно будет подозревать сосредоточение резервов противника и подготовку или исполнение стратегического маневра. Этот резерв разведывательных самолетов будет составлен из соединений **боевых самолетов** [1], способных **силой, в сомкнутых группах ворваться в активную зону противника**, отчаянно защищаемую его сильной истребительной авиацией. Эта боевая авиация сможет действовать с наземными армиями, или с морскими армиями, или с **воздушной армией**. В видах экономии она составит часть «резервной авиации» или другими словами **«воздушной армии»**, с тем чтобы быть переданной в распоряжение той (сухопутной или морской) армии, которая будет более в ней нуждаться.

Воздушная разведка в сочетании с наземной

В последнюю войну наземная разведка на больших расстояниях давала лишь немного важных сведений. Разведывательные отряды больших кавалерийских соединений останавливались перед завесой прикрытия обороняющегося противника. Специальные разведывательные бронемашины должны увеличить их наступательную силу, и хотя оборонительная мощность частей прикрытия противника будет также увеличена (постройкой укреплений, мобилизацией пограничного населения), разведывательная авиация облегчит наземную разведку, определив районы, где имеются указания на активность противника в отличие от спокойных районов. Она **направит кавалерийские массы** таким способом, что собранные ею разведывательные данные будут пополнены разведывательными отрядами кавалерии, после чего она будет действовать в сочетании с этими отрядами. Чтобы работа их в этом случае имела максимальную производительность, нужно **снабдить каждую кавалерийскую массу** тремя видами воздушных соединений:

а) разведывательной авиацией, которая могла бы проникнуть настолько глубоко, насколько того требует очень большая подвижность некоторых элементов кавалерийских дивизий и моторизованных дивизий;

б) **наблюдательной бронированной авиацией**, которая могла бы на низких высотах вести разведку передовых частей противника;

в) **авиацией связи** из самолетов гражданской авиации с личным составом из резерва, которые вели бы шаг за шагом наземные разведывательные отряды и обеспечивали бы связь с авангардами и связь между частями главных сил дивизии.

Таким способом главные усилия кавалерийской массы были бы соответственно и быстро организованы в направлении, наиболее отвечающем обстановке.

---

[1] Unités d'avions de combat.

Разведка соприкосновения с противником

Эта разведка будет мало доказательна, если она будет исходить только от кавалерийских масс и авангардов, могущих дать сведения лишь о сопротивлении, которое их остановит. Но представляется вероятным, что разведка соприкосновения будет полнее и доказательнее, чем в 1914 г., благодаря моторизованным и бронированным соединениям и бронированной разведывательной авиации или авиации связи при условии, чтобы деятельность этих частей была предшествуема, поддержана и некоторым образом дозволена неопровержимым превосходством в воздухе.

В итоге первое условие успеха стратегического (оперативного) маневра, соответствующая группировка сил в направлении главной атаки по действительному положению противника, **может быть лишь с трудом достигнуто наступающей стороной против уже расположившегося противника.**

Оно повелительно требует, насколько дело касается воздушных сил:

— превосходно оборудованной разведывательной авиации, организованной для постоянного наблюдения на всем театре маневров и быстрых разведок в случае надобности сосредоточенными силами;

— использования в решительные моменты в дополнение к этой разведывательной авиации части или всей воздушной армии [1];

— бронированной наблюдательной авиации и авиации связи для снабжения дивизий, предназначенных для установления соприкосновения с противником, в особенности моторизованных и бронированных дивизий и дивизий кавалерии.

II. УСТРАНЕНИЕ ОРГАНОВ РАЗВЕДКИ И МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВНИКА

Тот, кто хочет осуществить внезапность, должен нейтрализовать разведку противника и способности его обеспечивающих частей оказать сопротивление. Обеспечение (на стороне противника) будет тем полнее, чем расположение обеспечивающих частей будет более осуществлять непрерывность стратегического (оперативного) фронта. Ибо если в стратегической (оперативной) группировке будут открываться интервалы, то атакующий, располагающий моторизованными войсками, снабженными разведывательными и боевыми бронированными машинами, может совершить внезапное вторжение с целью расстроить стратегический (оперативный) фронт. Командование на стороне обороны постарается предохранить себя от этой случайности применением воздушных сил и наземных моторизованных соединений (если оно может ими располагать) для восстановления нарушенной непрерывности фронта.

Поэтому устранение обеспечивающих обороняющегося частей, способных оказать сопротивление, может быть достигнуто также только атакой механизованных и бронированных наземных и воздушных сил и быстротой маневра.

Что касается нейтрализации разведки обороняющегося, то из опыта 1914 г. известно, что тот из двух противников, который ожидал атаки, был всегда лучше осведомлен, чем атакованный.

Ген. Жоффр проследил при помощи своей авиации маневр правого германского крыла к северо-востоку от Парижа в направлении к Марне, тогда как Мольтке напротив не знал, что 6-я французская армия была сосредоточена впереди Парижа, угрожая его правому флангу... [1].

Завтра, как и сегодня, авиация лучше сможет послужить для достижения обеспечения против неприятеля в движении, чем указать на отсутствие прикрытия в его расположении на позиции, а также на наиболее подходящее направление для главных усилий наступающего.

Для истребительной авиации слишком трудно совершенно помешать разведке решительных летчиков, располагающих отличными самолетами.

Вообще второе условие успеха стратегического маневра, насколько дело касается устранения разведки противника,

---

[1] Т. е. бомбардировочной авиации.

[1] Пример, указывающий не на техническую невозможность воздушной разведки наступающим, а лишь на головокружение от успехов и на промахи германского командования.—**Ред.**

очень трудно достижимо для наступающего.

В отношении воздушных сил оно повелительно требует:

истребительной авиации высокого качества, организованной для предельной концентрации ее сил в зоне стратегического (оперативного) маневра, чтобы восполнить недостаток численности;

бомбардировочной авиации, подразумевая под этим термином «боевую авиацию», предназначенную для воздушного и наземного боя посредством бомб, пулеметов, пушек и десантов. очень могущественную, восполняющую действия наземных моторизованных и бронированных соединений. предназначенную одновременно с этими соединениями и часто во взаимодействии с ними сделать недостаточными меры обеспечения противника.

III. БЫСТРОТА

Быстрота сбора войск и быстрота их марша к полю боя очевидно являются одним из наиболее значительных факторов внезапности действий и успеха...

Но быстрота — вещь относительная, и каждый из противников будет стремиться **уменьшить быстроту перевозок на стороне противника** при помощи своей бомбардировочной авиации.

Для этого могут быть применены **три способа:**

массовая атака узлов сообщения, больших сортировочных станций и т. п. для замедления кругооборота перевозок;

атака легкими группами самолетов, которые, минуя противовоздушную оборону на фронте и в тылу (полетом на больших высотах или в облаках), будут снижаться до бреющих полетов и постоянно атаковывать днем и ночью железные дороги в чувствительных пунктах или самые поезда, чтобы заметно уменьшить провозоспособность железных дорог;

атака посредством разрушающих отрядов. высаживаемых с самолетов и возвращаемых по возможности тем же путем. с целью разрушения телеграфных линий, путей, мостов и т. п. (авиадесанты).

Против таких атак, производимых с любого пункта на фронте и на очень большую глубину, невозможно защититься противовоздушными заграждениями...

Таким же способом авиация может противодействовать сосредоточению сил в ходе операции и их маршу к полю боя.

Крупные соединения стали значительно тяжеловеснее, чем в 1914 г... Дивизия увеличилась в об'еме почти втрое, армейский корпус — на 150%; время прохождения через исходный пункт возросло для дивизии на 100%, для корпуса — на 50%.

Расход снарядов для корпуса из двух дивизий с 1914 г. возрос на 100%.

Возможно широкое использование автотранспорта действует в противоположную сторону, допуская большую упругость расположения в глубину и уменьшая время, необходимое для перехода из колонн в построение для боя. Но нужно еще, чтобы театр военных действий был достаточно богат путями сообщений.

К тому же видимость автотранспорта и неизбежное загромождение пути, которое он образует в некоторых пунктах, дают возможность авиации атаковать и парализовать его, бомбардируя автоколонны в пунктах вынужденного прохождения теснин, или разрушая предварительно такие пункты при посредстве высаживания ночью десантных отрядов, или нейтрализуя их массовой бомбардировкой с применением устойчивых ОВ.

Могло бы быть иначе лишь в случае применения автотранспорта вне больших дорог. Но мы еще очень долго не можем на это рассчитывать...

Нельзя себе представить маневр охвата или прорыв без глубокого построения, без армейских корпусов или крупных соединений во втором эшелоне. Отсюда можно составить понятие о тяжеловесности этих построений и их уязвимости для дневных и ночных нападений с воздуха. К тому же. насколько дело касается фронтового маневра. надо напомнить, что по словам Фоша каждый будет парировать его «a priori», т. е. заранее (не ожидая опыта)...

В настоящее время **можно определить в 400 т общий тоннаж, который авиация соседней (с Францией) страны могла бы в течение 24 часов за один раз перенести через линии фронта на расстояние в 250 км.** Ее самолеты могли

бы достигать путей сообщений на всей территории Франции, хотя и с меньшим тоннажем. На 250 км возможны два полета в день, а потому на наши сообщения или наш тыл может быть сброшено в течение 24 часов 800 т. Авиация другой соседней (с Францией) страны могла бы сбрасывать до 300 т на расстоянии в 250 км. Этот тоннаж мог бы быть еще больше, если бы эти страны пустили в ход свою промышленность военного времени за несколько месяцев перед атакой.

Как могли бы мы парировать опасность, угрожающую сосредоточению армии в начале войны? **Мерами противосамолетной обороны? Они будут малодействительны днем и еще менее действительны ночью.** Достаточно принять в расчет протяжение железнодорожной сети и вообще системы путей сообщения позади фронта армии, чтобы дать себе отчет, что **меры наземной противовоздушной обороны потребуют значительных сил и вооружения за счет средств, подлежащих применению в бою.** Можем ли мы парировать опасность **разрушением авиации противника?** Эта мера **не даст почти ничего,** если противник превосходит нас в воздухе и если он уже внезапно атаковал и ослабил наши воздушные силы.

Если предположить, что **нужно 20 дней с первого дня мобилизации, чтобы закончить наше сосредоточение на границе без инцидентов** и что провозная способность железных дорог под действием авиации противника будет ослаблена настолько, что для сосредоточения понадобиться не 20, но 25 дней, то одно из начал, определяющих стратегический (оперативный) маневр, а еще раньше определяющих проблему прикрытия (границы), т. е. **«время»**, будет сильно изменено. Отсюда может возникнуть необходимость **уступить часть территории,** чтобы избежать большой неудачи, как это пришлось сделать в августе 1914 г.

Предположим **маневр охвата фланга противника** в положении, аналогичном тому, которое было создано германской армией тотчас после пограничных сражений. Допустим, что после этих сражений французско-английская армия останавливается на линии Реймс — Леон — С.-Кентен — Пероннь — Брей.

Французская армия, на которую возлагается фланговый маневр, сосредоточивается в районе Парижа, откуда подлежит быстрой переброске к Амьену. Противник очевидно постарался бы помешать этой операции.

Смогли ли бы мы прикрыть район сосредоточения и движение этой армии против разведок и воздушных нападений противника? Для этой цели потребовалось бы увеличенное количество отрядов истребителей в воздухе «a priori» (заранее), чтобы прикрыть одну только эту армию.

При кордонном расположении этих отрядов мощная атака противника будет встречена только одним-двумя отрядами... Если же удержать значительную часть в резерве, то она не вступит в дело своевременно... Вообще в авиации выгода оказывается на стороне наступающего.

Резюмируя изложенное, можно притти к заключению, что, **совершая наступательный маневр, недостаточно стремиться лишь к быстроте действий своего собственного оперативного орудия, но надо уменьшить быстроту действий противника мощными действиями авиации против его сообщений,** после того как она насколько возможно ослабит, а затем нейтрализует авиацию противника с целью помешать противнику атаковать наши собственные сообщения **и** оказать противодействие нашей бомбардировочной авиации.

IV. МАТЕРИАЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ

Внезапность, достигаемая одной быстротой без достаточных сил, не может дать надолго больших результатов и как правило не приводит к решению.

Для успеха необходима материальная мощность атаки. Она осуществляется оборудованием тыла **для питания соединений, ведущих бой.** Это оборудование предполагает мощную систему около 20 км в глубину, передовые элементы которой находятся не ближе 20 км и не далее 60 км от фронта, **если** не имеется в распоряжении значительных автотранспортных средств [1].

Эти элементы для армии: 6—8 станций для боеприпасов и столько же

[1] См. в этом же выпуске «Военного зарубежника» статью Альборта «Соображения об организации тыла и снабжения армии». — **Ред.**

для продовольствия, инженерного имущества и пр. Современная армия для быстрого и непрерывного маневрирования **нуждается не в линии коммуникаций, но в базе снабжения и в целой сети коммуникаций,** ширина и источники которой пропорциональны фронту действий.

Организация снабжения на этой базе или оборудование тыла требуют значительной затраты времени. Считают в среднем 4—5 дней для случайного оборудования, 10—12 дней для упрощенной организации и 15—20 дней для полной организации.

Таким образом наступающий **не может реализовать своей материальной мощи, иначе как через несколько дней, если не через несколько недель.**

Ныне эта потеря времени может быть уменьшена широким использованием **автотранспорта,** который позволяет **распространить тылы на двойную глубину.** Наступающая армия, двигаясь вперед, может более продолжительное время снабжаться из уже организованных тылов, пока новые органы снабжения будут устанавливаться на оси движения.

Но нужно учитывать другой фактор, действующий в противоположном направлении: **развитие воздушных сил и их могущество разрушения.** Выше было указано, как воздушные силы могут атаковать коммуникационные линии... Органы снабжения на этих линиях могут быть также атакованы: об'екты атаки таким образом удвоятся.

Придется рассредоточивать органы снабжения, но это поведет к увеличению сроков установки и к размножению тыловых органов.

В итоге **если развитие автотранспорта уменьшает сроки оборудования тыла и делает его более упругим, то развитие воздушных сил затрудняет функции снабжения.**

Таким образом можно думать, что одно компенсируется другим и что тылы армий останутся еще и завтра тяжелым ограничением для нормального развития стратегического маневра. Кроме того, будучи заметны, **они рискуют раскрыть проекты командования.**

Что касается воздушных сил, то для них остаются те же условия обеспечения материальной мощности, как и в случае их применения для сохранения быстроты маневра. **Нужна мощная бомбардировочная авиация и высококвалифицированная истребительная авиация.**

V. РАЗВИТИЕ УСПЕХА

Последняя война на западном фронте показала, что развитие успеха было почти невозможно. По всей вероятности она еще и завтра останется чрезвычайно затруднительной.

При наличии свободного пространства, как после нашей (французской) победы на Марне, **маневр по своей форме будет стремиться к охвату открытого фланга противника, в особенности к достижению его сообщений.**

Каким способом? **Быстротой маневра, превосходящей быстроту маневра противника.**

Следовательно этот маневр будет возложен на **резерв,** составленный из очень подвижных частей: авиации, конницы, возимой и тракторной артиллерии, самокатных частей, бронемашин, автотранспортных частей... Принято говорить: если в 1914 г. после победы на Марне мы имели бы автомобильные колонны, которыми мы располагали в 1918 г., то охватывающий маневр к северу от Уазы был бы более действительным. Но этого не могло бы случиться, если бы и противник располагал такими же средствами...

Это предположение показывает, что **действительность развития успеха требует не только быстроты маневра, но еще и ослепления противника** посредством господства в воздухе и замедления его противодействующего маневра... Сперва действиями одной авиации, а затем, как только станет возможным, авиацией совместно с наземными бронированными машинами.

При отсутствии свободного пространства, как это было в минувшую войну с ноября 1914 г. на западном фронте, развитие прорыва не будет полным, если не помешать окончательно противнику восстановить непрерывность своей линии сопротивления и таким способом прикрыть свои **базы снабжения.** В этом случае также **недостаточно двигаться быстро: надо двигаться быстрее противника.** А потому и в этом случае развитие успеха будет зависеть от ослепления противника и замедления его противодействий.

В конце концов именно воздушная армия сделается завтра армией развития успеха, если она будет достаточно многочисленной и мощной...

В минувшую войну каждый из противников вновь устраивался после неудачи посредством перерыва сражения и отхода или посредством оборонительного боя.

Создавая или собирая новые резервы, командование выигрывало необходимое время не только отходом или оборонительным боем, но также и непосредственным разрушением.

Полное восстановление разрушенных путей сообщений требует в 10 раз больше людей, в 100 раз больше материалов и времени, чем все это необходимо для выполнения разрушений.

Конец войны в 1918 г. показал, что армии, потерпевшие поражения, были уверены, что остановят противника, если им удавалось не оставлять за собой ни одной пригодной железной дороги на глубине 100 км.

Но выполнение плана организованного разрушения требует времени, которое может быть значительно сокращено широким использованием воздушной связи и перебрасыванием разрушающих отрядов на автомобилях и самокатах.

Можно легко себе представить, насколько действительность разрушения может быть усилена авиацией, которая будет сбрасывать бомбы с ОВ и производить немедленное заражение ипритом.

В итоге развитие успеха будет возможно лишь при условии. если нападающий помешает противнику производить разрушения, бомбардировку или заражение с воздуха и кроме того понизит его материальную устойчивость. Лучшим орудием для этого неоспоримо будет мощная авиация.

VI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Условия, необходимые для достижения стратегической внезапности и следовательно **решительных результатов, будут** завтра (т. е. в ближайшем будущем) **редко осуществлены орудием наземной войны.**

Но, как мы видели в первой части статьи, два новых рода оружия могут по своей быстроте снова сделать возможным то и другое. Это быстроходные танки или бронемашины и самолеты.

Но эти роды оружия одинаково дороги, и их нельзя было бы иметь в большом количестве уже в мирное время. Государство, которое захотело бы вести войну, примет меры к их тайному производству большими сериями, прежде чем сделать задуманное об'явление войны. Большая опасность для такого мирного государства, как Франция (?!—**Ред.**)

Но будет ли простираться финансовое напряжение на оба эти оружия (т. е. на танки и ВВС)?

Танки усиливают наступательную мощность лишь сухопутной армии. Самолеты усиливают наступательную мощность как сухопутной, так и воздушной армии.

Какое развитие дать соответственно наземным моторизованным и бронированным силам и воздушным силам — это капитальный вопрос, который и должна решить страна, т. е. сперва ее высшие военачальники, потом правительство.

Поэтому мы должны после изучения наступательной мощи наземного орудия войны изучить специально наступательную мощь воздушных сил, что и составит предмет третьей части настоящей статьи.

В заключение запомним несколько основных положений для применения воздушных сил в связи с сухопутными для достижения стратегической внезапности.

Чтобы удовлетворить каждому из условий. необходимых для внезапности, нужно стремиться **к господству в воздухе.**

Это господство может быть достигнуто лишь наиболее резким применением принципа сосредоточения и экономии сил, которое выражается:

в области **организации и вооружения:** уменьшением до минимума различных видов специальной и приданной авиации и развитием до максимума массовой авиации, способной создать факторы внезапности; снабжением этой авиации материальной частью, способной выполнить наиболее трудную задачу; уменьшением до минимума штатного (органического) распределения авиации и развитием до максимума общих резервов и устранения разделения

авиации на авиацию армий (сухопутной и морской) и авиацию территории;

в области маневра: уменьшением до минимума воздушных сил на второстепенных направлениях и сосредоточением их до максимума на главном направлении; возложением по возможности **последовательных,** а не **одновременных** задач и притом лишь главных и применением массы сил для наиболее неотложной и наиболее важной задачи, и **только для нее одной.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РОЛЬ ВОЗДУШНЫХ СИЛ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

Имеют ли воздушные силы лучшее применение в атаке, чем в обороне?

Достаточна ли их наступательная мощность для достижения решительных результатов против сухопутных армий или против моральных и материальных сил неприятельской страны? Приведет ли развитие воздушных сил к созданию настоящей воздушной армии, которая по своему значению сравняется с морской и наземной армиями? Изменит ли эта армия ведение войны и способы высшего командования воздушными силами?

Таковы вопросы, на которые хотелось бы дать ответ в последующем изложении.

I

I. НАСТУПАТЕЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ВОЗДУШНЫХ МАШИН И ПРОГРЕСС В ИХ ВООРУЖЕНИИ

1. Относительная действительность воздушных машин в атаке и в обороне

Превосходство материальной части имеет **в воздухе** решающее значение, ибо тому, кто подвергается ее воздействию, очень трудно или невозможно его ослабить, например скрывшись от наблюдения или воспользовавшись укрытием, как на земле. Превосходство материальной части ВВС растет с прогрессом вооружения, а прогресс вооружения в свою очередь растет быстро и непрерывно, как показывают:

возрастание скорости, возможной высоты под'ема, дальности полета, полезного веса нагрузки;

возрастание мощности бортового вооружения и его снарядов;

усовершенствование навигации во всякое время, пилотаж по приборам, без внешнего наблюдения, облегченные условия для использования ночной темноты и облачности для незаметных полетов над территорией противника;

защита самолетов броней;

автоматический пуск мотора на полете, что дает возможность моментально применить бесшумный полет, и т. п.

Если учесть применение зажигательных и химических бомб повышенного действия, то окажется, что мощность авиации возросла заметнее, чем мощность артиллерии...

В минувшую войну наступательная мощь дневной бомбардировочной авиации была слаба по той причине, что одноместные истребители обороны легко брали перевес над бомбардировочной авиацией атаки, располагавшей двухместными самолетами с большими мертвыми углами; в то же время своя истребительная авиация не могла обеспечить свободы действий бомбардировочной авиации на достаточную глубину за линией фронта...

Ныне условия изменились.

Хотя противовоздушная оборона усовершенствовалась с 1917—1918 гг., но личный состав ПВО менее обучен, средства менее многочисленны. Ночные истребители не существуют или их мало. Дневные истребители более многочисленны, но их будет недостаточно для самых неотложных задач... Правда большое значение имеет не столько численность, сколько перевес материальной части и вооружения истребителей над теми же данными бомбардировщиков... Но этот перевес слабее, чем был во время войны. К тому же в первые недели войны авиаторы истребителей высшего класса будут немногочисленны по недостатку опыта.

Завтра, т. е. в ближайшем будущем, ПВО усовершенствуется, но самолеты, предназначенные для глубокого вторжения, также будут усовершенствованы.

Для **дневных** операций важнейший вопрос — сохранит ли одноместный истребитель свое превосходство над самолетами разведывательной и бомбардиро-

вочной авиации. Одноместный истребитель опасен своей поворотливостью и скоростью; с другой стороны двухместные разведывательные и бомбардировочные самолеты имеют большие мертвые углы.

Представляется однако вероятным, что преимущества одноместного истребителя ослабнут, как только наступательные самолеты сделаются многоместными. Они позволят создать в опасных направлениях плотность огня превосходящую огонь одноместного самолета, давая возможность нескольким стрелкам сосредоточивать свой огонь. Места расположения стрелков будут при этом все более совершенствоваться, создавая им защиту от ветра и возможность очень быстро дать своему оружию желаемое направление...

Наконец многоместные самолеты, располагая большой полезной нагрузкой, могут быть снабжены броней, которая прикроет от пуль сперва экипаж, а затем быть может также и наиболее чувствительные части самолета.

Многоместные самолеты уже существуют в нескольких экземплярах, и нет основания сомневаться, что... в ближайшем будущем авиация будет иметь днем более значительную наступательную силу.

Действия этих многоместных самолетов, уже получивших заранее наименование «воздушных крейсеров», встретят без сомнения противодействие со стороны самолетов такого же типа, обладающих — в пределах возможности — еще большей скоростью и еще более сильным вооружением, которые назовут «воздушными контркрейсерами».

В этих контркрейсерах все будет принесено в жертву скорости движения и наступательному оружию, т. е. пушке, стреляющей по оси самолетов, для которой он будет служить лафетом. Но контркрейсер будет иметь слабые места по причине большой неточности вообще стрельбы в воздухе и трудности стрельбы из пушки для пилота. С одной стороны нельзя будет, казалось бы, вести действительный огонь с большого расстояния, с другой стороны, имея в виду, что огонь может быть действителен только при известном положении самолета, будет трудно вести огневой бой против нескольких самолетов сразу, тогда как сгруппированные крейсеры будут в состоянии сосредоточивать свой огонь по наиболее угрожающим контркрейсерам. К тому же крейсеры могут быть сами поддержаны своими контркрейсерами. На это могут заметить, что контркрейсеры обороны будут иметь большую наступательную способность, чем контркрейсеры сопровождения атаки, так как они будут нести на себе меньший запас горючего. Но это верно лишь для очень глубоких крейсерских экспедиций, к тому же разница не будет чувствительной.

Для ночных операций уже строят ночные бомбардировщики, скорость которых повидимому должна приблизиться к скорости истребителей. Они смогут действовать группами, сосредоточивая свой огонь или в колоннах по одному, причем каждый позади следующий может прикрывать своим огнем впереди идущий самолет. Они смогут поднять более значительный груз бомб и будут иметь более значительный радиус действий, вынуждая оборону к большей разброске ее средств.

В общем можно думать, что глубокие дневные налеты войдут в практику в первые недели войны, хотя и могут сопровождаться значительными потерями для исполнителей. Таким же глубоким налетам против чувствительных пунктов территории большей частью также нельзя будет помешать, хотя надо иметь в виду, что эти налеты могут быть затруднены и будут соединены с серьезными потерями при нападениях на такие пункты, где будут сосредоточены значительные оборонительные средства.

2. Относительная действительность воздушных сил в наступлении и обороне

Авиация действует в трех измерениях. Будучи обращена против земных целей, она действует не в тесной зоне, но над поверхностью, которая может распространиться на всю территорию противника. Неизвестность для обороны места и времени воздушной атаки имеет еще большее значение, чем в случае атаки наземных сил; можно сказать, что она возрастает в таком отношении, в каком определённая длина относится к величине своего квадрата.

Оборона вынуждена разбрасывать свои силы «a priori» в зависимости от степени

подвижности и радиуса действий воздушных сил противника... Во всех случаях воздушные силы обороны встретят серьезные затруднения, если не полную невозможность произвести контратаку в выгодный момент, не оказавшись в меньшинстве...

В противоположность наземным условиям оборона в воздухе не может воспользоваться ничем, кроме наземной обороны, чтобы остановить наступление: никакими естественными или искусственными препятствиями. Некоторые неблагоприятные атмосферные условия, например на $^{3}/_{4}$ или $^{9}/_{10}$ закрытое облаками небо, будут ныне (благодаря пилотажу без внешнего наблюдения) часто обстоятельством благоприятным для атаки. В ясную погоду бомбардировщики будут вести массовую атаку, в облачную погоду — действовать в одиночку, как подводные лодки...

Помощь воздушной обороне со стороны наземной ПВО может быть значительна, если последняя достаточно многочисленна, как это было например в 1918 г. вокруг Парижа...

Поэтому иметь сосредоточенными в одном районе многочисленные об'екты для бомбардировки быть может вовсе не так невыгодно, как это вообще думают...

Но кроме как для защиты достаточно важных об'ектов комбинация воздушных сил с прикованными к земле наземными силами не может быть плодотворной.

Можно принять, что во Франции найдется десятка три жизненно важных пунктов, которые безусловно нужно защищать от воздушных атак. Но предположим одну очень мощную воздушную машину на стороне нашего вероятного противника. И тогда окажется, что нужно 30 орудий соответствующей обороны, чтобы противопоставить их одной машине противника. К тому же эта соответствующая оборона окажется без сомнения частично бездействующей, если атака будет произведена несколькими самолетами одновременно.

3. Внезапность действия воздушных сил — техническая и органическая

Наступление, т. е. инициатива операций, выявляет всю мощность воздушных сил. Инициатива в ведении войны обеспечивает прирост этой мощности, поднимая качество воздушных сил и умножая их количество.

Воздушные силы действительно особенно пригодны к тому, чтобы создать внезапность: **техническую** — применением материальной части, мощность которой противник недостаточно хорошо знал или оценивал, и **органическую** — введением в дело количества единиц, превышающего расчеты противника.

Техническая внезапность

Авиация больше, чем другие роды оружия, пригодна к применению новых машин, неизвестных в других странах. Она пригодна к быстрому и секретному улучшению боевой материальной части накануне конфликта. Наконец она позволяет неожиданное применение новой тактики, рационально обоснованной новой материальной частью.

В такой новой области, как авиация, прогресс материальной части может внезапно возрасти. Поэтому борьба за улучшение средств нападения и защиты в области авиации представляется иначе, чем в других областях, например в борьбе пушки с броней.

Можно заранее предвидеть общее направление прогресса, который может быть реализован в пушке; известно «a priori», как улучшить броню. Но в авиации улучшения, которые надо предвидеть, так многочисленны, разнообразны и неограниченны, что очень трудно практически приготовиться к их отражению. Так ночной истребитель был пущен в ход во время войны только через 2 года после появления ночного бомбардировщика.

Вспомним Берту [1].

Подобное оружие было настолько неожиданно, что специалисты артиллерии сперва не верили, что снаряды Берты, падавшие в Париж, могли быть выброшены из пушки...

Предположим, что противник построит машину, которая по своему вооружению, по своей броне или по своей скорости или иным способом сделает негодными все существующие средства защиты. Она сделается царицей про-

---

[1] Сверхмощная пушка, из которой немцы в 1918 г. пробовали бомбардировать Париж.—Ред.

странства. При этом она посеет панику не только в Париже, как Берта, но во всей стране.

Если наши враги подготовляют в тайне войну без об'явления, то они постараются обеспечить своей авиации выгоды превосходства материальной части.

Действительно авиация изобретена еще очень недавно, и наука, равно как и машинная индустрия, еще очень далека от того, чтобы реализовать в этой области такой успех, по достижении которого человеческая изобретательность будет прогрессировать уже медленно, обозначая горизонтальную ступень на кривой прогресса.

Технические учреждения и бюро испытаний подготовят в минимальный срок наилучшие прототипы уже построенных или находящихся в постройке самолетов. Они подготовят все, чтобы сразу пустить в ход серийное производство материальной части.

Но техническая внезапность может принять также и другую форму — применение новых тактических приемов, допускаемых лучшим использованием материальной части. «Надо менять тактику каждые 10 лет», — говорил Наполеон. Однако этот период должен быть значительно сокращен для авиации, материальная часть которой так быстро эволюционирует. В то же время известно, как трудно в мирное время с точностью определить результаты, которых можно ожидать от материальной части, когда нельзя в этом отношении основываться на опыте войны. Между тем материальная часть военной авиации каждый день все заметнее отличается от той, которая была в последнюю войну.

Чтобы установить воздушную тактику и поддерживать ее на уровне постоянной эволюции материальной части, необходимы «центры исследований и технических испытаний», которые и заменят, насколько возможно, опыт войны. Страна, которая будет методически подготовлять войну, создаст такие центры, прежде чем об'явит войну. Таким образом тактика в начале операции... будет до известной степени неожиданной и создаст в свою очередь внезапность.

Органическая внезапность

«Побеждают большие батальоны», — говорил Наполеон. Другими словами победу дает численное превосходство. При всем значении в авиации качества она не сможет уклоняться из-под действия этого закона.

Во всех странах воздушная армия в мирное время численно слаба по той причине, что ее материальная часть дорога, не долго держится и быстро устаревает.

С другой стороны достаточно нескольких месяцев, чтобы развить постройку самолетов и моторов большими сериями. Через несколько месяцев после пуска в ход военной промышленности некоторые страны будут изготовлять ежемесячно тысячи самолетов.

Если наши возможные противники подготовят войну в тайне, но решительно и пустят в ход свою военную промышленность за несколько месяцев перед об'явлением войны, они смогут выбросить на фронт гораздо большее количество самолетов, чем мы ожидаем. Интенсификация производства будет без сомнения через несколько времени замечена, но значительный аванс будет уже реализован.

Ни для одного оружия, за исключением быть может танков, нет возможности создать подобного аванса. Чтобы в этом убедиться, достаточно сравнить число винтовок, пулеметов и пушек с одной стороны и число самолетов — с другой, которые нужно было бы произвести ранее об'явления войны, чтобы например удвоить количество того и другого оружия на службе и в резерве.

Быть может для производства танков будут такие же условия, как для производства самолетов. Но для наших противников удвоение числа самолетов выгоднее, чем удвоение числа танков. Немцы в 1918 г. не имели танков и были довольно близки к решительным успехам. Могли ли бы они достигнуть таких же успехов, если бы у них были танки, но совсем не было бы авиации? Нельзя атаковать, а тем более побеждать, будучи слепым.

К тому же техническая и органическая внезапность наступают вместе. Материальная часть, произведенная поспешно

накануне об'явления войны, будет именно наиболее новой и наиболее высокого качества.

Вероятность технической и органической внезапности со стороны неприятельских воздушных сил составляет грозную опасность для такой страны, как Франция, которая, несмотря на свои мирные намерения, постоянно находится под угрозой войны (?! — **Ред.**). Эта вероятность и обязывает создать «a priori» воздушную армию.

II. МОЖЕТ ЛИ НАПАДЕНИЕ ВОЗДУШНЫХ СИЛ ИМЕТЬ РЕШИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ?

Эти нападения могут производиться:

1) против воздушных сил противника;

2) против его армий на земле;

3) против чувствительных пунктов в стране противника.

1. Нападение на воздушные силы

Результаты воздушных операций могут быть весьма разнообразны в зависимости от об'ектов, атмосферных условий, оказанного сопротивления и пр.

а) Уничтожение противника в воздухе

Опыт войны доказывает, что нельзя принудить противника к воздушному бою. Представляется бесспорным, что атака некоторых очень чувствительных пунктов вынуждает оборону к их защите, но оборона не примет воздушного боя, пока не соберет для этого достаточных сил.

На деле не удается уничтожить авиацию противника в воздушном бою; можно лишь причинить ей тяжелые потери и приобрести над ней ярко выраженное моральное превосходство.

Под Верденом весной 1916 г. немцы превосходством материальной части, сосредоточением превосходных сил и благодаря выгодной форме фронта приобрели над нами (французами) значительный моральный перевес в такой степени, что их самолеты могли свободно двигаться, тогда как французские воздушные силы были вынуждены держаться оборонительного образа действий.

Такая же обстановка, но в перевернутом виде, по тем же причинам сложилась в сражении на Сомме несколько месяцев позднее. Поучение, которое нам дает последняя война, сводится к тому, что **«воздушное сражение не дает способа уничтожения противника, но позволяет подавить его морально и даже нейтрализовать»**.

Представляется однако вероятным, что завтра (в ближайшем будущем) воздушное сражение сделается более решительным.

Поскольку наступательная мощь воздушных сил возрастает, повторные удары, наносимые ее налетами, будут настолько чувствительны для страны, которая их испытает, что она не позволит своей авиации выжидать или укрываться... Сильные атаки против чувствительных мест принудят обороняющегося принять бой. И в конце концов все возрастающие потери как с одной, так и с другой стороны приведут к настоящему решению как материального, так и морального порядка.

б) Уничтожение противника на земле

Воздушные силы обороняющегося могут уклониться от боя... Но будут ли они укрыты от атак противника на земле, в своих базах? Могут ли они, подобно другим силам на земле, скрыться от взоров и нападений, могут ли рассредоточиться, расчлениться, сделаться менее уязвимыми?

Это трудно сегодня и останется довольно трудным также и завтра.

Воздушные соединения могут использовать только оборудованную местность, и если верно, что число воздушных баз каждый день увеличивается, то не менее верно, что число это еще на некоторое время останется весьма ограниченным...

Можно предвидеть, что авиационные базы смогут защититься от атак противника, скрываясь под облаками дыма, но это еще не представляется легко применимым оборонительным средством и к тому же образуемые таким способом искусственные прикрытия быть может не окажутся действительными.

Некоторые воображают, что авиабазы будут когда-нибудь укрыты под землей. Это возможно, но во всяком случае еще не скоро.

В итоге до тех пор, пока самолеты будут требовать посадочных площадок, достаточно обширных и вызывающих продолжительную подготовку, до тех пор авиация будет уязвима для атак с воздуха.

Надо однако иметь в виду, что бомбардировочная авиация именно требует просторных площадок и даже специального их оборудования, тогда как разведывательная и истребительная авиация может довольствоваться участками местности с менее продолжительной подготовкой. Отсюда следует, что бомбардировочная авиация будет связана с немногими аэродромами и будет поэтому более уязвима, чем разведывательная и истребительная авиация, которая может шире распространяться и потому лучше укрыться от воздушных нападений.

Чтобы достигнуть той же цели бомбардировочная авиация будет требовать сооружения: с одной стороны наземных сильно защищенных баз, специально приспособленных для работы, укрытия и маскировки самолетов и расположенных достаточно далеко от линии фронта; с другой стороны посадочных площадок без слишком заметного оборудования, расположенных поблизости от линии фронта и достаточно многочисленных.

Но такая организация территории вызовет большие расходы, обширные работы и из'ятия из культурного использования обширных участков местности.

В итоге еще надолго представляется вероятным, что если один из двух противников будет располагать бомбардировочной авиацией, абсолютно очень мощной и определенно более мощной в относительном выражении, то он может нанести тяжелые потери авиации противника и нейтрализовать ее, а затем употребить все более и более сильные средства против различных целей, которые он будет стремиться разрушить или нейтрализовать.

Установление этого факта, раскрывающего условия достижения **решительного результата в борьбе с авиацией противника**, имеет **капитальное значение**, так как **авиация — единственное оружие, которое может это сделать...**

в) Сражение в воздухе будет предшествовать сражению на земле

Трудно представить себе победу на земле в предположении приблизительного равенства мобилизованных сил, без очень определенно выраженного господства в воздухе, ибо при недостатке такового невозможно направлять, проводить и развивать наступление, предупреждать противодействие противника и эксплоатировать успех.

Поэтому **в начале войны ничто не имеет такой важности, как завоевание господства в воздухе.**

Если верно, что авиация уязвима в своих аэродромах, складах, мастерских, то все они представляют настолько чувствительные цели, что атака против них неизбежно вызовет непосредственное противодействие и следовательно борьбу воздушных сил на земле и в воздухе. Таким образом атака авиации получит вдвойне решающее значение.

Итак **в начале войны вероятно будет иметь место борьба двух авиаций,** одной против другой. При неравенстве сил это неравенство будет быстро возрастать, и более сильная из двух авиаций завоюет достаточно большую свободу действий и сильно увеличит свое наступательное могущество, и без того значительное.

Спрашивается: как использовать достигнутую таким образом наступательную мощь авиации? Нападая на территорию противника или участвуя непосредственно или косвенно в сражении на земле?

2. Нападение на сухопутные армии

Когда начнутся операции на земле, авиация уже пустит в ход свои силы, чтобы уничтожить или по возможности ослабить авиацию противника, увеличивая свое собственное наступательное могущество.

Если поэтому в этот период параллельно она не проявит участия в пользу наземных операций, то она нарушит вечный (?! — **Ред.**) принцип войны: раз сражение начато, надо развернуть и сосредоточить все наличные силы, чтобы его выиграть.

Каковы бы ни были результаты, которых можно было бы достигнуть самостоятельными действиями авиации, не в этот момент, казалось бы, надо их пробовать. Воздушная армия может дать помощь сухопутной армии, тогда как эта последняя не в состоянии поддержать действия самостоятельной авиации. Это уже сильный довод. Кроме того можно ли допустить, что главная опе-

рация будет развиваться воздушной армией из двух, трех или четырех дивизий, на содержание которых ежегодно затрачивается около 2 млрд., а не сухопутной армией, ежегодный бюджет которой достигает 7 или 8 млрд.? Это было бы нелогично, поскольку мы сохраним политику национальной обороны сегодняшнего дня, которая быть может будет еще и политикой завтрашнего дня.

Как известно, фундамент маневра современных армий образует система коммуникаций и тыловых органов, которые к ней относятся. Поэтому атаки авиации могут оказать наибольшее воздействие именно против коммуникаций и здесь получить наибольшую производительность. Будучи менее обширны и менее уязвимы, чем некоторые другие об'екты на территории противника, они тем не менее очень уязвимы.

Это будут железные дороги, большие станции, искусственные сооружения и большие магазины.

Действие на коммуникации будет наиболее продуктивным с момента об'явления войны, в первый, второй и третий дни, когда эти коммуникации не будут охраняемы или будут плохо охраняемы, если это не было сделано в период напряженной политической обстановки; будет трудно демобилизовать для этой надобности 20 000—25 000 человек. Итальянцы считают, что им нужно 80 000 человек для противовоздушной охраны их территории.

Воздействие будет еще сильнее, если нападение будет произведено одновременно с об'явлением войны или еще раньше...

Подходящей доктриной в этом случае будет применение принципа массового действия: для этой задачи будет пущена в ход вся авиация, способная принять участие. Коммуникации противника будут атакованы на всем протяжении его территории: одни самолеты будут переносить отряды, на которые будут возложены разрушение искусственных сооружений, организация крушений поездов при входах в тоннели и т. п.; другие самолеты, крупные и малые, действуя систематически небольшими группами или поодиночке, будут выполнять подобные же задачи, атакуя те же об'екты бомбами, огнем из пушек или пулеметов... Если представить себе, что 300 самолетов большой грузопод'емности и столько же самолетов средней грузопод'емности будут заняты исполнением этих задач в первую же ночь, при открытии военных действий, когда система защиты железных дорог еще не будет налажена, то позволительно допустить, что сеть путей сообщений будет сильно повреждена на несколько недель и даже месяцев. В течение последующих 36 или 48 часов будет преследоваться та же цель с еще более значительными результатами. В этот момент авиация на стороне обороняющегося усилится и атака со всей энергией обрушится против нее, но после достаточно разрушительных результатов она направит снова свои действия против путей сообщений. Это совпадет с моментом полного напряжения перевозок по сосредоточению... Эти атаки, производимые на основании сведений, получаемых от агентуры (на земле) или от воздушной разведки, будут поддерживаться либо десантами (для разрушений) либо, в зависимости от обстоятельств, сомкнутыми группами или мелкими группами самолетов с целью разрушения или нейтрализации.

Известно, что в этот момент малейшее нарушение, сколько-нибудь важное, функционирования железнодорожной сети будет дезорганизовать работу транспорта и может вызвать настоящие катастрофы.

При этом не представится возможности эшелонировать транспорт во времени, не ослабляя прочности прикрытия (сосредоточения), которое, как известно, лишь с риском поддерживается при коротких сроках службы. Еще менее возможным будет расширение транспорта в стороны, так как все линии будут заняты.

Поэтому страна сможет лишь с трудом и с большими потерями отразить опасность, угрожающую ей со стороны противника, располагающего мощным воздушным флотом, в превосходящих силах, способным значительно замедлить мобилизацию и сосредоточение ее армий и добиться тем временем решительных результатов против ее прикрытия сосредоточения.

Таким же способом авиация может применяться в конце сосредоточения или во время операций, в особенности если

2

противник будет вынужден вносить стратегические (оперативные) поправки, как это пришлось сделать (французским армиям) в 1914 г., сперва, чтобы протянуть фронт к стороне Бельгии за счет сил, снятых с востока, а затем — собрать маневренную массу кругом Парижа накануне сражения на Марне. Если в этот момент пропускная способность железных дорог будет уменьшена под действием воздушных атак противника, то перевозки могут быть эшелонированы во времени и расширены в стороны с меньшими затруднениями, чем в начале войны, но при этом все же произойдет более или менее значительная потеря времени. Время, выигранное атакой, выразится в численном превосходстве.

Если воздушное нападение, прежде чем наступит стабилизация фронтов, соединится с достаточно быстрым наступлением на земле при помощи интенсивных перевозок по железной дороге и на автомобилях, прикрытых сильной истребительной авиацией, а также при помощи бронированных машин, которые ослабят задерживающую и оборонительную силу современного оружия, то не представляется невозможным достижение решительных результатов. Однако мы видели, какими сложными действиями на земле и на небе можно этого достигнуть.

3. Против чувствительных пунктов страны противника

Представляется неоспоримым, что наибольшей своей производительности авиация может достигнуть, атакуя территорию противника. Она найдет здесь чрезвычайно чувствительные и уязвимые цели: большие станции, обширные склады, значительные заводы и целые рабочие центры и большие города. Эти об'екты представляют обширные поверхности, в которые легко попасть независимо от того, с какой высоты производится бомбардировка. Нападения могут производиться ночью и даже в облачную погоду... Группы самолетов могут направляться посредством радио с достаточной точностью против таких центров, как Париж, Лион, Марсель и т. п. С применением бомб, заряженных не только взрывчатыми, но и отравляющими веществами, а тем более зажигательных бомб материальные разрушения и деморализация примут тем более значительные размеры, чем обширнее и вместе с тем чем гуще населены центры, которые будут намечены.

Представляется неопровержимым, что, применяя авиацию для атаки таких пунктов, можно извлечь из нее наибольшую производительность с наиболее важными результатами.

Мы не будем стараться представить себе эти результаты. Их слишком трудно определить. Можно сказать, что они неисчислимы, так как в мирное время невозможно в достаточной мере исследование экспериментальным путем, каковы могут быть эти разрушения...

Мы не будем также пытаться описывать эти разрушения... Это будет похоже на роман, да и к тому же это было уже не один раз сделано. Достаточно признания, что аэрохимическое оружие, примененное для разрушения политических, экономических, социальных органов страны, так же как и ее военных органов, способно причинить громадные убытки и моральные потрясения, которые могут иметь своим последствием общую панику, внутренний беспорядок и желание в некоторой части населения поскорее покончить с войной. Нельзя сказать, чтобы этим способом, если он хорошо подготовлен, не мог быть достигнут решительный результат, прежде чем вступят в дело сухопутные армии.

Вот почему ныне многие призывают к применению возможно большего количества авиации против территории противника с началом военных действий.

Однако если принять этот тезис, то пришлось бы радикально изменить всю систему нашей национальной обороны и сделать из воздушной армии столь же сильное орудие войны, каким представляется сухопутная армия.

Благоразумнее признать, что такое радикальное изменение нашей системы национальной обороны не совершится сразу и будет происходить постепенно, по мере того как будет признаваться целесообразным, чтобы это произошло.

Но до тех пор, пока сухопутная армия будет оставаться гораздо более важной силой и притом такой, на которую страна жертвует большую часть кредитов, ассигнованных на ее обеспечение,

до тех пор, думаем мы, следует пытаться достигнуть решительного результата сухопутной армией [1], применяя ей на пользу воздушную армию (так же, как и морскую армию) в воздушных операциях, имеющих в виду достигнуть результатов немедленно или по истечении более или менее продолжительного срока.

Но вскоре будет видно, может ли или не может решение быть достигнуто сухопутной армией в течение долгого времени.

Учитывая возросшую быстроту развертывания сил, увеличение оборонительной мощности оружия, организацию пограничных полос с учетом уроков последней войны, представляется вероятным, что по истечении пяти-шести недель, если решение не будет достигнуто, сухопутные силы стабилизуются. С этого момента главным оружием сделается без сомнения авиация. Так думали и наши высшие военачальники в конце войны.

Отсюда возникает вопрос первейшей важности: можно ли иметь бомбардировочную авиацию, одинаково способную атаковать территорию противника, его авиацию на земле и сообщения его сухопутной армии?.. И будет ли бомбардировочная авиация, хорошо приспособленная к воздушным атакам территории противника, также хорошо пригодна для атаки об'ектов, представляемых тылами противника и системой сообщений его армий, а также обратно? Некоторые из об'ектов внутри территории противника будут более важны, более обширны, более густо расположены, более заметны и легче поражаемы. Но цели на тылах противника и в системе его сообщений будут такого же порядка, как например железные дороги, большие станции, магазины, депо и т. п., а иногда окажутся теми же самыми.

К тому же тылы армий будут становиться все глубже и глубже по мере роста емкости автомобильного транспорта. Цели, представляемые такими элементами, которые могут в случае необходимости передвигаться, будут стараться укрыться и рассредоточиться и будут поэтому менее уязвимы. Но будучи по необходимости приурочены к таким постоянным органам, как железные дороги, обыкновенные дороги и города, они тем не менее останутся серьезно уязвимыми.

Будет разумно применить такое простое правило: создадим орудие наиболее дееспособное, говоря себе, что кто может достигнуть большего, тот может достигнуть и меньшего. Будем иметь флот с большим радиусом действий и с большой грузопод'емностью, с хорошо обученным личным составом, способным управлять полетом и вести точную стрельбу, и этот флот будет одинаково способен вести борьбу с авиацией противника на его территории, действовать против его тылов, сообщений и стратегических резервов его армии и направлять удары против чувствительных пунктов его территории, до самого сердца страны.

Поэтому все должно быть согласно с тем, чтобы требовать такого воздушного флота, в состав которого должна войти большая часть наших воздушных соединений.

III. РАЗОВЬЮТСЯ ЛИ ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ В НАСТОЯЩУЮ ВОЗДУШНУЮ АРМИЮ, ГЛАВНУЮ ЧАСТЬ КОТОРОЙ СОСТАВИТ ТАК НАЗЫВАЕМАЯ БОМБАРДИРОВОЧНАЯ АВИАЦИЯ?

Так называемая бомбардировочная авиация, которую точнее будет называть линейной (боевой) авиацией, составит повидимому наибольшую часть воздушных сил и настоящую воздушную армию.

Италия уже пошла на создание такой армии.

Франция должна будет без замедления пойти по тому же пути.

1. Бомбардировочная, или точнее линейная, авиация составит большую часть воздушных сил и настоящую воздушную армию

Авиация — дорогой род оружия... Страна неизбежно перенесет свои главные усилия на те воздушные силы, которые пригодны для наиболее **универсального употребления**, и таковыми являются именно силы так называемой бомбардировочной авиации.

Под авиацией универсального применения подразумевается такая, которая способна в равной мере:

вести разведку;

[1] Любопытный образчик буржуазной логики. — **Ред.**

2*

атаковать все наземные цели бомбами, огнем из пушки или пулемета или десантными отрядами;

успешно атаковать в воздухе все самолеты, обладающие такой же или меньшей скоростью движения.

Такие воздушные силы дадут важнейшее средство для достижения успеха в первых же битвах, которые пришлось бы дать главнокомандующему, пользуясь:

господством в воздухе;

сведениями о расположении противника;

свободой мобилизации, сосредоточения и маневра;

возможностью замедлить до известной степени мобилизацию. сосредоточение и маневры противника.

Те же воздушные силы дадут правительству наилучшее средство для противодействия атакам противника на чувствительные пункты территории.

Если фронты стабилизуются, то эти воздушные силы будут содействовать скорейшему окончанию войны.

Все государства несомненно придут к тому, чтобы каждый день увеличивать свою бомбардировочную авиацию, уменьшая напротив сухопутную и морскую армии.

Общественное мнение мира и правительства предчувствует, что государства будут вовлечены в это соревнование воздушных вооружений, и в Женеве уже поднят вопрос о запрещении бомбардировочной авиации и интернационализации гражданской авиации. Нельзя было бы привести лучшего доказательства важности бомбардировочной авиации в ряду орудий национальной обороны, как эта постановка вопроса.

Важность задач, выпадающих на долю истребительной авиации и разведывательной авиации, не противоречит тому, чтобы бомбардировочная авиация составила важнейшую часть воздушных сил.

Истребительная авиация выполняет задачу, имеющую большое значение как для армий. так и для территории, но она главным образом авиация оборонительная, и это обстоятельство уменьшает ее возможности.

Если истребительная авиация имеет задачу уничтожить или по крайней мере нейтрализовать авиацию противника, то, как мы знаем, бомбардировочная авиация может преследовать те же цели и с таким же успехом, атакуя эту авиацию в ее ангарах, базах, складах и мастерских. Таким образом бомбардировочная авиация не исключает истребительную, но позволяет уменьшить ее количество.

При том же в истребительной авиации преобладает значение качества личного состава и материальной части. Между тем численность настоящих летчиков-истребителей, особенно в начале военных действий, ограничена. Поэтому в мирное время лучше иметь больше летчиков, чем аппаратов, чтобы иметь возможность постоянного отбора.

Что же касается материальной части, то ее отличные качества безусловно необходимы. Но количество и качество представляют противоположные требования. Иметь в мирное время многочисленные самолеты-истребители как в первой линии (в боевой готовности), так и в резерве не представляет интереса, так как большое их количество увеличивает срок, к концу которого все они могут быть снабжены новой материальной частью, как скоро она будет одобрена; между тем вся принятая на службу материальная часть истребителей является лишь временной и переходной.

С другой стороны бомбардировочная авиация может быть усилена за счет разведывательной без того, чтобы командование армией оказалось от этого менее осведомленным.

Выше было уже указано, что бомбардировочная авиация должна рассматриваться как дополнительная к разведывательной и что она может в случае надобности послужить в качестве авиационного резерва для разведок большого масштаба. Она в состоянии выполнять разведку для армейских корпусов и для дальнобойной артиллерии, в том числе чаще для тяжелой артиллерии, с помощью квалифицированных наблюдателей. Можно возразить, что эта доктрина лишь редко находит применение на войне. Но будущая война не будет в точности походить на последнюю.

Мы получили бомбардировочную авиацию лишь во время траншейной войны. Разведывательная авиация была

уже достаточно многочисленной, когда действительно сложилась бомбардировочная авиация. Армейский корпус в наступлении обычно уже имел 3—4 эскадрильи разведывательной авиации, и не было надобности прибегать к бомбардировочной авиации, чтобы ее увеличивать.

Бомбардировочные самолеты были двухмоторными, а потому нельзя было раз'единять их персонал, между тем завтра (в будущем) это будут многоместные самолеты, на борт которых можно брать, не уменьшая их боевой способности, летчика-наблюдателя или наблюдателя другого рода оружия вместо бомбардировщика, если не в дополнение к нему.

Бомбардировщики далеко не имели той наступательной мощи, которую мы скоро узнаем.

Наконец как разведывательная, так и бомбардировочная авиация были необходимы одновременно для совместных действий, которые периодически повторялись. В будущем этого не случится по крайней мере в первые недели новой войны по той причине, что борьба воздушных сил за господство в воздухе и за свободу наземных коммуникаций будет предшествовать сражению на земле.

По этой последней причине будет правильно принять для авиации то, что предвидела довоенная доктрина для кавалерии: тогда полагали, что массы кавалерии будут предназначены встретиться впереди армий и что в результате этой встречи явится моральное и материальное превосходство одной кавалерии над другой. Нужно было быть численно возможно сильнее в момент встречи, а потому было установлено, чтобы бригады корпусной кавалерии усиливали к этому моменту дивизию самостоятельной кавалерии. Подобным же образом, как можно думать, общие резервы разведывательной авиации усилят дивизии автономной авиации до момента вступления в бой наземных армий.

А так как авиация в мирное время должна быть готова начать действия с первых часов мобилизации, то этот общий резерв разведывательной авиации будет уже в мирное время включен в дивизии бомбардировочной авиации, которые будут названы **линейными дивизиями**; с этими дивизиями он и будет действовать в начале войны.

2. Воздушные силы образуют настоящую воздушную армию

Для уточнения наших тезисов обратимся к цифрам.

Предположим, что в стране имеется:

150 эскадрилий;

20 армейских корпусов;

6 кавдивизий;

6 армий.

Распределение авиационных частей в этом случае будет иметь следующий вид:

а) Разведывательная авиация

Органическая (штатная) авиация крупных соединений должна быть ограничена до минимума, а именно:

1 эскадрилья на кавдивизию;

1 эскадрилья на армейский корпус;

1 эскадрилья на армию.

Резерв должен быть относительно сильный, а именно:

10 эскадрилий армейских корпусов,

10 эскадрилий армейских.

Итого 32 эскадрильи + 20 эскадрилий общего резерва.

Эти 20 эскадрилий общего резерва будут в мирное время включены в бомбардировочную авиацию и будут иметь такую же материальную часть, одинаково пригодную для задач как разведки, так и бомбардировки.

б) Истребительная авиация

Органическая авиация: 2 эскадрильи на армию.

Общий резерв: 20 эскадрилий (для дневных и ночных постов).

Организация — допускающая как значительное местное сосредоточение сил, так и расположение в глубину в зависимости от потребности.

Итого 32 эскадрильи.

в) Остальное — для линейной авиации

66 эскадрилий и сверх того еще 20 эскадрилий в начале войны и в промежутках между генеральными операциями сухопутных армий.

Итого 86 эскадрилий.

Если мы условились, что речь идет о стране, которая принимает на себя ини-

циативу об'явления войны, то она выставит в первую линию не 86 бомбардировочных эскадрилий, а более значительное количество, которое будет тем больше, чем раньше перед об'явлением войны она пустит в ход свое производство.

Такова настоящая воздушная армия, которая сформируется и откроет военные действия если не с нашей страной, то со стороны каждого из наших возможных противников.

Народы находятся в положении, обязывающем образовать мощную воздушную армию как с целью наступательной войны, так и на всякий случай для своей безопасности.

Одно из государств уже определенно пошло по этому пути — это Италия.

Во Франции распространено более или менее общее мнение, что Италия совершает ошибку, ограничивая до крайности свою так называемую авиацию взаимодействия с другими армиями и составляя из большей части своих воздушных соединений автономную воздушную армию. Думают также, что если такая идея организации воздушных сил годится для Италии, то она не пригодна для Франции.

По нашему мнению это суждение представляется слишком упрощенным для обоих случаев.

Рассмотрим сперва, как обстоит дело в Италии.

3. Италия уже создала для себя настоящий воздушный флот с практической целью

Не будем повторять старых доводов, основанных на географическом положении Италии, протяжении ее береговой линии и естественных особенностях ее границ. Посмотрим лишь, какое значение для политического баланса будет иметь означенная мощная воздушная авиация Италии в глазах например Германии, соображающей, какую помощь Италия может оказать в ее конфликте с Францией.

Что может сделать Италия против Франции со своей сухопутной армией на границе, образованной Альпами? Учитывая свойства местности и оборонительную силу современного вооружения, можно думать, что будет достаточно нескольких французских дивизий, чтобы сдержать тройное или четверное количество итальянских дивизий.

Воздушная армия Италии напротив, будучи мобилизована, может проникать на нашу территорию на 700—800 км от границы и сбрасывать значительный груз бомб, т. е. приблизительно 300—400 т в расстояни 300—400 км от границы.

Она имеет в виду в случае надобности воспрепятствовать высадке на берегах Средиземного моря наших африканских войск, перевозимых морем во Францию; разрушить наши порты, в особенности Марсель и Тулон, с коммерческими и военными судами, которые будут там находиться; частично нейтрализовать нашу эскадру в Средиземном море и потопить наши морские транспорты; перерезать наши магистральные железнодорожные пути на юго-востоке и востоке Франции, препятствуя нашей мобилизации и нашему сосредоточению в этой части французской территории; поддержать вероятное наступление германцев через Юру; наконец разрушить наиболее важные элементы нашего национального инвентаря до линии Везуль (западнее Бельфора) — Ле-Крезо — Лимож — Тулуза.

Вместе с тем итальянская воздушная армия протянет нашу границу по всему побережью Средиземного моря. Такое удлинение нашей границы, которая теперь будет тянуться от Арденн до Пиренеев, сделает бесконечно трудной нашу противовоздушную оборону против воздушных флотов Германии и Италии. Если французская авиация будет только равняться по своим силам с одной из двух авиаций противников, т. е. Германии или Италии, то нарушение равновесия быстро обозначится и воздушное нападение противника сможет если не довести войну до решительного конца одним своим воздействием, то по крайней мере серьезно его подготовить.

Рассмотрим, как обстоит дело во Франции.

4. Франция будет принуждена без замедления двинуться по тому же пути

Обычно говорят: «Проблема обороны Италии — это не проблема обороны Франции; то, что хорошо для нее, нехорошо для нас».

Разумеется обеспечение страны должно рассматриваться и обсуждаться об'ективно. Тем не менее представляется ясным, что причины, побуждающие Италию уделять большое внимание воздушным силам, должны в такой же мере побудить Францию к следованию по тому же пути.

Англия уже давно показывает нам, как нужно понимать обеспечение страны. В таких делах не следует рассчитывать на своих друзей: дружественные нам сегодня страны могут завтра сделаться нашими врагами.

Поэтому мы должны иметь в виду, что нашими возможными противниками могут быть две больших страны к востоку и юго-востоку от Франции.

Вполне очевидно, что мы не можем рассчитывать иметь все военные силы, равные соединенным силам этих стран. (?! — Ред.). Чтобы тем не менее достигнуть победы против превосходящих сил, нужно маневрировать; воздушная армия — это первая из маневренных армий. Эта первая маневренная армия должна была бы быть такой же силы, как армия обоих противников, так как они будут иметь возможность сочетать свои усилия, как-будто составляя одну армию.

Вот причина, одинаково важная как для нас, так и для Италии, чтобы иметь мощную воздушную армию.

Легко создать некоторые гипотезы конфликта, которые не представляют ничего невозможного.

Допустим, что Германия хочет возвратить «польский коридор». С поддержкой России она нападает на Польшу, которую поддерживают Чехо-Словакия и Франция. Германия держится оборонительно к стороне Франции, причем сильно укрепила правый берег Рейна в Эльзасе и всю пограничную полосу между Рейном и Люксембургом, где развернуты многочисленные части пограничной охраны и вновь сформированных дивизий. В то же время, прикрываясь со стороны Богемии, она переходит в наступление в общем направлении на Варшаву, будучи поддержана на севере литовской, а с востока русской армиями. Она рассчитывает после поражения польских армий повести концентрическое наступление в направлении на Прагу.

Поведут ли французские армии наступление в направлении Майнца? Если они это сделают, то атакуют противника в очень сильных укреплениях без больших возможностей для стратегического маневра. Оборона противника еще более облегчится, если наши армии будут стараться переправиться через Рейн, наступая из Эльзаса через Шварцвальд. Когда они начнут наступление? Лишь после срока, необходимого для мобилизации и сосредоточения наших средств.

Каких результатов они могут достигнуть? Нельзя сказать этого заранее, но следует предвидеть, что эти результаты могут вовсе не отличаться от тех, которые достигались в последней войне против окопавшегося и обеспеченного убежищами противника. В этом случае французские армии достигнут более или менее глубокого продвижения после нескольких дней усилий, ценой огромного расхода боевых припасов и очень значительных потерь; после этих усилий они должны будут остановиться на достаточно продолжительный срок, прежде чем возобновят общие атаки.

Остановит ли это французское наступление на Майнц или в Эльзасе немецкое наступление против Польши или против Богемии? Это возможно. Обстановка не будет такой же, как в последнюю войну, но не следует упускать из виду, что наши атаки в 1915— 1916 и 1917 гг. на западном фронте оказали лишь очень слабое противодействие германским успехам на восточном фронте против России, Сербии и Румынии.

Напротив, воздушная армия будет иметь возможность не только поддержать, если понадобится, наступление сухопутных французских армий, но оперировать в связи с армиями Чехо-Словакии и Польши и поддержать также и их. Притом она поддержит их непосредственно, а не косвенно (как это могут сделать сухопутные армии), немедленно, а не через довольно большой промежуток времени, когда их территория будет захвачена, а армии расстроены в тяжелых боях.

Она будет в состоянии в довольно выгодных условиях атаковать тылы германских армий, по крайней мере обра-

щенные к Богемии. Она их атакует с тыла, проникнув на германскую территорию на глубину не менее 300 км, что вовсе не представляется чрезмерным для ночных бомбардировочных налетов. Она сможет также принять участие в действиях против армий, направленных против Польши: непосредственно, хотя и в менее выгодных условиях, или пользуясь Богемией как оперативным базисом.

В самом деле, в случае надобности для лучшей связи с союзными армиями или для увеличения продуктивности воздушных операций наши воздушные соединения могут проникнуть в течение ночи через территорию Германии и использовать временные базы Чехо-Словакии и Польши.

Если мы рассмотрим положение Югославии в обстановке, аналогичной той, которую мы вообразили для Польши, имея при этом в виду другую соседнюю страну в качестве общего противника как Франции, так и Югославии, то мы увидим, что французская воздушная армия может оказать также большую помощь Югославии, отправляясь или из наших пограничных районов или из внешних баз по отношению к своей территории, между тем как наша сухопутная армия будет быть может сравнительно легко остановлена на сухопутных границах.

Можно себе представить, какое уважение уже в мирное время воздадут французской поддержке правительства в Праге, Варшаве и Белграде, рассматривая сочетание условий с одной стороны в том случае, когда Франция имеет многочисленную авиацию взаимодействия с ограниченным радиусом действия и воздушную армию, не имеющую серьезного значения, а с другой стороны в том случае, когда та же Франция, независимо от авиации непосредственного взаимодействия, содержимой в ограниченном составе в мирное время, но доводимой до достаточных сил к началу больших сухопутных операций, будет располагать мощной воздушной армией, созданной благодаря экономии, достигнутой упразднением некоторого количества больших соединений сухопутных армий и морской армии без увеличения общего национального бюджета.

Эти государства без сомнения увидели бы в воздушных вооружениях Франции вооружения, предназначенные для поддержания не только обеспечения Франции, но в случае необходимости обеспечения также и их собственных стран.

Наконец Франция мало-помалу поняла бы выгоду иметь воздушную армию, которая могла бы безгранично оперировать на том и на другом побережье западной части Средиземного моря.

Вот почему, несмотря на свою склонность к миру, Франция, как мы твердо верим в это, будет принуждена принять без промедления ту же доктрину, как и Италия, для образования своих воздушных сил. **Создание воздушной армии — это модернизация орудия войны,** и Франция — это наиболее угрожаемое из всех государств (?!—**Ред.**) — оценит, что она не должна отставать на пути модернизации своей системы обеспечения.

IV. ВОЗДУШНЫЕ СИЛЫ, ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ И ГЛАВНОЕ КОМАНДОВАНИЕ

Ведение военных операций изменяется с изменением характера и свойств вооружения. Создание воздушной армии должно на них отразиться.

Это же создание должно оказать воздействие на роль главного командования.

1. Воздушные силы и ведение войны

Выше уже было констатировано влияние, которое авиация, и притом одна лишь разведывательная авиация, имела на ход операций последней войны.

Завтрашние воздушные силы, а в особенности силы бомбардировочной авиации окажут еще более энергичное влияние.

Мы различили три периода в ходе войны:

период, предшествующий генеральному сражению сухопутных армий;

период во время этого сражения;

период после этого сражения, если оно не было решительным или если за ним последовала стабилизация армии.

Именно в ходе первого и третьего периодов роль воздушных сил будет сравнительно преобладающей.

В третьем периоде, когда самолеты будут выпускаться заводами в больших

количествах, война в особенности примет воздушные формы.

В первом периоде воздушные силы по всей вероятности будут также играть капитальную роль.

Начало военных действий будет критическим моментом. Государство, об'явившее войну для разрешения вставшей перед ним экономической или политической проблемы, будучи научено опытом последней войны, будет стремиться достигнуть быстрой победы и избегнуть войны на истощение.

Оно будет рассчитывать на немедленное действие воздушной армии, поскольку она имеет верную наступательную мощь. Оно будет на нее рассчитывать либо для самостоятельных действий либо для мощных действий в связи с неожиданным наземным наступлением, подготовленным еще до об'явления войны.

В этот момент условия будут благоприятствовать введению в дело воздушных сил: внезапность будет легко осуществима, противовоздушная оборона ненадежна, сухопутные армии в период формирования или сосредоточения будут не в силах оказать должного противодействия.

Военные действия начнутся или борьбой воздушных сил, исход которой окажет вероятно сильное воздействие на ход последующих операций, или неожиданным наземным наступлением, главным или весьма важным элементом которого являются воздушные силы.

Таким образом воздушные силы должны быть созданы, организованы и подготовлены прежде всего для операций в начале военных действий.

Но учитывая, что сухопутные армии сами по себе имеют мало шансов на успех, чтобы провести быстрое решение и избежать стабилизации, т. е. войны на истощение, в настоящее время в большинстве стран подготовляют всеобщую (интегральную) продолжительную войну.

Это конечно логично, но угроза мощного воздушного нападения воздушных сил в начале военных действий повлечет без сомнения прежде всего подготовку противодействия такому нападению, как и противодействие неожиданным наступательным комбинированным действиям воздушных и наземных сил, считаясь с тем, что оба способа действий могут иметь **непоправимые** результаты.

Таким образом воздушные силы поставят в порядок дня неожиданные наступательные действия с момента об'явления войны.

Кроме того они без сомнения несколько видоизменят формы ведения войны как в пространстве, так и во времени.

Последний конфликт (мировая война) показал, что война стремится к распространению на нескольких театрах, как в границах метрополии, так и за ее пределами. Воздушная армия будет маневренной армией, общей для нескольких театров. Некоторые театры вне метрополии быть может окажутся такими, на которых воздушная армия сможет найти для себя наиболее производительное применение на территории главного противника или против главных армий этого противника. Морская армия часто будет служить для связи между метрополией и ее внешними театрами и воздушная армия будет также призвана маневрировать в сочетании с морскими силами.

Чем шире будет весь театр войны в его совокупности, тем более будет возрастать важность задач, возлагаемых на воздушную армию и морскую армию, и тем более ведение войны будет заключаться в комбинированных действиях сухопутной, морской и воздушной армий на всем театре военных действий.

2. Воздушная армия и организация командования военными силами

До сего времени различали два театра: земной и морской. Этим театрам соответствовали две отдельные армии, которые не могли сочетать своих операций, за исключением особых случаев; ныне явились главнокомандующий сухопутными армиями, и главнокомандующий морскими армиями, и главнокомандующий воздушными силами.

Отныне будут три театра: земной, морской и воздушный и три армии: земная, морская и воздушная.

Однако операции воздушной армии будут сочетаться с операциями двух других армий, поскольку об'екты действий будут находиться на земле или на море. Поэтому некоторые полагают, что воздушная армия будет просто подчи-

няться главнокомандующему сухопутных или морских сил в зависимости от того, будет ли она действовать над землей или над морем.

Эти рассуждения представляются слишком упрощенными, если обратить внимание на то, что в некоторых случаях воздушная армия преследует непосредственно цели, отличные от целей других родов вооруженной силы.

Во всяком случае воздушные силы будут распределены между несколькими командованиями:

командованием сухопутной армией;

командованием морской армией;

высшим командованием противовоздушной защиты территории;

высшим командованием автономными воздушными силами.

Чтобы обеспечить должное распределение сил, которые должны применяться в зависимости от обстановки, представляется повидимому необходимым назначение общего главнокомандующего всеми военными силами.

Это тем более необходимо, что командование противовоздушной защиты территории и командование воздушными силами повелительно нуждаются в согласовании.

Отсюда следует, что на одно и то же лицо должны быть возложены в последней инстанции как защита территории, так и нападение на территорию противника.

К тому же важно обеспечить единство командования как в небе, так и на земле и соединить для этого в один театр как свое, так и неприятельское небо.

Воздушная армия, как было выше указано, может преследовать непосредственно цели, отличные от целей сухопутной армии. Так может быть прежде всего в начале военных действий.

Принимая принятую нами доктрину, предположим, что воздушные силы с первого часа действуют всецело на пользу последующих операций сухопутной армии. Казалось бы, что воздушные операции могли бы без всяких неудобств определиться инструкциями главнокомандующего сухопутными армиями. Но если противник открыл и развивает военные действия, атакуя внутреннюю площадь нашей территории, а мы знаем, чего можно от этого ожидать, то наша воздушная армия будет немедленно вовлечена в атаку территории противника. Поэтому если правительство подчинит воздушную армию главнокомандующему сухопутными армиями, то оно должно будет либо взять ее в свое распоряжение и указать цели, которых должна достигнуть воздушная армия, либо возложить на главнокомандующего сухопутными армиями руководство операциями воздушной армии.

В первом случае будут говорить не без основания, что не следует вообще давать и отбирать и что кроме того правительство недостаточно компетентно для указаний операций, которые должна предпринять воздушная армия.

Во втором случае заметим, что нерационально вверять командованию сухопутными армиями руководство воздушными операциями, независимыми от наземных.

По прошествии первых недель, когда мобилизация будет закончена и армии сосредоточены, воздушная армия как правило целиком должна принять участие в сражении на главном театре войны, так как сражение это может быть решающим.

Воздушная армия со своим командующим очевидно перейдет в подчинение главнокомандующему сухопутной армией, который обеспечит единство командования и полное единство усилий.

Но он не обеспечит этого единства в том случае, если главные операции воздушной армии будут производиться то на пользу армии союзников, действующих на отдельном театре войны, то на пользу своих армий на границах метрополии, или в тех случаях, когда воздушная армия будет оперировать в соглашении то с сухопутной, то с морской армиями и на континентах, прилегающих к морю.

Но вот наступит момент, когда сухопутные армии как с одной, так и с другой стороны развернут свои силы на непрерывных фронтах уже в сильно укрепленных позициях. Они стабилизуются и притом надолго: до момента, когда в каждой стране будет изготовлено достаточно материальных средств, чтобы прорвать последовательные укрепленные линии противника.

С этого момента цели сухопутных армий и воздушной армии становятся

различными, их театры действий также. Театр сухопутной армии неглубок, театр воздушной армии — это вся своя территория и вся территория противника.

Представляется необходимым, чтобы в этом случае, как и в предшествующих, воздушная армия имела своего командующего, чтобы не менять командования в зависимости от хода событий, но что этот командующий должен иметь над собой постоянного начальника — командующего военными силами страны, обнимающего весь театр войны и командующего всеми средствами наземной, морской и воздушной войны, определяющего в частности с согласия правительства театр и способы применения воздушной армии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уроки войны и внимательное изучение эволюции вооружения и его свойств наводят на мысль, что наступательная мощь наземных сил в войне завтрашнего дня останется настолько же слабой, как и в последней войне; ей будет недоставать непрерывности и продолжительности действий; она скоро выдохнется. Кроме того эта наступательная мощь не растет неизбежно с процессом вооружения по причине почти полной невидимости и слабой поражаемости обороны [1]. Она поэтому дает мало шансов, чтобы достигнуть на войне решения, избежав продолжительной борьбы на истощение. Два рода оружия представляются однако способными изменить этот порядок вещей: сухопутные армии, механизированные и бронированные, и воздушные армии, поскольку они дают атаке **по сравнению с другими** родами оружия либо меньшую поражаемость либо лучшую видимость обороны.

Изучение войны и внимательное исследование возможностей современных армий показывают также, что они неспособны осуществить стратегическую внезапность; между тем без этого условия нельзя создать серьезного нарушения равновесия приходящих в столкновение сил, действительной эксплоатации успеха, решительной победы.

[1] Тенденции, которые с натяжкой проводит автор в первой части своего труда. — **Ред.**

И в этом отношении положение дел может быть изменено только широким развитием с одной стороны механизированных и бронированных сухопутных сил, с другой — воздушных сил.

Но продвигать это широкое развитие постоянным образом невозможно: это создало бы слишком большую тяжесть даже для богатой страны. Напротив, оно осуществимо быстрым темпом посредством общей соответствующей организации в стране, которая, решившись на войну и располагая большими потенциальными возможностями в своем производстве, активно и скрытно этот темп подготовит.

Комбинированное применение в стратегической области наземных и воздушных сил указанного выше типа сможет облегчить стратегическую внезапность и создать именно необходимые предпосылки, чтобы предопределить победу и привести войну к быстрому концу. Мы говорим «комбинированное применение» в стратегической области, т. е. комбинация, широко задуманная как во времени, так и в пространстве.

Развитие этих двух родов оружия должно итти приблизительно параллельно; развитие воздушных сил должно даже опережать развитие бронированных сухопутных сил, так как применение именно воздушных сил представляется более всеобщим, а их работа более плодотворной, по крайней мере в стратегической области. В особенности воздушные силы представляются единственным оружием, которое допускает замедляющие действия по всей глубине неприятельских сил, и это соображение имеет особый интерес для Франции, подверженной угрозе неожиданного нападения.

Наступательная мощь бронированных машин, уже и без того значительная, с каждым днем увеличивается вместе с прогрессом механики и вооружения. Но это еще более верно для воздушных машин. Отсюда следует, что воздушные силы становятся бесконечно опасными для мирной страны, которая не сможет иметь постоянно в мирное время многочисленную армию.

Конечно воздушное вторжение менее решительно, чем наземное, не имея постоянного характера.

Тем не менее массовые и глубокие воздушные налеты будут ужасающе

разрушительны. Неизвестно, не сделаются ли они вскоре для страны материально и морально невыносимыми. Между тем они не могут быть остановлены в первые недели военных действий, несмотря на предусматриваемые меры противовоздушной защиты.

Поэтому представляется уже недостаточным для нашей страны подготовить оборону сухопутных границ укреплениями и войсками прикрытия и организовать мобилизацию ресурсов страны для продолжительной войны на истощение; важно, чтобы она предохранила себя от грозной опасности настоящих воздушных вторжений или воздушных атак в сочетании с неожиданными атаками моторизованных и бронированных сухопутных сил.

Чрезвычайно быстрые успехи механики, все более страстное стремление к увеличению скорости, каждый день изменяющей условия экономической жизни, изменят также и условия войны.

Наши военачальники сохраняют гибкость соображений, которую они так счастливо доказали на войне. Они рассматривают оружие в зависимости от его вероятной действительности как в моральном, так и в материальном отношении и придадут каждому оружию коэфициент его значения, соответствующий относительной величине его последнего действия.

Считаясь с тем, что отныне конфликты все реже и реже будут разрешаться в пределах одних только сухопутных театров войны и все более на театрах одновременно сухопутных, воздушных и морских, главнокомандующий не будет более главнокомандующим всех сухопутных армий, но главнокомандующим всех военных сил страны — наземных, воздушных и морских.

Действительно современная и об'ективно понятная организация нашего оружия войны будет осуществлена только параллельным назначением министра национальной обороны и главнокомандующего всеми военными силами.

Это должно быть первым обязательным актом правительства, которое стремилось бы действительно к тому, чтобы предоставить воздушным силам надлежащее участие в средствах государственной обороны и в зависимости от задач гарантировать им автономию, которая освобождала бы их от пут и возбуждала бы рвение и прогресс, или возлагать на них необходимую и достаточную зависимость от сухопутной и морской армий.

Судьба воздушных сил по самой природе действительно сходна с судьбою птиц в их отношении к земле и к морю: воздушные силы попеременно то оказываются в зависимости от армий земной поверхности, то пользуются автономией, и эта автономия все более выступает на первый план, так как авиация, как птица, растет и увеличивает свой радиус действий.

Обработал **Ф. Огородников.**

Роль воздушных сил в войне

(С английского)

The Role of Aircraft in War. Flight.-lieut. Kingston, Mc. Clanghry. „The Royal Air Forces Quarterly", Yuly 1932.

Автор стремится убедить, что для решительной победы над противником сухопутные силы должны сперва поразить его армию. Подобная же роль возлагается и на морской флот, хотя последний и может начать исполнение поставленной задачи без поражения морских сил противника, однако действия его при этом будут весьма затруднены. Выгоды воздушного флота заключаются в том, что он может избегнуть боя в воздухе и произвести налет непосредственно на жизненный центр противника. Если это вызовет воздушный бой, то победа будет на той стороне, которая сможет произвести бомбардировку, несмотря на потери. Положения автора могут быть оспариваемы, но статья заслуживает внимания для характеристики взглядов английского командования на применение ВВС.

От редакции

Автором статьи является командир неотдельного разведывательного отряда Кингстон, несущий летную службу в одной из индийских авиаэскадрилий и проработавший несколько лет в штабе ВВС в Индии. Автор окончил в 1929/30 г. высшую тактическую школу английского воздушного флота. Общие военные познания автора неглубоки. Его примеры и доводы из истории военного искусства весьма часто неубедительны. С точки зрения авиационной автор с намеченной широкой темой тоже не справился. По существу он говорит не о роли ВВС в войне, а только разбирает широко привившийся у английского командования взгляд, что основным действием ВВС должна быть бомбардировка неприятельских аэродромов. Автор, являясь очевидно рупором новых тактических взглядов высшей тактической школы ВВС, подвергает этот взгляд критике. Маневры последних лет неоднократно показывали, что удары по аэродромам требуют большого наряда сил и проходят весьма часто впустую вследствие рассредоточения авиации на многочисленных аэродромах. Автор приводит доводы за то, что основной целью воздушного флота должна являться не борьба с ВВС противника, а подрыв экономической и моральной мощи противника. Отсюда как вывод борьба за преобладание в воздухе — не самоцель, а промежуточное звено в борьбе за полное поражение противника. Такой перелом взглядов симптоматичен для английского воздушного флота.

Поражение вооруженных сил противника может быть достигнуто следующими способами: блокадой и измором. подрывом ресурсов страны и морального состояния [1]. Рассмотрение вопроса, в какой степени воздушные силы могут принять участие в этих действиях, является задачей этой статьи.

Роль армии

История войны на земле и на море охватывает несколько столетий и изобилует аксиомами об основных методах, которыми подобная война может быть проведена. История показывает, что основная цель армии — захват неприятельской страны. Необходимая предпосылка для этого в большинстве случаев — поражение неприятельской армии. Причина этого явления совершенно ясна. Обороняющиеся сухопутные силы могут не только противодействовать наступающему противнику, но и заставляют оккупанта рассредоточивать свои силы, так как всякая оккупация вызывает рассредоточение сил. При таких обстоятельствах противник может не только угрожать коммуникациям окку-

[1] Автор неудачно передает английскую официальную военную доктрину. По смыслу английского устава полевой службы целью войны является воздействие на волю противника, чтобы заставить его отказаться от нападения или вовсе от сопротивления. Цель эта может быть достигнута как поражением его вооруженной силы, так и общим подрывом ресурсов страны и морально-политического состояния противника. — **Ред.**

панта, но может сам наводнить страну оккупанта своими войсками. Моральный эффект захвата территории значительно понизится, если обороняющийся знает, что его армия еще не уничтожена. Поэтому общепризнанным является то положение, что первой целью наступающей армии должно являться поражение главных сухопутных сил противника, если оккупант хочет оказать давление на всю страну.

Роль морского флота

Роль флота заключается в поддержке армии[1] посредством контроля морских коммуникаций и посредством бомбардировки неприятельского побережья. Контроль морских коммуникаций целиком ложится на крейсеры, подлодки и вспомогательные силы. Но с тех пор как появился мощный флот, эти легкие силы потребовали для своей поддержки тяжелых сил.

В отличие от армий морские силы могут выполнять свою задачу, не нанося поражения неприятельскому флоту, хотя существование неприятельского флота является постоянной угрозой для атакующего. История дает нам несколько примеров, в которых попытки морских флотов найти и уничтожить своих противников не увенчались успехом, но эти флоты тем не менее имели контроль над морем. Причины подобных неудач ясны: в то время как армии более или менее связаны в своем движении путями сообщения, морской флот обладает большей свободой, что позволяет ему избирать место боя по своему усмотрению. Таким образом контроль морских коммуникаций при наличии флота не вызывает необходимости предварительного уничтожения флота противника со всеми вытекающими отсюда последствиями, что имело бы место, если бы армия попыталась захватить страну без предварительного поражения сухопутных сил противника.

[1] Снова необходимо заметить, что по английским взглядам роль морского флота может быть гораздо шире, поскольку морской флот является средством для «общего подрыва ресурсов страны» (посредством блокады) и воздействия на волю противника к продолжению борьбы. — **Ред.**

Роль воздушных сил

История воздушной войны очень коротка и не предоставляет больших возможностей для того, чтобы сделать определенные выводы. Наиболее правильным будет строить воздушную стратегию на прочных основах сухопутной и морской стратегии, т. е. рассмотреть, насколько последние могут быть изменены с появлением авиации, и лишь тогда делать выводы о чисто воздушных операциях.

Мы видим, что стратегическая цель армии и флота в основном одна и та же, а методы достижения ее различны. Армия должна прежде всего поразить противостоящие ей сухопутные силы. Морской флот не всегда может обнаружить неприятельский флот, но он настолько стеснен этим обстоятельством, что предпримет все меры, чтобы нанести последнему поражение или нейтрализовать его как предварительное условие для контроля морских коммуникаций [1]. Каково же значение воздушных сил в войне?

Воздушные силы не могут захватить страну, но они могут участвовать в поражении армий и в контроле морских путей. Воздушные коммуникации очень быстро развиваются и становятся одним из важных звеньев в цепи мировых путей сообщения. Значение воздушного транспорта никогда не может быть сравнимо с наземным и морским транспортом. Совершенно ясно, что условия жизни противника могут быть затруднены, но его воля никогда не может быть надломлена, если главный удар воздушных сил будет направлен по торговым **воздушным** путям. Здесь имеется определенное различие между морской и воздушной стратегией. Самое основное назначение морских сил состоит в том, чтобы обеспечить деятельность торгового флота, но нет воздушных торговых путей, которые имели хотя бы приблизительно столь же важное значение для жизни нации. Поэтому задачи, в которых будет участвовать авиация, будут следующие:

[1] Для успешности комбинированных морских операций не всегда требуется господство в море. См. по английским официальным взглядам в этом же выпуске «Военного зарубежника» статью адмирала Браунринга «Военноморские базы с точки зрения обороны империи». — **Ред.**

а) поражение неприятельских сухопутных сил;

б) контроль над морскими коммуникациями вплоть до поражения флота противника;

в) непосредственное воздействие на жизнь неприятельской страны и на моральное состояние ее населения;

г) поражение неприятельских воздушных сил.

Является ли поражение воздушных сил противника основной задачей?

Можно задаться вопросом: возможно ли выполнение первых трех задач при существовании неразбитых воздушных сил противника?

Совершенно ясно, что непораженные воздушные силы будут всегда являться угрозой для атакующих воздушных сил. Невозможно допустить тем не менее, чтобы ввиду этой угрозы первой задачей воздушных сил было бы обязательно поражение своего воздушного противника. Необходимо сначала определить, насколько воздушный флот противника является реальным об'ектом, против которого воздушные силы могут быть направлены. Если мы это условие установим, то надо решить, какая из перечисленных четырех задач может дать наилучшие результаты и можно ли вести воздушную войну против других об'ектов при наличии непораженных сил противника.

Мы видели, что морской флот не всегда может добиться боя. По сравнению с морским флотом авиация имеет еще больше возможностей уклониться от встречи с противником благодаря большей свободе движения и быстроте своих действий. Воздушные силы не имеют определенных путей от своей базы и им мало мешают естественные и искусственные препятствия. Они могут появиться над целью с различных направлений и на любой высоте, ограничиваемой лишь потолком. В то время как самолет-истребитель и наземная защита обеспечивают в некоторой степени как дневную, так и ночную оборону об'екта, сама природа самолета ставит их в невыгодное положение в отношении самообороны. Бомбардировщики могут концентрировать свои силы, в то время как силы истребителей должны быть рассредоточены. Истребители не могут продолжительное время оставаться в воздухе, но если они остаются на земле, то очень велика вероятность, что они не перехватят наступающих сил противника. Когда истребителям удается перехватить наступающих бомбардировщиков, то и тогда они не в состоянии остановить их. Несомненно, что техника противовоздушной обороны будет еще развиваться, но и наступательная мощь бомбардировщиков стремится к развитию. Таким образом если противовоздушная оборона и может несколько помешать воздушному нападению и причинить противнику ущерб, то нет никаких сомнений, что полностью остановить нападение воздушных сил невозможно: небо настолько обширно, что целиком его не защитить.

Другой недостаток противовоздушной обороны состоит в том, что она требует очень значительного числа истребителей, благодаря чему снижается число бомбардировщиков и ослабляется наступательная мощь авиации в целом.

Но поражение воздушного противника возможно не только в воздухе. Воздушные силы большее время находятся на земле и в это время могут быть успешно выведены из строя авиацией противника. Поэтому рассмотрим вопрос об уязвимости наземных авиационных об'ектов. Это не только аэродромы, но и базы, авиазаводы, питающие центры и т. д.

Воздушные силы противника не могут быть полностью обезопасены, если они не будут выведены за пределы театра военных действий; тем не менее самолеты могут быть очень легко скрыты и в пределах боевой зоны на земле. Больше того, они обладают еще подвижностью благодаря переброске с одного аэродрома на другой и могут действовать на большие расстояния. В том случае если авиачасти будут найдены и атакованы, то опять-таки трудно нанести ущерб разбросанным на аэродроме самолетам. Личный состав может быть укрыт в специальных укрытиях, а взлетное поле также может быть легко восстановлено.

Авиационные заводы и питающие центры могут служить прекрасными целями для воздушных налетов, но опасность быть атакованными может быть

значительно уменьшена за счет распределения их на большом пространстве или посредством расположения этих об'ектов за пределами радиуса действия неприятельской авиации. При наличии хорошей организации снабжение материальной частью и личным составом не представит больших затруднений даже в том случае, если будет нанесен ущерб авиации не только в воздухе или на аэродромах, но и на некоторых заводах. Производство более 100 самолетов в день в 1928 г. в Англии показывает правильность этой установки.

Нет сомнения, что будут иметь место такие случаи, когда неприятельские самолеты, собранные в одном месте, будут представлять собой прекрасные мишени, но как общее правило можно сказать, что атакой нельзя нанести большого ущерба самолетам, находящимся на аэродромах, хотя моральный эффект в этих случаях будет значительный. Тем не менее нельзя забывать, что подготовка резервов в мирное время сильно ограничена. В течение первых 6 месяцев будущей войны будут ощущаться большие затруднения в пополнении авиации материальной частью и личным составом. Поэтому в этот период можно будет достигнуть временных решительных результатов непосредственными ударами по неприятельским воздушным силам, находящимся на земле.

Можно утверждать, что не существует метода, посредством которого авиация может уверенно оказать давление на неприятельские воздушные силы, и что это воздействие лишь случайно может быть удачным. Но если даже новые пути развития и изобретения когда-либо дадут возможность воздушным силам вынудить противника к боевым воздушным действиям, то это еще не значит, что такой метод даст наилучшие результаты в области использования своей воздушной мощи.

Способность воздушных сил поражать жизненные центры

Неоценимым преимуществом воздушных сил является способность избегать армий, флотов и естественных препятствий и производить удар в самое сердце неприятельской страны. Они могут поражать центры, имеющие существенное значение для обороны страны и ее сопротивляемости. Они могут поражать непосредственно моральное состояние населения. Больше того, воздушные силы не подвергаются большему риску, нанося удар непосредственно по жизненным центрам, чем ведя борьбу с неприятельскими воздушными силами. Воздушный флот нельзя сравнивать с армией, пытающейся оказывать давление на население противника, армия которого не разбита. Воздушным силам так же легко производить налеты на жизненные центры противника, как атаковать наземную организацию его воздушных сил, потому что в данном случае не требуется рассредоточения своих сил, а моральный эффект на население будет значительно больший, нежели при поражении воздушных сил противника. Воздушные потери не разлагают еще морального состояния населения, но оно сильно страдает от нарушения железнодорожного движения, от дезорганизации снабжения продовольствием, от расстройства отопления, освещения и других видов удобств.

Командование совместно с техническими консультантами должно решить, куда надо направить воздушные удары, чтобы оказать наибольшее моральное воздействие на неприятельское население. Согласуясь с задачами проводимой операции, военным и экономическим состоянием страны, характером и жизненным уровнем противника, необходимо решить степень бомбардировки и характер целей. Нет никакой гарантии в том, что уязвимость какого-нибудь определенного центра средствами авиации может произвести решительное воздействие на противника. В некоторых случаях может оказаться более выгодным расстройство нормальной жизни населения нарушением нормального функционирования всех видов транспорта, в другой раз может оказаться более выгодной бомбардировка флота в портах, центров мобилизации, заводов, боеприпасов, войск в поле и авиационных центров. Когда бы ни выбирались об'екты, надо всегда помнить, что бомбардировка всего, что попадется на глаза, без тщательного разбора, никогда не даст должного эффекта. Все цели должны быть избраны в порядке их военной ценности.

[redacted] превосходство

Нельзя предполагать, что воздушные силы смогут производить бомбардировку в глубине страны противника без боя или без подобного же противодействия с его стороны. Во время бомбардировки воздушные силы могут втянуться в бой и этим самым перейти от наступления к защите (своей территории). В результате напряженного боя и возможных тяжелых последствий можно будет достичь жизненных центров противника и этим решить вопрос о воздушном превосходстве. Это превосходство будет достигнуто той стороной, которая сможет осуществить бомбардировку, несмотря на потери, и сможет принудить противника перейти к обороне, заставляя неприятельских бомбардировщиков отказаться от налетов на жизненные центры и перейти к обороне своих баз и аэродромов.

Хотя против небольших встречных действий следует возражать, тем не менее они неизбежно будут иметь место, для чего будут использованы как правило истребители [1]. Необходимость подсказывает, что истребительную авиацию надо использовать для попытки остановить и отразить неприятельские бомбардировщики. Основная роль истребителей состоит в таком случае в предотвращении воздушных налетов на уязвимые центры. Воздушное превосходство может быть достигнуто воздушным боем, но первостепенное значение такого боя заключается в предоставлении возможности другим самолетам достичь жизненных центров противника. Бой является только лишь средством для достижения цели. Основная воздушная мощь должна быть брошена против неприятельских жизненных центров и минимальное число истребителей должно быть оставлено для достижения воздушного превосходства.

Сомнительным остается вопрос, будет ли одна из сторон обладать таким превосходством в воздухе, чтобы суметь сломить волю своего противника. В будущей войне вполне вероятно, что обе стороны будут в состоянии оказать сильное воздушное сопротивление друг другу, а абсолютное и постоянное превосходство окажется достижимым в очень редких случаях.

Нет сомнения, что иногда воздушные силы одной стороны будут иметь перевес над таковыми другой стороны, благодаря чему они смогут увеличить тактический радиус действия бомбардировщиков, уменьшая тем самым тактический радиус действий самолетов противника. Также вероятно, что временно перевес будет иметь и другая сторона. Гораздо чаще будет налицо местное превосходство в воздухе, т. е. превосходство на определенном участке и на определенный период. К такому временному превосходству будут стремиться во время проведения главных операций армий и флотов.

Войсковая и корабельная авиация

Изучение роли воздушных сил, приданных для совместных действий армии и флоту, показывает, что основными задачами этой авиации являются обеспечение разведкой, корректировкой артогня и обслуживание армии и флота. Каждая сухопутная или морская операция без достижения временного господства в воздухе может рассматриваться как рискованное предприятие. Основная роль авиации (войсковой и корабельной) тем не менее заключается в совместном действии с основными родами вооруженных сил.

Появление авиации значительно повлияло на морские операции: морские коммуникации и прибрежные зоны в особенности стали теперь уязвимы с воздуха и флоты уже не чувствуют себя в безопасности в своих гаванях. Основная задача корабельной авиации заключается в совместных действиях с флотом.

Существенным средством к достижению цели является обеспечение временного превосходства в воздухе над корабельной авиацией противника. Превосходство над базовой авиацией противника может быть достигнуто лишь с помощью своей базовой авиации.

[1] В иностранной военной печати это положение ныне оспаривается. Целый ряд авторитетных писателей и практиков авиации считает, что многоместные бомбардировщики, соответственно вооруженные, могут считаться универсальным воздушным орудием, одинаково способным как к поражению наземных целей, так и к борьбе с воздушным противником.

Заключение

Конечной целью каждой войны является моральное подавление противника. Мы видели, что, прежде чем оказывать давление на противника, надо поразить его армию. Морские силы могут начать воздействие на неприятеля без предварительного поражения морских сил, но они оказываются в очень затруднительном положении при наличии неприятельского флота; поэтому необходимо принять все меры, чтобы нанести ему поражение или нейтрализовать его.

Мы видели, что воздушные силы сами по себе не представляют настолько реальных об'ектов, чтобы против них были направлены главные силы авиации. С другой стороны авиация встречает мало препятствий со стороны оборонительных средств противника, а также естественных препятствий. Воздушные силы имеют неоценимое преимущество: они могут производить налеты непосредственно на жизненные центры, не подвергая себя тем самым большему риску, чем при атаке иных об'ектов. Жизненные центры противника должны быть тщательно выбраны с точки зрения возможности нанесения им действительного и быстрого удара. Это должно быть согласовано с основной задачей данного этапа военных действий и с общей задачей проводимой операции. К подобным жизненным центрам можно отнести государственные, военные, морские и авиационные центры. Только напряженный воздушный бой будет результатом такой атаки, и воздушное превосходство останется за той стороной, которая сможет провести бомбардировку, несмотря на потери, и принудит воздушные силы своего противника перейти к обороне. Постоянное и абсолютное господство в воздухе будет исключением, но временное превосходство над районом боевых операций армий и морских флотов может быть успешно достигнуто.

Это заключение относится к действиям самостоятельной авиации. Роль авиации, приданной армии и флоту для совместных действий, заключается в непосредственном участии ее в их деятельности. Воздушное превосходство должно быть только средством для достижения этой цели.

История не позволяет сделать заключение о том, сможет ли современный воздушный флот один сломить волю неприятельского народа. Имеется два мнения по этому вопросу, и решение может быть получено только по испытании этого средства в будущей войне. Одно лишь можно установить сейчас, что наибольшее моральное воздействие на неприятельскую сторону можно оказать не применением одного рода вооруженных сил, а правильным совместным действием всех родов войск.

Наконец можно сказать, что роль авиации в войне очень подобна роли снаряда, выброшенного из пушки. Основная цель снаряда — это нанести как можно больше разрушений и ущерба противнику. Мишени для снаряда выбираются по особым соображениям. В случае необходимости снаряд может быть использован вместо своего главного назначения для уничтожения других средств борьбы, хотя бы пушек, из которых выстреливаются снаряды. Ничто не может остановить авиацию. Она летит над войсками, флотом и естественными препятствиями. Но одна она не может достигнуть успеха; она нуждается в поддержке для достижения победы.

Перевел **Чистяков**

II. Вопросы механизации и моторизации

Дж. Фуллер

Возможности танка

(С английского)

Possibilities of the Tank by Major General J. F. C. Fuller. „Army Ordnance“, September—Oktober, 1932.

(Ответ на серию статей полк. Вагнера, помещенных в этом же журнале)

Ген. Фуллер подвергает беспощадной критике взгляды инженера полк. Вагнера (армии САСШ), выразившего сомнения в будущности танка, которую рисуют «энтузиасты механизации», и упрекнувшего Фуллера в чрезмерном рекламировании быстроходных танков. Попутно статья заключает ряд интересных замечаний по вопросам строительства танков и их применения.

От редакции

В ряде статей, помещенных в американском журнале «Army Ordnance» с мая 1931 г. по февраль 1932 г. под общим названием «Возможности танка», Фред Вагнер, инженер-консультант Общества Бартлет Хейвард в Балтиморе, полковник запаса службы вооружения, излагает следующим образом английские официальные взгляды на применение механизированных сил:

«Дальняя разведка противника производится прежде всего самолетами, за ней следует наземная разведка быстро движущихся бронемашин. После того как расположение противника будет установлено и его намерения определены, может последовать атака механизированных сил. Эта атака будет брошена в виде первой волны легких танков, быстро движущихся вперед под покровом дымовой завесы, тесно поддерживаемой моторизованной артиллерией. За ней последует наступление тяжелых танков в виде волн, за которыми дальше пойдут повозки с пулеметами, задачей которых будут очистка и упрочение захваченной территории. Это означает преодоление неприятельской позиции, которое может быть использовано пехотой, вооруженной винтовками, пулеметами и автоматами; обязанность ее будет удерживать местность до прибытия дивизий пехоты».

«Картина подобной операции, — говорит Вагнер, — очень красива при условии, что эта операция осуществляется во время войны так же хорошо, как на маневрах, или при условии, что противник будет вести себя так же, как и на маневрах мирного времени.

В конечном итоге вся операция базируется только на результатах, достигаемых танками».

Высказывая сомнения относительно возможности достижения танками таких результатов, как они предвещаются некоторыми энтузиастами танкового дела, Вагнер указывает на следующее противоречие в конструкции танка: его быстроходность достигается за счет бронезащиты или же увеличением мощности мотора.

Можно увеличить до крайнего предела быстроходность танков, но артиллерийский снаряд обладает еще большей скоростью. Вагнер указывает кроме того на возможности ПТО, а также на факт, что в войне с другой промышленной страной США встретятся с новыми изобретениями в этой области. Ни одна страна не обладает монопольно «изобретательным гением» и не все враждебные «народы» являются сумасшедшими. По поводу легких побед английских танков в 1918 г. Вагнер подчеркивает, что они были достигнуты благодаря тому, что германская армия уже потеряла свою боеспособность, что против нее были колоссальные силы Антанты и что перед атакой велась артиллерийская подготовка все более и более умелыми методами и с сокращением расхода снарядов, но с увеличением ее эффективности. Наконец уменьшение потерь при английских атаках с участием танков об'ясняется применением более правильных боевых порядков в противоположность плотным боевым порядкам 1916 г. и более ранним, когда именно из-за этого английская армия несла большие потери.

В выступлениях Вагнера против Фуллера помимо критической оценки танков и их возможностей в связи с новыми условиями их приме-

нения сказываются несомненно и противоречия между капиталистическими поставщиками отдельных видов оружия.

Статьи Вагнера представляют интерес с точки зрения изменения условий применения мото-мехчастей, а именно увеличения сложности и трудности их применения, но их основным недостатком является то, что они не выдвигают необходимости технического совершенствования самого оружия и тактики его использования, а наоборот стремятся по существу дискредитировать будущее этого рода войск.

В июне прошлого (1931) года, вскоре после того как была напечатана первая статья полк. Вагнера о «Возможностях танка», редактор журнала «Army Ordnance» спросил меня, желаю ли я по окончании печатания серии этих статей подвергнуть критике взгляды писателя, идущие вразрез с моими идеями. Прежде чем дать ответ, я просмотрел первую часть книги «Танки в мировой войне» и, видя, что полк. Вагнер прочел кое-что из моих книг, решил ему ответить.

Тщательно изучив 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю части, я был больше всего заинтересован духом, в котором они были написаны. Это старый враг — дух главной квартиры (английской ставки) во всей своей неприкосновенности: такой же активный и тупой, как всегда, так же шокированный новым оружием, как наши бабушки губной помадой, и попрежнему готовый видеть в каждой совершенной ошибке и в каждой встречающейся трудности доказательство недействительности и бесполезности этого нового оружия.

Во время войны работе штаба Британского танкового корпуса противостоял именно этот реакционный консервативный дух. По сравнению с ним враг храбрый и способный терял свою значимость, ибо его сопротивление было ничто по сравнению с сопротивлением главной квартиры. Настоящий враг Танкового корпуса был в его тылу, а не на его фронте, и что чрезвычайно осложняло ход событий — это то, что в то время, как немцы пытались только нарушить наши планы, главная квартира устраивала им аборт в самом зародыше.

В оправдание мнения главной квартиры необходимо сказать, что офицеры, составляющие ее, питались теориями, отстававшими от механического века, в котором мы теперь живем и который начался прежде всего в городе Детройте, в США. В 1913 г. автомобиль был еще роскошью, в настоящее время это — необходимость, и за прошедшие 20 лет вся наша цивилизация изменилась благодаря ему. В 1913 г. мало офицеров имело машины, в 1932 г. немногие их не имеют. В 1913 г. главная квартира не была настроена в пользу механизации, в настоящее время весь цивилизованный мир и многие из оставшихся в «варварском» состоянии все более и более склоняются в пользу механизации; передвижение пешком перестало быть необходимостью и сделалось почти роскошью для мужчин и женщин и особенно молодежи, которая во всей Европе находит развлечение в прогулках пешком. В 1914 и в следующие годы главная квартира имела отговорку: она не принадлежала к веку мотора, не владела сущностью механики, она была воспитана на кожаных сапогах и конском навозе, и эта воображаемая сущность войны проникла в ее плоть и кровь, стала частью ее природы, и в суматохе войны это настроение мыслей главной квартиры уже не могло быть изменено.

Но самый интересный момент, момент, который по существу и заставил меня написать этот ответ, — это то, что, хотя полк. Вагнер опубликовал свои статьи в 1931 г., в них все же можно прочесть почти слово в слово то, что было сказано главной квартирой в 1917—1918 гг. Если он прав, тогда и главная квартира была права; если он неправ, то его ошибка вдвойне усугубляется, ибо эта ошибка, устаревшая на 14 лет, свидетельствует о том, что автор ее не только не охватывает развития военной техники за эти 14 лет, но, что еще более удивительно, отстает от гражданского прогресса. Для полк. Вагнера мир очевидно застыл на одном месте, и, когда он смотрит на войну, то что он видит? — бога войны, танцующего на парапете!

Это отсутствие проникновения в сущность изменений, отсутствие предвидения возможных последствий от этих изменений, само по себе является замечательным материалом для исследования — материалом, заслуживающим изучения и характерным для всей исто-

средств передвижения. Я приведу несколько примеров, ибо одной из задач этого моего труда является показать, что полк. Вагнер представляет типовое, а ни в коем случае не единичное явление. Тем более, что этот тип мыслителей всегда был неправ, следовательно этот экскурс в историю будет весьма кстати.

В 1669 г. в Англии была сделана первая попытка создания систематических поездок в карете, и то только между Оксфордом и Лондоном. Это новшество сразу вызвало сильнейшее сопротивление, причем в парламенте был внесен билль о том, чтобы «предупредить изнеженность людей, пользующихся каретой». В 1671 г. сэр Генри Герберт заявил в палате общин: «Если бы кто-либо предложил перевезти нас в Эдинбург (Шотландия) точно в 7 дней и привезти нас обратно в другие 7, разве мы не проголосовали бы за его помещение в сумасшедший дом?». 13 октября 1712 г. было установлено сообщение между Лондоном и Эдинбургом раз в неделю. Путешествие туда и обратно совершалось в 13 дней, и проезд в одну сторону обходился в 4 фун. 10 шил.

В 1769 г. Джемс Уатт изобрел первую практическую паровую машину. Его также сочли сумасшедшим, но к счастью для будущего он не был заперт. В 1804 г. локомотив на рельсах достиг быстроты в 5 миль (8 км) в час при испытании на Мертир Тидвиль, в Уэльсе, и через 10 лет Джордж Стефенсон, финансируемый лордом Равендорсом (к которому была применена пословица «дурак быстро расстается с деньгами»), начал работать на Киллинг-уорской железной дороге. Он сразу встретился с противодействием: лорд Эльдон например заявил о нем: «Мне жаль, что интеллигентные люди Северной страны помешались на вопросе о железной дороге».

Стефенсон был бесстрашен, и в 1821 г., за 4 года до открытия Стоктонской и Дарлингтонской железных дорог, он сказал своим ученикам: «Теперь, ребята, я осмеливаюсь сказать вам, что вы доживете до того дня, когда железные дороги заменят почти все другие способы передвижения в этой стране, когда почтовые кареты пойдут по железной дороге и железные дороги станут великим главным путем для короля и его подданных. Приближается время, когда для работающего человека будет дешевле ехать в поезде, чем итти пешком».

На это журнал «Quarterly Review» недоверчиво воскликнул: «Что может быть более явным абсурдом и глупостью, чем предположение, что локомотив может двигаться **вдвое быстрее** почтовой кареты! Мы скорее можем ожидать, что люди из Вульвича [1] допустят, чтобы их выбросили с рикошетной ракетой Конгрева, чем довериться милости машины, идущей с такой скоростью. Мы поддержим любой ценой старого кормильца, реку Темзу, против Вульвичской железной дороги. Мы верим, что парламент (и это распространится на все дороги) установит предел скорости от 8 до 9 миль (от 11 до 14 км) в час. Эту скорость мы, целиком солидаризируясь с м-ром Сильвестром, считаем наибольшей, на что можно решиться с безопасностью».

Как только локомотив начал тащиться по рельсам, шлюзы оскорблений отверзлись и изобретатель стал встречать сопротивления на каждом шагу. Заседание министров в Манчестере возвестило, что железная дорога «противна закону бога». Лорд Дерби прогнал железнодорожных землемеров со своей земли, и Стефенсон должен был нанять призового борца для предохранения теодолита от поломки при перевозке. Писались памфлеты и подкупались газеты, чтобы поносить его работы.

Было об'явлено, что железная дорога помешает коровам пастись, курам нестись, и заставит женщин давать преждевременно жизнь детям «при виде таких вещей, идущих вперед со скоростью 4½ мили в час».

Парламент поддерживал реакционеров: птицы будут умерщвлены дымом, лисицы станут вымирать, лошади сделаются безполезными, а овес и сено перестанут продаваться; деревенские гостиницы будут разорены, паровые котлы взорвутся и подбросят пассажиров к небу и наконец вес локомотива будет мешать ему двигаться. Тем не менее Стефенсон был настойчив, и Вилльям Броугэм упросил его не говорить слишком много о скоростях до заседания парламентской комиссии, которая должна бы-

[1] Предместье Лондона, где находится арсенал. — **Ред.**

ла разобрать этот вопрос; в противном случае он неизбежно «испортил бы все и его сочли бы маньяком, подходящим для Бедлама» [1].

Такое же противодействие силе пара было проявлено и на море, где она была признана безумным и бесполезным новшеством. В 1826 г. британское министерство колоний попросило у адмиралтейства пароход для перевозки почты между Мальтой и Ионийскими островами. и какой же ответ оно получило? Следующий: «Их превосходительство считают своим долгом всеми возможными средствами отбить охоту к применению паровых судов. так как они находят, что введение пара нанесет роковой удар морскому превосходству империи».

С **автомобилем** было то же самое: он рассматривался как каприз механики и был прозван «Sparrow-starver» — «истребитель воробьев». В Англии в 90-е годы прошлого века всякий желающий применить машину должен был сначала нанять человека с красным флагом, причем этот последний должен был итти впереди машины, а не ехать в ней.

В начале этого века странные взгляды поддерживались даже мыслящими военными специалистами, которые утверждали, что «электрическое воспламенение слишком сложно для применения на войне», а «бензин по причине своей опасной воспламеняемости может быть только применен в ограниченной степени для повозок, применяемых на войне»; таким образом керосин в британской армии был запрещен до 1912 г. Но страх, который автомобиль причинит лошадям, был главным возражением. Для так называемой «курьерской службы» автомобиль был признан бесполезным. Один автор говорит: «Не представляется вероятным какое бы то ни было расширенное применение автомобиля для этих целей», а вопрос о «применении моторизованных кухонь», который также был предложен, был признан «не заслуживающим обсуждения». Все же, как и всегда, нашлось некоторое количество и мечтателей. Во вторник вечером 17 мая 1900 г. м-р Бальфур (позднее лорд Бальфур) сказал в палате общин, что он иногда мечтает — может быть это только мечта, — что в добавление к железной дороге и городской железной дороге (конке) он сможет увидеть большую дорогу, построенную для быстро движущихся моторов, что явилось бы огромным преимуществом, если бы это было практически выполнимо: оно сделало бы возможными перевозки работающего человека с одного места до дверей другого, чего ни один поезд не в состоянии сделать.

Наконец мы подходим к авиации. В 1909 г. на первом состоявшемся на Рейне летном совещании, где присутствовало несколько британских офицеров, ген. Гриерсон, способный солдат, рассматривая аэроплан, повернулся к стоящему рядом ген. Стоуну и сказал: «Скажите, Стоун, вы действительно думаете, что это представляет собой что-нибудь?» Позднее, в 1919 г., ген. Стоун, вспоминая этот факт, написал: «Прошло только десять лет, как приходится припоминать тот поразительный факт, что еще недавно лучшие головы армии (ибо я могу назвать другие имена, но не думаю, чтобы это было хорошо) считали всякого принимавшего полеты всерьез не совсем нормальным. Я говорю о том, что знаю».

Почему я так глубоко рылся в затруднениях минувшего? Почему я обратился назад к почтовым каретам, к давно забытым парламентским докладам и журнальным статьям? Я это сделал потому, что считаю, что то, что я назвал образом мыслей главной квартиры, является составной частью человеческой природы. Это — сопротивление, создающее противодействие. Это — сопротивление, без которого прогресс был бы лишен энтузиазма и своего всепобеждающего духа. Короче говоря, это тупоумие большинства людей служит точильным камнем, о который меньшинство оттачивает свои мозги и вынуждено делать это.

Но полк. Вагнер не отдает себе отчета в том, что в таком окружении трудно работать, а тем более, когда это последнее принимает военные формы. В гражданской жизни есть некоторая свобода, в военной же ее не существует. Вагнер сильно критикует танк и тех, кто усыновил эту новую машину войны. Конечно руководители этого дела совершили много ошибок, ибо органи-

[1] Дом для умалишенных в Англии. — **Ред.**

зация и тактика танка не возникли во всеоружии, как Минерва из головы Зевса. Первые танки были не только новыми, но и очень несовершенными орудиями. Кроме того те, кому они были поручены, привыкли думать о любых условиях войны, кроме танковой. А хуже всего было то, что их идеи, предложения и планы сначала до конца разрушались и уродовались образом мыслей главной квартиры.

Почему Вагнер не упоминает этих в высшей степени важных условий, недоучет которых делает его критику беспочвенной, если не глупой? Почему он не упоминает, что в сражении при Камбрэ главная квартира отвергла план Танкового корпуса, который предусматривал наличие 2 танковых батальонов в резерве на левом фланге, и вместо этого настояла на том, что в резерве вовсе не должно быть танков, а все должно быть брошено на линию фронта вроде движущейся китайской стены? Почему он скрывает от читателя, что, когда в марте 1918 г. наступил крах и германские войска оттеснили британские, Танковый корпус предложил сосредоточение танков в местности, на которой они могли бы внезапно со всей силой произвести контратаку, главная же квартира отвергла этот план и вытянула все танки на 96 км — фронт настолько обширный, что ни управление, ни снабжение стали невозможными? Почему он не сообщает своим читателям, что в великом танковом сражении у Амьена 8 августа 1918 г. главная квартира снова отказалась создать танковые резервы и, что еще хуже, придала кавалерии единственные 2 батальона средних танков «А» и тем самым лишила их возможности тактического применения, ибо, будучи связанными с наиболее уязвимым и наиболее устарелым родом оружия, они не могли ничего предпринять?

Он не делает этого или потому, что не хочет, или потому, что он настолько ослеплен предрассудками, что такие решительные факты ускользнули от его внимания. Вместо этого он изливает презрение на то, что было совершено в условиях величайших трудностей, а иногда и вопреки высшему начальству. Например в апреле 1918 г. главная квартира приказала распустить половину Танкового корпуса, имея в виду усилить пехоту, но Танковый корпус всеми возможными средствами оттягивал эти роковые мероприятия, и если бы он этого не делал, сражение у Амьена не было бы выиграно.

В этой борьбе за прогресс не было никаких личных выгод; наоборот в результате 8 августа именно те, кто делал все возможное, чтобы разрушить Танковый корпус, увенчали себя завоеванными танком лаврами.

С окончанием войны противодействие удвоилось. Для того чтобы спасти Британский танковый корпус от полного упразднения, необходимо было что-либо предпринять, причем в таком духе, чтобы убедить британский народ, что танк является ценной военной машиной. Как раз в это время в моем ведении находились танки военного министерства, и моя задача заключалась не только в том, чтобы спасти Танковый корпус от ликвидации, но и в том, чтобы, **создать такой танк, который удовлетворял бы изменившимся стратегическим и тактическим условиям времени.** Путем убеждения и большой пропаганды за танк в пределах военного министерства (ибо начиная с середины августа 1918 г. и до февраля 1920 г. я издавал ежедневную газету, называемую «Еженедельные танковые заметки» для распространения в военном министерстве) мне удалось склонить генеральный штаб к двум типам танков: кавалерийскому и легкому пехотному танку. Первый имел около 9 м в длину и должен был быть в состоянии двигаться по воде, а второй должен был иметь не более 10 т веса; максимальная скорость обоих должна была быть около 32 км в час.

Коротко говоря, я сам предложил эту большую скорость, ибо для 1919 г. она была большой, так как я предвидел, что медленный танк совсем не подойдет для британской стратегии. Имея обширные бездорожные пространства, империя требовала машин, которые могли бы быстро преодолеть эти пространства. Я также учел, что быстроходная машина могла привлечь внимание прессы, а через прессу — внимание публики.

По известным обстоятельствам (очень глупым, как я считаю) кавалерийский или средний марки «Д» танк был оста-

влен, легкий же танк развился в машину Виккерс марки I — «показательный» («Spectacular») танк, на который Вагнер и изливает бесконечные потоки брани...

Почему он это делает? Почему он, будучи американцем, возражает против рекламирования?

То, что мы живем в вульгарный век демократии, — не моя и не его вина, и так как мы не можем изменить этого, то нужно конечно сделать из него наилучшее применение. Рекламирование в конечном счете повышает ценность предмета, но это не значит, что рекламированный предмет обязательно представляет собой совершенный хлам.

Чтобы убедить в правильности своей точки зрения, т. е. что танк ничего не стоит, Вагнер ухватился за слово «показательный» и намекает, что моей целью было создать некое бесполезное оружие, просто цирковой трюк. Но почему слово «показательный» должно быть именно так понято? Он обвиняет меня в грубом и преднамеренном преувеличении и очевидно считает, что лучший путь к истине — это искажение.

О моем предложении в 1921 г. создать «амфибию», которая сама могла бы двигаться от корабля к берегу и высаживаться на территорию противника, он говорит как о «волшебных сказках Гримма»; между тем в 1931 г. такая машина уже построена фирмой Виккерс-Армстронг (а не изобретена, как он говорит, Лиддель-Гартом). Правда эта машина еще в младенческом состоянии, но вполне определенно можно сказать, что подобно большинству здоровых детей она будет расти, и, когда, скажем в 1945 г., «амфибия» переплывет через Английский канал, его острота по поводу республики Сан-Марино будет так же мала, как мала эти республика. Я не сомневаюсь, что тот же жест был брошен в сторону первой подводной лодки Фультона, между тем как в настоящее время подводная лодка может переплыть весь мир.

Преувеличивать мощность существующего оружия конечно неправильно, но дать картину будущих возможностей и об'яснить, чего может достигнуть и по всей вероятности достигнет в полном своем развитии известный род оружия, не только правильно, но и необходимо. Было ли неправильным, что Стефенсон или Бальфур предсказали будущее? Во всяком случае, как бы оба их предсказания ни казались преувеличенными для того времени, они давно остались позади действительности, ибо прогресс неизбежно превосходит воображаемое.

Преувеличение, примененное к будущим возможностям, является только синонимом предположения. Почему не могут танки прыгать, плавать или летать? Нет ничего иррационального в этих предположениях. Между тем всегда можно найти таких людей, которые страшатся всякой новости не потому, что она бесполезна или невозможна, но потому, что кто-то другой первый подумал о ней. Для них это оскорбление, чтобы кто-то упражнялся на том, что составляет предмет их воображения, или, как в данном случае, находится вне пределов образа мыслей главной квартиры. Посмотрите на войну; она началась с мыслью, что пехота — царица полей сражения, но когда оказалось, что при современных условиях этот род оружия вовсе не царица, а «неряха в канаве» [1], военная мысль обратилась к артиллерии. Однако слабым местом пушки были недостаточная подвижность и неспособность лошадей и команды противостоять ружейному и пулеметному огню. Ответом на эти затруднения явился танк, т. е. защищенная от пуль самоходная артиллерия. Но вот настал мир и снова вернулись к царице полей сражения, назад к пешему человеку с ружьем и штыком, к пушке с конной тягой и к кавалеристу с ножом для резки мяса длиной в ярд [2] и с заостренным шестом [3]. Являются ли наши «преувеличения» по сравнению с таким невообразимым возвращением к войне эпохи почтовой кареты таким ужасным грехом, как хочет нас уверить Вагнер, и неужели лучшим способом в данном случае должно быть преувеличение в обратную сторону? Это значит представлять в искаженном виде возможности танка не для того, чтобы улучшить его в буду-

[1] Фуллер имеет в виду позиционную войну и в частности окопы низменной Фландрии, занимаемые английскими войсками. — Ред.

[2] Ярд = 0,9 м.

[3] Фуллер подразумевает очевидно саблю и пику.

[illegible] для того, чтобы запятнать его [illegible]ое.

Для читателя непрофессионала критика Вагнера может показаться сокрушительной, но для людей вроде меня, в течение долгого времени связанных с танком, его историей и организацией, такая критика представляется слишком легковесной.

Мне кажется, что ее основной недостаток заключается в том, что вместо того, чтобы полагаться на свои собственные мысли, Вагнер перерыл всю историю танковой войны с целью извлечь всякие слабые места, недостатки и ошибки и затем построить на них свои теории.

В своем желании завершить свои беспочвенные построения он даже часто забывает указать источники своей информации. Так большинство его схем взяты из работы Лиддель-Гарта «Война в действительности», так же как и большая часть его исторической информации была извлечена из той же книги, кстати сказать написанной танковым энтузиастом. Если это не так, то тогда следующие два примера, взятые из многих, показывают, до какой степени великие умы способны совершенно одинаково мыслить.

«Возможности танка», часть 1-я

«Батальоны произвели атаку волнами меньше чем в 100 ярдов (90 м) одна от другой; пехота шла почти касаясь плечом к плечу, симметричной линией, медленным шагом, постепенно приближаясь с поднятыми штыками, возможно для того, чтобы привлечь внимание противника. В эту ночь многие батальоны едва ли сохранили больше сотни людей».

«Война в действительности», стр. 243 и 413.

«Батальоны атаковали 4 или 8 волнами не более 100 ярдов одна от другой, и в каждой люди находились почти плечом к плечу, в симметричных построениях, обученные медленным шагом двигаться постепенно вперед, с ружьями наперевес, с поднятыми штыками, на глазах наблюдающего противника. Можно ли удивляться, что с наступлением ночи 1 июля многие батальоны сохранили едва лишь по сотне человек?»

«Возможности танка»

«21 марта 1918 г. заря была встречена грохотом приблизительно 4 000 германских пушек, сопровождаемым бурей разрушений, не имевшей себе подобной в течение предыдущих лет войны, на фронте в 72 км, тянувшемся от Арраса через Сен-Кантен и Ля-Фер. С наступлением темноты германские войска повели наступление на британский фронт на протяжении 64 км и через неделю они проникли на глубину в 64 км, т. е. к самой окраине Амьена».

«Война в действительности»

«В 4.30 утра 21 марта 1918 г. внезапный грохот 4 000 германских пушек возвестил о прорвавшейся буре, которая по своему масштабу, внушительности и разрушительной силе превзошла всякие другие (бури) мировой войны. К ночи поток германских войск наводнил британскую территорию на протяжении 64 км, через неделю германцы забрались в глубину на 64 км почти до окраин Амьена».

Хотя такие замечательные совпадения (текста) несколько подозрительны, но это не имеет большого значения для общих выводов. Ненадежность вагнеровской критики заключается в другом, именно в ошибочных заявлениях и искажениях, причем последнее заметно во многих случаях, когда цитаты вырываются из контекста и неверно истолковываются. Что касается явных ошибок, то мы находим упоминание о французском 130-тонном танке, что приблизительно вдвое превышает вес существующего французского танка, не пробиваемого цельным снарядом. Нам говорят, что ко времени заключения перемирия союзникам не хватало снабжения. На самом деле это не так. Никогда за время войны снабжение не было в таком изобилии, и это доказывается огромными количествами его, ликвидированными после войны. Не в снабжении заключалось затруднение, но в отсутствии путей сообщения в передовой зоне, и британское правительство с целью преодолеть это заказало 10 000 вездеходных тракторов на 1919 г.

Нам сообщают, и не один раз, что в 1907 и в 1908 гг. в Альдершоте были испытаны «танки», чего на самом деле не было. Правда некоторые гусеничные по-

возки были испытаны, но идеи танка тогда не существовало, исключая разве плодотворной мысли м-ра Уэлльса.

Ошибки, подобные вышеуказанным, мы все способны делать, но недопустимые искажения носят уже совсем другой характер. Так Вагнер придает большое значение тому факту, что, несмотря на то, что в марте 1918 г. британцы обладали танками, а немцы нет, британские войска потерпели поражение, а германские победили. Между тем, если бы он был беспристрастным автором и прочел бы мою книгу «Танки в мировой войне», которая является беспристрастной и безличной историей, он бы во всяком случае указал, что по распоряжению главной квартиры, которому Танковый корпус вынужден был подчиниться, расположение танков было таково, что они оказались вне связи с тактической обстановкой: 13 танковых батальонов были растянуты по фронту в 96 км! Возьмите опять-таки плановую наметку для танков на 1919 г., достаточно полно цитированную Вагнером в 3-й части его статей.

Этот план был разработан мною самим в течение лета 1918 г. с целью удовлетворить ряду условий, не только существовавших в то время, но и таких, которые возможно должны были существовать весной 1919 г. Одно из этих условий заключалось в том, что если бы даже германское командование начало сразу строить танки, то к 1919 г. их число было бы все же недостаточным, чтобы противостоять 6 000 — 8 000 танкам, строившимся у союзников. Этот план был выработан для одной определенной операции, и Вагнер, читая мою книгу «О будущей войне», должен был это понять.

Что же он говорит по этому поводу? «Разберем случай двух индустриальных стран, стоящих лицом к лицу соответственно обстановке, нарисованной ген. Фуллером для танковой атаки на фронте в 160 км длиной или скажем на протяжении от Балтиморы до 16 км за Филадельфию. Сядьте спокойно и учтите проблемы внезапности сближения, топлива, снабжения, боевого питания и т. д., возникающие для этой механизированной армии. И вот в то время, когда эта армия наконец готова вырваться на свободу и молниеносно опрокинуть противника, вы обнаруживаете армию, равную или превосходящую вашу, которая оставляет свои позиции и приближается к вам со скоростью скажем 32 км в час. Результаты этого боя я предоставляю вашему воображению» [1].

Зачем Вагнер так искажает этот план и применяет его к совершенно разным военным операциям? На это может быть один ответ: стремление умалить роль танка всеми возможными средствами. Однако такая критика сама себя бьет, ибо она вся пропитана предрассудками.

Возьмем еще один пример — **потери.** Во всех первых четырех частях его статьи он всеми силами старается доказать, что так как потери в танках были велики, то это вообще бесполезная машина. Но он умалчивает, что **именно по этой причине потери пехоты были небольшими.** В сражении при Камбрэ, о чем речь будет ниже, пехота с танками продвинулась за 12 часов на большую глубину, чем в том же году за 3 месяца под Ипром... При Камбрэ потери составляли 5 000, а под Ипром — 375 000 человек.

В первой части он дает указанные мною официальные цифры. Эти цифры показывают, что хотя в Танковом корпусе убитых было 12,58% по сравнению с 19,96% убитых в пехоте, процент раненых составлял соответственно 70,24% и 64,23%. Вагнер не пытается об'яснить такого расхождения, так как он вероятно не знает, что по крайней мере 50% ранений в танках были обязаны «брызгам», т. е. раскаленным частям никеля и свинца, проникавшим в стыки брони и т. п. Из этих ранений, насколько мне известно, ни одно не оказалось роковым и многие из них оказались просто царапинами, которые были зарегистрированы как раны только потому, что они вызвали предупредительные меры против заболевания столбняком. Приводя эти цифры о потерях, Вагнер должен был бы однако прибавить следующее, написанное мною непосредственно за этим: «Эта низкая цифра убитых не была следствием того, что люди Танкового корпуса принимали участие в меньшем ко-

---

[1] Фуллер хочет сказать, что весь план танкового строительства был рассчитан на то, чтобы получить значительный численный перевес над германцами, у которых не могло быть равных или превосходящих сил. — **Ред.**

личестве операций, чем другие рода оружия; в 1918 г. немногие пехотинцы вели наступление на укрепившегося противника больше чем 4 раза, между тем как многие танкисты участвовали в операциях по 15 раз». В действительности в течение последних 3 месяцев войны потребность в танках была такой непрерывной и настоятельной, что не хватало даже времени для ремонта. Независимо от того, в каких условиях находился танк или команда, он перебрасывался с одного пункта на другой, и мужество, проявленное офицерами и рядовыми, танкистами, заслуживает, я думаю, более рыцарского пера, чем перо Вагнера!

Что же лежит в основе всех этих неправильных цитат и искажений? Нечестность? Нет, я не думаю этого, но это глубоко вкоренившееся заболевание, которое за неимением лучшего термина я назову «вагнеритом», характеризующееся постоянным недовольством и в течение всей истории направленное против изобретателей. Перед нами человек, по всей вероятности участвовавший в войне, — инженер-консультант хорошо известной фирмы. Какую выгоду он может извлечь преувеличением слабых сторон танка?

Честность его мнений настолько прямолинейна, что он не видит, насколько они искажены на самом деле. Его военный кругозор ограничен 1914—1918 гг., и все, что за пределами этих лет, представляется ему пустым местом. Тем, кто смотрит, как он, он шлет спасение; тем же, кто смотрит за пределы 1918 г., — проклятие. Его честность носит характер почти религиозного пыла. Это наиболее характерная черта «вагнерита».

Он представляется мне похожим на человека, который, наблюдая применение канонерских лодок на Теннеси-Миссисипи и других реках во время гражданской войны в Америке, был так поражен виденным, что, увидя через 14 лет военный корабль, не мог удержаться от осуждения его изобретателей в условиях возможностей не 1879, а 1862 г. Для Вагнера очевидно все войны должны быть позиционными войнами, точно так же как для упомянутого предполагаемого свидетеля все войны на воде должны быть речными операциями. Он не видит, что **позиционная война была создана бессилием пехоты в наступлении.** Он не видит, что это **пуля ввела лопату, лопата — окопы, окопы — проволочные заграждения, а эти заграждения — множество снарядов.** Он не видит или не понимает, что танк, несмотря на его несовершенство и недостатки, несмотря на недостаточную подготовку людей, управлявших им, и несмотря на многие ошибки, все же нейтрализовал пулю и следовательно распутал, может быть неловко, но все же решительно, ужасный узел позиционной войны и снова сделал возможной **маневренную войну.**

Хотя танк и был построен для позиционной войны, но думает ли Вагнер, что он на самом деле может наиболее полно развернуться именно в такой войне? Разве он не в состоянии понять, что если бы танки в большом количестве существовали в начале войны, мы не имели бы такой позиционной войны, какую мы знаем? Действительно ли он думает, что если бы сегодня была об'явлена война, то перед нападающей армией сразу предстали бы тысячи километров окопов, десятки тысяч километров колючей проволоки, 100 000 пулеметов, 15 000 полевых пушек и 5 000 тяжелых орудий, как перед первыми танками в 1916—1917 гг.? Считает ли он, что если канлодки Фута у форта Донельсон (США) в 1862 г. были до крайности несовершенны, то эти несовершенства должны быть унаследованы каждым военным судном, которое может быть построено, и каждым сражением на воде, которое может иметь место?

Совершенно очевидно, что вся мощь танка в позиционной войне не может быть развернута. Идея танка — это просто идея бронированного коня. Какого сорта войну ведет лошадь, безразлично какая лошадь — бронированная или небронированная? Что это: позиционная война или маневренная? Какую войну ведет военное судно? Что это: борьба в гаванях или в открытом море? Слишком глупо отвечать на эти вопросы: учащийся в академии [1] в Сандхэрсте или Вест-Пойнт (США) просто высмеял бы их. Надо исследовать факты так, чтобы обнаруживать наши ошибки, но не надо ограничиваться только ударением на них из желания доказать, что эти ошиб-

[1] Военных школах. — **Ред.**

ки означают все, а из успехов нельзя извлечь ничего. Тот, кто не имеет чувства меры и перспективы, кто видит все косо и вне фокуса, страдает всеразрушающим недовольством или «вагнеритом», т. е. болезнью, которая делает людей слепыми и против их воли превращает их в нечестных людей. Теперь в качестве примера я разберу сражение при Камбрэ.

Много писалось об этом сражении. В частности в моей книге «Танки в мировую войну» читатель найдет полный и, мне кажется, точный отчет о роли, которую танки сыграли в этом сражении; все же осведомленность Вагнера здесь крайне отрывочна. Он говорит:

«20 ноября 1917 г. у Камбрэ 476 британских танков без предварительной подготовки внезапной атакой прокатились через германскую армию почти по своей воле. Это была первая настоящая встреча на поле сражения, следовательно это нечто, к чему не готовились и что благодаря внезапной атаке привело к очень удачному исходу. На этом основании танк был сразу признан панацеей от всех неудач в сражении.

Фактически же танки впервые были применены 15 сентября 1916 г. и до сражения у Камбрэ они участвовали у Арраса, Мессин и под Ипром. У Камбрэ они выполнили то, что Танковый корпус наметил, так что их успех не явился неожиданностью».

Что касается германской контратаки, имевшей место 30 ноября, то он пишет: «... 10 дней спустя после исключительного успеха, одержанного танками во внезапной атаке, германские войска в свою очередь, не имея никаких танков, контратаковали британские войска у Камбрэ, причем нападавшим удалось вытеснить их из тяжело доставшейся позиции». Он однако не сообщает читателю, что незадолго до начала атаки все танки были уведены в ремонт и что вскоре после начала германской атаки танки 20-й бригады, не находившиеся в боевой готовности, спешно изготовились и путем контратаки остановили наступление германцев в окрестности деревни Гузокур. У него настолько предубежденный взгляд на это сражение, что для читателя может представить интерес мое краткое описание некоторых встретившихся и преодоленных трудностей.

В течение более 6 месяцев Танковый корпус настаивал перед главной квартирой на возможности разрушения проволочных заграждений посредством танков вместо бомбардировки, которая под Ипром обошлась в 22 млн. фун. стерлингов, и 3 августа 1917 г. план такой атаки был предложен в районе к югу от Камбрэ. Этот участок был избран потому, что он был сильно укреплен, а потому атака здесь не представлялась вероятной. Местность здесь не была изрыта снарядами, и так как замысел заключался не в том, чтобы дать решающее сражение, а произвести рейд, то каналы, проходившие вдоль флангов участка, должны были на несколько часов защитить фланги рейдирующих сил. В течение 11 недель ничего не было сделано, а затем неожиданно 20 октября штабу Танкового корпуса было приказано подготовиться к прорыву на 20 ноября. Первоначальный замысел не имел ничего общего с прорывом, и для такой атаки каналы настолько ограничивали полосу действий, что не представлялось возможным расширить фронт ударами танков вправо и влево. Это было указано главной квартире, но по моему мнению начальник генерального штаба был уверен, что атака была слишком фантастичной, чтобы оказаться успешной, и потому ему казалось, что нет никакой разницы, смогут или не смогут танки преодолеть каналы.

Раз сражение было намечено, пришлось менее чем в месяц выполнить следующую работу: выработать тактику и подготовить 40 000 человек, изобрести способы преодоления 26-футовым (около 8 м) танком окопов от 12 (3,66 м) до 18 футов (5,49 м) в ширину и, что было всего труднее, убедить тех, кто был болен «вагнеритом», что атака возможна. Один командир дивизии сказал, что он никогда не слыхал ничего столь фантастичного, как это, и что заставить пехоту следовать за танками — это почти убийство. Несмотря на то, что предложенная штабом Танкового корпуса тактика танков была принята главной квартирой и штабом 3-й армии, этот генерал уклонился от ее выполнения, что и явилось причиной единственной неудачи на гребне Флексьер, имевшей место в первый день сражения.

Задача преодоления траншей была разрешена при помощи так называемых

танковых фашин, больших связок хвороста, сделанных из нескольких обыкновенных фашин; эти фашины укладывались над головной частью танков. Когда встречался широкий окоп, то посредством быстрого выключателя, действовавшего внутри танка, фашина опрокидывалась в траншею и тем служила поддержкой для хвостовой части танка в момент, когда танк пересекал траншею. На создание таких танковых фашин было употреблено 21 500 обыкновенных фашин, для чего потребовалось нарубить 400 т кустарников и, что особенно усложнило дело, достать 3 660 м цепи, собранной в Англии.

Обучение подвигалось с наивысшей скоростью, и так как лишь немногие офицеры верили, что танк сможет выполнить то, что намечено Танковым корпусом, то каждому подразделению было приказано вырыть свои опытные окопы и сделать свои заграждения. Одно подразделение, помнится мне, вырыло окоп в 10 футов (3,05 м) глубиной и 15 футов (4,58 м) шириной и защитило его заграждением в 8 футов высотой, причем вместо кольев были забиты 9-дюймовые (22-см) подпорки, применяемые в шахтах. Между ними была так густо напутана колючая проволока, что сквозь нее едва можно было видеть. Все это казалось непреодолимым препятствием, и тем не менее танки прошли через него, как слоны через плантации сахарного тростника.

Все эти затруднения были легко преодолены кроме одного, и так как это одно не было преодолено, то сражение потерпело крушение до того, как началось. План Танкового корпуса был выработан применительно к местности; по плану 6 батальонов из 9, составлявших Танковый корпус, должны были двигаться в одной линии, с тем чтобы вести колонну наступающей пехоты, имея 2 батальона в резерве на левом фланге и 1 батальон на правом. 2 резервных батальона левого фланга должны были двигаться на лес Бурлон, оперативный ключ позиции, а затем на Камбрэ, главный железнодорожный узел этого района. Этот план был целесообразен в оперативном и тактическом отношении, и, если бы он был принят, можно не сомневаться, что сражение имело бы гораздо больший успех, чем это было на самом деле, а контратака германских войск 30 ноября не имела бы места. Что препятствовало принятию этого плана? Опасения, что танкам не удастся выполнить намеченного Танковым корпусом плана. Опасения — это провал, тогда как девизом Танкового корпуса было «Не бойся!». Командующий 3-й армией верил в танки, но его вера не была глубоко обоснована. Главная квартира не верила в них, в результате чего план Танкового корпуса был отвергнут и отдан приказ: **все танки в течение ночи выстроить в одну линию** и с рассветом 20 ноября атаковать ими наподобие движущейся стены. **Никакого танкового резерва не было оставлено,** так же как не было в резерве и пехоты, а когда французское командование предложило главной квартире корпус для поддержки атаки, последняя отказась от этого предложения!

Если какое-либо сражение потерпело крушение по вине высшего командования, то это было сражение при Камбрэ. У меня до сих пор хранится копия докладной записки, поданной мною командующему Танковым корпусом ген. Эллису, в которой я указывал, что если план главной квартиры останется в силе, все сражение может стать «делом одного дня», что в действительности и случилось.

Учтя все эти и многие другие имевшие место моменты, критика этого сражения, данная Вагнером, приобретает совершенно другой смысл.

Камбрэ было откровением для неверующих. Оно показало, что несовершеннейшая из несовершенных машин — танк марки IV (настоящие «Меримаксы» и «Мониторы»)[1] — могла заменить артиллерийскую подготовку и притом гораздо более эффективно. При Камбрэ 4 000 офицеров и рядовых Танкового корпуса за 12 часов выполнили то, что 120 000 артиллеристов в том же году под Ипром не смогли выполнить за 12 недель. Если бы все участвовавшие в этом сражении 476 танков были разбиты на куски, то эта потеря в деньгах выразилась бы в 2 500 тыс. фунт., между тем как я уже упоминал, 107 000 т снарядов, израсходованных в подготовительной бомбардировке под Ипром, стоили

[1] Американские военные корабли эпохи гражданской войны в США. — **Ред.**

22 млн. фунт. На эту напрасно истраченную сумму можно было бы построить 4 400 танков. Другой факт, более значительный, чем денежный, заключался в том, что артиллерийская подготовка разрушала все передовые пути сообщения, покрывая укрепленную полосу противника полосой воронок, которые являлись еще более непреодолимым препятствием, тогда как танковая атака не наносила местности никакого вреда.

Несмотря на это, ни один здравомыслящий человек в настоящее время не стал бы подготовлять второго сражения при Камбрэ, потому что ни один не пораженный «вагнеритом» не мог бы поверить, что в начале будущей войны нападающему будут противопоставлены полоса Гинденбурга в 8 км глубиной и поля проволочных заграждений, защищенные тысячами пушек. Я вполне согласен с Вагнером, что можно построить танконепроницаемую полосу фортов, и, если бы например поляки имели несколько миллиардов долларов в своем распоряжении, они могли бы не пропустить на свой фронт ни единого русского танка. Я также уверен, что если бы британское командование хотело вторгнуться во Францию посредством прямой сухопутной атаки, то наиболее верным способом было засыпать Английский канал. Когда деньги имеются без счета, всяческие необычайные вещи могут быть осуществимы.

Я допускаю, что полосы «танковых фортов» есть разумная практическая мера защиты границ небольшого протяжения, но они совершенно нецелесообразны на границах большого протяжения и, будучи даже построены, они бы не смогли помешать воздушным атакам. Но что же предлагает сам Вагнер? Это трудно сказать, ибо, развенчав танк, он даже не намекает на то, что он бы сделал. Очевидно, несмотря на уроки последней войны, он все еще верит в пехотные орды, поддержанные тысячами и тысячами пушек. Пехота должна быть вооружена «крупнокалиберными автоматическими ружьями», а артснаряды начинены термитом. Но для чего все это, я не могу понять, так как простое попадание в гусеницу танка совершенно достаточно, чтобы вывести его из строя: ведь в конце концов танк не сделан из ваты.

Не веря во внезапность, Вагнер говорит: «По моему мнению внезапные танковые атаки — дело прошлого, так как уроки, преподанные прошлой войной, не забыты, и не нужно обладать большим воображением, чтобы понимать, что всякий будущий командир армий будет настороже в отношении такого рода внезапностей». Безусловно они будут настороже. Но почему не предложить мысль? Почему не вообразить, что будущая война будет разниться от прошлой? Почему не вообразить, что война будет другой? Ведь мир как-нибудь продвинулся с 1914—1918 гг.? Было ли бы например мудро, если бы ген. Того применил бы у Цусимы тактику, применявшуюся в канале Гэмптон Родс?

Он не верит в скорость, т. е. подвижность. Он пишет: «Мы говорим о создании танков со скоростью 64, 80 и 96 км в час. Какую уверенность мы можем иметь, что у нас представится случай применить такую скорость в современной войне, кроме разве необходимости выбраться с поля, когда для нас станет слишком жарко?» Безусловно никакой уверенности нет, ибо, как Клаузевиц сказал, «война — это область случая». Все же умение во-время уйти есть очень важная часть военного искусства, ибо чем быстрее можно уйти из затруднительного положения, тем скорее можно поставить в него противника, и если одна сторона не обладает быстротой своего противника, она очевидно будет в менее выгодном положении. Я хотел бы задать Вагнеру вопрос. Предположим, что он командовал бы батальоном пехоты и я пришел бы к нему и предложил бы пакет таблеток, которые, будучи проглочены, дали бы его людям возможность делать 10 км в час вместо 5 км; принял бы он это предложение или нет?

Он не любит дыма. «Танк, — говорит он, — может применить дымовую завесу, чтобы скрыть свое продвижение, но дым в то же время приносит вред танку, так как руководители танка не могут видеть, что именно может встретиться; кроме того артиллерия обороняющейся стороны будет конечно искать такую дымовую завесу».

Предполагает ли он, что в таких операциях все танки будут выпускать дым? Разве он никогда не видел, как отде-

ление дымопроизводящих машин движется к флангу скажем на расстоянии 1,5 км от него и выпускает дым на фланг длиной в 1,5 км? Я не могу себе представить, чтобы он это видел, ибо в противном случае он бы не писал таких трескучих фраз.

Что ему нравится? Во что он верит? Что он предлагает? На все на это мы получаем лишь следующий смутный ответ:

«Познайте свои материальные средства так же хорошо, как и средства своего противника. Учтите пределы возможностей обеих сторон и не пытайтесь совершить невозможного, кроме тех случаев, когда жертвы неизбежны».

Другими словами: совершите самоубийство, ибо если операция невозможна, то пробовать ее — акт глупца. Гораздо лучше, полковник Вагнер, поднимите руки и сдайтесь.

Перевела **Л. Борисова.**

Внезапная атака танков у Камбрэ

Глава из книги Лиддель-Гарта «*The Real War* 1914—1918 гг.».

Автор дает цельное описание этого эпизода, сообщая некоторые неизвестные до сего времени подробности, а потому редакция сочла необходимым дать ему место, тем более что в статье «Возможности танка» ген. Фуллер касается танковой атаки у Камбрэ, не давая цельного очерка.

19 ноября 1917 г. на фронте у Камбрэ германские войска невозмутимо хладнокровно рассматривали английские неприятельские линии, казавшиеся с виду спокойными и не внушавшими никаких подозрений. Их собственная безопасность была, казалось, обеспечена в сильно укрепленных и удобно оборудованных траншеях линии Гинденбурга, меж тем как множество их товарищей вело ожесточенную борьбу в разрушенных снарядами грязных норах и выступах у Ипра; немцы радовались не только неприступности своей знаменитой укрепленной линии, но и упорству ничему не научившихся англичан, настолько поглащенных боями у Ипра, что до зимы нечего было опасаться наступления на каком-либо другом участке фронта.

Вдруг на рассвете 20 ноября без всякой артиллерийской подготовки, которая оповестила бы немцев о приближении танков, на изумленных немцев двинулся 381 танк в сопровождении незначительных пехотных частей. Немцы могли конечно почувствовать огорчение, не получив обычного предупреждения, которое всегда давалось им за 4 или 5 дней, чтобы они могли как следует приготовиться к приему гостей.

21 ноября в Лондоне торжественно звонили во все колокола по случаю успеха, предвещавшего, казалось, полную и близкую победу. В это время Людендорф, принявши снова верховное командование германскими армиями, спешно составлял приказ об общем отступлении.

Но и колокольный звон и приказ Людендорфа, хотя они и носили пророческий характер, оказались преждевременными на 9 месяцев, ибо 30 ноября началось такое грозное контрнаступление немцев, что преждевременное торжество вызвало в общественном мнении одно лишь сильное неудовольствие. Восторг сменился упреками, началось следствие о причинах поражений, и в общественном мнении слово «Камбрэ» скорее напоминало о последующих поражениях, чем о первоначальных успехах.

Однако теперь, когда у нас имеются более полные сведения, выяснилось, что черным днем в национальной летописи надо считать 20-е, а не 30 ноября. Как ни мрачна эта страница истории мировой войны, она служит одним из самых ярких примеров, оправдывающих пого-

ворку «нет худа без добра». Ибо если сам по себе день 20 ноября 1917 г. является сплошной трагедией ошибок, то его влияние на судьбы Антанты было благоприятно, ибо этот день указал и проложил путь для победоносных методов 1918 г. и, если смотреть глубже, послужил одной из вех в истории военного искусства, зарей новой эпохи.

Эти одиннадцать дней быть может являются наиболее драматическим эпизодом в мировой войне. Но, несмотря на всю необычайность развития этого эпизода вследствие резкой перемены военного счастья, действительное содержание наступления у Камбрэ лежит глубже и незаметно при поверхностном наблюдении. Во-первых вопросом величайшей важности является вопрос о возникновении этого наступления, так как оно открыло новый цикл в развитии военного дела. Самые корни надо искать приблизительно двумя годами, а непосредственные причины четырьмя месяцами раньше.

Руководящей идеей первых сторонников использования танков была идея **внезапного** применения танков **крупными массами;** эта мысль была не только высказана, но и детально разработана в феврале 1916 г., т. е. за семь месяцев до того, как на Сомме было введено в действие самое незначительное число танков при условиях, нарушавших все разработанные в докладной записке основы применения танков. К счастью в 1917 г. главный **штаб танкового корпуса** во Франции пришел опытным путем к таким же идеям, хотя впротивовес английскому генеральному штабу он не был знаком с указанной докладной запиской.

3 августа 1917 г. старший офицер генерального штаба полковник Фуллер составил план большого танкового рейда на более подходящем участке фронта. В вводной части этого плана, который является превосходным образцом предвидения, мы читаем: «С точки зрения участия танков третье сражение на Ипре следует считать непригодным. Продолжать применять танки в нынешних условиях — это значит не только выбрасывать на ветер хорошие машины и самый лучший личный состав, но и понижать моральное состояние пехоты и экипажа танков вследствие постоянных неудач. С точки зрения пехоты третье сражение на Ипре следует считать неестественно вялым. Оно может продолжаться только при огромных потерях со слабым успехом».

Далее следует продолжение: «Для восстановления британского престижа и нанесения немцам до зимы эффектного удара рекомендуется начать немедленные приготовления к взятию Сен-Кантена». Затем Фуллер указывает, что в стратегическом отношении это — разумная операция, как подготовительный шаг к продвижению на Ле-Като и Валансьен в следующем году. При обсуждении этого проекта было выдвинуто возражение, что его выполнение потребует комбинированных англо-французских операций, сложность которых помешает новому методу достигнуть успехов. Поэтому 4 августа был составлен второй проект танкового рейда к югу от Камбрэ. Следует подчеркнуть название «рейд», ибо первоначальной целью задуманной операции было «уничтожить живую силу противника, деморализовать и дезорганизовать его, но не захватывать территории».

Как сказано в предварительном замечании, «продолжительность рейда должна быть небольшой, от 8 до 12 часов, чтобы противник совсем не успел сосредоточить сил для контратаки или сосредоточил их мало». Если бы так действительно поступили, то нам бы не пришлось горевать по поводу 30 ноября. Всю операцию можно подытожить словами «наступление, удар, отход назад». Крупный рейд такого характера не только мо· уменьшить боевую мощь противника, но и ограничить его инициативу в сражении, происходящем одновременно в другом пункте.

Для участия в рейде проект предлагал применить три танковых бригады по два батальона в каждой и «одну или лучше две пехотных или кавалерийских дивизии» с отдельной артиллерией. Операции должны были вестись по фронту шириной около 7 200 м. Целью операции было «вторгнуться в клин, образованный каналами Шельды — Сен-Кантен между Рибекур — Кревкер — Банте». Силы, совершающие рейд, должны были быть разделены на три группы, из которых главная должна была очистить местность в этом мешке внутри каналов, в

то время как две меньшие фланговые группы прикрывают главную операцию.

«Сущность всей операции заключалась во внезапности и быстроте действия. Через три часа после начала уже мог начаться отход, причем танки и самолеты должны были действовать в качестве арьергарда спешенной конницы, отходившей вместе с пленными».

Указанный участок фронта находился в районе действий 3-й армии, которой командовал генерал Бинг; 5 августа командир одной из бригад танкового корпуса привез ему подробный проект рейда. Бинг одобрил идею, но был склонен расширить ее и превратить рейд в атаку с целью прорыва и взятия Камбрэ. На следующий день Бинг отправился в ставку главнокомандующего повидаться с Хэйгом и высказался за организацию в сентябре внезапной атаки с участием танков у Камбрэ. Главнокомандующий одобрительно отнесся к такому плану, но его начальник штаба, генерал Киггелл, решительно возражал против него на том основании, что армия не может одновременно выиграть двух решительных сражений в разных местах и лучше сосредоточить все силы до последнего человека на ипрском участке, которого Киггелл, кстати сказать, ни разу не посетил до окончания кампании.

Подобное расширение замысла способствовало тому, что рейд был отложен, точно так же как нежелание понять действительное положение вещей у Ипра способствовало тому, что была отложена атака у Камбрэ, пока для достижения решительных результатов не стало слишком поздно.

Воздавая должное настояниям Киггелля соблюдать принцип сосредоточения сил, историк может все же усомниться в том, был ли Ипр подходящим районом для осуществления этого принципа, имея в виду, что рассеивание внимания и разброска сил противника были всегда важным дополнением к сосредоточению собственных сил.

Возражений Киггелля оказалось достаточным, чтобы разубедить Хэйга, который все еще считал танки «мелким фактором». Таким образом проект рейда у Камбрэ был отложен на неопределенное время, и главное командование продолжало свои безнадежные усилия в болотах Пашенделя. Но ни Бинг, ни танковый корпус не хотели отказаться от своего замысла; с ними был согласен кое-кто из главного командования, и когда наступление у Ипра кончилось явной неудачей, к планам, обещавшим восстановить престиж британской армии, стали прислушиваться внимательнее. Наконец в середине октября план атаки у Камбрэ был санкционирован и атака была назначена на 20 ноября. Но теперь положение изменилось к худшему, ибо, если бы план увенчался успехом, этот успех был бы ограничен ввиду необходимости резервов, чтобы пожать его плоды. Между тем эти резервы были поглощены боями у Пашенделя.

Надо признать, что, хотя генеральный штаб и упустил удобный случай, теперь он может быть имел бы более правильное представление, чем командование 3-й армии, о масштабе операции, продиктованном отсутствием средств. Киггелл настаивал на том, чтобы холм Бурлон был лишь первым об'ектом, после взятия которого должно последовать боковое развитие успеха в северном направлении, а Хэйг ограничил операцию определенным временем. Но приказы 3-й армии были более честолюбивы в своем размахе и целях, несмотря на тот факт, что все имевшиеся в распоряжении этой армии пехотные дивизии и танки были брошены на первоначальный «прорыв».

План Бинга состоял в том, чтобы: 1) прорвать систему германской обороны, так называемую знаменитую линию Гинденбурга, в перешейке между каналом Шельды и Северным каналом, 2) захватить Камбрэ, лес Бурлон и переправу через реку Сансе; 3) отрезать немцев на участке к югу от реки Сансе и к западу от Северного канала; 4) развить успех в направлении на Валансьен. Силы, выделенные для осуществления этого смелого плана, включали III и IV корпуса (Пультнея и Вулькомба), состоявшие из трех пехотных дивизий каждый, кавалерийский корпус (Кэвэнэг), состоящий из двух дивизий, 381 танк и около 1 000 орудий.

Таким образом от первоначального проекта остался лишь основной замысел, метод применения танков и местность. Все прочее было сильно изменено. В этих изменениях именно и заключался зародыш поражения. Рейд превра-

тился в операцию крупного размаха с далеко простиравшимися целями. Вместо устройства «мешка» и затем отхода назад должно было быть совершено организованное наступление вдоль узкого прохода, ограниченного двумя каналами. Играя роль прикрытия при такой атаке, эти каналы превратились в опасность, ограничивая действия танков и мешая созданию «танковых флангов наступающей группы». Местность была удобная, большей частью с уклоном вниз, превосходная для движения танков, пересеченная только грядой Флекьер-Аврикур и холмом Бурлон.

Но слабая сторона общего плана заключалась главным образом не в условиях местности, а **в полном отсутствии резервов,** если не считать двух кавалерийских дивизий, ибо их полная бесполезность как резервов вполне проявилась в их неспособности повлиять на операции при наличии современных средств войны. Шесть дивизий, введенные в действие с самого начала атаки, — это было все, что имело в своем распоряжении командование 3-й армией для осуществления плана прорыва на Камбрэ к Валансьену. Чрезвычайно трудно понять, что командование думало делать в дальнейшем, так как без **резервов полный успех мог лишь привести к созданию крайне глубокого** и узкого выступа, для удержания которого потребовалось бы большое количество дивизий. Правда можно было воспользоваться еще гвардией и еще одной или двумя дивизиями, которые в конечном итоге действительно и были введены в действие, но они были расположены слишком далеко для немедленного вмешательства. Это положение несколько напоминало положение у Лооса. Французы перед самой атакой двинули один корпус в район Санли — Перонн, но по истечении первого же дня им было сказано, что их участия более не требуется.

Лучшим комментарием этого отсутствия резервов служит случай с генералом Франше д'Эспере, о котором рассказывает офицер, беседовавший тогда с генералом.

Долго раз'езжая на автомобиле в поисках сведений о сражении, Франше д'Эспере заехал в британскую главную ставку в Альбер. Он обратился к старшему офицеру генерального штаба с рядом четких вопросов о ходе атаки, ее фронте и глубине и подошел наконец к последнему самому главному вопросу: «А где же были ваши **резервы?»** — «У нас их не было, генерал». Французский командующий воскликнул: «Боже мой!», повернулся на каблуках и вышел.

Вернемся теперь к плану танковой атаки. В план были включены следующие задачи. Надо было застать противника врасплох, преодолеть широкое и глубокое препятствие, каким являлась линия Гинденбурга, и обеспечить взаимодействие между пехотой и танками для их обоюдной безопасности. Тщательная организация и отсутствие предварительной артиллерийской подготовки способствовали осуществлению первой задачи. Трудности, которые представляла линия Гинденбурга, были преодолены благодаря применению огромных фашин: громадные вязанки хвороста, укрепленные в передовой части каждого танка, сбрасывались у края траншей линии Гинденбурга, вследствие чего танки, шедшие по три во взводе, могли преодолеть три последовательных препятствия. Затем в качестве особой меры был разработан и осуществлен строгий план атаки в жестком построении, при котором в каждом взводе головной танк шел на расстоянии каких-нибудь 100 ярдов впереди двух танков главных сил, сдерживая огонь противника и прикрывая главные силы, ведущие вперед пехоту. Пехота шла в рассыпном строю непосредственно за главными силами танков. Танки прокладывали пехоте путь сквозь ряды проволочного заграждения противника и нейтрализовали огонь неприятельских пулеметов, пехота же завершала дело и прикрывала танки от орудий противника на близком расстоянии. Единственной ошибкой плана танковой атаки по мнению знатоков этого дела было то, что танки вели атаку по всему фронту, **вместо того чтобы атаковать отдельные тактические точки,** и это привело к отсутствию танковых резервов, нужных для дальнейших фаз боя.

Подготовка к бою велась чрезвычайно умело, в обстановке строгой тайны. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно размаха и фронта атаки, были произведены газовые и дымовые атаки по широкому фронту к северу и

к югу от действительного участка наступления, а также организованы ложные атаки и рейды с фальшивыми танками.

Тем не менее один человек едва не открыл тайны, охраняемой всеми. Пленный из ирландского полка сообщил о предстоящей атаке и с сосредоточении танков, но к счастью ему не поверили, и командующий германской армией генерал фон-дер-Марвиц сообщил 18 ноября в своем донесении, что атака не предвидится. Но 19 ноября около Бюлькура было подслушано английское телефонное сообщение: «Вторник — Фландрия». Это звучало как комбинация даты и шифра и возбудило у немцев подозрения. В эту ночь по войскам был отдан приказ о боевой тревоге, и генерал Марвиц спешно использовал для укрепления своей обороны дивизию, только что переброшенную с русского фронта. Но если немцы ждали теперь атаки, то они ждали также обычной артиллерийской подготовки; отсутствие последней именно и обеспечило британской атаке эффект внезапности, который был еще усилен утренним туманом.

В 6 часов утра 20 ноября танки и пехота двинулись в атаку по фронту приблизительно шириной в 10 км и добились первоначального деморализующего успеха всюду кроме левого участка против Флескьера. Главной причиной этой единственной серьезной задержки было то, что командир 51-й дивизии Гарпер предпочел пользоваться собственным методом, а не подчиниться построению, указанному танковым корпусом и принятому во всех остальных дивизиях. Главные танки Гарпера, названные налетчиками-«разбойниками», шли далеко впереди и пехотные части не могли действовать в таком тесном взаимодействии с ними, как это было осуществлено в других дивизиях. К этой разброске Гарпера видимо побудила его уверенность в том, что весь план атаки у Камбрэ был «фантастическим и совершенно не военной схемой»; если в штабе главнокомандующего Гарпер возражал против усиления пулеметного огня, то теперь он также скептически смотрел на танки. В результате пехота оказалась слишком далеко позади танков, потеряла проходы в проволоке и была остановлена пулеметным огнем. Офицеру, осматривавшему потом поле сражения, удалось обнаружить всего три небольших кучки ящиков из-под пулеметных патронов — значит несколько пулеметов удержали целую дивизию; этот факт бросает яркий свет на операции пехоты в открытой местности в будущем. Потеря связи между пехотой и танками послужила также причиной потерь, которые понесли танки, когда, забравшись на возвышенность, они очутились на близком расстоянии от германских батарей, ибо если бы их сопровождала пехота, то она могла бы перестрелять артиллеристов. Тут якобы произошел тот знаменитый случай, когда один германский артиллерийский офицер без посторонней помощи выбил из строя шестнадцать танков. Этот случай надо отнести к числу легендарных, так как после продолжения атаки в этом пункте было обнаружено всего пять поврежденных танков, и офицер разведки, осматривавший поле сражения, нашел ясные признаки действия против танков трех батарей, установленных здесь на позициях. Возможно, что, как и было заявлено, все орудия кроме одного молчали, но в пылу сражения впечатления бывают обманчивы.

Этот подвиг имеет однако иронический характер благодаря тому факту, что о нем было разглашено всему миру именно британским генеральным штабом.

Справа 12-я, 20-я и 6-я дивизии быстро овладели своими об'ектами, хотя 12-й дивизии и пришлось выдержать ожесточенный бой в лесу Лато. 20-я дивизия прошла и захватила Маньер и Маркуэн, и тут и там овладев переправами через канал и даже не разрушив моста в Маркуэне. Слева 5-я и 62-я дивизии блестяще продвинулись вперед, дойдя до наступления ночи до Анне и зайдя более чем на 3 км в тыл Флескьера. Таким образом островок сопротивления у Флескьера был отрезан и сметен волнами наступления вокруг его флангов в направлении на Маркуэн, Анне и даже до края леса Бурлон. Англичане проникли на 8 км в глубину, т. е. достигли таких же результатов, как после многомесячных ожесточенных боев и тяжелых потерь на Сомме и после третьего сражения на Ипре. Англичане добились решительного успеха, три главных линии в неприятельской обороне были преодолены, за ними находились только еще одна

незаконченная линия и открытая местность. Но участвовавшие в атаке дивизии и команды танков были переутомлены, и кроме одного эскадрона канадской конницы две кавалерийские дивизии ничего не могли сделать для развития успеха.

21 ноября местным резервам удалось добиться некоторых дальнейших успехов. Оставшиеся в живых защитники Флескьера очистили этот пункт рано утром, а после заката 51-я и 62-я дивизии начали быстро нажимать, очищая выступ, образованный сопротивлением германских войск в первый день, и доведя наступление англичан до самого Фонтен — Нотр-Дам, на 2,5 км дальше рекорда, поставленного 20 ноября. Но на правом фланге англичанам удалось захватить лишь незначительную территорию, так как свежая германская дивизия прибыла рано утром 20 ноября еще вовремя и заняла тыловую линию обороны.

Срок в 48 часов, назначенный Хэйгом, истек, но вследствие опасности, угрожавшей новым английским позициям со стороны незахваченного холма Бурлон, а также в связи с надеждой на то, что противник отойдет, и с желанием ослабить давление на Италию, Хэйг решил продолжать наступление и, правда с некоторым запозданием, предоставил в распоряжение 3-й армии несколько свежих дивизий. Но танковый корпус, в действиях которого заключалась главная причина первоначального успеха, удивившего повидимому английское командование не меньше германского, был окончательно истощен — и люди и машины, — ибо все было поставлено на карту при первом ударе.

Новые атаки против неприятеля, готового теперь отразить опасность, кончились по большей части неудачей. 22 ноября немцы взяли обратно Фонтен — Нотр-Дам; 23 ноября 40-я дивизия взяла при участии танков весь лес Бурлон, но попытки взять деревни Бурлон и Фонтен — Нотр-Дам кончились неудачей. Произошли ожесточенные бои с переменным успехом; обе деревни были взяты и отданы затем обратно. Тем временем немцы, немедленно взяв в свои руки инициативу, стали с поразительным умением готовить смертельный контрудар. К несчастью наше высшее командование за некоторыми исключениями было склонно не верить многочисленным предостерегающим признакам надвигающейся бури и даже находить забаву в боязни, проявляемой немцами, дальновидность которых вскоре обнаружилась полностью. Такое отношение отчасти об'ясняется слишком большой уверенностью, вызванной легким успехом 20 ноября, и отчасти предположением, что наступление у Нашендаль поглотило все неприятельские резервы. Несомненно значение этого последнего наступления всегда переоценивалось.

Впротивовес главному командованию командир VII корпуса, расположенного на южном фланге клина, вогнанного в германский фронт, генерал Сноу, почти за неделю предсказал место и время контрудара. Подчиненные ему командиры, в частности командир 55-й дивизии (Джедуайн), прикомандированный к III корпусу, сообщили о множестве признаков, подтверждающих опасность контратаки: действия артиллерии противника были обнаружены в таких местах, которые никогда раньше не подвергались бомбардировке, немецкие самолеты в большом количестве летали над линией фронта и английские разведчики обнаружили некоторые районы, в которых противник мог незаметно сосредоточиться.

Поздно вечером 29 ноября 55-я дивизия была настолько убеждена в непосредственно грозящей опасности, что Джедуайн просил расположенный по соседству III корпус начать на следующее утро перед рассветом контрподготовку при участии тяжелых орудий по Банте-Равин, но его просьба не была удовлетворена.

На следующее утро на внезапную танковую атаку немцы ответили внезапными действиями, одинаковыми в принципе, но отличными в методах. Длительная артиллерийская подготовка отсутствовала, краткая ураганная бомбардировка газовыми и дымовыми снарядами проложила путь для наступления германской пехоты. Это был прототип германского весеннего наступления 1918 г., так же как британская атака была прототипом метода, примененного во время наступления союзников (летом и осенью 1918 г.). Выйдя 22-го из щели защищенной исходной позиции Банте в тот са-

мый момент, когда должна была бы начаться неосуществленная контрподготовка, германский поток просочился сквозь слабые пункты английской линии и, разлившись шире, захватил деревни Гоннелье и Вилле-Гислен и смел позиции, на которых были расположены орудия и штабы, докатившись до Гузокура. Опасность поражения была неизмерима, но к счастью последние атаки в северной части выступа вокруг леса Бурлон приостановились и острота положения уменьшилась со взятием обратно Гузокура в результате превосходной контратаки гвардейской дивизии и дальнейшего усилия 2-й танковой бригады. В течение некоторого времени был шанс нанести немцам тяжелый удар, так как этот успех привел их в беспорядок и они были стеснены своим узким вторжением. Но, отвергнув предложение генерала Сноу, рекомендовавшего фланговый удар кавалерии, командующий армией двинул свою конницу прямо в лоб немцам, и она скоро остановилась. Таким образом прорвавшиеся части могли закрепиться на захваченной территории и даже возобновить свои действия против английских позиций. В течение следующих нескольких дней продолжалось продвижение немцев вперед, особенно по направлению на Вилле-Плуи, а отсутствие резервов у англичан сделало их положение в выступе в Маньер-Бурлон таким ненадежным, что пришлось очистить большую часть захваченной раньше территории. После блистательного восхода начался мрачный закат.

На офицерах и солдатах в полках все еще лежит тень, незаслуженно брошенная на них старшими офицерами в стремлении оправдаться. Официальная следственная комиссия приписала войскам вину, об'ясняя, что их застали врасплох по их небрежности, и утверждая вопреки фактам, что они не сигнализировали бедствия. Даже Бинг заявил: «Я приписываю причину местного успеха противника только недостаткам подготовки младших офицеров, унтерофицеров и рядовых». Но ничего не знавший о предостережениях Хэйг оказался исключением из «общего» правила. В своем докладе он великодушно взял всю ответственность на себя, хотя и откомандировал некоторых из подчиненных ему командиров в тыл.

История выяснила, что многие из младших офицеров хорошо понимали опасность и напрасно предостерегали своих старших начальников. Что же касается их сопротивления, то оно было больше, чем кто-либо, вправе требовать от войск, непрерывно участвовавших в боевых операциях с начала атаки 20 ноября. Для военной истории урок наступления у Камбрэ заключается в том, что возрождение основного принципа внезапности сопровождалось решительным нарушением принципа экономии сил, причем это относится и к соответствию цели средствам и к оценке способностей и границ человеческой выносливости.

Перевела **О. А. Зеленина.**

Дж. Фуллер

Бронированная полевая артиллерия

(С английского)

Идея танка в 1878 г. и его будущее

Ironclade Field Artillery. The Tank Idea in 1878 and its Future Possibilities. By Major-general J. F. C. FULLER. The Royal Tank Corps Journal. September 1933.

Одобряя предложение английского полковника Брэкенбери (напечатанное еще в 1878 г.) — снабдить полевую артиллерию переносной броней от пуль и осколков, чтобы сделать ее способной к поддержке пехоты, ген. Фуллер предлагает с своей стороны снабжать танковые части противотанковыми орудиями в разборных бронированных вращающихся башнях, которые могли бы перевозиться за танками на вездеходных автомобилях и выставляться для защиты подвижных танковых «гаваней» или мест их сбора и отдыха.

В IV томе сборника «Девятнадцатый век» я нашел статью полковника С. Б. Брэкенбери «Бронированная полевая артиллерия», написанную во второй половине 1878 г.

Брэкенбери, известный военный писатель последней четверти 19-го века, был не только солдатом. Это видно после прочтения названной давно забытой статьи. Он начинает с заявления: «Невозможно отрицать, что, до тех пор пока продолжается прогресс в мирное время, его результаты пригодятся для нужд войны. Мы не должны поэтому ожидать законченности в военном деле. Нужно постоянно двигаться вперед и стремиться к успеху не путем следования примеру, показанному другими армиями, но внимательно следя за каждым новым изобретением и учитывая, каких успехов можно достигнуть, используя это изобретение. Нужно в мирное время подготавливаться не к настоящему, а к будущему. Только более предусмотрительный противник окажется лучше подготовленным к войне».

И далее: «Однако, хотя никто не станет отрицать правдивости этих наблюдений, армия по своей природе является самым консервативным из всех учреждений. Постоянное давление дисциплины заставляет офицеров определиться еще в молодые годы, поэтому перспектива больших изменений является самой непопулярной».

После таких вступительных замечаний автор переходит к двум основным снарядо-метательным родам оружия — пехоте и артиллерии — и указывает, что, в то время как военная мысль сосредоточивалась на тактике пехоты, тактике артиллерии уделялось незначительное внимание, потому что на орудие смотрели как на чисто вспомогательное оружие. Он пишет: «Согласно теперешним английским представлениям о задачах тактики, артиллерия рассматривается как оружие, за которым нужно ухаживать, как за больным, и защищать его. В наши дни можно видеть батареи, достаточно занятые в начале сражения, но молчащие в тот момент, когда происходит решительная борьба пехоты против пехоты, в тот самый момент, когда должны быть приложены все усилия, чтобы перетянуть чашу весов. Даже при настоящих обстоятельствах я считаю этот обычай совершенно неправильным. Очень часто можно услышать заявления офицеров, присутствовавших на германских маневрах, что орудия слишком долго оставлялись под огнем пехоты. Однако, именно благодаря такой тактике были выиграны крупные битвы против французов (в 1870 г.) и пока еще никто не доказал, почему артиллерия, чтобы выиграть бой, не должна рисковать собою с такой же готовностью, как кавалерия или пехота».

Далее Брэкенбери берет Плевну и показывает, что главный ее урок заключался в том, что «войска любого рода оружия под прикрытием являются фактически непобедимыми до тех пор, по-

ка противник находится впереди них». Другими словами, фронтальные атаки против укрепленных позиций больше не являются выгодной военной операцией не только потому, что обороняющаяся сторона представляет незначительную мишень в сравнении с нападающей стороной, но потому, что она снабжена почти неограниченным запасом боеприпасов.

«В таких условиях действия артиллерии затруднены. Если времени достаточно, могут быть сооружены орудийные окопы, но артиллерия не должна оставаться на одном и том же месте, в то же время артиллерийские солдаты не могут строить орудийных окопов на каждой новой позиции. Более того, орудийные окопы защищают артиллерию лишь относительно. Дальнобойный огонь будет поражать артиллерию и здесь». Автор нисколько не преуменьшает опасности ружейного огня для артиллерии, он ее учитывает; однако он не делает вывода, что «относительное превосходство артиллерийского огня над огнем пехоты является наибольшим вне действительного огня пехоты и уменьшается с уменьшением расстояния», и что поэтому «действительность артиллерийского огня бывает больше при средней высоте прицела, чем при малой». Он заявляет: «Действие постепенно увеличивается при уменьшении дальности прицела, потому что наибольшая разрушительная сила артиллерии достигается на близких дистанциях». Проблема главным образом заключается не в дальности прицела, а в защите во-первых лошадей, во-вторых человека и наконец самого орудия. Для доказательства этого полковник Брэкенбери берет три сражения, происходивших во время франко-прусской войны, и приводит следующие данные о потерях артиллерии.

Борни:

Офицеров и солдат — 138.
Лошадей — 158.
Материальной части: 1 орудийная повозка, 1 лафетный передок, 3 колеса.

Марс-ля-тур или Винвилль:

Офицеров и солдат — 727.
Лошадей — 1 009.
Материальной части: 1 орудийная повозка, 5 лафетных передков, 8 колес, 1 дышло и 1 ось.

Гравэлот:

Офицеров и солдат — 988.
Лошадей — 1 563.
Материальной части: 2 орудийных повозки, 5 лафетных передков, 2 ящичных передка, 16 колес, 3 казенных части орудия, 1 под'емный механизм кроме двух орудий, захваченных французами.

В этих трех битвах потерь материальной части фактически нет.

Раньше чем сделать какое-либо определенное предложение, Брэкенбери собирает свои факты в следующем порядке:

«Во-первых, огонь полевой артиллерии почти ничтожен для пехоты на близкой дистанции, даже если у орудий остается небольшое количество солдат, и сила действия увеличивается в любом пункте в соответствии с числом орудий, действующих вместе.

Во-вторых, при настоящем устройстве, артиллерия сильнее страдает от огня пехоты, расположенной так, чтобы не привлекать внимания орудий, которые не могут расходовать боеприпасов на отдельных метких стрелков.

В-третьих, потери, понесенные артиллерией в упорных боях, выражаются, главным образом, в конском составе, затем в людском составе и почти не касаются материальной части.

В-четвертых, по своей природе, артиллерия может везти с собой в операцию все тяжелые запасы, необходимые ей как для нападения, так и для обороны.

В-пятых, единственный метод защиты полевой артиллерии от потерь, изобретенный до настоящего времени, состоит в сооружении орудийных окопов, что требует много времени и напряжения и ведет к ограничению передвижения батарей. В скалистой местности окопы вовсе не могут быть сооружены средствами, которыми располагает артиллерия.

В-шестых, если прислуга достаточно защищена от огня пехоты, нет никаких причин, чтобы стрельба артиллерии во время боя была менее меткой, нежели во время упражнений в мирное время.

И наконец, несмотря на то, что наступательная сила пехоты значительно увеличилась с введением заряжающихся с казенной части орудий, ее оборонительная сила совсем не увеличилась.

Чтобы защитить себя от артиллерийского огня, пехота все еще должна прикрываться укреплениями и этим терять всю силу движения».

Из вышеприведенных фактов, которые не требуют обсуждения, Брэкенбери выводит следующее заключение: «Если бы артиллерия могла хорошо защитить своих людей и лошадей, то огонь артиллерии был бы несравненно сильнее огня пехоты, настолько сильнее, что никакая пехота не смогла бы к ней приблизиться или тревожить ее своим огнем».

Далее он выдвигает предложения: «Придайте одну или, по возможности, две повозки каждой батарее, пусть они везут тонкие железные щиты, способные защитить прислугу от огня пехоты, и нельзя сомневаться, что значение полевой артиллерии поднимется на такую высоту, которая превысит самые большие надежды ее теперешних друзей и защитников. Такие щиты должны быть сделаны из материала средней мягкости, подобного кованому железу, — достаточно твердого, чтобы остановить свинцовые пули пехоты или шрапнель со всех дистанций, и достаточно мягкого, чтобы через него могли проходить снаряды артиллерии противника, не разбивая щиты на осколки и не раскалывая их.

Щиты должны быть из составных частей, небольшого размера, чтобы их можно было легко переносить, и достаточно высокими, чтобы защищать от огня пехоты даже на дальние дистанции. Площадь их должна быть такова, чтобы прикрыть орудие и действующих у него людей. Так как все потери, понесенные артиллерией, относятся за счет огня пехоты или шрапнели противника, то вполне вероятно, что потери людьми могут, при условии защиты, уменьшиться до одной десятой.

Защищенная артиллерия может спокойно ожидать любой атаки, уверенная в том, что уничтожит противника задолго до того, как он достигнет орудий. Все опасения о возможности захвата орудий будут устранены, и мы сможем перейти к тому, чтобы построить систему тактики, основанную на предположении, что артиллерии не нужно будет удирать от чего-либо находящегося впереди нее.

Представим себе, что станет с лошадьми, которые в настоящее время страдают больше, чем люди. Орудийная повозка, оборудованная для поля сражения, состоит из двух частей. Одна часть поддерживает орудие, другая, называемая передком, отделяется от орудия во время боя и, согласно существующей системе, ставится где-нибудь поблизости от орудия, если возможно, за укрытием, с привязанными к нему лошадьми. Передок должен находиться поблизости от орудия, потому что он содержит боеприпасы, и совершенно очевидно, что прикрытие применяется редко, так как данные о потерях лошадьми составляют большую цифру. Однако, если орудиям не нужно удирать при приближении противника, то нет никаких оснований держать лошадей под тем же огнем, который направлен против орудий. Пусть лошади будут отпряжены от передка и помещены в безопасном месте. Даже в настоящих условиях оставлять лошадей под огнем кажется мне совершенно лишним. Большое количество раненых лошадей вызывает замешательство и потерю времени. Лучше привести лошадей из безопасного места и вновь запрячь».

Таковы предложения полковника Брэкенбери, чтобы защитить артиллерию от огня пехоты и тем самым превратить ее в самое мощное оружие на поле сражения.

Идея Брэкенбери заключается в том, что каждое орудие «должно нести с собой свою собственную Плевну». Он не пытается защитить орудие против артиллерийского огня и не делает никаких попыток, чтобы сделать орудия совершенно неуязвимыми. Он справедливо заявляет: «Если две линии артиллерии действуют друг против друга, конечно, сторона, находящаяся вне воздействия шрапнельных пуль и огня пехоты противника, должна победить. Если при исключительных обстоятельствах щиты оказались бы бесполезны или вредны, то они могут быть немедленно отброшены. Однако удары, могущие разбить щит, чрезвычайно редки, ибо в противном случае потери материальной части были бы более тяжелыми. Если мы можем избежать 9/10 потерь убитыми и ранеными и, почти полностью, риска быть захваченными, то можно позволить себе

не обращать внимания на несчастные случаи».

Дальше он пишет: «Как военные суда могут иметь броню, защищающую их от тяжелых орудий, точно также может и полевая артиллерия возить достаточную защиту против огня пехоты и шрапнельных пуль. Точный размер такой брони должен быть решен опытным путем и будет, вероятно, время от времени изменяться подобно броне судна. Легко можно найти ответ на возражения со стороны тех, для кого «усовершенствование является нововведением, а все нововведения должны быть осуждены». Но, обсуждая это предложение с другими офицерами, я не нашел ни одного возражения, на которое нельзя было бы легко ответить. Огонь пехоты за последние годы стал таким, что полевая артиллерия должна рано или поздно принять неизбежные оборонительные мероприятия. С другой стороны, возможность применения дальномеров, телескопов и усовершенствованных прицельных приспособлений, дальность прицела и неподвижный характер артиллерии во время боя придают добавочную чувствительность и устойчивость батареям. Если к этим преимуществам мы прибавим использование брони, которая может перевозиться артиллерией и не может перевозиться кавалерией или пехотой, то будет создана сила, которая должна серьезно изменить тактику боевых операций. Мы смеем надеяться, что Англия покажет пример, вместо того чтобы следовать за другими нациями».

Я думаю читатель согласится со мной, что это предложение полковника Брэкенбери, сделанное в 1878 г., является весьма замечательным и заслуживающим внимания и в настоящее время: то, что он предлагал, является не просто защищенным орудием, но полуподвижной линией сильных пунктов. Орудийный щит был хорошо известен в 1878 г., потому что его возникновение относится к средним векам. Однако он не был широко использован вследствие того, что при неоткатывающихся лафетах прислуга должна была стоять вне орудия во время его действия. Когда в начале 90-х годов прошлого столетия было изобретено скорострельное орудие, был принят и орудийный щит; однако это ни в какой мере не привело к введению тактики, предлагаемой полковником Брэкенбери. Фактически произошло обратное, потому что, несмотря на усовершенствование артиллерии, магазинных винтовок и бездымного пороха, введенных почти одновременно, полевое орудие было скоро вытеснено с передового участка поля сражения. В русско-японскую войну, чтобы уменьшить потери среди прислуги и лошадей, была принята косвенная наводка. Человеческий и конский факторы все еще являлись, как это было и в 1878 г., контролирующими факторами, потому что в Манчжурии, так же как во время франко-прусской войны, всего несколько орудий было фактически уничтожено или разрушено прямым попаданием.

Я ни на минуту не сомневаюсь, что косвенная наводка вызывалась необходимостью. Однако я в течение многих лет придерживаюсь того мнения, что тактически это был шаг назад, хотя и неизбежный при тех обстоятельствах. В настоящее время я убежден, что косвенная наводка никогда не была бы принята в маневренной войне, если бы идея полк. Брэкенбери была усвоена.

При осаде косвенная наводка является очевидно тактически выгодной, так как артиллерия защищена пространством. Однако я считаю, что, до тех пор пока пехота удерживает поле сражения, не может быть действительно подвижных операций, если орудия отделены от пехоты расстоянием в два-три километра. Необходимо только присутствовать на артиллерийском полигоне, чтобы сразу же оценить трудность приведения орудия в действие и изменение его позиции с необходимой быстротой. Именно этот фактор — медлительность артиллерии, так же сильно, как и уязвимость пехоты ружейным и пулеметным огнем, — замедляет атаки и удлиняет бои на дни и недели. Когда возможен картечный огонь, операция становится короче; когда артиллерия ведет огонь с дальних дистанций, операция удлиняется. Против этого факта (хотя конечно имеются и другие) не приходится возражать.

С этой точки зрения небольшой лишь шаг отделяет полуподвижный орудийный форт полковника Брэкенбери и медленно двигающийся танк M1 Свинтона. В обоих та же самая основная идея

устранить насколько возможно потери «живого элемента». Брэкенбери отсылает лошадей и помещает броню вокруг людей. Свинтон устраняет лошадь и защищает людей пуленепроницаемой, стальной броней. Не является ли танк некоторым образом внуком идеи полковника Брэкенбери? Ответ я полагаю может быть двоякий: «да» и «нет», потому что я все еще считаю, что было бы лучше иметь полуподвижный бронированный орудийный форт, в особенности при операциях механизированных армий — военных операциях будущего.

Во-первых следует учесть, что танк является не больше, чем бронированной самодвижущейся артиллерийской установкой, снабжен ли он орудием или пулеметом. Первый представляет собой старый артиллерийский огонь снарядами, второй — старый картечный огонь. Во-вторых следует учесть, что во многом военные действия механизированных войск напоминают морскую войну главным образом потому, что они больше, ведутся в двух измерениях, нежели военные действия при помощи пехоты. Суда на море не могут долгое время действовать, не имея порта или защищенной гавани для ремонта и укрытия. Фактически механизация флота, т. е. замена паруса паром, вызвала необходимость сооружения защищенной гавани, и, начиная с 1850 г., я не могу припомнить ни одной значительной морской битвы, которая происходила бы на большом расстоянии от защищенной гавани. В то время как в дни парусных судов последние были гораздо более самостоятельными, сегодняшние пароходы значительно менее самостоятельны и могут быть сравнены с собакой на длинной цепи вместо собаки на свободе.

Единственное исключение из этого общего правила представляют подводные лодки.

Если согласиться с тем (а я не вижу, почему этого нельзя сделать), что танк (как на это указывает его первоначальное название) является сухопутным кораблем, то будет небесполезно решать проблему сухопутной механизации с точки зрения морской механизации. Если суда требуют защищенной гавани, не будут ли танки нуждаться в том же самом? Если ответ будет положительный, тогда спросим, на что будут похожи эти защищенные гавани? Я полагаю, что они распадутся на две категории: статические гавани и подвижные гавани. Первые представляют собой постоянные укрепления, а вторые — портативные укрепления. Совершенно очевидно, что первые не могут сооружаться в мирное время в странах возможных противников; отсюда вытекает чрезвычайная ценность вторых, которые не только по идее, но фактически будут повторением «вагенбурга», т. е. «крепости из повозок» Жижки, состоявшей из старых, средневековых фургонов, которые следовали за каждым отрядом вооруженных рыцарей на поле битвы.

В настоящее время возникает вопрос, из чего должны состоять эти «танковые крепости»? Должны ли они состоять из танков — машин, которые занимают и удерживают территорию и из-за которых другие танки действуют, ведут наступление и отступают? Хотя подвижная оборона территории обладает большим преимуществом, я не считаю, что в настоящее время она осуществима. Во-первых танков не так много, чтобы можно было осуществить с их помощью подвижную оборону, во-вторых они всегда будут дорогим орудием войны, что ограничит их количество. и в третьих я считаю, что часто они будут представлять собой слишком крупную мишень. Я полагаю поэтому, что будет более выгодно вернуться назад к предложению полковника Брэкенбери.

Идеалом при тех условиях, которые преобладают в настоящее время и возможно будут преобладать и в будущие годы, является такое предложение: бронированные соединения должны состоять из двух звеньев — танкового звена и того, что я назвал бы противотанковым звеном. Первое может быть сравнено с отрядом вооруженных рыцарей, а второе — с вагенбургом. Второе будет состоять из некоторого числа вездеходных повозок либо на гусеницах либо многоколесных, везущих противотанковые орудия и пуленепроницаемую броню, разделенную на части. Такие орудия по моему мнению должны быть двух типов: скорострельное орудие малого калибра и тяжелый пулемет. Первый для больших дистанций или внешнего боя, а второй для близких или

внутреннего боя. Крупнокалиберные орудия, подобно 83,8 мм, определенно не требуются, и чем меньше будет калибр, тем легче разрешится проблема защиты. Одно я считаю вполне определенным: косвенная наводка совершенно непригодна для действия танков или противотанковой защиты; следовательно орудие или пулемет должны будут иметь защиту посредством портативной брони, которая совершенно очевидно и является более удобной, чем орудийные окопы.

Я не вижу причин, почему повозка с удобной прицепкой не сможет везти по крайней мере три противотанковых орудия, боеприпасы к ним и их бронированные вращающиеся башни частями, удобными для переноски человеком, и почему сооружения таких портативных укреплений, если необходимые инструменты будут налицо, должно отнять больше 5 минут?

Наконец я считаю, что эта идея полковника Брэкенбери, в настоящее время имеющая 54 года от роду, должна быть испробована. Расходы незначительны, но ее ценность в будущей войне заключается не только в защите танковых баз, но также в защите штабов, складов снабжений, конечновыгрузочных станций и аэродромов.

Перевела **Кольчугина Г. А.**

Командир батальона **Альбор**

Соображения об организации сообщений и снабжения армии

Chef de bataillon Albort. „Réflexions sur l'organisation des communications et ravitaillements aux armées (1 croquis). „Revue Militaire Française" № 135, Septembre 1932.

Французская военная мысль все заметнее стремится отрешиться от тяжеловесных приемов позиционной войны и достигнуть свободы маневра сочетанием мощности современных средств с их подвижностью. Командир батальона Альбор, развивая ту же установку, задается целью указать основы соответствующей организации тыла, чтобы достигнуть одновременно: а) более полной обеспеченности этой организации от возможных колебаний фронта в условиях маневренной войны, б) сохранения свободы выбора направления усилий, в) внезапности и дальнобойности «оперативного скачка». Для этой цели он предлагает: 1) отнести базу снабжения в глубину к «регулирующей станции» (до 150—200 км от линии фронта), где и разместить «индустриальные» и вообще более тяжелые учреждения, оставив при армии лишь подвижные «распределители»; б) привлечь к более непосредственному участию в снабжении армии и эвакуации «национальную территорию глубокого тыла»; в) соответственно повысить безопасность и гибкость железнодорожного транспорта; г) широко развернуть применение автотранспорта и шире применять авиатранспорт (для эвакуации раненых).

От редакции Ревю Милитер Франсез.

Можно надеяться, что дальнейшее развитие моторизованных транспортных средств и создание новых мото-механизированных войсковых частей увеличит маневренную способность армий.

Если эта надежда осуществится, то при организации тыла надо будет согласовать эти возможности с требованиями, неизбежно вытекающими из применения более обильной и более громоздкой материальной части, что как раз имеет тенденцию понизить темпы маневренности.

Автор предлагаемой статьи старается найти решение, которое могло бы по его мнению осуществить эту согласованность. При этом подразумевается, что, несмотря на помещение статьи в «Ревю Милитер Франсез» (журнал издается при участии генштаба французской армии), она имеет характер лишь личного мнения автора.

В течение последней войны значительное и никем непредвиденное развитие материальных средств, давших возможность расширить фронт, привело к тому, что условия, связанные с применением этих средств, ввиду их разнообразия и тяжеловесности придали совершенно новый характер операциям. Временами можно было отчаиваться в стратегии и думать о ее банкротстве. Медленный, перерывчатый характер наступательных боев 1918 г. на западном фронте, их незначительные результаты вконец разочаровали сторонников наполеоновских кампаний, быстрое развитие которых кончилось полным разгромом неприятельских сил. К тому же заключение перемирия в ноябре 1918 г., накануне начала операций, которые по всей вероятности привели бы к тому, что прежде называлось «развязкой событий», лишает военных историков возможности создать стройную и законченную картину, проникнутую и увенчанную теми руководящими принципами, которые до 1914 г. составляли теоретическую основу стратегии. И, несмотря на ободряющий пример восточных фронтов, где маневренная война пережила события, будущее представляется многим весьма неясным, полным колебаний и сомнений.

Все же надо думать, что если бы организация и оборудование современных армий обеспечили помимо **мощности** также и **быстроту** действий, то можно было бы сосредоточивать усилия для нанесения стремительного удара, иными словами осуществить внезапность и использовать ее плоды.

Существуют ли в настоящее время новые факторы, позволяющие надеяться на возможность достижения этого двойного результата?

Различные формы маневра имеют вообще конечной целью отрезать коммуникации противника, и таким образом вызвать развал его фронта через удушение. Подобный маневр принято называть **действием по тылам.**

До сих пор подобная операция могла бы быть осуществлена или фланговым ударом или прорывом фронта, результаты которых давали себя чувствовать через более или менее продолжительный срок. В наши дни **артиллерия** благодаря все возрастающей ее дальнобойности и в особенности **авиация** являются главными факторами, дающими возможность произвести немедленную и непосредственную атаку на коммуникации противника. Могущество и радиус действия воздушных армий сделают возможным наносить удары не только по армейским, но и по более глубоким тылам и достигать даже и сердца страны противника.

Технические достижения в автомобильной промышленности создали типы более мощных, подвижных и экономных машин, радиус действия которых (быстрота перевозок и величина переходов) превосходит радиус действия машин, применявшихся в последнюю войну. Одновременно небольшая сравнительно стоимость автомобилей привела к значительному увеличению общего автомобильного парка в стране, при этом таких типов машин, которые вполне могут быть использованы при мобилизации.

Эти общие достижения в сочетании со все более растущей **моторизацией обозов и артиллерии,** уже осуществленной или проектируемой в главнейших европейских армиях, и кроме того **создание крупных сплошь моторизованных соединений** внесут серьезное изменение в характер операций; они облегчат или совершенно снимут тяжелые путы, сковывающие теперь стратегический маневр. Благодаря новым достижениям техники представится возможможность обеспечить **дальнее охранение, более быструю и полную поверку соприкосновения с противником, глубинные действия и решительное использование успеха.**

В Западной Европе, с сильно развитой и отлично содержимой сетью дорог, представится возможность в будущем без всякого труда поднимать крупные войсковые соединения (корпуса или дивизии) для переброски и сосредоточения их в течение нескольких суток в новом районе, удаленном за несколько сот километров от места погрузки. Под прикрытием и при поддержке быстроходных и мощных танков и бронемашин эти соединения будут в состоянии наносить удары в таких местах, где их еще вчера нельзя было предвидеть.

Что касается «механизованных» дивизий, способных в течение суток по-

явиться на фронте, удаленном на 100—150 км от их района сосредоточения, то они смогут действовать в любом пункте и в любое время в зависимости от имеющихся самых последних сведений о противнике.

Таким образом **может возродиться маневр** на свободных пространствах, направленный против чувствительных или жизненных пунктов организма противника.

Но как бы тщательно ни был задуман маневр и как бы энергично он ни проводился, он не даст решительных результатов, если назревающее в результате этого маневра сражение не будет обильно и без затруднений поддерживаться с тыла. Иными словами **армия в состоянии начать свои операции только после того, как ее тылы будут оборудованы.**

Если мы должны сохранить систему национальной армии большой численности и с громоздкой материальной частью, то потребности войск будут значительно выше и настоятельнее, чем когда-либо. Но, несмотря на это, подобная армия после переброски и быстрого сосредоточения в назначенном районе должна будет немедленно начать свои действия, причем размещение ее тыловых учреждений, организация ее снабжения, подвоза и эвакуации должны быть выполнены без малейшей задержки. **В противном случае командование рискует выпустить инициативу из своих рук,** и будут правы те, которые осуждают современные тяжелые армии.

С другой стороны нужно иметь в виду, что в маневренной войне наступление не является единственным видом операций. Некоторые армии могут быть поставлены перед необходимостью непредвиденного отступления, притом неожиданного и быстрого, будь то под давлением противника или по решению самого командования. Поэтому важно, чтобы тылы не могли представлять собой добычу, целиком предназначенную для победоносного противника, и чтобы они не связывали решения командования, лишая его этим **свободы действий.**

Наконец в противоположность тому, что очень часто происходит в мирное время во время занятий на карте, армия отнюдь не будет неизменно действовать по прямому направлению, лишь «удлиняя» операционную линию. Ее последовательные оси движения будут большей частью наискось друг к другу, беспрестанно нарушая иногда с трудом достигнутое гармоническое сочетание сети железных дорог с сетью грунтовых дорог, отчего зависит установленный распорядок в армии, и резко перемещая в течение каких-нибудь нескольких часов центр тяжести тыловых служб.

Чтобы убедиться в этом, достаточно представить себе те перипетии, которые пришлось бы пережить тыловым учреждениям армии, поставленной в такое же положение, как 5-я армия (Ланрезака) в августе 1914 г.

Не забудем также, что, желая решительно порвать с прошлым, некоторые иностранные военные школы проповедуют внезапную войну и мечтают вести ее армиями первой линии относительно сокращенной численности, но богато обеспеченными боевыми средствами и наиболее современным и мощным транспортом, отлично подготовленным для маневренных операций. Они считают, что только такие армии в состоянии добиться в кратчайший срок решительных результатов.

В силу всех этих причин необходимо, чтобы современный командующий армией мог свободно смотреть вперед. Если же тяжеловесность армейского тыла будет причинять ему постоянное беспокойство, то он не будет в состоянии обладать той ясностью мысли, которая нужна ему во всякий данный момент для обдумывания и руководства операцией.

Отвечают ли этому требованию организация и работа службы снабжения и ремонта, принятые в настоящее время во французской армии [1], и не желательно ли ввести в них изменения, чтобы постепенно согласовать их с намечаемой организацией и составом французской армии и с характером той войны, которую мы может быть будем вынуждены вести в ближайшем будущем?..

---

[1] Bulletin officiel, E. M., volume n° 100. Organisation générale aux armées. Ravitaillement et communication.

НОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЫЛА

I. Общие основания

Если организация 1914 г. имела в виду только маневренную войну, то организация 1918 г. и последующих лет является наследием изменений, внесенных в организацию тыла под влиянием позиционной войны.

Характерными особенностями существующей организации тыла являются его малоподвижность и отсутствие однородности.

Малоподвижность явилась следствием условий позиционной войны, увеличения количества материальной части, возросших потребностей войск, граничащих иногда с комфортом, а также была вызвана миллионами бойцов, принужденных оставаться на одном и том же месте в течение нескольких лет.

Недостаток однородности произошел от постепенного приспособления организации тыла к тем формам, которые приняла война, но не оттого, что быстрота и непостоянство событий не дали возможности осуществить необходимую общую реорганизацию тыла.

Имея в виду происходящие изменения в материальной части и эволюцию идей в области тактики, было бы своевременным заняться возможностями этой реорганизации. Конечно мы должны подойти к этому вопросу с осторожностью, но если слепо придерживаться современных формулировок, то это значило бы поставить себя в будущей кампании перед разочарованиями и жестокими просчетами, которые до известной степени уже можно предугадать хотя бы по некоторым упражнениям на картах, доведенным до подробностей. Это значило бы подготовить грубое расхождение между замыслом командования и его возможностями исполнения.

Какова же будет теоретически желательная организация?

Организация и оснащение полевой армии, отвечающие требованиям плодотворной стратегии, должны обеспечить нам мощность и выгоды внезапности. Мощность — это вопрос использования достижений науки и продуманного материального обеспечения войсковых соединений, надлежащим образом укомплектованных.

Для осуществления внезапности важно не раскрывать преждевременно своих намерений на местности. Так, начиная с 1918 г., при наступлении считалось классическим приемом подводить войска в районы их будущих действий лишь в последний момент, а тыловые учреждения наоборот заранее достаточно оборудовать, дабы к моменту начала операции для войск были созданы самые благоприятные условия. Но нужно иметь в виду, что это осуществимо лишь в условиях уже предварительно занятого фронта.

Но такие мероприятия, как организация складов огнеприпасов, развертывание крупных армейских парков, большого количества санитарных учреждений, сооружение ангаров и шатров и оборудование аэродромов, являются неоспоримо предупреждением для противника о подготовке операции.

Поэтому необходимо скрыть все эти приготовления от наблюдения противника.

К тому же, если предстоят маневренные действия на открытой местности без предварительно занятого фронта, то все приготовления окажутся вообще неосуществимыми.

Остается одно средство — **отказаться от них.**

А это в свою очередь будет иметь последствия: с одной стороны изменение существующего порядка снабжения и эвакуации в масштабе армии и с другой — вытекающую отсюда реорганизацию служб.

Если желательно в полосе достаточной глубины обойтись без предварительных приготовлений, то необходимо в отношении:

1) **продовольствия, огнеприпасов и горючего** — попросту организовать непрерывный их поток в размере однодневной потребности войск или в соответствии с предположениями командования ввиду предстоящего сражения;

2) **разного рода материальной части** — не производить крупного ремонта, ограничиваясь лишь заменой пришедшей в негодность материальной части;

3) **санитарного и ветеринарного обслуживания** — ограничиться только самой неминуемой помощью, ориентируясь решительно на массовую эвакуацию;

4) **авиации** — не создавать новых аэродромов, а полностью использовать радиус действия самолетов и основываться исключительно на уже существующих военных, гражданских или частных аэродромах с их постоянной организацией, имея в виду, что количество, размеры и оборудование этих аэродромов неуклонно растут и увеличиваются как в своей стране, так и у соседей. Если это сделать, то службы и тыловые учреждения будут сокращены в соответствии с их новой ролью и моторизованы. В этом случае:

1) при наступлении им не надо будет ни итти впереди частей, ни следовать за ними, но двигаться с головными частями армии и функционировать с момента прибытия в исходную базу [1];

2) при обороне, обеспечивая наилучшие условия снабжения и эвакуации, они смогут почти моментально прекращать свою работу и быть в голове отступательного движения;

3) вообще же они получат возможность выполнять свою работу без существенных изменений как в периоды маневренных действий, так и при стабилизации фронта.

Легкость, подвижность, однородность, т. е. свойства, взаимно связанные, — таковы характерные черты новой системы организации тыла.

Таким образом исчезнут современные смешанные подвижные тыловые учреждения, в состав которых одновременно входят пешие элементы и повозки с конной и механической тягой, которые не в состоянии перемещаться все вместе по одному маршруту и настолько тяжелы, что в маневренной войне их неизбежно приходится раз'единять и отбрасывать в хвост колонны, где они будут задыхаться, чтобы не отстать от движения; при этом нужны особенно благоприятные условия, чтобы можно было осмелиться их развернуть, что в свою очередь на практике сведет их производительность к цифре, близкой к нулю.

То же самое случится и со складами огнеприпасов, с большими ремонтными мастерскими, обширными эвакуационными палаточными или барачными госпиталями, размещение и устройство которых требует нескольких дней, а иногда недели и даже месяцев, к великому отчаянию как командования, так и непосредственных исполнителей.

Однако такое упрощение системы снабжения и эвакуации точно так же, как и сокращение армейских тыловых служб, могло бы привести в итоге только к значительному уменьшению общей производительной работы тылов и могло бы рассматриваться как ребячество, если бы оно не компенсировалось, как это увидим дальше, широкими мероприятиями с одной стороны по оборудованию национальной территории глубокого тыла, с другой — путей сообщения с большой пропускной способностью, в особенности железных дорог, безопасность, гибкость эксплоатации и удобство которых должны быть значительно повышены.

II. Основные принципы организации

Мы не предполагаем излагать здесь новую организацию во всех подробностях, но ограничимся лишь ее наброском в общих чертах, что послужит основанием для дискуссии, которая должна предшествовать каждой детальной отделке и для которой потребуются очевидно весьма полные данные.

Мы будем рассматривать в масштабе армии только те тыловые учреждения, которые обязательно должны иметься на возможных театрах войны в Западной Европе.

Совокупность тыловых учреждений армии образует так называемую **базу снабжения.**

До сих пор считалось, что эта база должна простираться в глубину на 15—20 км, причем наиболее выдвинутые вперед учреждения в зависимости от тактической обстановки должны быть удалены от линии фронта в границах от 15 до 60 км, что диктовалось следующими соображениями:

ближе 15 км нельзя было иметь головные учреждения базы потому, что было необходимо обеспечить их расположение от огня дальнобойной артиллерии противника и кроме того иметь между этими учреждениями и войсками, ведущими бой, свободное пространство, чтобы обеспечить независи-

[1] Base de depart.

мость всей системы от колебаний боевого фронта;

дальний предел был необходим для того, чтобы обеспечить армии передвижение вперед на 60 км без переноса ее тылов.

Можно ли в дальнейшем придерживаться этих пределов?

По правде говоря, выше приведенные цифры также являются наследием позиционной войны и проистекают из следующих факторов:

1) прочности фронта (над усовершенствованием которого в течение ряда лет были заняты миллионы рабочих), обеспечивавшей относительную безопасность и позволявшей поэтому выдвигать тыловые учреждения поближе к фронту, не подвергая их непосредственной опасности;

2) подразделения участков в зависимости от их географического положения на общем фронте, т. е. от их стратегической ценности, на участки пассивные (Эльзас, Вогезы, Аргоны и т. д.) и активные (Шампань, Эн, Сомма и т. д.);

3) заблаговременного обнаружения подготовки наступления противником, а также заблаговременного решения о своем собственном наступлении, что давало возможность не спеша и вполне безопасно принимать необходимые меры в предосторожности.

Несомненно, что в некоторых отдельных случаях мы и в будущем будем иметь аналогичное положение, например при развертывании под прикрытием укрепленных районов или на специальных театрах военных действий (например в горах). Но если ожидаются значительные колебания боевого фронта, то мы подвергаемся риску вынужденного и поспешного перемещения тыловых учреждений, оборудование которых было связано с затратой больших усилий, не успев их использовать, или будем вынуждены оставлять большие запасы в руках противника, т. е. лишать себя насущных запасов в тот самый момент, когда именно желателен их бесперебойный подвоз по соображениям как морального, так и материального порядка.

Поэтому необходимо, чтобы между **базой** и ведущими бой войсками имелась полоса такой глубины, которая **обеспечивала бы базе всю ту независимость, которая ей необходима.**

Но нужно иметь в виду, что увеличение глубины этой полосы при всякой обстановке означает сокращение наступательной способности базы, т. е. другими словами сокращение «стратегического (оперативного) броска»[1] армии. Это означает возможность для противника, которому угрожают прорыв или обход и который сумел бы ловко оторваться, — расстроить преследование и занять новую стратегическую группировку в 150 км в тылу; наконец это означает сведение на-нет тех преимуществ, которые дает моторизация транспорта крупных войсковых соединений, выражающихся в увеличении вдвое нормального предела стратегического броска.

Несомненно это серьезный недостаток, но он может быть исправлен, как увидим дальше, путем более широкого использования современных качеств транспортных средств.

С другой стороны, если мы хотим действительно обеспечить базу: 1) от огня с воздуха, дальность, мощность и прицельность которого с каждым днем все возрастают; 2) от удара мощных моторизованных частей, способных самостоятельно прорвать или обойти фронт и совершить успешные рейды по тылам; 3) от возможности уничтожения складов или мастерских высаживаемыми в тылу с самолетов или аэростатов десантами[2]; если мы хотим чувствовать себя свободно для маневра, представляется необходимым отодвинуть базу на такое расстояние от фронта, которое хотя бы на определенный период сделало бы ее независимой от колебаний боевого фронта и в любых условиях обстановки обеспечило бы возможность организовать соответствующую ближнюю оборону (истребительная авиация, ПВО, бронемашины, специальные моторизованные охраняющие отряды и т. д.).

---

[1] «Стратегический бросок» (bond strategique) измеряется ныне расстоянием в 60 км, т. е. 3 перехода от головной станции железной дороги; благодаря моторизации обозов высших войсковых соединений это расстояние может быть теперь удвоено. — **Прим. автора.**

[2] Например ночью на парашютах. — **Прим. автора.**

По нашему мнению, и мы не боимся заявить об этом, удаление базы от фронта должно быть не менее 150 км.

Тем, которых это может удивить, мы заметим, что под действием балистики и динамики размеры поля сражения растут каждый день и что мы быть может находимся еще только в начале нашего изумления. Все принятые до сих пор дистанции могут завтра же подвергнуться коренному пересмотру, и тылы, как и прежде, не смогут этого избежать (например в видах стратегического обеспечения).

Рассмотрим теперь, как можно согласовать отмеченные выше преимущества и недостатки.

Отодвинуть базу на расстояние 150 или 200 км от фронта — это значит поместить ее совсем вблизи от **регулирующей станции** [1], в районе которой также расположены тыловые учреждения второй линии, склады, запасы материальной части, госпитали, производственные центры и т. д.

Нужно иметь в виду, что регулировочную станцию нельзя оттягивать назад за отсутствием соответствующего пространства, а также потому, что тогда она будет не в состоянии выполнять свои функции. Поэтому не представится ли возможным об'единить армейскую базу и регулировочную станцию и в то же время, имея в виду увеличение расстояния между армейской базой и войсками, ведущими бой, создать легкие чисто промежуточные органы, которые в силу своей органической структуры могли бы растягивать звенья подвоза [2], необходимые по ходу наступления, или сокращать их в случае отхода.

Разделим тыловые учреждения на две основные категории: на учреждения, предназначенные исключительно для приема и распределения того, что доставляется с тыла (огнеприпасы, горючее, продовольствие и т. п.), и на тыловые учреждения, предназначенные для производства серьезного ремонта и снабжения армии крупной материальной частью [3]. Первые, которые мы назовем **распределителями** [4], должны оставаться органически в составе армии, будучи сделаны подвижными и способными быстро начать свою работу; вторые, **производственные** [1], должны быть стационарными и приписаны к регулировочной станции.

Сказанное приводит нас к необходимости разобрать организацию **базы снабжения, или регулирующей базы** [2].

Мы рассмотрим вкратце организацию этой базы, а затем разберем, как должны работать промежуточные базы, устраиваемые между этой базой и войсками, ведущими бой.

А. Регулирующая база (см. сх., стр. 74)

Регулирующая база является органом, находящимся в непосредственном подчинении главной квартиры. База обеспечивается средствами, дающими ей возможность одновременно обслуживать одну или две армии.

Размещение и обеспечение регулирующих баз необходимым имуществом на своей территории разрабатывается заблаговременно в соответствии с планом сосредоточения и оперативным планом. Некоторые из этих баз являются нормальными (основными) и могут получить первоначальное оборудование еще в мирное время. Остальные открываются лишь в случае надобности, их оборудование только лишь предусматривается.

Будучи расположены в районах, достаточно обеспеченных путями сообщения (железные дороги, грунтовые дороги, водные пути), и располагая как в сторону фронта, так и тыла железнодорожной сетью, имеющей несколько больших сквозных линий, об'единенных между собой рокадами [3], эти базы эшелонируются с расчетом сохранить возможность комбинаций как по фронту, так и в глубину. Эти базы располагаются на нескольких параллельных железнодорожных линиях (минимум двух), из которых одна должна проходить вдоль фронта прикрытия на расстоянии, которое зависит от оборонительной силы этого фронта (укрепленных районов), но отнюдь не меньше 50 км.

[1] La gare régulatrice.
[2] Tendre les „rallonges".
[3] En gros matériel
[4] Détaillants.

[1] Industriels.
[2] Base régulatrice.
[3] Чтобы устранить перерыв железнодорожного движения в случае повреждения одной из линий. — **Прим. автора.**

Эти базы **базируются на средства страны,** используя полностью все имеющиеся ресурсы (пути сообщения, заводы, промышленные склады, склады горючего, аэродромы). Они связываются с армиями **главным образом железнодорожными линиями** (или водными путями), а грунтовые дороги и их транспортные средства используются только в мере потребности при недостатке железнодорожных линий или их незначительной пропускной способности.

Чтобы обеспечить составные части регулирующей базы от воздушной бомбардировки, она распространяется по широкой полосе территории. Кроме того хотя бы только наиболее уязвимые об'екты обеспечиваются стационарными средствами ПВО (зенитные батареи, прожекторы, аэростаты заграждения и т. д.), специальными наземными отрядами, перебрасываемыми на автомобилях, а также специальными **эскадрильями истребителей.**

При недостатке специальных эскадрилий истребителей обеспечение баз может быть возложено на армейскую авиацию.

Регулирующая база обычно должна включать:

учреждения для ремонта и починки;
склады и депо;
госпитальную зону;
резервы личного состава и материалов для всех видов снабжения;
регулирующую станцию (регулирующая комиссия по коммуникации)[1].

Во главе базы стоит комендант базы из числа генералов, непосредственно подчиненный главнокомандующему. В распоряжении коменданта базы имеется штаб из нескольких офицеров и начальников соответствующих служб. При нем же кроме того состоит в качестве представителя армии, обслуживаемой этой базой, один из штабофицеров, назначаемый обыкновенно из состава 4-го бюро штаба армии.

В приказе о создании регулирующей базы указывается район, в котором комендант базы осуществляет свои права в соответствии с теми положениями, о которых речь будет итти ниже.

[1] Commission régulatrice de communication.

Подвоз пополнений и снабжения производится:

или непосредственно из тыловых районов на регулирующую базу (людские и конские пополнения);

или из тыловых учреждений (станционные магазины, вещевые склады и т. д.) на регулирующую базу (продовольствие, боевые припасы, специальное снабжение различных видов);

или между регулирующей базой и армией (или армиями).

Перевозка по эвакуации производится в обратном направлении между армией (или армиями) и регулирующей базой.

Обратимся к краткому обзору различных органов снабжения и эвакуации регулирующей базы.

1. **Учреждения для ремонта и починки.** Эти учреждения состоят из **ремонтных мастерских и магазинов запасных частей** для:

материальной части артиллерии (орудия, зарядные ящики, материальная часть противовоздушной обороны и т. д.);

разнообразного автомобильного имущества;

обозного имущества (повозки, упряжь, ковочное имущество);

вооружения и орудий пехоты;

танков;

имущества воздушного флота (техническое имущество за исключением собранных самолетов);

прочего имущества (противохимическое, фотографическое, электротехническое, имущество связи и т. д.).

Но в этих учреждениях регулирующей базы производится только средний ремонт (необходимо точно установить характер ремонта). **Очень крупный ремонт и полная переборка выполняются исключительно в учреждениях, расположенных внутри страны.**

Что касается запасного имущества, то склады должны быть обеспечены запасными частями для удовлетворения первых заявок на покрытие убыли имущества вследствие потерь, износа или порчи во время маршей или в начальной стадии боев.

Для расположения ремонтных мастерских и складов используются по возможности соответствующие гражданские

предприятия, находящиеся в районе расположения регулирующей базы[1]; это в особенности относится к автомобильному имуществу (филиалы автомобильных заводов, склады материалов и принадлежностей и т. п.).

Имеющийся в этих гражданских предприятиях личный состав и оборудование по возможности продолжают выполнять свои обязанности, они только возглавляются военной организацией [2].

При таком способе можно избежать полного и заблаговременного развертывания мастерских и складов.

Однако необходимо иметь на каждом предприятии специальный эшелон, обеспеченный автомобильным транспортом, частью мастерских и запасными частями для первой надобности для выбрасывания их вперед как для усиления средств подчиненных частей, так и для закладывания новой передовой регулирующей базы при успешном наступлении.

Понятно, что при подобной организации окажется излишним целый ряд армейских парков, предусмотренных существующей организацией.

2. **Склады и депо.** Количество их сокращается до минимума. Запасы продовольствия и обмундирования содержатся на регулирующей базе в строго ограниченном количестве и только для покрытия непредвиденных и неотложных нужд[3] обслуживаемой армии или армий.

Армейские магазины упраздняются.

3. **Госпитальная зона.** Если желательно иметь передовые санитарные учреждения столь же подвижными, как и войсковые соединения или обслуживаемые, то их функции должны ограничиваться только **эвакуацией раненых.** При этом эвакуация должна выполняться в самый короткий срок: **продолжительность перевозки** раненых после первой перевязки не должна превышать 6—12 часов. В этот промежуток времени возможно, не опасаясь серьезных осложнений для раненых, как показал опыт в 1918 г., эвакуировать три четверти раненых по железной дороге в крупные лечебные заведения, расположенные на расстоянии 100—200 км от фронта, т. е. в госпитальную зону, имеющую достаточное количество госпиталей и прочих лечебных заведений и расположенную вблизи регулирующей базы.

Предусмотренные существующей организацией госпитали для первоначальной эвакуации ввиду слишком близкого их расположения к фронту, слишком медленного их оборудования, с громоздкой материальной частью и требующие значительного количества перевозочных средств должны быть упразднены и заменены санитарными учреждениями более легкого типа, о чем будет сказано ниже.

Но при отказе от промежуточного лечения раненых и больных нужно все внимание сосредоточить на **средствах эвакуации.** Мы увидим, каким образом путем одновременного использования железнодорожного, автомобильного и воздушного транспорта все трудности эвакуации могут быть преодолены.

4. **Резерв личного состава и запасы материальной части.** На регулирующей базе должны быть предусмотрены резерв личного состава и запасы материальной части для всех тыловых служб.

Запасы материальной части создаются для удовлетворения неотложных заявок о замене материальной части или ее пополнении. Резерв личного состава предназначается для быстрого обеспечения специальной рабочей силой промежуточных эшелонов, находящихся между регулирующей базой и войсками, ведущими бой. Например должны иметься команды для огневых складов, для складов горючего, для санитарных учреждений и т. д.

5. **Регулирующая станция.** Регулирующая станция при новой организации выполняет только одну единственную функцию — **транспорт.** Регулирующая комиссия коммуникации, имеющая местом своего пребывания регулирующую станцию, в **техническом отношении** находится в подчинении железнодорожной подкомисси или комиссии полевых же-

---

[1] За исключением предприятий, значащихся в специальном списке военных заводов. — **Прим. автора.**

[2] Примерно организация, аналогичная той, которая принята для комиссии по регулированию железнодорожных перевозок или комиссий, созданных в Рейнской области во время ее эвакуации. — **Прим. автора.**

[3] Например для замены обмундирования после химической атаки. — **Прим. автора.**

лезных дорог [1], в ведение которых органически входят участки железнодорожных линий, расположенных в районе действия регулирующей комиссии.

На регулирующую комиссию возлагается обязанность обеспечить в соответствии с непосредственными указаниями коменданта регулирующей базы прибытие, формирование и отправку поездов как для перевозки снабжения в приписанную армию, так и для эвакуации из нее.

Б. Работа в целом органов снабжения и эвакуации

1. Органы снабжения

а) **Артиллерийское снабжение. Снабжение огнеприпасами.**

Регулярный подвоз огнеприпасов на фронт производится путем направления маршрутных поездов [2], заблаговременно нагруженных огнеприпасами соответствующих калибров, на армейские станции снабжения [3].

Кроме того при наличии автомобильного транспорта подвижные запасы [4] огнеприпасов в некоторых гаражах, расположенных в районе регулирующей базы, назначаются в распоряжение армии главным командованием. Эти запасы служат для быстрого удовлетворения специальных или дополнительных заявок.

Наконец на случай внезапного перерыва железнодорожного сообщения вследствие порчи линий противником или при остановке движения по иным причинам могут быть заложены склады огнеприпасов в самом армейском районе. Однако в этом случае в складах должно храниться не более 2—3 единиц огня из расчета всей артиллерии крупных соединений и армейской артиллерии.

Передача огнеприпасов войскам производится или непосредственно на станциях снабжения или на передовых раздаточных пунктах [5]. Команды огневых складов или части этих команд, необходимые для оборудования станций снабжения (сортировка и отчетность для снарядов, зарядов, трубок и пр.), выделяются, если потребуется, из резерва личного состава регулирующей базы и перевозятся по железной дороге на вновь открываемые станции снабжения огнеприпасами.

Подвоз боевых припасов для частей воздушного флота производится из подвижных запасов.

Патроны для пехотных частей подаются ежедневно маршрутными снабженческими поездами, идущими в адрес дивизий. Этот ежедневный подвоз более чем достаточен для создания необходимых запасов.

При наступлении относительного затишья на фронте, а также в периоды перерыва боевых действий автоматический подвоз огнеприпасов прекращается и боевые припасы подаются на фронт по заявкам армии для всех калибров.

Снабжение материальной частью. Вся материальная часть, требующая ремонта или замены, как правило направляется по железной дороге на регулирующую базу [1] с порожняком снабженческих поездов.

Регулирующие базы, не ожидая окончания ремонта, высылает в кратчайший срок в адрес заинтересованного учреждения через регулирующую станцию (снабженческими или специальными поездами) на замену точно такую же материальную часть (орудия, автомобили и т. п.). Высылаемая на замену материальная часть выделяется из запасов регулирующей базы или затребуется из складов главного резерва.

Армейская аварийная часть [2], которая может также делиться на несколько аварийных команд, имеет назначением подавать помощь повозкам, потерпевшим аварию, или вытаскивать и грузить их на ближайшей железнодорожной станции.

---

[1] Souscommission de réseau ou de la commission de chemin de fer de campagne.
[2] Trains types.
[3] Les gares de ravitaillement.
[4] Les en cas mobiles.
[5] Les centres de livraison avancés.

---

[1] Исключение может быть сделано для некоторых систем тяжелой артиллерии (крупные калибры тракторной тяги), а также для автомашин (тракторы и т. п.), которые ввиду сравнительной близости к регулирующей базе, а также трудностей и значительной потери времени, связанных с их погрузкой, или ввиду их значительного об'ема могут непосредственно следовать по грунтовым дорогам на регулирующую базу. — **Прим. автора.**
[2] L'unité de dépanage d'armée.

Снабжение горючим. Прежде всего все крупные автомобильные части должны обязательно иметь в своем составе транспорт горючего из автоцистерн из расчета на суточный пробег в 100 км; эти транспорты пополняют свой **запас горючего** непосредственно с железнодорожных станций (из вагонов-цистерн) или из складов горючего, располагающих баками и насосами[1].

Снабжение в пределах армии совершается непосредственно из местных источников или подвозом с тыла.

Необходимые поездные составы формируются средствами регулирующей базы, получающей горючее целыми поездами (в вагонах-цистернах или в бидонах) со складочных железнодорожных станций.

Склады горючего открываются и закрываются около станций снабжения или в иных пунктах в районе армии в зависимости от потребности в горючем для данной операции и от наличия местных ресурсов.

Местными ресурсами горючего, а также запасами, подвезенными с тыла, распоряжается сама армия, которая оборудует станции и «возглавляет» гражданский персонал складов необходимым личным составом, требуя его из резерва личного состава регулирующей базы точно таким же порядком, как это указано выше для складов огнеприпасов (роты снабжения горючим)[2].

б) **Инженерная служба.** Инженерный армейский парк сохраняется в существующем его составе, так как его мастерская, подразделения для пневматической набивки свай и инструментальный взвод могут быть использованы для работ во всякое время. Инженерный парк полностью моторизуется. В нем между прочим не должен возиться никакой склад материалов, необходимых для организации местности.

Только в случае стабилизации фронта парк формирует и распоряжается складами инженерного имущества, обеспечивая их за счет местных средств или обращаясь с требованиями в регулирующую базу, которая имеет собственные запасы инженерного снабжения и специальные парки-склады.

При наступлении парк, не ожидая заявок, выдвигает вслед за головными дивизиями переправочное имущество и имущество для восстановления сообщений.

Гидротехническая, электротехническая, лесная и дорожная службы ввиду их специфичности сохраняют существующую организацию. Однако они обыкновенно находятся в резерве на регулирующей базе и только по требованию соответствующей армии перебрасываются по железной дороге непосредственно к месту предстоящих работ.

Органы дорожной службы конной тяги упраздняются. Армия, если потребуется, получает автомобильно-дорожные роты, выделяемые из общего резерва в распоряжение главного командования. Кроме того можно эпизодически формировать в армейском районе дорожные части конной тяги[1].

Дорожные рабочие роты[2] состоят в общем резерве и выделяются распоряжением армейского командования по распоряжению главного командования.

в) **Интендантское снабжение.** Снабжение продовольствием, хлебом и мясом, а также вещевым довольствием производится тем же порядком, что и при прежней организации. Только функции, выполнявшиеся раньше регулирующей станцией, переходят к регулирующей базе.

Армейские склады обмундирования и войсковые кооперативные лавки в принципе упраздняются.

Что касается продовольствия, то конечно нецелесообразно создавать такие станционные склады или громадные запасы, которые имелись в мировую войну для обеспечения продовольствием войск в позиционный период и утилизировались главным образом победоносным противником[3]. Но в условиях маневренной войны приходится считаться с возможностью перерыва регулярного подвоза с тыла как вследствие разрушений, произведенных противником

---

[1] Таким образом до некоторой степени разрешается трудная задача разлива горючего в бидоны. — **Прим. автора.**

[2] Compagnies d'essence.

[1] Compagnies de tombereaux — роты двуколок.

[2] Compagnies de cantonniers.

[3] Например в сражении на р. Вель (к юго-востоку от Реймса) в 1918 г. (6-я армия). — **Прим. автора.**

на железных дорогах или грунтовых путях, так и по причине более медленного восстановления железных и грунтовых дорог по сравнению с удлинением коммуникационной линии (например при преследовании). Поэтому необходимо в таких случаях иметь подвижную летучку[1] вдобавок к полковому обозу. Если учесть, что для перевозки однодневной дачи продовольствия и фуража для дивизии требуется 1 только взвод автомобильного транспорта (20 грузовиков)[2], то разрешение этого вопроса не составит никаких затруднений. В этом вопросе мы полностью солидаризируемся с точкой зрения большинства интендантских работников, что «в высших войсковых соединениях необходимо установить уставный запас продовольствия на колесах».

г) **Органы ремонтирования, полевые казначейства и почта** остаются без изменения.

Снабжение средствами связи остается без изменения. Парк связи сохраняется.

Организация воздушного флота и его служб приводится ниже в специальном разделе.

2. Эвакуация

Организация санитарной службы. В 1919 г. в докладе главной квартиры по вопросам санитарной службы было сказано следующее:

«...События 1918 г. не замедлили показать, насколько в тех формах, которые приняла война, была опасна идея иметь большие эвакуационные госпитали, расположенные вблизи фронта и превратившиеся в лечебные заведения. Эта идея возникла с одной стороны ввиду стабилизации фронта, а с другой — под влиянием распространенного среди хирургов мнения, что раненого нужно перевязывать как можно скорее и лечить его в дальнейшем как можно ближе к месту его ранения. Эта идея очень далека от реальной боевой обстановки.

И вот тогда была осознана необходимость создания в глубоком тылу лечебных заведений, куда бы немедленно после тщательной сортировки перевозились все раненые, могущие выдержать эвакуацию, для оперирования их вдали от боевых линий».

То, что было верно в 1918 г., будет не менее верно завтра в войне самых широких движений, и потому можно предвидеть упразднение эвакуационных госпиталей первого эшелона.

До сих пор раненые действительно разделялись на подлежащих и неподлежащих эвакуации. Первую группу составляют три четверти раненых, остальная четверть выпадала на долю настолько тяжело раненых, что их нельзя было бы своевременно оперировать, если бы их передать на наземный транспорт. Поэтому в силу необходимости их приходилось оставлять в передовых санитарных учреждениях, а именно в госпителях первого эшелона[1]. Но так как эти госпитали были очень громоздки, то в случае движения армии вперед расстояние, отделяющее их от фронта, быстро увеличивалось, благодаря чему создавалась очень серьезная угроза для перевозки новых тяжело раненых. Между тем их все же приходилось эвакуировать в эти госпитали в ожидании создания нового эшелона госпиталей для заполнения образовавшегося интервала. Между прочим эти госпитали были столь же громоздки и также медленно развертывались.

Вполне понятно, что, обладая быстрыми и удобными средствами перевозки, можно было бы свести на-нет число раненых, не могущих быть эвакуированными. Использование санитарной авиации, как и внесение ряда других усовершенствований, поможет разрешить эту задачу.

Передовой дивизионный пункт медицинской помощи — орган первоначального отбора раненых и интенсивной эвакуации — должен быть сохранен в своем настоящем виде. Он будет эвакуировать раненых автомобильным транспортом или легкими санитарными самолетами[2].

Зато в составе армейского корпуса уже не будет штатных подвижных госпиталей.

Медицинские и хирургические лазареты будут являться армейскими средства-

---

[1] Un volant mobile.

[2] Всего ⅓ взвода штатного корпуса обоза (Е. О. С. А).

[1] Les hôpitaux primaires.

[2] Легкая авиация может быть использована для передовых пунктов медицинской помощи кавалерийских дивизий. — **Прим. автора.**

ми и из них будет создаваться в тылу каждого армейского корпуса группа лечебных заведений, примерно в удалении 25—30 км от фронта [1].

Подобная группа, состоящая например из 1 хирургического и 2 медицинских лазаретов [2], будет являться по существу органом специального отбора раненых. Однако в случае крайней необходимости здесь представится возможность делать хирургические операции.

Но главная роль этой группы будет все же эвакуация.

Группа лазаретов должна располагаться возможно ближе к железнодорожной линии или водному пути и иметь свою эвакуационную станцию (разгрузочную платформу или специально оборудованный речной порт) [3]. Раненые и больные, могущие выдержать перевозки на колесах, будут эвакуироваться по железной дороге (специальные санитарные поезда или состав из нескольких вагонов для подбора раненых, из которых затем формируются санитарные поезда) в госпитальную зону или непосредственно внутрь страны в зависимости от расстояний. **Не могущие выдержать этой перевозки** будут эвакуироваться **санитарными самолетами.**

Ввиду этого группы лазаретов необходимо располагать вблизи прежних аэродромов (гражданских или частных) или вблизи оборудованных участков местности или просто удобных для посадки тяжелых санитарных самолетов.

Таким образом тяжело раненые попадут в госпитальную зону регулирующей базы раньше, чем раненые, эвакуируемые по железной дороге [4].

В случае быстрого продвижения армии представится возможность по мере необходимости и в зависимости от количества ведущих бой корпусов создавать последовательные новые группы лазаретов из армейского резерва или из резерва главного командования. Благодаря этому не будет перерыва в эвакуации и удлинение расстояния эвакуации не будет отрицательно отражаться на состоянии раненых ввиду значительного радиуса и быстроты полета санитарных самолетов.

Впоследствии один из эшелонов лечебных заведений, усиленный необходимыми специальными учреждениями, может быть превращен в базу новой госпитальной зоны.

Ветеринарная эвакуация. Никаких госпиталей для животных в армейском районе не устраивается. Все животные, эвакуируемые передовыми (корпусными) ветеринарными учреждениями, перевозятся по железной дороге в ветеринарные госпитали, находящиеся внутри страны.

Функции регулирующей базы в целом. Регулирующая база располагается в армейском районе и, как уже говорилось, подчиняется главному командованию. Это последнее открывает коменданту базы кредит на получение продовольствия из складочных железнодорожных станций [1] для удовлетворения нужд армии или армий, которые обслуживает база. В отношении прочих видов снабжения (огнеприпасы, горючее, артиллерийское и автомобильное имущество и т. д.) коменданту базы даются указания о нарядах в учреждениях внутри страны для пополнения регулирующей базы или для непосредственного их направления в армии.

Переброска учреждений в регулирующую базу производится по твердым планам, составляемым на достаточно продолжительные периоды (наивыгоднейшее использование сети железных дорог). Грузы, следующие изнутри страны, а также за счет использования местных средств и получаемые из складов регулирующей базы, направляются на станции снабжения, где они и распределяются. Выбор станций снабжений производится по согласованию между армией и регулирующей базой, исходя из технических возможностей этих станций

---

[1] Армейские корпуса должны иметь в своем распоряжении врачебные пункты, состоящие из нескольких одинаковых подразделений, выделяемых к войсковым частям, ведущим бой.— **Прим. автора.**

[2] Ambulances.

[3] При невозможности нужно организовать автомобильные летучки между пристанью и группой лазаретов. — **Прим. автора.**

[4] Для ознакомления с подробностями этой организации рекомендуется прочесть статью полк. санитарной службы Шикале «Санитарная авиация в современной войне», помещенную в журнале «Аршив де медисин э де фармаси милитер», декабрь 1931 г., и разбор этой статьи сан. полк. Бейн, помещенный в январском номере журнала «Реаю де форс аерьен».

[1] Les stations magasins de vivres.

(определяемых комиссаром по регулированию железнодорожных перевозок) и в зависимости от их расположения по отношению к тем войскам, которые они снабжают (определяемых через 4-е бюро штаба армии, представитель которого состоит при начальнике регулирующей базы).

Начальники служб базы по заявкам войск или по распоряжению коменданта базы (типовые составы поездов) определяют количество потребных для них вагонов. На основании этих данных на регулирующей станции составляется общая таблица расчета составов снабженческих поездов.

Станции снабжения, состав поездов, направляемых на каждую из этих станций, и расписания поездов устанавливаются по согласованию между комиссаром, регулирующим железнодорожные перевозки, и армией (4-е бюро) под наблюдением коменданта регулирующей базы.

Что касается **эвакуационных перевозок,** то эвакуация имущества на регулирующую базу производится обратными составами снабженческих поездов (для особенно громоздкого имущества используются специальные платформы); санитарная эвакуация производится при посредстве эвакуационных железнодорожных станций, входящих в систему армейской группы лечебных заведений, и в исключительных случаях из дивизионных эвакуационных пунктов (для кавдивизий, дивизий прикрытия и т. п.).

Воздушный флот

Маневр воздушных сил может носить только **наступательный характер.** Этот маневр имеет целью с одной стороны облегчить маневр сухопутных сил, в ходе которого стремятся использовать **внезапность,** а с другой стороны раскрыть возможность аналогичного маневра со стороны противника, а затем помешать и воспрепятствовать этому.

Успех внезапности маневра, как уже говорилось, зависит от степени скрытности подготовки операции и быстроты ее проведения.

Каким образом обеспечить эти условия для воздушных сил [1]?

[1] См. статью покойного полк. Гюимене «Старые принципы, новые приемы» в «Рэвю де форс аерьен», октябрь 1931 г. — **Прим. автора.**

1. Отказом от постройки ангаров или палаточных ангаров, которые немедленно раскрывают планы командования. Обходиться без ангаров вполне возможно, применяя металлические самолеты.

2. Использованием военных, гражданских и частных аэродромов, количество которых с каждым днем все будет возрастать как на территории своей страны, так и в сопредельных странах, по мере развития коммерческой авиации и авиации для целей туризма.

3. Отказом от использования оборудованными аэродромами (самолеты с переменными несущими плоскостями и дополнительными углами встречи, торможение на колесах).

4. Придачей авиационным соединениям транспортных самолетов для перевозки к моменту начала их действий личного состава (механиков).

5. Упразднением авиационных армейских парков и облегчением парков авиационных частей, ввиду чего ремонт должен производиться или в мастерских регулирующей базы или в тыловых мастерских.

Наступательный марш

Хорошо, скажут нам, ваша система организации тыла и ее функционирование осуществимы на своей территории и в начале военных действий, когда вы будете располагать очень развитой сетью железных дорог, даже специально приспособленных для целей войны и находящихся в отличном состоянии. На этой сети и построено все наше здание. Но допустите, что противник добровольно отойдет или будет отступать после понесенного поражения, производя разрушение грунтовых и железных дорог. Тогда ваша база будет находиться в 150 км позади исходного положения армии, причем она окажется слишком громоздкой, чтобы ее можно было перенести вперед для следования за войсками. В общем вы облегчили непосредственные армейские тылы только тем. что притянули их на коммуникационную линию, но это в результате не уменьшает затруднений... Прежние собственно армейские учреждения хотя и с грехом пополам, но все же следовали за войсками. Ваши распределители (передовые снабженческие органы) правда будут там, где нужно. но органы, их

снабжающие, не в состоянии будут их снабжать. Ваша система может и хороша для стабилизационного положения, но не для наступательного марша...

Позволим себе заметить прежде всего, что первое сражение в будущей войне повидимому будет иметь характер пограничного сражения, начатого внезапно, и надо его выиграть. Иметь возможность вести это сражение, не будучи связанным громоздким тылом, — по нашему мнению очень серьезное преимущество.

Но это конечно одна сторона проблемы, которая должна быть разрешена в более широком масштабе. Заметим, что на теперешней стадии организации современных армий **с большой численностью и с громоздкой материальной частью ни одна из армий не в состоянии обходиться без железных дорог.**

Поэтому все сводится к вопросу, не будет ли некоторое удлинение коммуникационной линии, предусматриваемое нашей системой, компенсироваться быстротой, могуществом и гибкостью перевозок. Нам кажется, что даже после 1918 г. имеются уже усовершенствования в этой области и что далеко не все возможности в этом направлении исчерпаны [1].

Обеспечение от воздушных и наземных атак в новых их формах и неоспоримая **свобода действий**, создаваемая осаживанием назад снабженческой базы, в свою очередь оправдывают удлинение коммуникационной линии.

Как и прежде, все усилия должны быть направлены на возможно быстрое **удлинение железнодорожных путей;** над этим вопросом постоянно работают, его разрешение идет по правильному пути и на широкой технической базе.

В то же время моторизация обозов высших войсковых соединений даст возможность продвигаться минимум на 100 км [2] вперед от конечно-выгрузочной станции железной дороги. Если прибавить это расстояние к глубине расположения регулирующей базы, то будем иметь максимум 200—250 км, что и должно считаться крайним пределом расстояния, если не хотят превысить 24-часовой срок доставки предметов снабжения и чрезвычайно увеличить кругооборот и изнашивание материальной части железных дорог.

[1] Применение воздушного тормоза для товарных вагонов, что уже принято в Германии, явится первым из этих усовершенствований.

[2] Заметим, что расстояние в 100 км равняется по прямой линии расстоянию между нашей границей и Рейном у Майна. — **Прим. автора.**

Но вполне очевидно, что если наступление будет развиваться более быстрыми темпами, то мы не будем ожидать, чтобы войска достигли предела «стратегического броска», и только после этого переносить вперед регулирующую базу. Перенос ее будет производиться по железной дороге последовательными эшелонами. Первые из этих эшелонов, развернувшись, образуют в 150 км впереди передовую регулирующую базу, **которая и явится остовом новой регулирующей базы.**

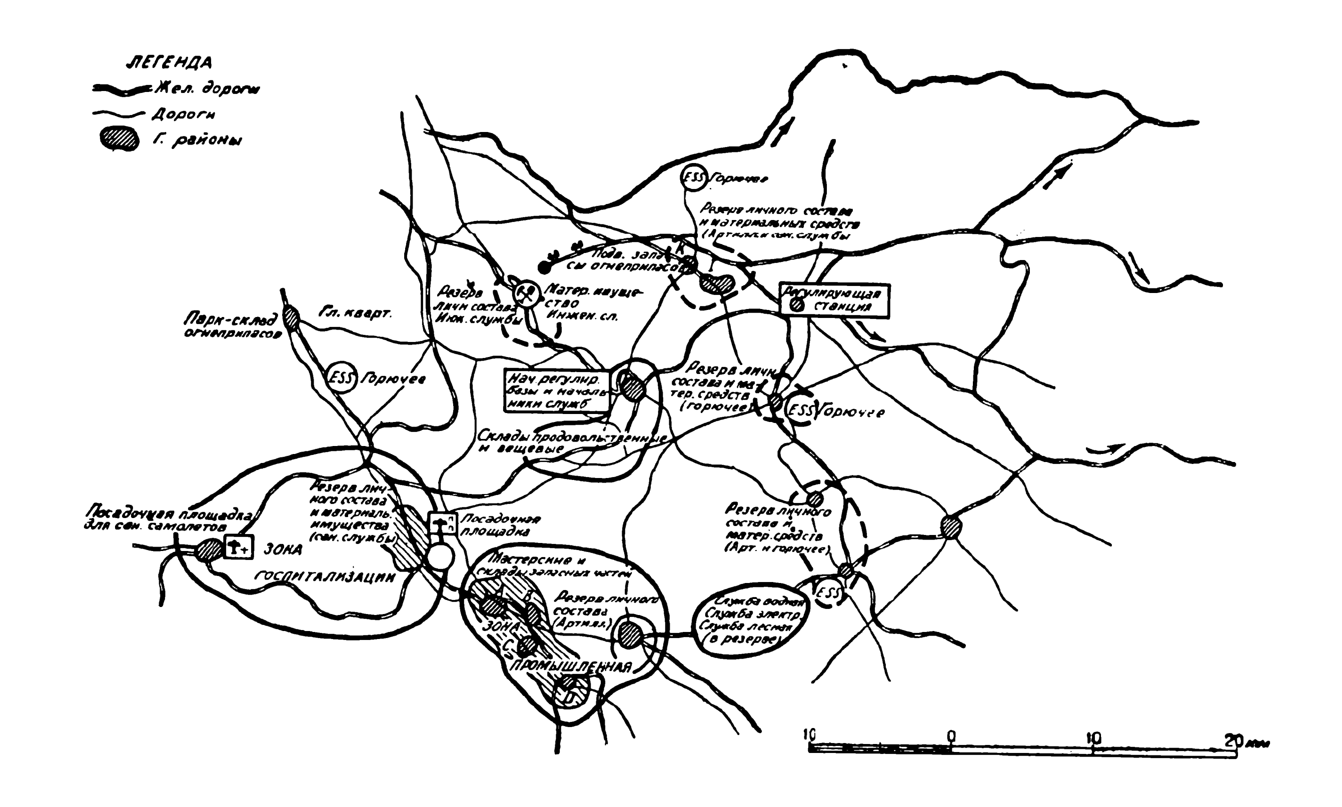
Передовая регулирующая база будет иметь в своем районе организацию интенсивных транспортов на дорогах и дорожные станции, заменяющие железнодорожные станции снабжения [1]. Такая организация конечно связана с довольно значительными затруднениями в отношении подвоза всех видов снабжения, замены и ремонта материальной части [2]. Но все же она даст возможность без непреодолимых препятствий выждать восстановление железной дороги.

Функции начальника армейских служб и этапной дирекции

Функции начальников армейских служб и главного директора этапов не подвергаются никаким изменениям. В частности эксплоатация местных ресурсов остается прерогативой директора этапов. Последний по согласованию с командующим армией (4-е бюро штаба армии) устанавливает районы эксплоатации, распределение их между высшими войсковыми соединениями и распределение транспортных средств. Продукты, полученные за счет местных ресурсов, должны расходоваться в первую очередь; это естественно сокращает соответствующим образом подвоз продовольствия с тыла, что и оправдывает вполне введенный нами термин

[1] Gares routières.

[2] Это всегда характерно для всех быстрых маршей и преследования (наступление и преследование восточной армии в 1918 г.). — **Прим. автора.**

ЛЕГЕНДА
Жел. дороги
Дороги
Г. районы
Парк-склад огнеприпасов
Гл. кварт.
Горючее
Резерв личн состава Инж. службы
Матер. имущество Инжен. сл.
Под. запасы огнеприпасов
Резерв личного состава и материальных средств
Горючее
Регулирующая станция
Нач. регулир. базы и начальники служб
Резерв личн состава и матер. средств (горючее)
Горючее
Склады продовольственные и вещевые
Резерв личного состава и материальн. имущества (сан. службы)
Посадочная площадка для сан. самолетов
Посадочная площадка
ЗОНА ГОСПИТАЛИЗАЦИИ
Резерв личного состава и матер. средств (Арт. и горючее)
Мастерские и склады запасных частей
Резерв личного состава (Артилл.)
ЗОНА ПРОМЫШЛЕННАЯ
Служба водная
Служба электр.
Служба лесная (в резерве)
ESS
10
0
10
20 км

«регулирующей базы» вместо снабженческой базы.

Заключение

Если операции в 1914 г. носили чисто маневренный характер, а операции 1918 г. по выражению германцев — характер «стабилизации на роликах» [1], то можно предположить, что будущая война, если ей вообще суждено быть, явится войной вновь обретенной маневренности.

В приведенном нами проекте мы стремились, не затрагивая общего остова принятой системы, внести в организацию различных исполнительных органов лишь те изменения, которые обеспечили бы командованию большую свободу действий и в то же время сделали бы работу тыла более гибкой.

[1] Stabilisation sur roulettes.

Вновь предлагаемая организация делает ставку на увеличившийся радиус действия автомобиля, железной дороги и самолета, а также на национальные и частные источники снаряжения и снабжения армии.

Не внося коренных изменений в систему **снабжения, наш** проект делает серьезный упор на **эвакуацию:** проект решительно отбрасывает в тыл ремонт, который служит главной причиной громоздкости и уязвимости таких тыловых учреждений, как крупные армейские парки.

Мы не дерзаем думать, что разрешили всю поставленную проблему в нашей короткой статье. Наша задача была просто поставить вопрос и дать материал для дискуссии.

Приложение.

Изменения, внесенные в различные органы снабжения и эвакуации

Вновь создаваемые органы	Органы, сохраняющие существующую организацию
Регулирующая база Ремонтные мастерские и склады запасных частей для: артиллерии, автомобилей, обозного имущества, пехотного оружия, танков, авиационного имущества, прочего имущества. Депо и склады (продовольственные и вещевые). Госпитальная зона (госпитали и госпитальные центры). Резерв личного состава и запасы материальной части для всех служб.	Парк связи. Инженерный парк (без склада и материалов). Подвижные ремонтные склады. Гидротехническая служба. Электротехническая служба. Лесная служба. } Первоначально в резерве находятся на регулирующей базе. Выдвигаются вперед только по требованию. Армейская почта. Полевое казначейство.
Измененные органы	**Упраздненные органы**
Регулирующая станция. Парк горючего (содержится только штаб; личный состав комплектуется регулирующей базой). Парк огнеприпасов (содержится только штаб; личный состав комплектуется регулирующей базой). Дорожная служба. Группы лазаретов (переходят в ведение армии).	Ремонтный артиллерийский парк. Ремонтный обозный парк. Ремонтный парк пехотного оружия. Танковый парк. Авиационный парк. Вещевые армейские магазины. Войсковые кооперативы. Госпитали для предварительной эвакуации. Запасные госпитали (в армейском районе). Ветеринарный армейский госпиталь.

Перевел **А. Герберт**.

III. Вопросы обороны границ

Капитан **Мандару**

О современных укрепленных районах и вспомогательных средствах прикрытия границ

(С французского)

Les auxiliaires de la couverture—aviation, destruction, fortification. Par le capitaine Mandaroux. „Revue du Génie Militaire", janvier—février 1932.

Статья капитана Мандрау под заглавием «Вспомогательные средства прикрытия: авиация, разрушения, фортификация» является изложением некоторых мыслей автора по интересному вопросу взаимного использования всех современных средств, служащих целям прикрытия мобилизации и сосредоточения армий в самом начале войны.

Но, затрагивая в форме общих рассуждений ряд мероприятий, связанных с целесообразным использованием долговременных укреплений в период прикрытия, автор совершенно не останавливается на самых формах этих укреплений, появившихся в итоге войны 1914—1918 гг. А между тем их новизна не может не представить глубокого интереса. Поэтому для устранения всех могущих возникнуть неясностей и запросов при ознакомлении с этой статьей в той ее основной части, где говорится о долговременных укреплениях, редакция полагает необходимым предпослать ей небольшой обзор современных фортификационных форм, принятых для обеспечения сухопутных границ некоторых буржуазных государств, с краткой историей их развития под влиянием усовершенствования артиллерии и появления новых средств нападения.

От редакции

Вопрос о формах долговременной фортификации, пришедших на смену старым крепостям, разрешается за рубежом в следующем виде.

Недостаточная сопротивляемость крепостей с фортовым поясом вокруг, при их изолированном использовании в течение войны 1914—1918 гг. заставила все иностранные государства совершенно отказаться от такой формы долговременных укреплений. Людендорф писал в своих «Воспоминаниях», что Новогеоргиевск (Модлин) был вероятно последней крепостью с поясом фортов, которую взяли после обложения, и что крепости такого рода уже не могут сопротивляться современной артиллерии с ее огромнейшими расходами снарядов.

Факты стремительного падения друг за другом во время войны большинства крепостей поколебали у многих всякую веру в долговременную фортификацию и даже затушевали тот факт, что некоторые из крепостей после их включения в общеармейский фронт все же выполнили поставленные им задачи. Верден, как известно, продержался при последних условиях до самого конца войны, а маленькая крепость-застава Осовец успешно оборонялась в течение 6½ месяцев.

Полное отрицание на основе военного опыта самой формы старых крепостей главным образом из-за слишком малой площади их обороны повлекло за собой в самом начале также весьма резкое осуждение всех вообще долговременных укреплений. Однако послевоенные исследования, преимущественно французских специалистов, быстро опровергли слишком опрометчивые выводы в этой части, а маршал Петэн даже указал в заключении своего труда «Верденское сражение» на необходимость особого провозглашения факта могущественной помощи в этом сражении со стороны фортов крепости, для того чтобы окончательно и навсегда выпразить ошибочное мнение, создавшееся в некоторых кругах по отношению к долговременным укреплениям вообще.

В действительности долговременная фортификация как наука об укреплении не умерла в войну 1914—1918 гг. вместе с развенчанными крепостями, а приняла только иные формы, характеризующиеся наличием одной фронтальной обороны (а не круговой, как в крепостях) при обеспеченных флангах и открытом тыле. Одновременно с этим все оборонительные постройки в новых фортификационных формах значительно уменьшились в раз-

мерах и во много раз увеличились числом, что должно было вызвать затруднение задач артиллерии и других средств атаки.

Современный период в истории долговременной фортификации начался с постройки **укрепленных полос** или зон в тылу германских армий на западном фронте, начиная с 1915 г., преимущественно для усиления обороноспособности некоторых крепостей (Майнц, Мец), превращенных в фронтальные позиции.

Укрепленные полосы занимали в глубину до 2,5 км и устраивались на протяжении 20 км. Все пространство внутри их заполнялось несколькими рядами мелких одноэтажных бетонных построек самого разнообразного назначения, располагавшихся в шахматном порядке частично по боевым гребням, а частично на обратных скатах. Взаимное удаление построек не превышало обычно 0,5 км, а самые размеры каждой из них по площади чаще всего составляли 25 кв. м. Все они имели плоское покрытие толщиной в 1,2 м с расчетом на сопротивление 210-мм снарядам. Среди изобилия всякого рода убежищ и наблюдательных пунктов чрезвычайно искусно скрывались оборонительные сооружения для пулеметов и орудий, фланкирующих не только промежутки, но дающих огонь во внутрь и в тыл всей полосы. По переднему краю обороны обычно проходили две полосы проволочной сети, отстоявшие одна от другой на 15 м. Эти препятствия шли зигзагами, подводясь под фланкирование из некоторых построек, вооруженных пулеметами. Для противотанковых орудий вблизи их открытых позиций, не далее 0,5 км от переднего края, всегда имелись убежища. Основная масса артиллерии, размещавшаяся совершенно открыто непосредственно за полосой бетонных построек, располагала только бетонными убежищами для расчетов, наблюдательными пунктами и погребками для боеприпасов.

Вся сила **укрепленной полосы** с маскирующим ее передний край предпольем, созданным средствами полевой фортификации, заключалась **в многочисленности и разбросанности чрезвычайно однотипных бетонных построек,** а не в их полной сопротивляемости всем средствам атаки. Бетонные постройки внутри полосы предполагалось в последнюю минуту соединять окопами и ходами сообщения силами и средствами полевых частей, выделенных для обороны, для чего все земляные работы были лишь обозначены на местности.

Принцип создания таких **укрепленных полос** значительного протяжения для долговременного обеспечения государственных границ был сохранен в Германии и в послевоенное время, с той только разницей, что постройки в них, соблюдая все свои размеры и толщину перекрытий, стали делаться исключительно железобетонными.

Ряд укрепленных полос, эшелонируемых друг за другом на важнейших операционных направлениях, образует теоретически в немецком понимании высшую из современных фортификационных форм — **укрепленный район,** заменяющий собою старую идею крепости.

Французское командование, начавшее фактическое проведение плана инженерной подготовки сухопутных границ своего государства с 1925 г., а во всем его об'еме лишь с 1929 г., предусмотрело по этому плану четыре разновидности долговременной подготовки местности, а именно: **подготовку полей сражения, подготовку массовых разрушений** (заграждений), **устройство укрепленных полос и образование укрепленных районов.**

Первое мероприятие предусматривает разброску на местности некоторого количества мелких одноэтажных построек (огневых точек и капониров) из железобетона, которые могли бы вместе с размещенными в определенных пунктах **фортификационными парками** с запасом инженерных средств и материалов оказать известную услугу полевым войскам, призванным для ведения боя на данной территории.

Массовые разрушения подготовляются преимущественно на флангах укрепленных районов, которые остаются на-весу. В них чаще всего стремятся использовать подготовленные затопления и вместе с тем предусматривают также возведение небольшого числа одноэтажных огневых точек или блокгаузов из железобетона для обороны важнейших заграждений.

Французские **укрепленные полосы** существенно отличаются от описанных выше немецких тем, что содержат всего только одну линию долговременных железобетонных оборонительных построек на обратных скатах. Линия эта образуется из пулеметных капониров на интервалах в 1 км друг от друга и более мощных построек такого же типа для 75-мм орудий вместе с пулеметами, устраиваемых через каждые 4—5 км. Все указанные постройки, глубоко сидящие в земле, делаются двухэтажными и занимают площади от 150 до 1 600 кв. м. Их перекрытия от 1,75 м железобетона и более гарантируют от 280-мм калибров. В промежутках между долговременными постройками создаются сильные препятствия, находящиеся под четырехслойным фланкирующим огнем (как пулеметным, так и орудийным), а в 1 км позади намечается оборонительная полоса, которая будет укрепляться полевыми войсками, ее занимающими. В ней в течение мирного времени может быть создано лишь несколько крупных охранительных построек из расчета по одной на батальонный участок. В этой системе мы видим не обрастание долговременных элементов обороны средствами полевой фортификации, а почти одно параллельное применение последних под прикрытием хотя и узкой, но зато постоянно готовой и прочной линии долговременных оборонительных сооружений.

Высшая фортификационная форма — **укрепленные районы** — создается французским командованием исключительно на главных операционных направлениях для прикрытия сосредоточения своих армий. Укрепленные районы располагаются обычно на очень небольшом удалении от границы (не более полуперехода) и обеспечиваются только одними пограничными частями. Их протяжение зависит от поставленных им задач (на практике от 20 до 120 км). Каждый укрепленный район располагает 2—3 линиями железобетонных оборонительных построек, глубоко сидящих в земле на обратных скатах. Линии эти образуются двухэтажными пулеметными капонирами (пло-

щадью в 250 кв. м и перекрытием 1,75 м), расположенными на интервалах в 1 км, и малыми трехэтажными фортиками с глубокими потернами в тыл, на вооружении которых состоят 75-мм пушки и пулеметы. Фортики занимают площадь в 3000 кв. м и снабжены прочнейшими покрытиями в 3 м железобетона. Они размещаются на местности в шахматном порядке. Все промежутки между созданными таким образом линиями долговременных построек заполняются сплошь железобетонными капонирами с четырьмя пулеметами, находящимися друг от друга на удалении в 1 км и перекрывающими всю площадь четырехслойным огнем. Таким образом общая глубина элементов стабильной обороны во французских укрепленных районах составляет от 4 до 8 км, за которыми размещаются главные подвижные массы тяжелой артиллерии, включающие двухорудийные батареи 420-мм калибра, передвигаемые по рельсам электрической тягой. Укрепленные районы отличаются мощным оборудованием в отношении средств ПТО, ПХО и ПВО. **В их лице восстанавливается утраченное старыми крепостями соревнование между долговременными средствами обороны и новейшими средствами атаки.**

По требованию французского командования все долговременные оборонительные элементы укрепленных полос и укрепленных районов получают постоянные гарнизоны и должны находиться в боевой готовности.

Гарнизоны укрепленных районов составляют неотъемлемую принадлежность их долговременных сооружений, но должны всегда действовать в полном контакте с полевыми войсками, активно выступающими из-за прочно обороняемой территории укрепленных районов. Особенно серьезные задачи перед гарнизонами последних ставятся в части взаимодействия с армией прикрытия. Однако необходимо иметь в виду, что вопрос о постоянных гарнизонах укрепленных районов во Франции еще окончательно не разрешен и здесь можно придать еще кое-какие изменения.

Все до сих пор изложенное показывает наличие за рубежом двух основных течений в области способов укрепления сухопутных границ: немецкого — более простого, более тесно связанного с полевыми войсками и легче осуществимого во всех отношениях и французского — более сложного, требующего обязательной подготовки целиком в мирное время специальных гарнизонов, но зато характеризующегося постройками, сопротивляющимися самым мощным калибрам артиллерии.

Особенностью обеих систем долговременных укреплений к настоящему времени кроме той или иной степени измельчания отдельных железобетонных построек (в немецкой системе более ярко выраженной) является использование легкой скорострельной артиллерии на одинаковых основаниях со станковыми пулеметами в казематах и категорический отказ от огневых точек по боевым гребням из-за уязвимости их передних стенок и амбразур. По современным понятиям все оборонительные постройки в укрепленных полосах и укрепленных районах должны быть исключительно расположены на обратных скатах и приспособлены для взаимного фланкирования. На передних же скатах остаются только одни органы наблюдения и искусственные препятствия.

Однако нужно всегда иметь в виду, что отказ от огневых точек или блокгаузов пришел значительно позднее, чем они стали применяться в укрепленных полосах, образованных по немецкому образцу, особенно у большинства мелких государств, перенявших себе немецкую систему вскоре после окончания мировой войны и стремящихся ее приспособить к особенностям полевой обороны их армий. К тому же новые формы долговременных укреплений редко будут так ясно выражены на местности, как это указывает теория, потому что в целях экономии средств в них постоянно будут включаться не только элементы старых крепостей, оказавшихся на месте, но даже и мелкие бетонные постройки на позициях военного времени, еще не утратившие сопротивляемости 150-мм калибрам артиллерии и в основном своем большинстве сооруженные по боевым гребням.

Характерная особенность современной долговременной фортификации, выражающаяся в измельчании железобетонных элементов, ставит перед авиацией и артиллерией атаки чрезвычайно острые задачи. Первая для достижения известного успеха должна переходить на бомбардировку целой площади, занятой фортификационной «пылью», применяя для этого самые крупные авиабомбы, а вторая — расходовать огромное количество снарядов по чрезвычайно малым целям. Французский артиллерийский справочник дает следующий расход 280-мм снарядов для разрушения одной современной железобетонной постройки с покрытием в 1,2 м и площадью в 25 кв. м: с дистанции 2,5—5 км — от 40 до 90 снарядов, с дистанции от 5 до 9 км — 100 снарядов и с дистанции свыше 9 км — 150 снарядов.

Танкам по зарубежным взглядам (особенно английским) совершенно не рекомендуется вступать в борьбу с долговременными оборонительными сооружениями, а только прорываться через них для действия по тылам для нарушения питания и поддержки укреплений живой силой.

Французское командование, детально разбиравшее у себя все возможности прорыва современных **укрепленных полос** и **укрепленных районов**, полагает вполне допустимым преодоление открытой силой лишь одних **укрепленных полос**. Что же касается **укрепленных районов** в том их развитии, которое осуществляется уже на границах Франции, то имеется определенная тенденция рассматривать таковые как нечто непреодолимое для современных средств атаки и выдвигаемое для противодействия развитию глубокой операции.

Близящиеся уже к своему окончанию новые долговременные укрепления на французских границах с Германией и Италией видимо продолжают еще ставить ряд новых оперативных и тактических вопросов перед французскими военными кругами. На некоторые из них автор статьи о вспомогательных средствах прикрытия и пытается дать ответ.

Предисловие

Долговременные укрепления в современной войне дополняются, а иногда и заменяются другими средствами, которые стоят не так дорого. но тем не менее так же действительны. К этим средствам относятся: полевые укрепления, разрушения и авиация. Все четыре средства должны применяться в тесном взаимодействии и умелом комбинировании между собою. Правильное решение проблемы будет состоят в том, чтобы ограничить применение первого (долговременная фортификация) как слишком дорогого, не слишком полагаясь однако на мощность второго (полевые укрепления), действительность третьего (разрушения) и на моральные и материальные, результаты четвертого (авиация).

Для изучения проблемы в целом следовало бы разобрать несколько конкретных примеров при различной боевой обстановке. Но мы остановимся на использовании долговременных . укреплений и других средств лишь в период прикрытия мобилизации и сосредоточения армий, ввиду того что операции прикрытия, как подлежащие тщательному изучению еще в мирное время, могут быть до известной степени заранее определены и изучены.

Образ действия прикрытия

Под операциями прикрытия подразумевается совокупность операций оперативного обеспечения; они начинаются еще в мирное время первоначально с усиления охраны и безопасности границ и продолжаются до окончания мобилизации и сосредоточения. Характер этих операций находится в полной зависимости от двух факторов: военного и политического; они характеризуются слабостью первоначальных боевых средств и заботой о том, чтобы не попасть в положение «нападающего», или иначе «виновника войны».

Чем меньше будет численность армии мирного времени и чем равномернее она будет распределена по территории страны, тем, слабее будут первоначальные средства, с которыми начинается война. Для усиления погранчастей можно было бы перебросить из тыла части действительной службы или мобилизовать лиц, освобожденных от последней. В обоих случаях понадобится немало времени, а его как раз будет очень немного; в результате пришлось бы вступить в войну со слабыми силами и уже после постепенно их усиливать.

Для того чтобы не получить упрека в агрессии, следовало бы при организации прикрытия ограничиться исключительно оборонительными мероприятиями. Но это означало бы передать всю инициативу в руки неприятеля, так как, не зная ни времени, ни места атаки, невозможно организовать прикрытие так, чтобы быть в состоянии встретить неприятеля в любой момент и в любом направлении.

Два фактора благоприятствуют обороняющемуся: время, которое позволяет ему усилиться и организоваться, и местность, которую он может еще в мирное время изучить, выбрать и подготовить посредством долговременных укреплений.

Взаимодействие авиации

Участие авиации в операциях прикрытия осуществляется в следующих формах: 1) самостоятельные операции на территории неприятеля; 2) оборона собственной территории против воздушного врага параллельно с обороной, ведущейся войсками прикрытия против врага сухопутного, и 3) операции, согласованные с действиями сухопутных частей и для содействия последним (разведка, действия истребит. авиации).

Первый вид операций требует огромного напряжения материальных и моральных средств. Современная пресса старается подчеркнуть первостепенное значение воздушных действий в самом начале конфликта, ставя под сомнение эффективность сухопутных вооружений.

Воздушный бой крупного масштаба, предпринятый в самом начале периода прикрытия, будет иметь для той стороны, которая его начала первая, скорее политическое. чем военное значение. Сухопутные операции могут носить характер более или менее запутанный, неясный, допускающий еще некоторую отсрочку для примирительных действий, но такие действия, как воздушная атака укрепления или города, — это уже определенный акт агрессии, который ввет

все отношения. Итак цель подобных операций скорее политическая, чем военная, так как она более бьет по моральному состоянию правительства и населения, чем вызывает замедление в сосредоточении вооруженных сил.

При осаде крепостей иногда делают попытку овладеть крепостью посредством так называемых «иррегулярных» способов, к которым относятся внезапная атака и бомбардировка. Не является ли массовое использование воздушных сил в самом начале войны комбинированием обоих способов, с тем чтобы путем материального и особенно морального воздействия принудить к капитуляции «необ'ятную крепость», которой является вся страна? История осады крепостей учит нас, что подобные «иррегулярные» способы очень редко являются действительными и что атакующий по большой части бывает вынужден прибегать к методической атаке. Поэтому повидимому придется отказаться (временно по крайней мере) от самостоятельных воздушных операций и обратиться к сухопутным средствам.

Что же необходимо предпринять против попытки неприятеля осуществить подобный «шах» (угрозу)? Прежде всего нужно подготовить общественное мнение к идее возможной воздушной опасности, дав ей действительную оценку, так как чем больше будут об этом знать, тем лучше, ибо благодаря этому уничтожается элемент неожиданности. Далее нужно ограничить материальные результаты действий авиации противника путем организации воздушной обороны — активной и пассивной. Наконец необходимо иметь в своем распоряжении воздушные силы, достаточно мощные для того, чтобы в ответ на воздушный налет произвести репрессии без малейшего промедления и с максимальным эффектом. Страх перед подобными репрессиями может заставить неприятеля воздержаться от того, чтобы начать первому воздушные операции. Воздушные силы могут уподобиться военноморским флотам, остававшимся во время войны 1914—1918 гг. целыми месяцами на якоре, к чему их вынуждал один лишь факт существования неприятельских больших флотов. Флоты обеих сторон предоставляли действовать дозорным судам и мелким соединениям, а сами оставались почти в полном бездействии. К этому нужно добавить, что применение воздушной армии в самостоятельных операциях прикрытия — дело весьма сложное. Ни самые методы применения ее, ни те цели, которые перед ней ставятся, ни результаты, которых от нее ожидают, не могут быть пока точно рассчитаны и учтены.

Но очевидно, что уже одна только угроза конфликта заставит мобилизовать армию прикрытия по всей территории как на поверхности земли, так и в воздухе и потребует ввести в действие все наличные средства воздушной обороны. В отношении авиации с достоверностью можно сказать только одно: первоначальное применение авиации в операции прикрытия будет состоять из участия в воздушной обороне своей территории с одной стороны и с другой стороны во взаимодействии истребительной и разведывательной авиации с сухопутными частями.

Разрушения и прикрытие

Посредством разрушений можно задержать врага на тот же срок, как и посредством боя. Это будет способ даже более верный и действительный, тем более что разрушения могут быть тщательно подготовлены еще в мирное время. Степень подготовки зависит от следующих факторов: **времени**, необходимого для их осуществления, **поставленной цели, наличных средств** (личный состав, материальная часть, взрывчатые вещества, средства транспорта) и наконец условий подрывных работ.

Время. Мы уже указали на ту неизвестность, в которой будет пребывать обороняющийся в момент атаки неприятеля, момент, когда разрушения должны начать действовать. Предположим, что атака произойдет на первый день, на пятый или десятый день — разрушения тоже должны последовать в первый, пятый или десятый день. На каждый из этих дней должны быть заготовлены серии соответствующих взрывов.

Для того чтобы обеспечить последовательность взрывов, план разрушений должен включать не только минимальный перечень взрывов, но и их очередность. Очередность должна соответствовать **важности цели и наличию средств.**

Цель. Избрание цели зависит от задач прикрытия и от самого характера разрушений (оперативный или тактический). **Оперативный характер** разрушений крупных дорожных сооружений, тоннелей и т. п. влечет за собой на продолжительное время не только для противника, но и для своих войск невозможность возобновить или поддерживать наступательные операции крупного размаха на данной территории. **Тактические** разрушения сооружений менее важных и разрушение дорог создают лишь временное затруднение для наступающего и для его передовых транспортов.

Отметим, что последовательное осуществление разрушений может менять самый характер последних, например разрушение одного лишь пролета большого виадука носит характер тактический, разрушение же промежуточных и береговых устоев будет уже оперативного порядка. Нужно заметить, что войска прикрытия получают максимум поддержки от разрушений тактических.

Можно ли в период прикрытия производить разрушения на фронте армии, которая должна перейти в наступление по окончании сосредоточения? Генерал Норман по этому вопросу говорит, что в случае нашего наступления противник не преминет разрушить пути сообщения, если они будут оставлены ему нетронутыми. Еще можно сомневаться в отношении разрушений оперативного порядка, но разрушения исключительно тактического характера не принесут серьезного вреда дальнейшему наступлению. В том же случае, когда операции прикрытия производятся на оборонительном фронте, оперативные разрушения как раз дадут здесь наилучший результат.

Во всяком случае определение очередности между тактическими и оперативными разрушениями лежит на обязанности командования, в зависимости от дальнейших оперативных планов последнего. Должны быть даны указания относительно размеров и последовательности сложных разрушений (эти указания составляются на основании данных разведки и расчетов инженерных войск).

Средства. Личный состав подрывных команд первоначально будет состоять из сапер-минеров действительной службы пограничных округов. Затем на пополнение прибудут резервисты, по большей части проходившие действительную службу не в инженерных частях, а в других родах войск, т. е. они будут иметь лишь элементарные познания в специальностях минеров и подрывников. Это обстоятельство необходимо иметь в виду.

Составление плана разрушений можно производить двояко: 1) сделать подсчет всех наличных средств и в соответствии с ними выбрать цели и определить очередность, 2) или обратно: считаясь исключительно с оперативными требованиями, рассчитать все необходимые разрушения и их очередность, а также учесть наличие материала и людей и на основании этих учетов произвести всю организационную работу еще в мирное время. Для этого понадобится или придвинуть стоянки инженерных частей ближе к границе или увеличить число сапер-минеров. Интересы прикрытия требуют, чтобы пропорция в армии инженерных войск (а равно и конницы) была увеличена еще в мирное время.

Производство разрушений потребует огромного количества офицеров инженерных войск для производства разведок, для руководства отрядами, для связи с командованием и частями пехоты и наконец для самого производства подрывных работ. Офицеры штабной службы вследствие знания ими территории, знакомства с заранее подготовленным минированием и знания местных ресурсов могут оказать огромные услуги, действуя бок о бок со своими войсковыми товарищами. С большой пользой могут быть использованы также офицеры резерва, проживающие в прифронтовой зоне.

В течение этого периода не придется рассчитывать на вспомогательные войска. Придется принять все меры к тому, чтобы обеспечить безопасность работ инженерных войск, так как успех работы сильно увеличивается, когда человек чувствует себя в безопасности. Связь сапера и пехотинца должна быть установлена с момента открытия огня; дело только выиграет, если эта связь будет установлена уже с началом работ. В большинстве случаев одного поддержа-

ния связи будет достаточно для того, чтобы обеспечить безопасность работ.

Материалы и взрывчатые вещества представляют значительный тоннаж, и безусловно выгодно будет заранее устроить склады возможно ближе к месту работы.

Долговременные укрепления дают возможность с успехом организовать такие склады. Особенное внимание нужно обратить на организацию хранения и охраны взрывчатых веществ. Далее следует принять меры к тому, чтобы транспорт материала и взрывчатых веществ к месту работы и перевозка рабочих от места подготовленного подрывного об'екта к следующему производились с максимальной быстротой и точностью. Желательно, чтобы частям, назначенным на производство разрушения, были органически приданы необходимые транспортные средства. Во время этого периода операции придется прибегать к реквизиции автомашин и грузовиков. Организация перевозок путем эксплоатации местных средств может осуществляться в том только случае, если она предусмотрена и подготовлена в мирное время с учетом первоочередной важности.

Приемлемое решение могло бы быть достигнуто путем взрывов на расстоянии (телемеханика).

Производство подрывных работ. Проблема производства подрывных работ в нужный момент для сапера то же самое, что вопрос взаимодействия пехоты и артиллерии. Ответственность за взрыв возрастает пропорционально важности об'екта, подлежащего разрушению. Не будет большого вреда, если «под натиском неприятеля» будут произведены тактические разрушения, но под одной только угрозой налета неприятеля заставить взлететь на воздух тоннель, восстановление которого потребует чуть ли не 3 лет времени, — это уже будет катастрофа.

Заряды и приспособления для воспламенения могут быть заделаны в сооружения, подлежащие подрыванию и находящиеся под надежной защитой от внезапного налета противника. На известном расстоянии от зарядов, например в месте расположения долговременных укреплений или в центральном пункте сбора донесений [1], располагается приспособление для подрывания. Приведение в действие последнего может последовать или по приказу из тыла или вследствие получения достаточно основательных сведений из передовых линий [2].

Участие авиации в разрушениях

Выше была отмечена политическая гипотеза, стесняющая в начале конфликта применение авиации в операциях на неприятельской территории. Но раз военные действия уже начались, подобная гипотеза конечно отпадает. Авиация может тогда увеличить зону сухопутных разрушений, перекинув ее через границу. Ясно, что здесь речь идет об оперативных разрушениях. Участие авиации может быть двух видов: или непосредственная бомбардировка об'ектов, подлежащих разрушению, или же доставка и высадка вблизи от сооружений подрывных команд, которым поручены разрушения. Авиация может увеличить продолжительность действия разрушений посредством воздушных атак неприятельских частей, высланных на восстановление разрушений. Все эти разнообразные способы действия координируются между собою планом разрушений.

Подготовка в мирное время. План разрушений. Непосредственная эффективность разрушений никогда не была опровергнута; применение их при всякой обстановке теперь вменяется уже в обязанность. Достигнутые результаты тем более будут значительны, чем более разрушения примут массовый характер. Но осуществить такие разрушения в операции прикрытия не так легко, поскольку число и важность взрывов являются функциями, зависящими от двух факторов: **времени и средств,** а появление на фронте неприятеля (неизвестное в задаче) ограничивает эти два факто-

[1] Организационно не входящая, но принадлежащая к КП часть. — **Ред.**

[2] Первоначально ограниченное количество взрывов и децентрализация командования требуют получения разрешения на производство взрыва от высшего командования. Но как только число взрывов возрастет и тактическая организация войск окрепнет, каждая командная инстанция получает право на производство взрывов. — **Прим. автора.**

ра, принуждая к постепенному осуществлению подрывных работ.

Можно улучшить фактор времени путем производства подготовительных работ в мирное время и в особенности организацией подготовленного минирования. Во время выполнения работ обеспечение безопасности рабочих отрядов и быстрое перемещение отрядов от одного пункта взрыва до другого также позволяют выиграть время. Этому же способствуют некоторые мероприятия мирного времени: усиление пограничных частей сапер-минеров и минеров-подрывников, **моторизация их, придача механического инструмента,** особые виды мобилизации войск прикрытия, например ускоренная мобилизация резервистов, предназначенных на усиление частей действительной службы, и т. п.

Подготовительная работа мирного времени систематизируется **планом разрушения,** который состоит из распоряжений командования и технических и тактических инструкций исполнителям. Решения принимаются командованием не моментально, но появляются в результате подробного и внимательного **изучения** вопроса в тесном взаимодействии командования и инженерных войск; командование фиксирует поставленную цель, а представитель инженерных войск докладывает о технических возможностях: инженерное командование в данном случае выступает в роли **осведомленного технического советчика.** План разрушений не является простым «энным приложением» к плану операции прикрытия. Он является его **составной частью** как в его особо важных разделах, так и в частях тактического порядка. Выполнение плана разрушений изменяет боевые свойства пехоты, поднимая обороноспособность последней и давая ей обеспечение. Но в свою очередь разрушения нуждаются в огневой защите пехоты.

Действительно, массовые или нет, но все **разрушения не должны быть пассивными. Как и всякое препятствие, они не будут иметь значения, если не будут поражаться бомбами с самолетов, огнем подвижной обороны (пехота и артиллерия) и огнем с оборонительных сооружений.**

Итак мы кратко рассмотрели вопрос о той помощи, какую получает прикрытие от разрушений с воздуха и разрушений наземных. **Разрушения с воздуха применяются на вражеской территории** по неприятельским тылам; непосредственной, так сказать обязательной, помощи бойцу они не дают. **Что же касается разрушений наземных, то последние именно оказывают непосредственную поддержку маневру прикрытия,** но зато их применение сопровождается обычно оставлением территории, хотя темп отхода здесь будет более медленный, чем при обычном бое за выигрыш времени.

Оставление собственной территории конечно не может продолжаться бесконечно; отход нужно сократить до минимума, учитывая расстояние от зоны прикрытия до района высадки войск и промышленных центров и принимая во внимание необходимость обеспечить за собой исходные линии для предстоящего наступления. **Чтобы сохранить за собой территорию в период прикрытия, обороняющийся обращается за содействием к фортификации.**

Поддержка фортификацией операции прикрытия

В период прикрытия будет ощущаться недостаток войск, почему придется прибегнуть к укреплению местности. Это укрепление будет покоиться на остове, образованном долговременной фортификацией (сооружения различных типов, в зависимости от характера местности), дополненном и развитом, когда это понадобится, войсками прикрытия, располагающими инструментом, имуществом и материалом, заготовленными в расположенных по соседству складах.

Долговременные укрепления, операция прикрытия и экономия сил

Итак **экономия сил** — вот требование, которое пред'является к фортификации как полевой, так и постоянной. В какой же мере та и другая способны выполнить это требование?

Обозначает ли выражение «экономия сил» возможность растягивания (удлинения) оборонительных фронтов? Могущество оборонительного оружия пехоты таково, что в большинстве случаев протяжение фронта ограничивается не огневыми возможностями пехоты, но возможностями управления и наблюдения за просачиванием противника. Это

6*

означает, что на одной и той же местности пехотная часть, ведущая бой за выигрыш времени (подвижная оборона), может устроить сплошную огневую завесу на фронте, в 2—3 раза более растянутом, чем если бы она имела задание организовать сопротивление на месте (стабильная оборона), принимая во внимание эшелонирование в глубину. Протяжение оборонительного фронта также находится в прямой зависимости от качества оружия; при стабильной обороне можно ограничиться минимумом живых сил.

Вместо экономии сил в **пространстве** от долговременных укреплений можно требовать экономии сил **во времени**, а всем известно огромное значение фактора времени в операции прикрытия. Возьмем пехотную единицу, растянутую на очень большом фронте, слишком большом для того, чтобы организовать оборону по всем правилам, но все же позволяющем устроить огневую завесу. В этом случае если наступающему, которому благоприятствует местность, удастся прорваться, то для обороняющегося не будет другого выхода, как оторваться от противника, с тем чтобы несколько далее попытаться возобновить ту же самую игру; продолжительность сопротивления ограничена и сопровождается всякий раз оставлением местности, но эти отходы должны иметь свой предел.

Если укрыть обороняющегося в долговременные укрепления, представляющие собою замкнутые и обеспеченные опорные пункты, прорыв неприятеля в этом случае уже не повлечет за собой оставления обороняющимся местности, а плотность огневой завесы может позволить противостоять противнику не только несколько часов, но может быть несколько дней, до подхода главных сил.

Хотя местность и не будет полностью удержана, но все же наступающий не сможет продвинуться слишком далеко, так как едва ли ему удастся расположиться среди всегда активных очагов сопротивления. Он будет вынужден прекратить продвижение и приняться за осадные работы со всем тем, что подобные операции влекут за собой, т. е. сосредоточением средств и **потерей времени.** Нам кажется, что в этом и заключается действительное назначение долговременных укреплений, особенно если они будут сочетать огонь с разрушениями.

Экономия сил не означает увеличения длины фронта — это есть функция от роста могущества вооружения долговременных укреплений.

Долговременная фортификация в прикрытии и вопрос о личном составе.

Чтобы выполнить задачу прикрытия, прежде всего придется распределить личный состав по гарнизонам укреплений в соответствии со слабыми наличными ресурсами войск прикрытия в начальный период. Перед войной (1914—1918 гг.) подобная проблема не ставилась, так как крепостное вооружение значительно отличалось от вооружения полевых войск и допускало экономию личного состава и кроме того более длительный срок действительной службы количественно лучше обеспечивал прикрытие.

Эволюция оборонительного оружия во время войны и после нее, а также значительное сокращение сроков действительной службы внесли глубокие изменения в элементы этой проблемы, об'ясняя те «ножницы», которые создались между временем окончания военных действий и началом работ по укреплению границ.

Во Франции понадобилось немало заседаний разнообразных военных учреждений, для того чтобы принять основные положения для долговременного укрепления местности[1].

Они заключаются в следующем:

1. Цель организации долговременных сооружений заключается в том, что-

---

[1] План инженерной подготовки сухопутных границ Франции был разработан особой комиссией в 1925 г. Утверждение плана и ассигнование средств в сумме 500 млн. рублей состоялось в 1926 г. Работы начались в 1929 г. одновременно на границах Италии и Германии и должны быть закончены к 1935 г. По плану создается 11 мелких укрепленных районов на итальянской границе и 4 крупных — на границе с Германией. Общее протяжение всех укрепленных районов составляет около 400 км, из коих 180 км занимают Эльзасский и Лотарингский укрепленные районы. Для постоянных гарнизонов укрепленных районов сформировано 38 специальных батальонов и выделены тяжелые артиллерийские части.

бы их использовать для войск прикрытия.

2. Впереди же должны быть расположены части, достаточно сильные для того, чтобы обеспечить: а) безопасность укреплений на то время, пока они не будут заняты (это время кратко, но все же оно не равно нулю); б) успешное приведение в действие разрушений и в) отход с боем перекатами на участке между границей и укрепленной позицией.

3. Позади линии укреплений размещаются подвижные резервы.

4. Если после этого образуется некоторый остаток в личном составе (по мере подхода подкреплений), то на эти части возлагается обеспечение и укрепление интервалов между долговременными сооружениями.

Подобное изложение того, как все это осуществляется, выходит за рамки настоящей статьи. Отметим лишь некоторые мероприятия организационного характера, например постоянная охрана границ в мирное время, специализация некоторых частей укрепленных районов, применение усовершенствований механических средств — все это позволит освободить для маневров максимальное количество личного состава и сократит срок мобилизации долговременных укреплений.

Здесь не мешает привести слова генерала Серриньи из его книги «Réflexions sur l'art de la guerre», где он подчеркивает всю важность соблюдения равновесия между двумя элементами национальной обороны: долговременными укреплениями и частями, их занимающими. «Всякий раз, когда уменьшают количество последних, необходимо компенсировать эту потерю развитием мощи укреплений...»

Командование и связь. Долговременные укрепления обеспечивают управление войсками и их взаимную связь. Командование укрепленного района или укрепленного сектора находится на месте уже в мирное время, а потому, чтобы не было задержки, оно и примет на себя временное командование сектором прикрытия, использовав для этого в качестве первых частей прикрытия пограничные войска и постоянные гарнизоны долговременных укреплений мирного времени.

Организация управления войсками предполагает установление связи в глубину. Связь по фронту также разрешается с помощью долговременных укреплений. Например когда противник успешно наступает на стыке двух крупных соединений, то особенно затруднительно будет организовать единство командования в угрожаемом пункте. Еще труднее будет этого достигнуть в том случае, когда части ведут бой на широком фронте и когда высшая командная инстанция, общая для обоих соседних соединений, в данный момент будет сильно удалена (как в смысле организационном, так и в прямом) и не сможет быстро вмешаться в управление боем. Сводные отряды и резервы на стыке двух крупных войсковых соединений, подчиненные вышестоящей инстанции, что является правилом в нормальной обороне, в этих условиях принесут мало пользы.

Долговременное сооружение, расположенное на стыке двух секторов, с его гарнизоном и средствами связи заменит одновременно и сводный отряд и войсковую часть [1], но не резервную, а введенную в бой. Таким образом создается не слабая попытка скрепить стык, а мощная опора для обоих смежных секторов.

Использование полевой фортификации. Мы только что определили роль долговременных опорных пунктов как совокупность очагов обороны на широком фронте со слабо или совсем не занимаемыми интервалами, но фланкируемыми огнем. Эти опорные пункты обеспечивают управление войсками и непрерывность фронта, увеличивают возможность обороны на переднем крае во взаимодействии с разрушениями и в глубине путем ограничения возможностей проникновения противника — одним словом дают выигрыш во времени.

И это относится к случаю наиболее неблагоприятному, например когда укрепление будет атаковано очень бы-

[1] Разрушения при условии, если они будут иметь значительное протяжение, также могут способствовать разрешению проблемы непрерывности фронта. Но для этого придется применить массовые разрушения, на что потребуется много времени, между тем как долговременные укрепления находятся в постоянной готовности. — **Прим. автора.**

-стро, ранее того, как оно будет серьезно усилено и сможет противопоставить противнику непрерывное огневое заграждение. В том же случае, когда атака противника не последует немедленно, отсрочка, предоставленная обороняющемуся, будет использована последним прежде всего для того, чтобы придать заградительному огню наибольшую плотность и глубину согласно всем правилам искусства обороны. Это превращение из долговременной позиции, прерывчато занятой, в позицию непрерывную и глубокую, будет происходить постепенно, по мере прибытия подкреплений и оборонительных средств.

Полевые оборонительные работы будут производиться на совершенно иных основаниях. Места расположения долговременных опорных пунктов не могут долго оставаться неизвестными противнику[1], но зато эти сооружения благодаря своей прочности не так боятся огня. И наоборот — полевые опорные пункты, возникающие постепенно на местности, не дают, по крайней мере вначале, ничего кроме самого ненадежного укрытия. Их придется всячески скрывать, чтобы маскировать их слабость и не обнаруживать расположения обороняющегося. Чтобы скрыть их, можно или использовать естественные укрытия, что не всегда возможно, или располагать их в совершенно бесформенной системе.

Идеал — это если бы можно было всю совокупность полевых оборонительных сооружений создать одновременно, чего конечно никогда не удастся по техническим причинам.

Так как работы будут производиться постепенно, то потребуется прежде всего установление их очередности, которое выразится в создании **непрерывности препятствий, влекущих за собой непрерывность огня; создании непрерывности глубоких ходов сообщения и непрерывности линий связи.**

Задержка в исполнении всех перечисленных работ может быть сокращена использованием гражданской рабочей силы, механизацией работ, устройством заблаговременно складов материалов вблизи от мест работ. Для всего этого потребуется детальный, заблаговременно разработанный план работ. Последний должен являться составной частью плана прикрытия подобно плану разрушений.

План работ между прочим регулирует вопрос о привлечении к работам частей, занимающих оборонительную полосу, которые используются по общему правилу для работ в районе своего боевого расположения. Это положение нельзя истолковывать иначе, как в точном его смысле. Например часть из сторожевого охранения не может быть отправлена на работу куда-либо в сторону от своего боевого расположения, в особенности если ожидается появление противника: рота с главной полосы обороны не пойдет на работу в район соседнего полка, а должна быть использована лишь в районе своего батальона; только резервные части могут работать на любом участке соединения, к которому они принадлежат, тем более если они располагают соответствующими транспортными средствами.

Подобная организация работ требует установления **сроков исполнения,** согласованных со сроками осуществления плана разрушений. Но разница здесь будет в том, что в то время как приведение в исполнение плана последовательных разрушений, каждая стадия которых дает законченное нарастание препятствий для противника, не вызовет особых затруднений, уязвимость полосы при производстве полевых оборонительных работ будет существовать до тех пор, пока определенный минимум таковых не будет выполнен.

Про полевые укрепления можно сказать, что они подобны юным существам: «во время роста особенно хрупки». В случае неприятельской атаки в период работ полевые укрепления будут рады огневой поддержке частей, их занимающих, но главная их устойчивость будет покоиться на мощи долговременных опорных пунктов. Полевые укрепления в период их оборудования («неблагодарный возраст») до тех пор, пока они не примут своих законченных форм, принуждены прибегать к помощи и поддержке долговременных укреплений.

В продолжение всего периода ограниченных средств и больших требова-

---

[1] Но этого нельзя сказать в отношении их вооружения и заранее предусмотренных способов применения этого вооружения. — **Прим. автора.**

ний, чем характеризуется начало операций прикрытия, долговременные укрепления обеспечивают управление войсками, непрерывность фронта, порядок и быстроту занятия подготовленной позиции, они способствуют экономии сил и дают выигрыш времени, что имеет особо важное значение в операции прикрытия.

Взаимодействие и оборона

Теперь нам остается подвести итог оценки рассмотренных элементов с целью определить их удельный вес в операции прикрытия:

Срок, который понадобится авиации на то, чтобы выступить, исчисляется лишь временем, потребным на пополнение запасов горючего и на погрузку бомб; но еще раз напоминаем, что открытие воздушных операций является **актом политического значения.**

«Более, чем оружие оборонительное, авиация есть оружие репрессий»[1]. Окончательные формы воздушных операций в период прикрытия пока еще не предусмотрены, но возможности «вертикальной стратегии» можно сказать неограничены; занавес еще не поднят, но выход на сцену воздушного оружия произойдет, когда пробьет час.

Разрушения требуют подготовки и начала работ еще в мирное время. Время, необходимое для осуществления подготовленных подрывных работ, исчисляется временем, необходимым на доставку к месту взрыва взрывчатых веществ и подрывников, а также на заряжание, производство взрыва — это время определяет **срок приведения в действие** разрушений.

Ограниченные вначале средства, которыми располагает оборона, заставляют последнюю производить последовательные взрывы; максимальный эффект достигается лишь тогда, когда разрушения принимают массовый характер[2]; во всех случаях применение разрушений сопряжено с отходом.

Долговременные укрепления находятся в постоянной готовности. Они сохраняют территорию, они увеличивают своим огнем время, необходимое для производства разрушений. Они позволяют обороняющемуся, даже изолированному, длительно удерживать местность. Они оказывают помощь и поддержку полевым укреплениям, возводимым в интервалах и находящимся в стадии постройки. Они служат базой для перехода в наступление. Однако они могут выполнить свою роль только в том случае, когда их собственная безопасность будет постоянно обеспечена путем наличия постоянных гарнизонов хотя бы в части сооружений и пограничной охраны, гарантирующей необходимое время для приведения укреплений пункта в боевую готовность. Но напрасно рассчитывать на бесконечное сопротивление долговременных укреплений в том случае, когда период их изолированной обороны будет слишком продолжительным.

Что касается применения полевых укреплений, то оно зависит от времени, которым располагают для выполнения необходимого минимума работ.

От всех этих элементов прикрытие получит ту или иную поддержку в соответствии с моментом, в который требуется эта поддержка. Но ни один элемент в отдельности не является достаточным: требуется их общее применение и умелое взаимодействие. Заграждение последовательно осуществляется во времени и пространстве авиацией, наземными разрушениями и огнем долговременных укреплений; время, необходимое на рождение полевых укреплений, добывается благодаря разрушениям; наконец остановка продвижения противника не будет окончательной без поддержки полевых укреплений, создающих **непрерывность** обороны. Все эти элементы должны применяться **обороняющимся** в полном взаимодействии.

До настоящего момента мы почти не останавливались на проблеме личного состава. Однако было бы ошибкой претендовать на полное исследование вопроса о прикрытии, без того, чтобы не отметить те качества, которым должен удовлетворять боец во время этого

[1] Речь лорда Роберта Сесиль в Лиге наций 10 сентября 1931 г. — **Прим. автора.**

[2] Германское отступление в феврале—марте 1917 г., прикрытое разрушениями, показало, что одно сплошное разрушение путей сообщения на глубину одного перехода без всяких арьергардных боев за выигрыш времени заставило ограничить среднюю скорость продвижения противника (рвущегося в бой и хорошо технически оснащенного) до 5 км в сутки. Возможности современных моторизованных «вездеходных средств» заставляют внести некоторые поправки в эти цифры. — **Прим. автора.**

трудного периода операций. Прежде всего в бою за выигрыш времени, где инициативе принадлежит широкое поле деятельности, требуются высокие **моральные качества** бойца и тем более начальника. То же самое относится и к обороне долговременных укреплений, где уверенность в том, что сооружения подвергнутся обстрелу, в известные периоды боя вызывает опасения изоляции. Однако обороняющийся отвечает на воздушные атаки противника не только высоким моральным состоянием, но также организацией ПВО и применением своей авиации. На внезапную атаку он отвечает внезапностью разрушений и хорошей маскировкой элементов обороны; он компенсирует свое численное первоначальное неравенство умелым использованием местности; на превосходство средств атаки он отвечает превосходством своих долговременных укреплений. Обороняющийся должен быть бойцом, обученным применению всех столь разнообразных средств.

Это обучение должно базироваться в мирное время на взаимодействии разных родов войск, на совместных упражнениях, на изучении местности, на подготовке планов: обороны, разрушений и работ. Особое внимание должно быть уделено **тактическому использованию долговременных укреплений,** которое должно быть предусмотрено соответствующими уставами и найти применение в период войсковых учений и маневров.

Необходимо помнить, что заранее подготовленное всегда будет лучше импровизируемого и ценность того, что подготовляется, будет всегда ниже того, что уже создано.

Перевел **Анисимов И.**

IV. Вопросы оперативного искусства и тактики

Ген. **Фожерон**

В поисках решения

(С французского)

La recherche de la décision. Gén. Faugeron. „Revue Militaire Française", Mars 1932.

В обширной статье, которая печаталась с сентября 1931 г. по март 1932 г. в «Ревю Милитер Франсез», автор анализирует последовательно все крупные операции империалистической войны на западном фронте, задаваясь целью показать, в какой мере нерешительность достигаемых результатов зависела от ошибок в установке цели или от неверного выбора средств. Он стремится с натяжками доказать, что только Фош не заслуживает в этом отношении упрека, чем и об'ясняется успешность его операций во второй половине 1918 г. Такая предвзятая цель ослабляет интерес статьи, а потому ниже печатается только извлечение из последней главы, касающееся главным образом современных условий и предположений относительно операций будущей войны.

В наши дни абсолютно невозможно предусмотреть момент, решающий исход войны. Понятие «решающее наступление» годится лишь для военного словаря в качестве слов, которыми будет пользоваться история. Никогда нельзя заранее об'являть то или другое наступление решающим. Только тогда, когда противник не имеет возможности это наступление сдерживать и не имеет средств ему противодействовать, оно завершается победой и тем самым решается исход. Только потому, что маршал Фош держался именно этого образа мыслей, он достиг успеха там, где все остальные терпели неудачу. С самого начала своего командования и до конца он не переставал добиваться истощения своего противника при минимальных издержках со своей стороны.

В начале он предоставил событиям итти своим чередом. Противник сам способствовал своему истощению не столько впрочем своими последовательными атаками крупного масштаба, сколько маневрированием с целью поиска, в котором он заходил слишком далеко и которое он вследствие затруднений транспортного порядка не мог соответственно поддержать своей артиллерией. В этот период Фош, имевший лишь зачатки резервов и даже не имевший их вовсе в своем распоряжении, создавал маневренную массу. Поскольку он должен был в это же время отбивать атаки противника, ему пришлось также разрешить и проблему прикрытия. Он сообразовался при этом с хорошо известным принципом экономии сил. Вместо того чтобы поровну распределить свои силы позади всюду уязвимого фронта, он разместил их таким образом, чтобы прикрыть непосредственно наиболее жизненные направления, косвенно прикрыл некоторые направления, внушающие опасения, и допустил возможность риска там, где по его убеждению победоносное наступление противника не могло дать последнему никакого решающего преимущества.

Тем временем его маневренная масса постепенно сорганизовалась и усилилась настолько, что стала способной к наступательным действиям. Он намеревался тогда развернуть бой на всем протяжении фронта, но это все же было целью, которую слишком опасно ставить себе преждевременно. При наличии давно уже стабилизовавшегося фронта, на котором за густыми и прочными проволоч-

ными заграждениями в глубоких окопах скрывались бетонированные убежища, Фош воздержался от какого бы то ни было наступления, не поддержанного мощной артиллерией.

Вот почему вначале он развертывал бой путем хорошо подготовленных атак на ограниченных участках фронта. Он старался также избегать во время наступления слишком глубокого продвижения пехоты, за которой по взрытой местности, по разрушенным дорогам артиллерия и боеприпасы следовали с трудом. Поэтому после каждого прорыва он предоставлял наступающим войскам углублять успех своими средствами. В это время артиллерия, которая была использована для первого прорыва, направлялась вправо или влево для выполнения такой же работы на другом участке фронта. Так постепенно расширялось поле сражения, бои распространялись по всему фронту. Сражение постепенно истощало противника... В то же время достижение поставленной **оперативной** цели должно было повести к парализованию противника путем лишения его средств, необходимых для свободного маневрирования еще находившимися в его распоряжении резервами [1]: все атаки союзников были направлены в одни и те же точки; они были рассчитаны на достижение рокадных железнодорожных линий, которые давали Германии возможность осуществлять легкую и быструю переброску своих войск из Эльзаса в Бельгию и обратно и которые таким образом являлись действительными артериями германского фронта. Наступил момент, когда германские вооруженные силы, прижатые к Арденнам, как бы раскололись на две части, не имеющие возможности оказать друг другу какой-либо поддержки.

В то время маршал Фош понимал, что исход войны близок; он не говорил о решающем наступлении, но он считал, что с этого времени он может начать маневр, который по его мнению должен был привести к решению войны; для своего нового наступления Фош наметил территорию Лотарингии, на юго-востоке от Меца. Несмотря на трудность переброски в этот район германских резервов, находившихся в Бельгии, все же получилось, что первое наступление, как и многие другие, было приостановлено своевременно прибывшими германскими резервами. Тогда последовали вторая, третья и последующие атаки и наконец неизбежно должен был наступить момент, когда наступающие войска, прорвавшие линию противника, не встретят никого перед собой. Такой прорыв должен был стать открытой дверью для конницы и для дивизий, предназначенных для «использования успеха», перевозимых на автомобилях, которые, будучи срочно направлены на тылы германских армий в Бельгию, должны были принудить последние к капитуляции. Именно потому, что такая капитуляция не только была неизбежна, но и угрожала в своем близком будущем, Германия подписала перемирие 11 ноября 1918 г....»

Совершенно очевидно, **что будущая война нисколько не будет похожа на предыдущую** и что именно **авиация и химическое оружие внесут в нее новый, неизвестный до сих пор элемент.** Самолет не ограничится производством рекогносцировок, обнаружением расположения противника и ночной перевозкой на сравнительно небольшие расстояния нескольких безобидных бомб. Он продолжит действие артиллерии по ту сторону фронта, при этом он улучшит это действие, так как вместо того, чтобы выбрасывать свои снаряды вслепую, не зная, насколько они действительны в данном пункте и в данный момент, самолет будет сбрасывать бомбы в нужный момент и в том самом ме-

[1] Восхваляемый автором способ предварительного истощения противника (его резервов) на всем большом протяжении фронта частными атаками с ограниченной целью (так называемый способ ударов молотом «вместо глубокого таранного удара» большими силами в одном месте), проводимый Фошем до перехода в решительное наступление, приводил одновременно к значительному истощению сил самих союзников. Этот способ действий представлялся осуществимым лишь при большом валовом превосходстве сил и средств на стороне союзников и до известной степени облегчался наличием на германском фронте слабых пунктов — выступов, которые последовательно срезались охватывающими ударами союзников. Но такой способ действий все же нельзя возводить в систему на все случаи, как делает ген. Фожерон. Утверждение ген. Фожерона, что все атаки союзников с начала до конца направлялись в определенные точки с целью достижения германских рокадных линий, не отвечают действительности.

сте, где находится противник. Большие города, железные дороги, заводы, склады обмундирования, продовольствия и боеприпасов, как бы далеко в тылу они ни были расположены, будут все-таки в пределах досягаемости авиации противника и должны быть защищены против ее нападений как днем, так и ночью. Отравляющие вещества появятся вновь в гораздо большем количестве и в неведомых формах. Уже теперь крупные державы, путем международных соглашений давшие обязательство не пользоваться ОВ, отказались от запрещения. Среди них конечно есть такие, которые уже теперь держат их наготове в своих складах... Итак мы еще будем подвергнуты действию ОВ, как старых, так и новых; мы встретимся с ними не только на передовых линиях, от них не будут избавлены и города внутри страны до самых отдаленных тылов включительно. Больше того, мы возможно испытаем дожди из микробов (?! — **Ред.**) и многое, другое, чего мы даже не подозреваем.

Но все это является боевыми средствами, которые не могут устранить необходимости, чтобы бой закончился завтра так же, как он заканчивался вчера: при помощи атаки, при помощи штыкового боя... Какова бы ни была мощь применяемого оружия, прогресс в обороне всегда будет уравновешивать прогресс в области атаки и никогда нельзя будет осуществить полного уничтожения противника на расстоянии. Все, что можно потребовать к моменту атаки в отношении разрушений, производимых на расстоянии, — это разрушение определенных жизненных органов, имеющих особо важное значение; кроме этого можно добиться лишь единственного результата — это нейтрализации противника в момент атаки, т. е. временного подавления его боеспособности...

Новейшие достижения в области фортификационного искусства и сооружения полевых укреплений дают возможность обороняющемуся укрыться почти полностью; с другой стороны все **возрастающая мощь вооружения дает обороняющемуся,** являющемуся полным хозяином своих огневых сил, все более и более **заметное преимущество над наступающим,** который вынужден, хотя бы частично, бороться в открытую. Поэтому при всяком наступлении все больше и больше становится необходимым нейтрализовать противника, почему мы и делаем вывод, что в будущей войне действие огня будет иметь еще большее значение, чем в прошлой войне.

Необходимо также приготовиться к тому, что будущие наступления потребуют подготовки более полной, более интенсивной и еще более мощной, чем наступления, известные нам до сего времени. Внезапность и в дальнейшем останется одним из главных элементов успеха. В будущей войне подготовка к наступлению должна быть не только мощной, но и короткой, почему нужно стремиться ограничить разрушения лишь действительно строго необходимыми размерами.

Установив это, мы при желании представить себе заранее, какова будет будущая война, должны будем допустить, что **будущая мобилизация и сосредоточение,** столь пунктуально проведенные в 1914 г., **будут по всей вероятности стеснены и задержаны действиями авиации противника.** Несомненно, что мы ответим тем же и также свяжем аналогичные операции наших противников, но мы во всяком случае должны учитывать возможность сравнительно быстрой концентрации армии противника, меньшей по численности, но прекрасно обученной и подготовленной.

Это в известной мере та самая проблема, которую пришлось разрешить генералу Фошу в 1918 г., когда, приняв верховное командование, он должен был прикрыть свою подготовку к наступлению на противника, который, сам намереваясь наступать, имел время, чтобы подготовиться, и следовательно располагал силами, значительно большими в численном отношении, причем их моральное состояние было чрезвычайно приподнято неожиданными успехами.

В период этого прикрытия может случиться, что в каком-либо пункте противник сможет захватить часть нашей территории, но силы, которыми он будет располагать в данный момент, каково бы ни было их качество, не дадут противнику возможности глубоко проникнуть внутрь страны.

Необходимость охранять обыкновенные и железные дороги, наблюдать за

флангами района вторжения и за самим районом уже отвлечет значительные силы противника и сильно задержит его продвижение вперед. Прибавим к этому, что вторгнувшийся противник найдет сооружения разрушенными, все пути сообщения испорченными и что он сам, не имея времени для окончания мобилизации (всех своих средств), вынужден будет пользоваться для необходимых исправлений какими придется войсками, как специальными, так и неспециальными. Нетрудно понять, что если при этих условиях в **начале войны профессиональная армия и может до известного предела играть роль слона в посудной лавке, то эти действия ее не могут быть ни очень длительными, ни сильно развернутыми.**

Поэтому мы можем допустить, что в какой-либо определенный момент наши армии будут сосредоточены на фронте, линия которого в некоторых пунктах будет проходить по эту сторону границы, но оба фланга которого обязательно будут опираться на непреодолимые для противника преграды.

Противник, находящийся против нас на таком же фронте, будет располагать быть может таким же, быть может несколько иным численным составом, но в качественном отношении его силы в целом ни в коем случае не будут превышать наших. Во всяком случае может последовать немедленный бой, как это было в 1914 г., а вследствие этого в начальной стадии операций необходимо будет руководствоваться тактическими принципами. В аналогичном случае в прошлую войну мы видели, что нужного **решения не последовало, поскольку пытались ускорить события и обойти противника, прежде чем он был скован на месте...**

Если мы обратимся к истории, мы увидим, что так было во все времена и что пренебрежение этим принципом возможно и явилось причиной настоящих катастроф.

1. Во все времена маневры оканчивались успешно всегда, когда они велись против противника, действительно скованного в своих движениях.

2. Когда эта неподвижность противника являлась результатом его же собственных неправильных действий, то сторона, пытавшаяся осуществить маневр, выполняла его без большого риска; таков случай при Сэн-Прива.

Когда маневр проводился против противника, не приведенного к неподвижности, намеревающегося и умеющего маневрировать, маневр не только подвергался крупному риску неудачи, как это произошло в пограничном сражении (в мировую войну), но и мог закончиться полным разгромом, как это случилось при Фарзале с Помпеем, при Аустерлице с Буксгевденом и на Марне с фон-Клуком.

Для того чтобы сохранить маневренную массу, естественно необходимо ввести во фронтальный бой лишь минимальные силы и заставить их проделать возможно большую работу. Этого можно достигнуть путем максимального использования боевых средств, вводя в бой всю свою артиллерию таким образом, чтобы она создавала непрерывную угрозу для пехоты; во всяком случае необходимо завязать бой на всем фронте.

Общий бой еще не означает общего наступления; тем не менее это означает, что там, где противник не наступает, и там, где он перестает наступать, необходимо самим переходить в наступление. С другой стороны нельзя забывать, что всякое наступление должно сопровождаться мощной огневой поддержкой. Дело уже не в том, чтобы одновременно перейти в наступление на всем протяжении фронта, как это было в 1914 г.; **необходимо лишь, чтобы каждое крупное соединение,** располагающее достаточными огневыми средствами, **произвело возможно более сильный нажим,** наступая лишь на фронтах в соответствии со средствами, имеющимися в его распоряжении, но нанося **то там, то тут последовательные вспомогательные удары** таким образом, чтобы **в конечном счете продвинуться на всем фронте.**

При современном положении вещей можно сказать, что каждая дивизия на нормальном фронте имеет возможность, не прибегая к подкреплениям, осуществить подобное продвижение; полк же, даже подкрепленный дивизионом артиллерии непосредственной поддержки, этого сделать не сможет.

Поскольку состояние вооружения постоянно совершенствуется, возможно, что и это положение изменится или потому, что полк станет способным к вы-

полнению самостоятельных действий, необходимых для его продвижения, или наборот дивизия окажется неспособной к таким действиям и придется прибегать к силам армейского корпуса. Но принцип от этого нисколько не меняется. **Всякое соединение, огневые средства которого дают ему возможность к наступлению, должно наступать и продвигаться вперед,** если только оно в свою очередь не встретится с наступлением противника. Командование должно координировать все эти наступления и все продвижение, указывая каждому соединению направление, в котором оно должно действовать. Оно должно также распределять между своими частями огневые средства, имеющиеся в резерве, соответственно значению и масштабу действий каждой части. При определении направления наступлений и при распределении средств между крупными соединениями командование должно руководствоваться оперативными соображениями.

Командующему надлежит поэтому с самого начала **наметить по ту сторону фронта противника оперативную цель,** обладание которой должно будет обеспечить серьезное, а по возможности и решающее преимущество над противником. После выбора такой цели необходимо стремиться к возможно быстрейшему ее достижению, но это не должно означать, что для этого всегда нужно применять непосредственное наступление; нужно использовать вспомогательные удары по сторонам и последовательные скачки и направлять каждый раз свои усилия туда, где продвижение будет казаться наиболее доступным, следя за тем, чтобы все эти усилия сошлись в конечном счете в направлении намеченной цели.

Противник, который будет находиться перед нами, истощен не будет, и мы не сможем помешать ему добиваться частичного успеха и местами продвигаться вперед. Это будут эпизоды, которым как правило достаточно будет противопоставить местные резервы. Необходимо, чтобы маневренная масса любой ценой оставалась невредимой и сохраняла бы всю свою наступательную способность...

Может также случиться, что внезапным ударом будет произведен глубокий и широкий прорыв наших линий. Опыт последней войны на всех фронтах показывает нам, что в подобном случае, если только силы не истощены полностью, партия не проиграна, какой бы ущерб нанесен ни был, и что зло это всегда может быть ликвидировано, если только командование сохранит хладнокровие.

Может случиться наконец, что под слишком большим нажимом противник «бросит баласт» и попытается выйти из боя, что ему и удастся. Современные условия ведения войны облегчают ему возможность этого маневра. Всегда есть возможность, используя естественные прикрытия, организовать непрерывную огневую линию, в достаточной мере тонкую, чтобы не вовлечь слишком большие силы, но в то же время вполне достаточную для того, чтобы вынудить нападающего к организации настоящего наступления. Под защитой такой огневой завесы главные силы свертываются, а на следующую ночь арьергард догоняет их на велосипедах или грузовиках. Такому маневру чрезвычайно трудно, а может быть и невозможно помешать, но можно по крайней мере ограничить его результаты. Для этого необходимо по возможности быстро вновь вступить в соприкосновение с противником, не давая ему времени ни отдохнуть, ни сорганизоваться на новых позициях и либо вынудить его таким образом к дальнейшему поспешному отступлению либо заставить его дать отпор силами, достаточными для того, чтобы при отсутствии организованной позиции вести оборонительный бой с некоторыми шансами на успех.

Такое возобновление контакта должно быть исключительно делом легких войск, за которыми для их непосредственной поддержки возможно ближе последуют значительные огневые силы. Конница, самокатчики, возимые драгуны с одной стороны, конные батареи и артполки тракторной тяги — с другой вполне подходят для выполнения подобной задачи.

Логически так и должны были бы развернуться операции в будущей войне, но **успех такого метода** в значительной мере **зависит** от возможности его применения и продолжения **до тех пор, пока не будут истощены резервы противника.** Какое время нужно для этого?

Пытаться дать точный ответ на этот вопрос было бы слишком самонадеянно. Все, что можно сказать по этому поводу, — это лишь отметить, что по всей вероятности с самого начала войны обеими сторонами будут использованы все силы, которыми они располагают. С этого момента единственными могущими быть использованными резервами как у нас, так и у противника окажутся части, расположенные на театре военных действий более или менее удаленно от линии фронта. **Такое положение не может длиться менее чем три месяца.** Действительно в первые три месяца мы должны быть удовлетворены, если промышленность сможет компенсировать нормальную убыль в отношении материальной части и боеприпасов. Что же касается личного состава, то все обладающие достаточной подготовкой будут уже находиться в частях, а первые вернувшиеся раненые не смогут еще быть использованы. Итак возможности получить подкрепления не будет за исключением некоторых резервов, временно задержанных по тем или другим причинам на сборных пунктах.

Несомненно будут сделаны попытки возможно скорее сформировать новые части; но за последнюю войну, несмотря на всю спешку при обучении, германцы смогли доставить на фронт свои вновь сформированные войска лишь по истечении 4—5 месяцев, причем их поведение на поле боя со всей несомненностью доказывало, что подготовка их была не на высоте. Поэтому установление минимума в три месяца для получения возможности пополнить резервы рекрутами, подготовленными в военное время, отнюдь не является доказательством чрезмерного оптимизма.

Если представится возможность до истечения этих трех месяцев истощить резервы, которыми противник располагал первоначально и которые сравнительно невелики, это приведет к быстрому, почти немедленному исходу. Если же этого не случится, война будет продолжительной, так как в этом случае, как и в прошлом, придется доводить до истощения целый народ. **Поэтому необходимо по возможности обеспечить за собой средства закончить войну до прибытия резервных формирований** военного времени.

Здесь вопрос идет главным образом о материальной части, поскольку, как мы уже видели, в войне на истощение необходимо использовать полностью боевое имущество и экономить людскую силу. Материальная часть сама по себе требует длительного срока для ее производства, вследствие чего необходимо запасти его еще в мирное время. Что касается необходимых для этой материальной части боеприпасов, то их производство особенно зависит от постановки дела.

Остается определить потребности. Военный опыт располагает в этом отношении драгоценными данными, но при точном подсчете цифр необходимо учитывать, что в 1918 г. мы имели перед собой противников, уже привыкших к снарядам, а наши запасы быстро истощались вследствие бесцельной траты снарядов.

Исходя из этих двух обстоятельств и следует устанавливать возможные дневные нормы потребления. Во всяком случае не следует ограничиваться лишь строго необходимым обеспечением, для того чтобы завязать бой на три месяца. Необходимо немедленное увеличение производительности нашей промышленности, чтобы наличие готовых изделий немного превзошло ту потребность, которая нуждается в удовлетворении.

Возможно, что по истечении трех месяцев исход войны не будет достигнут и его трудно будет ожидать в ближайшем времени. В таком случае необходимо будет снабдить вновь сформированные части материальными средствами и организовать их снабжение. Одновременно придется увеличить запасы материальной части и боеприпасов, находящиеся в распоряжении главного командования.

Если противник со своей стороны прибегнет к аналогичным методам, борьба будет жестокой и победа, как это и должно быть, окажется на стороне того, кто, сумев наилучшим образом использовать свои средства, сумеет и лучше наметить и первым достигнуть оперативного об'екта, имеющего жизненное значение для его противника.

Перевела **Н. Успенская.**

Наступательный и оборонительный образ действий

Подполк. Грюндель.

Наступление и оборона

(С немецкого)

Angriff und Abwehr. Oberstlt. a. D. Gründel. „Militär Wochenblatt" № 48, Mai; № 2, Juli 1932.

В 1-й части статьи автор приводит опыт империалистической войны, который показал, что для преодоления обороны, усиленной применением автоматического оружия и проволочных заграждений, нужны были танки, которых в германской армии не было и нет в настоящее время. Во 2-й части он доказывает, что в определении отношения к наступлению и обороне германское командование вообще слишком много придавало значения чувствам в ущерб целесообразности выбора формы боя и держалось приемов обороны, которые за некоторыми исключениями (Танненберг до перехода в наступление) были ниже, чем даже в армии Веллингтона. Поэтому он предлагает отнестись к обороне в уставах внимательнее, чем это делалось до сих пор.

От редакции

Ниже печатаемые статьи германского автора, подполковника Грюндель, на тему о выгодах и недостатках наступления и обороны преимущественно для условий, в которых находится германский рейхсвер, указывают на вероятность предстоящей переработки германских уставов в смысле пересмотра заложенной в них ярко наступательной доктрины, а также заключают в связи с затронутой темой ряд метких оценок крупнейших эпизодов империалистической войны, а потому редакция дает им место в несколько сокращенном изложении.

I. «Сумерки» не иначе, как наступательного способа действий

Все чаще и чаще приходится слышать мнение вроде нижеследующего: «Наступление в будущем может удаться **лишь** при введении в дело ОВ и крупных танковых масс» (полковник Лаузо в «Ревю д'Инфантери» от 1/I 1932 г.). Как известно, подобного рода скептицизм по отношению к **наступлению как сильнейшей** форме борьбы возникал часто уже во время мировой войны. Только нам он оставался чужд. «Наступление остается сильнейшей формой борьбы», — продолжали мы упорствовать в Уставе подготовки пеших войск в январе 1918 г. (1-я строка, жирный шрифт).

Результат наших наступлений 1918 г., наиболее тщательно подготовленных из всех, к которым когда-либо призывалась германская армия, доставил материал для критики этого уже тогда в достаточной мере рискованного утверждения. Наше наступление началось «большой битвой во Франции». Для него у нас имелось 20—30 батарей на каждый километр полосы наступления, в среднем 100 орудий, не считая минометов. Наш общий перевес в силах на западном фронте простирался до 25—30 дивизий. Соотношение сил следовательно позволяло надеяться на успех (см. Людендорф. Воспоминания о войне).

Каков же был успех? «Стратегически не было достигнуто того, на что надеялись. Наши потери были значительны» (Людендорф. Там же).

Чем же следует об'яснить конечный неуспех? Что изменилось со времени битвы при Танненберге, когда 8-я армия при том же руководстве, будучи численно более слабой, одержала столь блестящую победу?

Можно заметить, что на этот раз дело шло о прорыве укрепленной полосы глубиной в несколько километров, а тогда о наступлении в открытом поле; поэтому превосходство командования могло обнаружиться в полной мере.

Но это может служить об'яснением лишь наполовину. Достаточно сослаться на прорыв при Горлице, который все-таки удался. Если там штурмуемые укрепленные позиции были недостаточно глубокими, то в смысле трудности

наступления это сполна возмещалось гористой местностью боя [1].

Следовательно в 1918 г. нечто гораздо более существенное явилось основной причиной неуспеха того боевого приема, посредством которого мы всегда со времен Фридриха Великого брали верх над обороной противника, даже в его сильнейшей форме, даже будучи в меньшинстве, иногда даже применяя неудовлетворительные методы борьбы (август 1870 г.).

В самом деле, издавна подготовлялся значительный сдвиг в соотношении возможностей успеха основных форм боя. Фельдмаршал Мольтке уже в 1861 г. нащупал одну из главных причин этого явления: повышенную действительность огнестрельного оружия. Он сделал из этого тот вывод, что «наступление на укрепленную позицию стало гораздо труднее, чем ее защита...». Конец фразы гласит: «Оборона в первой стадии сражения имеет решительное преимущество».

Если мы во время мировой войны об этом недостаточно хорошо знали, то это об'ясняется положением дел в ее начале. Насыщенность пулеметами и у нас и у неприятеля тогда (до Горлицы включительно) была незначительна; в отношении тяжелой артиллерии в составе полевых войск мы имели долгое время перевес, минометы сначала не были введены в бой в открытом поле. Кроме того, несмотря на увеличение артиллерии в последние годы до мировой войны, отношение числа орудий к числу бойцов не подверглось существенным изменениям со времени расцвета наших успехов в наступлении [2].

К тому же наступательные бои протекали главным образом как встречные бои, так что нам даже не приходилось сталкиваться с планомерно проведенной обороной.

Мы не делали также должных выводов из замечательных успехов в обороне на Востоке, где германский фронт был столь слаб в отношении числа бойцов и где еще в 1916 г. стремительные массивные атаки Брусилова всегда оканчивались неудачей, раз они попадали под правильно используемый огонь пулеметов.

Но с этих пор число пулеметов и орудий увеличилось в неисчислимых размерах, в особенности у неприятеля на нашем западном фронте. При Танненберге на 1 000 бойцов приходилось 4,7 германских и 3,3 русских орудия (по другому исчислению даже 2,9 и 2,1) и едва 1,5 пулемета. Но в большой битве на западном фронте наступающего ожидали на укрепленных позициях 11—12 орудий, 4—6 минометов и 14—15 пулеметов, считая на каждую тысячу бойцов.

Правда увеличение огнестрельного оружия увеличило также и боевую силу наступающего: ее заметили прежде всего в «сближении огня». При этом пытались сделать носителей огня по возможности неуязвимыми (посредством переносных щитов для пулеметов и стальных шлемов).

На основании этого можно было думать, что в конце 1917 г. наступление против неприятеля равносильных качеств приведет к значительным успехам. Возьмем атаку англичан 20 ноября 1917 г. на участке нашего фронта при Камбрэ. Здесь удалось не только на фронте в 10 км произвести вторжение на глубину 10 км и при этом захватить 20 орудий и 10 000 пленных, но «нам вообще не удалось бы локализировать прорыва, т. е. воспрепятствовать полному прорыву, если бы английское командование использовало сполна свой первоначальный успех» (Воспоминания Людендорфа). Но можно однако задать вопрос: действительно ли помогло наступлению только увеличение силы огня и применение щитов для его носителей?!

В действительности не эти условия, а 500 танков решили в этой «битве танков» судьбу наступления. Как оборона получила большое преимущество «благодаря улучшению огнестрельного оружия», так теперь у Антанты это соотношение уравновесилось в пользу наступления. Это было достигнуто осуществлением довольно простой идеи: беззащитный боец, к тому же малоподвижный, теперь не должен был один нести

---

[1] Здесь не принята во внимание ослабленная боеспособность русских, над сознанием которых тяготела (во всяком случае по сравнению с немцами) катастрофа при Танненберге. Кроме того у русских была гораздо слабее материальная часть.— **Прим. редакции «Милитер Вохенблат».**

[2] В сражениях эпохи Фридриха II в среднем на 1 000 бойцов приходилось до 3,5, в отдельных случаях до 7 орудий, как например в битве при Торгау. — **Ред.**

вперед огонь и наносить удар. Явилась почти непобедимая быстро движущаяся наступательная машина; она несла вперед огонь и к тому же обладала значительной ударной силой.

Мы знаем, что в дальнейшем эти качества танков еще более возросли. Кроме того мы должны здесь напомнить также о боевой авиации, которая уже в битве при Сомме, а в дальнейшем в еще более значительных размерах стала помогать своим огнем танковым эскадрам в производстве штурма. Мы должны принять во внимание, что боевая авиация новейшего типа, уподобляющаяся «воздушным танкам», в своих бреющих полетах ныне успешно стремится к непосредственному ударному действию, которым без сомнения уже обладают танковые эскадры.

Вспомним, что в 1918 г. мы имели только 15 танков (не считая 75 захваченных у неприятеля); они никоим образом не могли бы сыграть решающей роли. Отсюда следует сделать вывод, что **для нас «наступление»** не могло быть **«сильнейшей»** формой борьбы.

Как тогда, так и позднее многие находили странным, что мы самым непозволительным образом слишком мало ценили танки (так например в книге Чех-Иохберга «Париж или Дорн»). Ныне, после признания в нашем уставе («Вождение и бой», ст. 534, 535) значения танков, об этом говорить не приходится. Но тем более странным должно казаться, что **наше** учение о бое (составленное для армии, лишенной танков) по крайней мере по духу своему стоит на почве догмы Устава для подготовки пеших войск 1918 г.

Пожалуй нам возразят: нам не придется производить прорыв, эту наиболее трудную форму наступления, ибо позиционная война не может повториться, так как ее может всегда избежать противник, обладающий превосходными силами. Таким образом из наших неудачных наступлений 1918 г. нельзя делать общих выводов. Всю силу наступления в открытом поле даже для войск в меньших силах и притом лишенных танков доказывает полная победа при Танненберге.

Но на это следует возразить: при Танненберге победа была достигнута таким превосходством в искусстве управления, которое встречается лишь в исключительных случаях[1], и притом этот успех был достигнут не одним только наступлением. Победа, достигнутая в трехдневном наступательном бою (всей 8-й армией), была бы немыслима без четырехдневных оборонительных боев усиленного XX армейского корпуса.

Утверждение устава, что **«только наступление»** предписывает закон противнику (§ 10), не находит себе опоры на примере битвы при Танненберге. Уставная оценка решимости на оборону (§ 12, п. 1), по крайней мере по своей редакции, поистине несправедлива по отношению к образцовому решению, принятому в начале битвы при Танненберге.

Обучение наших будущих боевых руководителей может стать односторонним, раз над всяким решением принять оборонительный бой висит Дамоклов меч особо тяжелой ответственности; это тем более опасно, что эта тяжелая ответственность обусловлена юридически очень растяжимым требованием, которое в редких случаях будет представляться ясным для самого испытанного командования в момент необходимости принять решение, а именно «большим превосходством в силах на стороне противника». Без сомнения мы должны сохранить наступательный дух. Но разве наш устав не должен был бы наряду с этим более внимательно отнестись к оценке значения обороны? Ему стоило только повторить то, о чем так правильно говорил наш старый Устав подготовки пеших войск, ч. I, ст. 44: «Командование может стяжать себе большую славу также и в оборонительном бою». Для «только наступательных» действий время для нас пока миновало.

II. Целесообразная оборона

Наше отношение к наступлению и обороне как прежде, так и теперь не в малой степени определялось и определяется чувствами. «Наибольшие жертвы», которых относительно всегда требует наступление, создают представление об этой форме боя как достойной

[1] Успех был достигнут также по причинам плохого командования и недостатков вооружения русских войск, а также по причине открыто передаваемых по радио распоряжений русского командования. — **Ред.**

«высшей славы» (Устав 1906 г., ст. 264). Сохраняющий силы оборонительный образ действий напротив представляется так сказать менее героическим.

Решимость наступать издавна была нам слишком свойственна (как Фридриху Великому в несчастный день наступления при Колине против преднамеренной обороны при соотношении сил, как 1 : 1,7). Атака напролом была нашим национальным способом (как у Блюхера по Копишу [1]: «Противник! Туда, куда указывает палец! Разобьем его!»). Счастливые наступательные войны Мольтке, несмотря на скоро забываемые кровавые испытания под Шпихерн, С. Прива и др., слишком закрепили общее мнение, которое английский генерал Буллер [2] выразил однажды (12/I 1900) в своем приказе словами: «Надо итти напролом. Это—дорога к победе и к славе». В довоенное время нам в сознании своих сил казалось, что нашим образцом должен быть слон или буйвол, страшная ударная сила которых отвечает атаке напролом без раздумья. Еж и дикообраз, способные лишь к обороне в сознании своей слабости, должны были напротив представляться нам жалкими и трусливыми. Но раз кто-нибудь вынужден перейти на положение ежа, то разве было бы хорошо, чтобы он, будучи слабейшим, перешел для своей защиты в наступление против своих слишком сильных врагов со своими слабыми зубами или когтями?

Французы, у которых порыв течет в крови и наступление было традицией многих героев войны еще до 1870 г., а в особенности после этого времени, воздали должное внимание в своем учении о бое «осторожным умам» и даже «апостолам обороны», как Канробер, Ниэль, ген. Ланглуа и его последователи.

Вы вступили в войну на нескольких фронтах почти исключительно с идеей итти напролом. Но надо сказать правду: то, что основывалось на чувствах в нашем отрицательном отношении к обороне, могло подвергнуться перемене под действием хода мировой войны. В армии большей частью пережили «героизм» также и в обороне. То же случилось и с общественным мнением. Притом же оборона включила в столь близкое к противнику и столь длительное пребывание еще и «импонирующие» цифры потерь. Однако этот аргумент мы ни в коем случае не можем учесть в пользу обороны и даже должны категорически возразить против указания, которое дает в этом отношении Устав подготовки пехоты, ч. I, ст. 44: «неверно, что «оборона» часто вызывает **«большие жертвы,** чем наступление». Можно доказать как раз противоположное. Но верно, что оборона требует большей частью большей силы духа (упорства), чем более кратковременное воодушевление для наступления. Поэтому оборона по крайней мере со стороны области чувств не должна быть больше у нас в презрении.

Но возражения, которые делаются «апостолам обороны» в дискуссии (№ 21, 23, 26 и 28 «Милитер Вохенблат»), все еще показывают, насколько настроение против обороны основывается **на чувствах.**

Надо однако согласиться с тем, что против оборонительной тенденции все же выставляется повидимому много и серьезных соображений.

Так Клаузевиц, который, как известно, подобно фельдмаршалу Мольтке вовсе не считал оборону за «слабую» форму боя, говорил следующее: «В большинстве случаев к обороне прибегают как к крайней мере; большею частью обороняющийся находится в очень затруднительном положении в ожидании худшего, кое-как идя навстречу наступлению». Причем остается открытым вопрос, подразумевается ли здесь под словом «наступление» действительно движение противника или собственное продвижение. Во всяком случае такое «констатирование» факта заключает нечто важное. Если где-нибудь испытывается чувство, что решимость принять бой была лишь «крайней мерой», то к ней естественно приступают неуверенно.

Но такое принципиальное пренебрежение к обороне всегда рискованно. Нельзя оставить без возражения также другого «констатирования», которое находится в книге ген. Морген (стр. 148)

[1] Копиш — немецкий художник и поэт первой половины XIX столетия. — **Прим. переводчика.**

[2] Неудачный командующий английской армией в англо-бурскую войну. — **Прим. переводчика.**

«Героические бои», где сказано, что «тактика отступления привела к дезертирству». Если нечто подобное действительно замечалось в начале применения «упругой» обороны, то это об'ясняется как побочное явление в смысле выставленного Клаузевицем тезиса. Немецкие солдаты, слишком долго приучаемые к жесткой обороне в одну линию, должны были воспринять такую новость, что «удержание места не должно быть более целью оборонительного боя», сперва как «крайнюю меру для выхода из угрожаемого положения...»

На той же упругой обороне (Танненберг[1]) разбивается и другое возражение, которое фон-дер-Гольц формулирует словами: «Роковое различие заключается в том, что обороняющийся для достижения победы должен победить на всех пунктах, тогда как наступающий торжествует, если он уже получил перевес в одном только пункте» (см. «Вооруженный народ»).

Но военная история учит нас возможностям обороны без всяких оговорок. Прежде всего выступает уже цитированный пример сражения при Колине.

Как бы велика ни была роль заблуждения Фридриха в исходе битвы, но смогло же одно превосходство числа под руководством такого посредственного генерала, как Даун, нанести такое уничтожающее поражение величайшему из современных военных гениев, применяя «слабую» форму боя.

После времен Фридриха Великого наступил расцвет обороны при Веллингтоне. Именно в том случае, если мы не будем считать — вполне правильно — «железного герцога» среди выдающихся стратегов, его многочисленные победы в оборонительных боях против лучших наполеоновских маршалов получают усиленное значение для об'ективной оценки этой боевой формы.

Тайна тогдашних успехов этой формы заключалась в том, что была своевременно найдена современная тактика обороны. Жесткую однолинейную оборону, соответствовавшую линейной тактике, Веллингтон преобразовал в оборону в общем уже довольно глубокой полосы сопротивления, отвечавшую возникавшему тогда бою наступающего из глубины. Перед главной линией сопротивления, а иногда даже целой полосы главного сопротивления, состоявшей из нескольких укрепленных линий, расположенных одна за другой, велся бой на передовой позиции не только в целях охранения, но принципиально в целях выигрыша времени, в целях преждевременного развертывания артиллерии наступающего и даже с большим упорством (при Бель-Алльянс) в целях нанесения урона противнику. Так как эта передовая позиция принципиально не получала поддержки из глубины, то защитники ее бывали вынуждены отходить, и таким образом «упругая» оборона складывалась уже в передовой полосе обороны. Так как при этом силы главной линии сопротивления принципиально оставались сохраненными для главного боя, а резервы — для смертельного удара, то вся эта тактика хорошо пользовалась возраставшей глубиной поля боя также и для оборонительного боя. Она исключала таким способом ошибку Блюхера при Линьи — необдуманное перенесение центра тяжести усилий на передовую позицию. Она могла также лишить силы возражение фон-дер-Гольца. Так например при Бель-Алльянс противник у Ла-Гэ-Сент уже «простер перевес» на главную линию сопротивления, но все же не смог «восторжествовать». Между прочим Веллингтон применял уже тогда позиции на обратных скатах (именно на главной линии сопротивления), которые мы принуждены были вновь «открывать» в 1916 г., ибо наше изучение обороны почти вовсе отсутствовало (славным исключением явилась 16-я резервная пех. дивизия, о чем будет сказано ниже).

Там, где оборона отказывала, как это действительно часто случалось в военной истории, там почти всегда было глубокое нарушение военного искусства. Способ действий австрийцев при Кениггреце явился полной противоположностью того, что случилось при Линьи. Австрийцы в этом сражении вопреки первоначальному плану очистили без нужды хорошо подготовленную передовую позицию центра и сдали ее почти без боя 1-й прусской армии, ко-

---

[1] «Пусть сгибается тонкая середина (оборона), лишь бы не сломалась». Ф. Гинденбург «Из моей жизни». — **Прим. автора.**

торая получила таким образом ценнейший опорный пункт для наступления.

То обстоятельство, что иногда целый ряд побед в оборонительных боях не давал выигрыша войны, как это было в русско-турецкую войну в 1877—1878 гг. и в англо-бурскую войну в 1899—1900 гг., может конечно привести в смущение. Но чаши весов уравновешиваются тем фактом, что даже в новейшие времена неоднократно удавалось закончить войну оборонительным сражением. В первую бурскую войну 1881 г. победа буров в оборонительном бою при Маюбе (с потерями в 3% на стороне обороны против 60% на стороне атаки) принудила закончить войну такую всемирную державу, как Англия. Не умаляя заслуги Блюхера в победе 18/VI 1915 г. (при Бель-Алльянс [1]), все же надо признать, что поражение величайшего из мастеров атаки и окончание войны удались глубоко обоснованному упорству Веллингтона в проведении его оборонительной тенденции, несмотря на то, что война велась действительно с полной энергией и настойчивостью царем полей сражений.

Не говоря уже о том, что затяжной паралич операций сразу на всю мировую войну может быть об'яснен последствиями целого ряда ненадлежащих оборонительных действий, а не свойствами обороны как таковой, мы должны признать, что все еще существующее нерасположение к обороне не может быть оправдано словами: «наши формы обороны в мировую войну были по крайней мере неплохи, однако они все же оказались безуспешными».

Дело в том, что наша форма обороны вплоть до третьего года войны была регламентирована едва на уровне времени и являлась даже отсталой, если ее сравнить хотя бы с методом обороны Веллингтона. По уставу 1906 г. мы имели устарелую жесткую однолинейную оборону с глубиной «не более 600 м» (ст. 401), резервы предписывалось «держать возможно ближе» (ст. 412), передовые позиции были сведены на-нет или предполагались небоевыми (ст. 407).

Несмотря на то, что с увеличением дальности огня глубина поля сражения неизбежно значительно возросла со времени Веллингтона, наша официальная тактика обороны остановилась на борьбе за одну **линию**, вместо того чтобы поставить надлежащей целью удержание **поля** боя.

До осенних боев в Шампани мы настаивали официально на бое в передовых окопах и до конца войны — на бое за эти окопы.

Полевые войска и их высшие командиры были часто прозорливее и находчивее. Так мы знаем (см. статью «Ведите бой из глубины» в № 36 «Милитер Вохенблат» от 25 марта 1928 г.), что по крайней мере одна из дивизий западного фронта — 16-я резервная пех. дивизия ген.-лейтенанта Альтрока [1] — уже в боях зимой 1914—1915 гг. в Шампани, указывая путь другим, была так расчленена в глубину и так закрепилась на местности, что с великой честью выдержала натиск совершенно подавляющих сил.

Находчивость и готовность отдельных высших начальников (командира 16-й резерной пех. дивизии) в отдельных выступлениях, как в данном случае, упреждали официальное обращение обороны в более современное состояние даже применением позиций на обратных скатах (которых Устав 1906 г. во 2-м абзаце ст. 400, напечатанном разрядкой, категорически не допускал).

Но так как подобные отдельные выступления едва ли могли достаточно быстро привести к общему перевороту, то для предупреждения на будущее время критика должна останавливаться на том, что вообще было в действительности.

Интересны следующие цифры относительно плотности занятия фронтов в позиционную войну на западном фронте, приводимые ген.-лейтенантом Балком в его «Эволюции тактики в мировую войну», по расчету на 100 м фронта в среднем:

	Франция	САСШ	Англия	Германия
В обороне	50	60	100	135
В наступлении	310	400	400	270

[1] У нас это сражение известно под именем битвы при Ватерлоо. — **Прим. переводчика.**

[1] Ген. Альтрок — ныне главный редактор журнала «Милитер Вохенблат», откуда переведена эта статья.

Из этих цифр видно, что французы и американцы расценивали оборону настолько выше, чем мы, немцы, что назначали для нее менее половины тех сил, которые мы считали необходимыми. Другими словами мы слишком мало доверялись обороне и слишком много наступлению.

Наконец в декабре 1916 г. (Наставление для позиционной войны, ч. 3-я) мы твердо поставили целью боя «заставить противника истощиться и истечь кровью, свои же силы сберечь». Для тех, кто в меньшинстве, это всегда необходимо. И никакая другая форма боя не отвечает лучше этому требованию, как оборона, от должной оценки которой нас во всяком случае не должны более удерживать наши чувства.

Перевели **Т. и О.**

Подполк. **Грюндель**

Еще о наступлении и обороне

(С немецкого)

Angriff und Abwehr. Oberstlt. a. D. Gründel. «Militär Wochenblatt» № 42, Juni 1932.

Автор напоминает указания фельдмаршала Мольтке о преимуществах обороны над наступлением при усовершенствованном огнестрельном оружии и утверждает, что переход к обороне в империалистическую войну на западном фронте имел для германцев роковые последствия лишь потому, что этой формой ведения операции не сумели воспользоваться. Не был учтен опыт ни бурской, ни русско-японской войн. Автор настаивает на необходимости исправления редакции устава, не слишком настаивая на преимуществах наступления, в особенности имея в виду существующие военнополитические условия (Версальский договор).

Исторические условия и гений полководцев развили в Пруссии (Германии) в течение столетий формы боя с грандиозной односторонностью. Со времен Фридриха Великого, маршала «Форвертс» (т. е. Блюхера) и войн за об'единение тенденция к наступлению стала для нас основой военного искусства в такой мере, что многообразные способы возможных военных решений имели для нас только теоретическое значение. Сражаться для нас значило наступать. Примером тому из нового времени может служить единственный оборонительный бой 1870—1871 гг., битва при Лизене. Хотя перед этим боем у генерала фон-Вердера было достаточно времени для постройки окопов (четыре дня) и достаточно боевых сил (три боеспособных дивизии против трех французских корпусов, недостаточно вооруженных и вновь сформированных), тем не менее этот отличавшийся большой силой воли генерал «настоятельно» испрашивал разрешения уклониться от боя, просил возложить на него задачу окружения Бельфора с отменой полученного приказа принять оборонительный бой. Верховное командование вынудило его категорическим приказом вступить в оборонительный бой, превратившийся, как известно, в полную победу. Обратившееся в привычку отождествление сражения с наступлением привело к такой переоценке возможностей добиться успеха посредством всех других форм борьбы, какую нельзя было встретить ни в какой другой армии и которая не оправдывается военной историей.

Фельдмаршал Мольтке следующим образом формулировал свою точку зрения в этом вопросе вскоре после появления усовершенствованного огнестрельного оружия: «В будущем задачей искусного стратегического наступления явится принудить противника к атаке избранной нами позиции и затем, после того как его силы будут исчерпаны потерями, потрясениями и уто-

млением, мы перейдем к тактическому наступлению» («Замечания о влиянии усовершенствованного огнестрельного оружия», 1861)».

Замечательно, что этот чуждый блужданиям ум остался при этом утверждении, которое считал основным, несмотря на совершенно иной ход победоносных войн 1864, 1866, 1870 и 1871 гг.

Еще в 1875 г. (в решении 50-й тактической задачи) он говорил: «По моему мнению благодаря усовершенствованию огнестрельного оружия тактическая оборона получила большое преимущество перед тактическим наступлением. Правда в кампании 1870 г. мы действовали всегда наступательно, но с какими жертвами! Мне представляется более выгодным перейти в наступление только после отражения многочисленных атак противника».

Отсюда можно было бы заключить, что если оценка обороны у фельдмаршала не поколебалась после трех счастливо проведенных наступательных войн, то тем более нет основания, чтобы у нас ходом мировой войны была поколеблена та тенденция к наступлению, с которой мы начали и которой пытались закончить эту войну.

Но на это следует возразить прежде всего, что мнение нашего последнего победоносного полководца следовало бы учесть уже для мировой войны и что оно имеет не меньшее значение также и в настоящее время; к тому же катастрофическое падение нашей военной мощи требует самого тщательного пересмотра всего этого вопроса.

Правда при поверхностном взгляде кажется, что опыт мировой войны не принес ничего более сомнительного, как отказ от наступательной тенденции. Ведь теперь ясно, что сентябрьские дни 1914 г., когда мы на западном фронте отказались от наступления, обозначали действительно роковой поворот в ходе войны.

Мы не будем обсуждать здесь вопроса, следовало ли прерывать Марнскую битву, но мы должны признать, что вовсе не переход к обороне сам по себе привел к (неустранимому впоследствии) окостенению фронта на главном театре войны и следовательно к проигрышу войны.

Выход из положения, задуманный без сомнения как временная и необходимая мера, мог стать для нас роковым лишь потому, что мы в нашей односторонности не сумели его соответственно использовать.

Чтобы в скором времени снова после битвы при Марне получить оперативную свободу, для этого у нас правда прежде всего не хватило резервов[1]. Но было совершенно неосомненно, что при нашем 70-миллионном воинственном и хорошо организованном народе для их создания требовалось лишь сравнительно короткое время. Поэтому прежде всего нужно было выиграть время и сберечь наши силы в этот промежуток времени. Удержание местности и заботы о престиже сравнительно с этим должны были иметь мало значения, в особенности там, где мы стояли на расстоянии 100, даже 200 км от границы. В этот промежуточный период было не только бесполезно, но прямо-таки ошибочно сражаться впереди отечественных границ до ножовой схватки или до победы т. е. рискуя большими потерями.

Твердо установлено, что мы во всяком случае не сумели с успехом выйти из неожиданно создавшегося положения. Для нашего командования поворот в ходе событий был как бы внезапным падением с заоблачных высот на землю: на первых порах (и слишком долгое время) его понимание обстановки было как бы парализовано. Только на северном крыле, которое считали потрясенным, мы отошли по крайней мере на первых порах достаточно далеко от противника. На остальных же участках мы оставались в теснейшем соприкосновении. Везде были оставлены прежние боевые полосы и боевые силы в тех размерах, как они были предназначены для решительного наступления. Поэтому и могло произойти то, что мы давали себя вовлечь в борьбу до «последнего человека» при всяком неприятельском наступлении там, где не только было достаточно, но и вполне целесообразно действовать

---

[1] Гибельное прегрешение против одного из самых важных «неизменных принципов» военного искусства (по Рюстову: «Своевременное обеспечение успеха»). — **Прим. автора.**

сберегая силы, сдерживая натиск, даже уклоняясь от удара.

Затем в «беге к морю» наши операции приняли такую форму, к которой никак нельзя применить обычное остроумное сравнение с шахматной игрой. Камень за камнем пристраивался к уже образовавшейся стене, она укреплялась, требовала дальнейших пристроек. Стратегические резервы, которые могли быть мобилизованы в это время, были израсходованы на «постройку» (и даже уничтожены в атаках) для удлинения «фронтовой стены», своего рода единственной в истории войны.

Что ее удалось воздвигнуть везде столь близко от врага и что она оказалась такой прочной — это будет навсегда служить к славе войск. Но строитель ее не должен ждать полководческой славы, ибо он создал то, чего никогда не бывало и что никогда не должно повториться, т. е. создал положение, удержать которое зависело всецело от готовности к самопожертвованию со стороны войск и их способности к приспособлению, но в котором по меньшей мере не было места для различных возможностей добиться успеха более искусному командованию, — положение, которое приводило к тому, что тот, кто находился в меньшинстве, должен был в конце концов истечь кровью, — словом к окостенелой борьбе в позиционной многолетней войне на пространстве между Северным морем и Альпами.

Оценить, исходя из этого примера, выгоды и невыгоды оборонительного образа действий, принципиально невозможно, ибо такая затвердевшая борьба ни при каких условиях не может быть желаемой формой борьбы. Ее следует скорее характеризовать как катастрофу высшего командования, автоматически возникшую из первоначальных упущений.

Следует ли искать одного или нескольких виновников этой катастрофы? Мы этого не думаем. В германской армии не только совершенно забыли оценку, которую дал обороне Мольтке, пренебрегли также и упражнениями в ней, но даже принципиально не допускали обдумывания других видов боя кроме наступления, так как на основании наших победоносных войн XVIII и XIX столетий пришли к явной переоценке исключительно наступательного образа действий. Кто вспоминал, как сравнительно часто достигались победы в других армиях на основе первоначальной, в известных случаях частичной, обороны, при значительно более слабых силах и всегда с большой экономией в потерях сравнительно с наступлением?

Так было при Куненсдорфе, Гогенлиндене, Кальдьеро, Аустерлице, Талавере, Бузако, Торрес-Ведрас, Фуенте-де-Хонор, Альбуере, Сан-Христобале, Дрездене, Бель-Алльянс, Санта-Лучия, Кустоцце, в 1848 и 1866 гг., при трех первых Плевнах и Зивине.

Равным образом из опыта образцовой и победоносной обороны буров мы сделали выводы почти только в пользу наступления и против обороны. На основе опыта Манчжурской кампании у нас сложилось презрение к таким приемам боя, которые могли закончиться полнейшей неудачей только под руководством штаба такого плохого военачальника, какой был у русских, несмотря на совершенство самой формы борьбы.

В результате наступило то, что должно было быть: стратегическая и тактическая беспомощность, когда на главном театре военных действий нам нельзя было применить наступление — эту единственную освоенную нами форму борьбы. Поэтому случилось, что мы там не могли добиться успеха, а могли только истекать кровью. Ибо после упущений, сделанных в период поворота в ходе военных действий, нам как оставшимся в меньшинстве, до которого мы довели себя нецелесообразными действиями, стало безусловно невозможно сломить неподвижность фронтов.

Какие выводы мы сделали до сих пор из этого опыта?

Указание на то, что высшее командование имеет полную свободу решения «вести бой наступательно, оборонительно, сдерживая противника, или иначе уклониться от боя посредством отхода» (как было сказано в ст. 273 в Уставе 1906), выпущено в послевоенных уставах. Для командования встреча с противником всегда должна означать решение наступать. Совмещение встреч-

ного боя (7-й раздел Учения о бое, Устав 1906) и наступательного образа действия (6-й раздел того же устава) в одном 21-м разделе «Вождение и бой» с несомненностью говорит об этом не только по форме своей редакции. Кроме того § 95 и 96 подтверждают недвусмысленно, что при развертывании для встречного боя следует руководствоваться только завязкой боя и «проведением наступления». «Только наступление предписывает закон противнику» («Вождение и бой», ст. 10) [1]. «Ни отсутствие отнятых у нас средств борьбы, ни слабость в числе (ч. II, ст. 42) не должны вызывать опасения наступать». «Наступление является выражением превосходства воли и более сильного руководства» (ч. I, ст. 42).

Оборона допустима только против значительно более сильного противника и для возможности наступления в другом месте или в другое время («Вождение и бой», ст. 12).

Вышеприведенная характеристика решимости наступать (ч. I, ст. 42) как признака сильного командования показывает соответствующее обращение ее против решения обороняться или предпринимать что-либо иное. Поэтому наше командование в решительную минуту будет более чем когда-либо опасаться применять что-либо иное кроме наступательного образа действий. Ибо кто же сможет предпринять даже вполне обоснованное решение обороняться или вести бой каким-либо иным способом или даже отступать, если все подобные решения заранее, по крайней мере косвенно, опорочены как якобы продиктованные слабостью воли.

При таких установках даже такой мастер обороны, как Веллингтон, должен представляться слабовольным человеком, хотя он стал победителем Наполеона благодаря тому, что при Бель-Алльянсе (Ватерлоо) держался обороны и этим путем сумел достигнуть победы. Но нам не следует проходить мимо таких уроков, как битва при Линьи, которая могла бы быть нам полезна перед мировой войной. Здесь маршал «Форвертс» вел оборонительный бой, притом располагал численным превосходством. В результате обнаружилось, что великий «рубака» не владел с таким совершенством обороной, как наступлением. Он должен был очистить поле боя, понес урон в 32% против 14,7% у наступающего.

В нашей армии не угаснет дух по праву славного маршала «Форвертс», порукой тому служит традиция. Но не так обстоит дело с вступлением в права тех поучений Мольтке, о которых мы говорили в начале статьи, хотя мы нуждаемся в них при наших военно-политических условиях более, чем когда-либо. Перед мировой войной немногие знали их, во время самой мировой войны никто им не сочувствовал, в современном нашем учении о бое мы найдем их еще слабее выраженными, чем в довоенное время.

Перевел **Топорков.**

[1] Устав подготовки пехоты, ч. I, ст. 22.

V. Управление войсками

Лейт. **Тоннар**

Техника работы штаба по организации марша

(Окончание)

Technique de l'Etat Major.—De l'organisation des marches. «Bulletin Belge des Sciences Militaires», Septembre 1932.

Автор дает на конкретном примере разработку подробнейших распоряжений для организации марша дивизии с моторизованными обозами, с приложением графика и ряда таблиц.

КОНКРЕТНЫЙ СЛУЧАЙ

А. Эшелон: **пехотная дивизия**

Карты: 1/100 000, лист Намюра (английское издание); 1/40 000, листы 52 и 53.

I. ТЕМА

Общая обстановка (схема 1)

Синие, заняв исходное положение к северу от р. Маас, безуспешно атаковали красных, занимавших фронт обороны Диест—Намюр. Для выполнения поставленной задачи они приступили к новой перегруппировке. 20 августа к концу дня командование красных получило подтверждение данных о движении крупных сил противника к югу от р. Маас.[1] И действительно 21 августа утром 2 пехотные дивизии синих были обнаружены: одна — при переправе через р. Маас у Гюи и Омбре и другая— у Модов и Терваинь, к юго-востоку от первой.

Кавалерийская дивизия красных после полудня 20-го вступила в соприкосновение с кавалерией противника на линии Гавелянж — Маф.

В целях парирования создавшейся угрозы командование красных решило удлинить фронт обороны, продолжив его к югу от Намюра до Живэ (по р. Маас южнее Динана). Для этого было отдано распоряжение с полудня 21-го укрепить вновь занимаемый участок Намюр—Живэ. **Одновременно с этим из армейского резерва к правому флангу была переброшена 7-я пех. дивизия** с задачей удерживать р. Маас от Намюра до Ивуар (Ivoir) вкл. Кавдивизия красных получила при этом приказ об оказании возможно более сильного сопротивления противнику и об отходе с боями в направлении на Динан и Гастьер, на линии

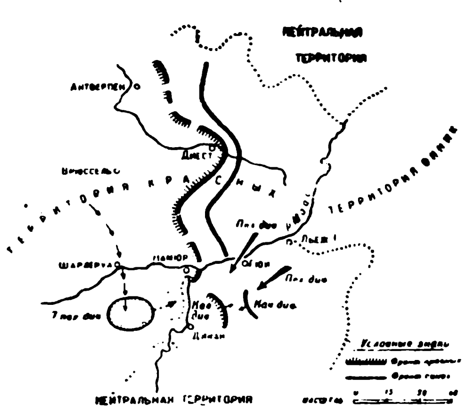

Схема 1. Общая обстановка.

которых предполагалось организовать упорную оборону.

2. Частная обстановка (схема 2).

7-я пех. дивизия из занимаемого района перебрасывается на автомобилях и по железной дороге в ночь с 20 на 21 и утром 21 августа. Движение ее не расчленяется, учитывая, **что укрепленная**

[1] См. „Военный зарубежник“ № 7.

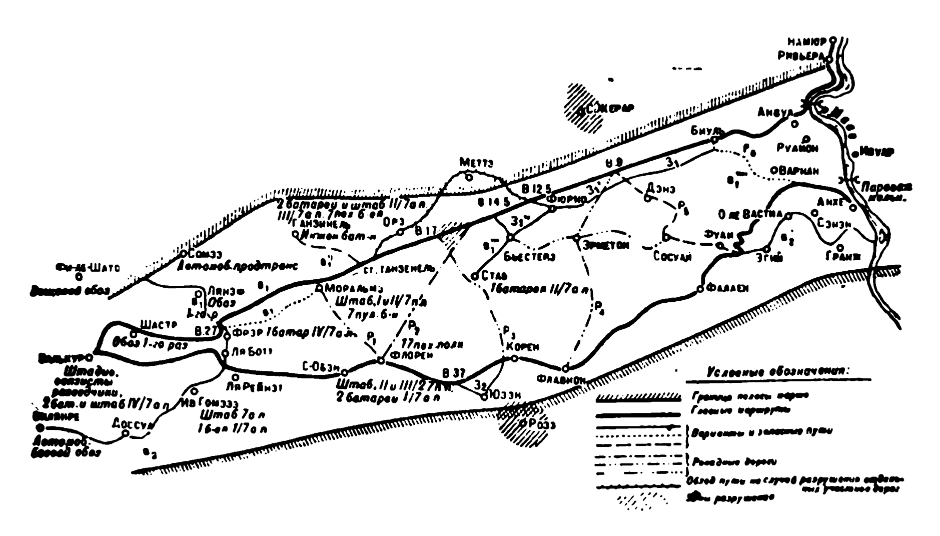

Схема 2.

позиция в районе совершенно исключает возможность воздушного наблюдения со стороны противника. К 15 часам 21 августа 7-я пех. дивизия расположилась, как указано в приводимой ниже таблице, и части ее были готовы к выступлению на указанный для обороны участок.

Пункты расположения частей 7-й стр. дивизии к 15 часам 21 августа	Наименование частей	Примечание
Валькур	Штаб дивизии, 2 батареи и штаб IV/7 а. п., связисты и разведчики.	Артиллерийские снаряды—полный комплект.
Сомзэ	Автомобильный продовольственный транспорт, III/7 п. п., временный санитарный отряд.	Автомобильный продовольственный транспорт направляется в Шарлеруа.
Ганзинель	Инженерный батальон.	
Массар и леса Фэйи	Ружейно-пулеметный парк, артиллерийский парк.	
Орэ	2 батареи и штаб II/7 а. п., III/7 а. п., 7-я пех. батарея.	
Став	1 батарея II/7 а. п.	
Флорен	17 п. п., 2 транспортных взвода,	
С.-Обэн	Штаб II и III/27 п.п., 2 батареи и штаб I/7 а. п.	
Моральмэ	Штаб I и II/7 п. п., VII пульбатальон.	
Фрэр	1 батарея IV/7 а. п., I/27 п. п.	
Лянэф и Шастр	Конный боевой обоз.	
Ив. Гомээ	Штаб 7 а. п. и 1 батарея I/7 а. п.	
Доссуа и Силянре	Автомобильный боевой обоз.	
Фи-ле-Шато	Вещевой обоз.	

II. ПРИКАЗАНИЯ ПО ДВИЖЕНИЮ

а) Командир 7-й пех. дивизии в сопровождении офицера штаба был вызван в штарм, где получил необходимые данные об обстановке и возложенную на дивизию задачу.

б) 21 августа в 13 часов он отдал по телефону первое распоряжение штабу 7-й пех. дивизии, по которому начальник штаба сделал соответствующую перегруппировку и выслал офицерскую разведку для освещения маршрутов в направлении на р. Маас.

в) Содержание распоряжения, отданного комдивом по телефону в 13 часов:

«Начальнику штаба 7-й пех. дивизии. От командира дивизии.

Дайте распоряжение о выброске 2 батальонов (разных полков) к мостам у Ивуар и Руайон с задачей всемерного воспрепятствования противнику в переправе на левый берег реки. Переброску произвести на автомобилях.

Подготовьте движение 7-й пех. дивизии в направлении указанных мостов (выполнение — ночь с 21 на 22 августа).

Вызовите командиров частей и начальников служб в штадив к 14 час. 30 мин.».

г) В 13 час. 15 мин. комдив оставил штарм, имея с собой частную инструкцию для 7-й пех. дивизии и приказ на движение.

Указанная инструкция включала ряд сведений о своих войсках и войсках противника, намерение командарма красных, задачи, возложенные на войсковые соединения, предназначенные для обороны р. Маас, задачу, возложенную на 7-ю пех. дивизию, и общие условия по ее выполнению.

д) В инструкции указывалось, что 7-я пех. дивизия должна будет оборонять р. Маас от Ривьеры до Ивуара с полудня 22 августа, к каковому времени должны быть разрушены все мосты.

7-я пех. дивизия усиливается:

2 взводами автомобильного транспорта,

2 дивизионами 75-мм пушек на автомобилях, прибывающими в Сомзэ 21 августа к 23 часам после 20-километрового перехода (скорость движения 15 км в час);

дивизионом зенитной артиллерии (на автомобилях), прибывающим в Меттэ к 20 часам 21 августа;

2 т взрывчатого вещества, доставляемыми на автомобилях в Анвуа Руайон к 23 часам 21 августа.

е) **Приказ № 346/7.**

Армия красных
Главная квартира
I отдел
№ 346/7

Главная квартира, 21 августа, 13 часов.
Разослано 13 час. 15 мин.
Адресовано: 7 пех. дивизии.
В копии: н-ку Намюрского укрепленного района. 1-й кав. дивизии.

Приказ на движение 7-й пех. дивизии в ночь с 21 на 22 августа.

1. В соответствии с инструкцией главной квартиры армии за № 345 дивизия выступает из занимаемого района согласно нижеследующим указаниям:

а) границы полосы марша:

с севера — Ганзинель (для 7-й пех. дивизии), Меттэ (для Н. У. Р.), Ривьера (для 7-й пех. дивизии);

с юга — Розэ, Соммьер (для кавдивизии) до дороги из Ивуара в Динан;

б) меры обеспечения:

2 батальона немедленно выбрасываются к мостам, что у Ивуара и Руайона, с задачей не допустить проникновения противника на левый берег реки;

в) движение:

выполняется только ночью (за исключением батальонов, выбрасываемых согласно п. «б»).

2. Тыловая граница дивизии (с 3 часов 22 августа) — дорога из С.-Жерар в Флавион (вкл. для 7-й пех. дивизии). Всякие передвижения дивизии к западу от этой дороги позднее 2 часов 22 августа воспрещаются.

3. Штаб — Биуль с 4 часов 22 августа.

Выписка из приказа по тылу (по телефону к 15 часам).

Эвакуация:

санитарная — в военный госпиталь в Шарлеруа, к западу от Меттэ;

ветеринарная — на площадь Филиппвилля, к юго-западу от Флорен.

Движение:

рокадная дорога Орэ — Корен — Розэ предназначена для кавалерийской дивизии.

Возвратившись в штадив, командир дивизии приступил к изучению обстановки с целью принятия решения по обороне р. Маас и обеспечения движения частей дивизии к этой реке.

К 14 час. 15 мин. комдиву были доложены следующие **соображения штаба:**

I/27 п. п., погружающийся в Фрэр, выбрасывается к мосту у Ивуар.

III/7 п. п., будучи погружен, по возвращении автотранспорта, т. е. к 16 час. 45 мин., выбрасывается к мосту у Руайон.

Офицер штаба произведет рекогносцировку полосы, предоставленной дивизии для движения, с целью установления качества дорог.

Офицер штаба и 2 саперных офицера в 14 часов направляются для разведки участка обороны на р. Маас из Ивуара до Ривьеры, а также для осмотра мостов с целью предстоящего их разрушения.

2 офицера штаба, оставшиеся при штабе, начали работу по организации движения.

Комдив, утвердив эти мероприятия, продиктовал решение по организации движения.

Решение командира дивизии, принятое им к 14 час. 45 мин.

Расположение частей на р. Маас.

3 пехотных полка располагаются непосредственно у реки.

3 артиллерийских дивизиона — к северу от Мольнье (Сосуай), 3 дивизиона — к югу.

Все движение выполняется ночью.

Зенитный артдивизион с рассветом должен быть готов для обстрела авиации противника.

Сбережение сил достигается:

прикрытием движения выбрасываемыми вперед батальонами и быстрым движением саперных частей.

Тыловые учреждения располагаются на значительном удалении от строевых частей и ожидают дальнейших указаний.

В 2 часа 22 августа я оставляю Валькур (место расположения штаба) и следую на командный пункт в Биуль.

Штаб дивизии немедленно приступает к организации движения»[1].

III. РАБОТА ШТАБА ДИВИЗИИ

А. Действия штаба с 13 час. 15 мин. до 14 час. 30 мин. (т. е. до возвращения комдива из штаба армии).

Штадиву известно, что ночью дивизия должна совершить 25-километровый переход с целью выхода к р. Маас: у Ивуар и Анвуа—Руайон.

Для выполнения этой задачи штаб дивизии должен проделать следующую работу:

1) установить маршруты, которые из района настоящего расположения частей дивизии вели бы к р. Маас к указанным выше пунктам;

2) определить километраж этих маршрутов и классифицировать их по качеству;

3) наметить варианты маршрутов и запасные пути на случай различного рода инцидентов, могущих задерживать движение; в данном конкретном случае число их (вариантов) вполне достаточное;

4) произвести распределение частей для движения по различным маршрутам, учитывая, что время, которым располагает дивизия для выполнения марша, весьма ограничено — 7 час. 45 мин.; придется очевидно с большой строгостью отнестись к расчетам времени с одной стороны и использовать для движения максимум маршрутов — с другой; в первую очередь с максимальной продуктивностью должна быть использована большая дорога Ривьера — Фрэр, имеющая к тому же много удобных вариантов.

Предварительное распоряжение может быть отдано частям к 13 час 30 мин.

Приказ на движение будет разослан не ранее 18 часов.

Фактический ход действий:
комдив вернулся к 14 час. 30 мин.;
изложение решений комдива—15 мин.;
разработка приказа — 3 часа, готовность приказа — 17 час. 45 мин.

Б. Действия штадива с 14 час. 45 мин. до момента подписания приказа на движение комдивом

1. Выбор маршрутов

• **Маршрут 1-й:**

Валькур, Шастр, северо-западный перекресток у Фрэр, верстовой столб 27 на дороге из Фрэр в Ривьеру, дорога из Фрэр в Ривьеру.

Варианты:

$в_1$ — Лянэф, верстовой столб 27 по дороге из Фрэр в Ривьеру (хорошая дорога);

$в'_1$ — Фрэр, Моральмэ;

[1] Вопрос организации обороны в данной статье не рассматривается.

$в''_1$ — Ганзинель, станция Ганзенель;

$в'''_1$ — Став, верстовой столб 14,5 (по дороге из Фрэр в Ривьеру);

$в''''_1$ — Биуль, Варнан.

Запасные пути:

$З_1$ — верстовой столб 9[1], Дэнэ, Биуль, церковь в Биуле;

$З'_1$ — верстовой столб 12,5[1], Фюрно, верстовой столб 9[1];

$З''_1$ — верстовой столб 14,5[1], полустанок Бьестер, Фюрно и далее З[1].

Все три пути характеризуются хорошим качеством.

Маршрут 2-й:

Валькур, Фрэр, Ля Ботт, Ля Рейнэт, С.-Обэн, Флорен, Корен, Флавион, Фалаен, Фуай, Анхе.

Варианты:

$в_2$ — Силянре, Доссуа, Ив. Гомэзэ;

$в_2'$ — Эгий, О-ле-Вастиа, Гранж, Сенен, верстовой столб (по дороге из Ривьеры в Ивуар).

2. Выбор рокадных дорог и расчленение дивизионной полосы на отдельные участки

Рокадные дороги:

$Р_1$ — Ганзинель, Моральмэ, Флорен;
$Р_2$ — Флорен, Меттэ;
$Р_3$ — Орэ, Став, Розэ;
$Р_4$ — Флавион, С.-Жерар;
$Р_5$ — Дэнэ, Сосуай, Фуай;
$Р_6$ — Биуль, Варнан, мельницы.

Участки полосы марша дивизии:

участок А — до $Р_3$ вкл.;
участок Б — до $Р_5$ вкл.;
участок В — до р. Маас.

3. Разработка проекта расположения частей дивизии согласно указаниям комдива

Части дивизии в отношении их нового расположения можно разделить на две категории: 1) на боевые части, располагаемые в осуществление идеи командования, и 2) на части второстепенного значения, расположение которых не требует специальных условий или в отношении использования которых еще не принято решений.

Таким образом части, относящиеся к первой категории, будут расположены:

[1] По дороге из Фрэр в Ривьеру.

штаб дивизии, части связи, разведывательные части — в районе Биуль;

7-й пех. полк — в районе Ривьеры (1 батальон) и Анвуа—Руайон (2 батальона);

17-й пех. полк — в районе Сэнэн и Гранж (2 батальона) и в районе лесов у дороги из Динана в Ривьеру;

27-й пех. полк — в районе Анхе и паровой мельницы;

2 артиллерийских дивизиона (на автомобилях) — в районе Биуль;

1 артиллерийский дивизион (на конной тяге) — в районе Варнана;

3 остальных артдивизиона — в районе О-ле-Вастиа.

Части, отнесенные ко второй категории, направляются в следующие районы:

пулеметный батальон — в отношении его использования еще не принято окончательного решения; в целях удобного его использования в зависимости от обстановки во всех направлениях намечается расположение его в Варнан;

пехотная батарея — там же;

инженерный батальон — некоторые подразделения этого батальона уже работают у мостов; наиболее логичным казалось бы расположить остальные подразделения батальона за центром боевых частей дивизии, например в районе Варнана; учитывая однако, что инженерный батальон весьма целесообразно в принципе располагать вблизи штаба дивизии, решено фактически выбросить его в район Биуля;

конный боевой обоз — в районе Сосуай;

автомобильный боевой обоз — в районе Дэнэ;

вещевой обоз и автомобильный продовольственный транспорт — первый впредь до нового распоряжения остается на месте, второй быстро перебрасывается в Шарлеруа.

Перечисленные районы нового назначения всех частей дивизии составляют лишь первый проект, на котором должен основываться штаб дивизии, организуя марш.

Два фактора могут повлиять на это расположение, а именно:

1) решение командира дивизии, могущее внести изменение в зависимости

от произведенной им рекогносцировки, и

2) изменения в дислоцировании частей, происшедшие до выступления их в новые районы.

4. Расчленение частей по маршрутам

Исходя из вышеуказанного проекта, штаб дивизии произведет следующее распределение частей по маршрутам, избегая прежде всего перекрещивания частей и удлинения переходов.

По 1-му маршруту:

7-й пех. полк, 7-я пех. батарея, VII пулеметный батальон, II и III дивизионы 7-го артполка,

По 2-му маршруту:

17-й и 27-й пех. полки, штаб, I и IV дивизионы 7-го артполка.

Что же касается других частей, распределение их произойдет следующим образом:

моторизованные артиллерийские дивизионы пойдут по свободным дорогам (маршрут 1-й);

штаб дивизии в целях форсирования своего перехода пойдет сперва по 2-му маршруту, потом по 1-му;

боевой автомобильный обоз будет занимать один или другой маршрут в зависимости от обстановки.

Наилучшая организация и регулирование движения всех частей достигаются разработкой графиков.

5. Разработка графиков

а) Фон графиков подготовляется третьим (свободным) офицером штаба дивизии (схемы 3 и 4).

В графиках им отражаются следующие моменты:

исходные пункты маршрутов (для 1-го маршрута — перекресток у версты 17-й, что на дороге из Ривьеры в Фрэр; для 2-го — станция Флорен), положительные и отрицательные километры, исходные положения и пункты нового назначения частей, важнейшие перекрестки, варианты и запасные пути, ответвления;

рокадные дороги:

часы выступления, начиная с 20 час. 30 мин.;

ограничения в отношении движения, заключающиеся в том, что никакое движение не может быть начато ранее 20 час. 30 мин. (а), а также после 4 часов (б)[1];

все части должны будут пройти 9-ю версту (что по дороге из Фрэр в Ривьеру) к 3 часам (в);

перекресток у 17-й версты будет занят с 22 час. 25 мин. до 22 час. 40 мин., перекресток у Корен — от 23 час. 10 мин. до 23 час. 25 мин. (обусловливается длиной колонны, вышедшей из Шарлеруа и предназначается для кавалерийской дивизии) (г);

никакое движение не должно иметь места в западном направлении по дороге Моральмэ, Флорен позже 2 часов (д);

б) Таблица скоростей движения различных частей дивизии, как-то:

пехота — 4 км;

разведка — 8 км;

конная артиллерия — 6 км;

конный транспорт — 4 км;

колонна грузовых автомобилей — 10 км;

колонна легковых автомобилей — 12 км.

Нанесение на график

Маршрут 1-й:

1. II и III/7 а. п., будучи расположены в районе исходного пункта, начнут движение первыми. Для того чтобы дать частям возможность выполнять ночное движение, голова колонны этих дивизионов пройдет исходный пункт к 21 часу. Батарея, расположенная в Ставе, выйдет на основной маршрут и присоединится к указанным дивизионам. Время, требуемое на прохождение всей артиллерийской колонны, определяемое длиной этой колонны, до 14,5 версты (место присоединения батареи), будет составлять 40 минут и после присоединения батареи увеличится до 50 минут (е).

Артиллерийская колонна будет занимать маршрут 1-й до Биуля (4,2 версты), откуда она повернет на в"", где будет оставлен I дивизион (хвостовая часть колонны) в Варнане; после большого привала в Варнане II дивизион продолжает движение в О-ле-Вастиа.

---

[1] Буквы (а), (б)... означают ссылки на график.

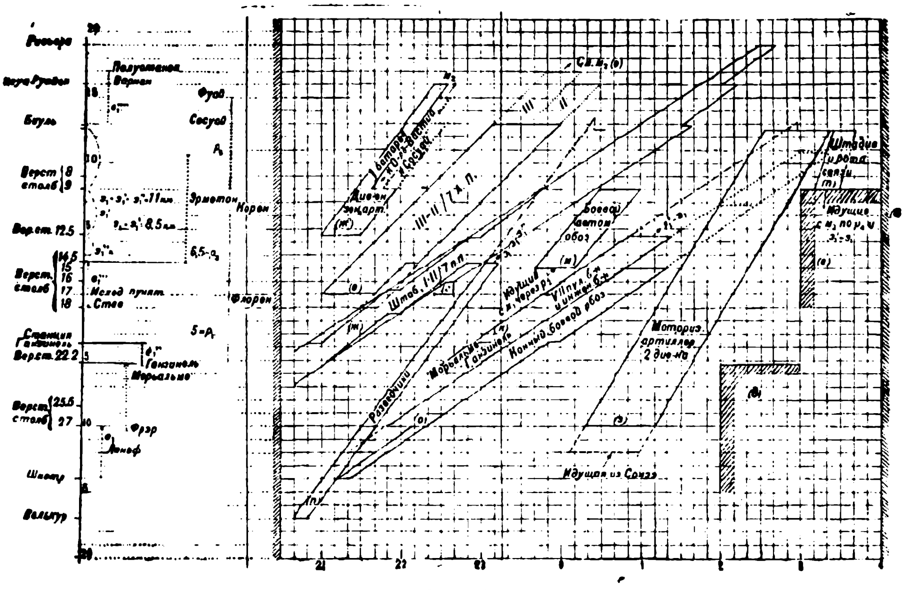

Схема 3.

III/7 а.п. идущий с О-ве-Вестие

Батарея зенитной артиллер. идущей с м

77 п.п.

Штаб и два бат-на 27 п.п.

Боев. батал. обоз

Штаб I и IV/7 ап

Штадив и рота связи

Исход пункт С.Обен

Ие Гензэ

Сосуа

Схема 4.

На график движение этой колонны будет нанесено следующим образом:

сплошная линия между 17-й верстой и 4,2-й у Биуля (за исключением 1 батареи из Став);

пунктирная линия до Варнана (для II дивизиона) и до полустанка (у Варнана) для III дивизиона; при этом частично будет занят маршрут 2-й (от Варнана до полустанка) III/7 а. п., идущим от Варнана до О-ле-Вастиа (от 23 час. 50 мин. до 0 час. 10 мин. на привале).

2. Возьмем 2 батальона 7-го пех. полка и пех. батарею, расположенные в Моральмэ и Орэ (ж).

Нанесение их движения на график, имея характер, аналогичный вышеприведенному, должно отразить следующее:

7-я пех. батарея присоединяется к колонне у версты 16-й; I/7 п. п. направляется в Ривьеру, II/7 п. п. и пех. батарея направляются соответственно в Анвуа и Биуль.

3. Основными частями, представляющими наибольший интерес в смысле нанесения их движения на график, являются: моторизованная артиллерия (2 дивизиона) и зенитная артиллерия (1 дивизион), придаваемые временно дивизии. Зенитная артиллерия перебрасывается: 1 батарея — в Анвуа—Руайон, другая — в Сосуай и третья — в О-ле-Вастиа.

Придаваемая дивизии с 20 часов зенитная артиллерия должна занять позицию в указанных ей новых районах к рассвету следующего дня, что требует максимально быстрого ее движения.

Движение зенитной артиллерии будет выражено на графике следующим образом (ж'):

дивизион целиком занимает 1-й маршрут с 21 часа, выходя на этот маршрут у 12,5-й версты; до 9-й версты дивизион движется в одной колонне; с 9-й версты 1-я батарея продолжает движение по основному маршруту до Анвуа—Руайон (движение обозначается сплошной линией); 2-я и 3-я батареи свернут на дорогу Дэнэ, Сосуай, Фуай ($Р_8$); 3-я батарея доходит до Сосуай, где она останавливается (обозначается пунктиром); 2-я батарея продолжает движение на Фуай, где выходит на маршрут 2-й; дойдя до перекрестка у Эгий, сворачивает на в'$_2$, по которому достигает конечного пункта О-ле-Вастиа (пунктирная линия).

4. Моторизованная артиллерия (2 дивизиона) прибывает в Сомзэ к 23 час. 15 мин., отсюда она выходит на в$_1$, затем на маршрут 1-й, пункт назначения—Биуль.

Составление здесь графика весьма простое (з).

Маршрут 2-й:

1. Нанесем на график движение 17-го пех. полка, расположенного в Флорен. Исходный пункт он пройдет в 21 час (и). По маршруту 2-му он дойдет до перекрестка у Эгий (обозначается сплошной линией), затем повернет на в'$_2$; отсюда один батальон пойдет к дороге Ивуар—Динан (к версте 23-й), один — к Сэнэн и один — к Гранж (обозначается пунктиром).

2. Штаб и 2 батальона 27-го пех. полка из С.-Обэн направляются в Анхе и к паровой мельнице (к) (обозначается сплошной линией).

3. I/7 а. п. пойдет в следующем порядке:

2 батареи из С.-Обэн выйдут на маршрут 2-й у Флорен;

1 батарея из Ив. Гомэзэ, двигаясь по в$_2$, выйдет затем на маршрут 2-й у Ля Рейнэт.

4. IV/7 а. п. будет завершать марш. В голове этого дивизиона будет итти батарея, вышедшая из Фрэр, за ней пойдут остальные 2 батареи, расположенные в Валькур (л).

Остается теперь нанести на график движение:

VII пулеметного батальона и инженерного батальона;

конного боевого обоза;

автомобильного боевого обоза;

штаба давизии и частей связи;

разведывательных органов дивизии.

1. Автомобильный боевой обоз перебрасывается из Доссуа и Дэнэ, т. е. он должен пересечь полосу марша дивизии.

Стремясь осуществить его переход как можно быстрее, направляем его вначале по маршруту 2-му, после достижения Флорен сворачиваем по рокадному пути ($Р_2$) на маршрут 1-й у 15-й версты (м).

Движение автомобильного обоза по указанным дорогам становится возможным при условии достижения им Ля

Рейнет к 22 час. 25 мин., прибытия во Флорен к 22 час. 55 мин. и выхода на маршрут 1-й у 15-й версты к 23 час. 40 мин. (см. оба графика) (м). Таким образом движение автомобильного боевого обоза будет нанесено на оба графика.

2. Пулеметный и инженерный батальоны, расположенные у 1-го маршрута, целесообразно направить за автомобильным боевым обозом. С этой целью выступают они из занимаемых ими Ганзинеля и Моральмэ в 22 часа 20 мин. (пулеметный батальон) и в 22 часа 40 мин. (инженерный батальон) (обозначается пунктиром) и выходят на маршрут 1-й у станции Ганзинель (обозначается сплошной линией) (н).

Однако указанные части не могут совершать движение по 1-му маршруту **непрерывно,** так как этому мешают 2 дивизиона моторизованной артиллерии (временно приданные дивизии), выступающие в 0 часов из Сомзэ. Данное обстоятельство заставит по достижении 12,5-й версты использовать для дальнейшего движения вышеуказанных батальонов запасные дороги ($3'_1$ и 3_1) (в графике наносятся пунктиром).

В результате инженерный и пулеметный батальоны прибудут к Биуль без удлинения своего перехода.

3. Конный боевой обоз, выступив из Лянэф и Шастр и соединившись у 27-й версты, использовав $в_1$, выходит затем на маршрут 1-й. Предшествуя в своем движении колонне моторизованной артиллерии, он, дабы не задержать движения последней, по достижении 14,5-й версты (на 1-м маршруте) сворачивает на Бьестерэ — Эрметон.

4. Разведорганы дивизии, выступив из Валькура (п), занимают 1-й маршрут до 14,5-й версты (сплошная линия), затем движутся по запасным дорогам $3''_1$, $3'_1$, 3_1. Это позволит им достичь Биуля, не мешая движению двигающегося в то же время по 1-му маршруту 7-го пех. полка.

5. Штадив и органы связи (оставшаяся часть) выступят значительно позже всех остальных частей дивизии, так как они должны будут функционировать, находясь в Валькуре. Штадив (оставив Валькур в 0 час. 30 мин.), по 2-му маршруту дойдет до Флавиона, затем по рокадной дороге ($Р_4$) выйдет на Дэнэ и запасную дорогу (3_1). Он достигнет Биуля непосредственно за пулеметным и инженерным батальонами (р).

Примечание. Биуль в значительной степени будет насыщен частями дивизии, как-то: штаб дивизии, связисты, разведчики, пулеметный батальон, инженерный батальон и 2 дивизиона артиллерии. Эти различные части войдут в Биуль с различных направлений, что потребует обратить большое внимание на организацию движения частей в самом Биуле и их размещение в этом пункте и окрестностях.

6. Расположение частей 7-й пех. дивизии в пунктах нового назначения

а) Биуль: д.д. Роншат, Пуруар и Домон — 2 моторизованных артиллерийских дивизиона;

б) дворец и парк — штаб дивизии, связисты;

в) дер. Гоги — разведчики;

г) дер. Крюсификс — 7-я пех. батарея;

д) территория к югу от дороги — инженерный батальон и VII пулеметный батальон.

Анвуа—Руайон — 1-я батарея зенитной артиллерии, штаб, II и III батальоны 7-го пех. полка;

Ривьера — I батальон 7-го пех. полка;

Анхе и паровая мельница — 27-й пех. полк;

Сэнэн, Гранж и прилегающие рощи — 17-й пех. полк;

О-ле-Вастиа — I, III и IV дивизионы 7-го арт. полка и 3-я батарея зенитной артиллерии;

Варнан — II дивизион 7-го арт. полка;

Дэнэ — боевой автомобильный обоз;

Мередре, Маредсу и Эрметон [1] — конный боевой обоз и 2-я батарея зенитной артиллерии.

7. Разработка таблицы марша

Таблица марша, прилагаемая к оперативному приказу, должна содержать в себе все указания, необходимые исполнителям в области организации марша и управления маршевыми колоннами, маршрутов, исходных для движения пунктов, времени прохода этих пунктов каждой частью (головой и хвостом ее), пунктов, у которых каждая входит на основной маршрут или сходит с последнего, и т. д. К таблице кроме того долж-

[1] Мередре и Маредсу на схеме не показаны.—Ред.

Т А Б Л И Ц А

в ночь с 21 авгу

7-я пехотная дивизия
Штаб
1-е бюро
Приложение к приказу
на марш дивизии № . . .

№ эшелона и его начальник	Состав эшелона	Маршрут	Время прохождения исходного пункта	
			Головой	Хвостом
1. Командир III/7 а. п.	III и II/7 а. п.	M_1	21.00	21.40
2. Командир 7-го пехотного полка.	Штаб II и III/7 п. п.	M_1	21.45	22.20
3. Разведорган.	Разведорган.	M_1	22.45	22.50
4. Командир пулеметного батальона.	Пулеметный батальон и инженерный батальон.	M_1	23.45	0.15
5. Начальник конного боевого обоза.	Боевой обоз 1-го разряда (на конной тяге).	M_1	0.20	0.50
6. Командир I дивизиона.	2 дивизиона моторизованной артиллерии.	M_1	1.20	2.10
7. Командир 17-го пехотного полка.	17-й пехотный полк.	M_2	21.00	21.40
8. Командир 27-го пехотного полка.	Штаб и 2 батальона 27-го пехотного полка.	M_2	22.05	22.35
9. Командир 7-го артиллерийского полка	Штаб 7-го артиллерийского полка, I и IV/7 а. п.	M_2	0.10	1.00
10. Командир дивизиона.	Дивизион зенитной артиллерии.	M_1 и M_2	—	—
11. Нач. боевого автомобильного обоза.	Боевой автомобильный обоз.	M_1 и M_2	23.00 (Флорен)	23.30
12. Командир роты связи.	Штадив и рота связи.	M_1 и M_2	1.40 (Флорен)	2.00

МАРША

а на 22 августа

Средняя скорость в час: пехоты и обоза I разряда — 4 км
частей на конной тяге . — 6 км
разведорганов . . . — 8 км
автогрузовых колонн . . — 10 км
легк. автомобильн. колонн — 12 км

Район нового назначения	Примечание
III—О-ле-Вастиа. II—Варнан.	Батарея, расположенная в Став, выйдет на M_1 у версты 14,5; время выступления из Став—21 час 30 мин. 2 дивизиона сойдут с M_1 у версты 4,2-й и выйдут на дорогу Биуль—Варнан (II дивизион) и полустанок Варнан—О-ле-Вастиа (III дивизион).
Штаб и III/7 п. п.—Анвуа—Руайон, II—Ривьера.	Время выступления батальонов (ст. Ганзенель—верста 20,6-я), 21 час. Пехотная батарея выходит на M_1 у 16-й версты (по дороге из Фрэр в Ривьеру) к 22 час. 35 мин.
Биуль.	Оставляет Валькур к 20 час. 40 мин., сходит с M_1 у 14,5-й версты, следуя через Фюрно, Дэнэ в Биуль.
Биуль.	Выходят на M_1 у ст. Ганзенель (верста 20,6-я), куда подходят последовательно к 22 час. 50 мин. и 23 час. 05 мин., сходят с M_1 у версты 12,5-й следуют в Биуль через Фюрно, Дэнэ, Биуль.
Маредре и Маредсу.	Сосредоточивается у 27-й версты; подразделения обоза выступают из Шастр и Лянеф в 21 час 15 мин.; у 14,5-й версты обоз оставляет M_1 и выходит на маршрут Бьестерэ, Эрметон, Маредре, Маредсу.
Биуль (дер. Ронша, Пэруар, Домон).	Проходят Лянэф от 0 час. 05 мин. до 0 час. 55 мин. (приблизительно).
Штаб и I батальон—Сэнэн, II батальон—Гранж, III батальон—в лесу у 23-й версты.	Полк сходит с M_2 у перекрестка Эгийи, следуя через О-ле-Вастиа, занимает Сэнэн и Гранж.
Штаб и II батальон — Анхе, III батальон — паровая мельница.	Головные части выступают из Сент-Обэн в 21 час 35 мин. Перекресток у Корен они не должны проходить ранее 23 час. 30 мин.
О-ле-Вастиа.	I/7 а. п. сосредоточивается у Флорен, а именно: батареи из Сент-Обэн выступают с 23 час. 50 мин.; 3-я батарея и штаб выступают из Ив. Гомэзэ в 23 час. 05 мин. IV/7 а. п., а именно: батареи, расположенные в Фрэр и Валькур, оставляют эти пункты соответственно в 23 час. 15 мин и в 22 час. 35 мин.; голова колонны IV дивизиона пройдет исходный пункт к 0 час. 30 мин.
1-я батарея—Анвуа—Руайон, 2-я батарея—О-ле-Вастиа, 3-я батарея—Сосуай.	Выходит на M_1 у 12,5-й версты в 21 час; 1-я батарея продолжает движение по М; 2-я и 3-я батареи сходят с M_1 у 9-й версты и следуют через Дэнэ и Маредсу.
Дэнэ.	Прибывает к Ив. Гомэзэ в 22 часа 10 мин, затем по M_2 движется на Флорен, откуда по дороге Флорен, Мэттэ выходит на M_1 к 23 час. 40 мин.
Биуль (дворец).	Оставляют Валькур в 0 час. 20 мин. и выходят на M_2, с которого сходят в Флавион, двигаясь в дальнейшем через Флавион, Эрметон, Дэнэ, Биуль.

IV. Распределение и продолжительность работы штаба по организации движения

Часы	Командир дивизии	1-й офицер	2-й офицер	3-й офицер	Тираж
13.30	Возвращается из штарма в штаб 7-й пех. дивизии.	Сопровождает комдива.	Изучает вопросы, связанные с организацией предстоящего движения дивизии согласно приказа комдива по телефону.	Разрабатывает предварительные распоряжения.	
.30 14.45	Решение.				
15.00 15.40		Изучают расположение частей.		Подготовляет материал для графиков.	
16.00 16.30 17.00		Разрабатывает графики.		Отдает распоряжение отряду разрушения.	
17.30	Подписывает приказ.	Предварительное сообщение начальникам частей дивизии о времени их выступления.		Составляет приказы: а) команде по провешиванию и ориентировке; б) на движение дивизии.	
18.15		Рассылка приказа.			
19.00		Получение приказа исполнителями.			

Примечание. 4-й офицер возвращается с разведки маршрутов к 15 часам.

Он наблюдает за погрузкой пехотных батальонов, затем принимает участие с комдивом в разведке.

5-й офицер работает специально в 3-м бюро.

Один из офицеров находится на разведке на р. Маас.

ны быть приложены указания о скорости движения каждой части.

Таблица марша разрабатывается и вручается заинтересованным исполнителям лишь в том случае, если графиком пользуется лишь штаб; если же график предназначается равным образом и для исполнителей, таблица марша в этом случае не разрабатывается, так как график полностью покрывает и содержание таблицы.

Ниже приводим таблицу марша, отражающую собой вышеприведенный нами график движения 7-й пех. дивизии.

8. Применение команды по провешиванию и ориентировке

Тотчас после составления графика команда по провешиванию и ориентировке приступает к выполнению следующего.

В первую очередь выставляются посты:

на M_1 у 22,2-й версты, 17-й версты, 14,5-й версты, 12,5-й версты, 4,2-й версты, у Фюрно и Дэнэ;

на M_2 — у Фрэр, Флорен (у церкви), Флавион (в центре), Фуай (на станции), у перекрестка Эгий и О-ле-Вастиа; командиры взводов команды по провешиванию после разработки графиков вызываются в 1-е бюро штадива, в котором получают подробные данные, относящиеся к организации марша.

Обычно перечисленные офицеры получат следующие документы: графики, приказ на движение дивизии, таблицу марша, схему связи на марше.

Особое внимание команды в данной обстановке будет обращено на перекрестки дорог у 22,2-й версты (маршрут 1-й) и у Флорен (маршрут 2-й).

Командир дивизии и начальник штаба, не оставляя штаба дивизии, хотят однако быть всецело в курсе движения колонн, с тем чтобы в случае надобности быстро принимать те или иные решения; удаленное расположение штаба дивизии (Валькур) этому требованию не отвечает, вследствие чего командование решает выбросить на станцию Ганзенель (20,5-я верста, что на дороге из Фрэр в Ривьеру) пункт по сбору донесений.

Составленный из 2 офицеров штаба дивизии и необходимого числа телефонистов, он будет поддерживать связь (по государственной сети) с Валькур (штаб дивизии), Флорен (станция), Сэн-Лямберг, Фрэр (станции), Фуай (станция), полустанками Варнан и Бьестерэ, станциями Маредре, Биуль и Дэнэ.

Указанные офицеры должны постоянно знать о всем происходящем на обоих маршрутах; сведения об этом они получат от офицеров и унтерофицеров команды по провешиванию и ориентировке.

В общем обязанности пункта по сбору донесений сведутся к двум основным требованиям:

а) следуя за движением колонн, ежечасно информировать обо всем штаб дивизии;

б) в случае каких-либо происшествий во время марша принимать все зависящие меры к устранению препятствий, задерживающих форсированный марш дивизии к р. Маас.

Офицеры из **пункта по сбору донесений** действуют на правах делегатов от командира дивизии, отдавая от имени последнего необходимые указания начальникам команд.

IV. ПРОИСШЕСТВИЯ НА МАРШЕ

а) К 22 час. 45 мин. «пункту по сбору донесений» стало известно, что в 22 часа 30 мин. авиацией противника (сброшенными бомбами) разрушены: 1) на 1-м маршруте — участок дороги между 17-й и 15-й верстой (дорога Фрэр—Ривьера), 2) район Розэ и 3) район С.-Жерар.

б) Распоряжения начальника пункта по сбору донесений:

1) остановить 4-й эшелон (инженерный и пулеметный батальоны) головой у 18,2-й версты;

2) остановить конный боевой обоз головой у станции Ганзенель;

3) остановить боевой автомобильный обоз по возможности при выходе из Флорен (дорога Флорен—Меттэ).

В результате происшедшего разрушения дороги перечисленные части, а также моторизованная артиллерия, штадив и др. должны будут обойти разрушенный участок, поскольку их маршрут включал этот участок, а именно:

1. 4-й эшелон, включающий пулеметный и инженерный батальоны, дойдя по 1-му маршруту до 18,2-й версты, свора-

чивает на дорогу Орэ—Меттэ — 12,5-я верста, где он (эшелон), пересекая M_1, должен быть не позже чем через 1 час 30 мин. с момента поворота с M_1; дальнейшее движение этого эшелона будет производиться по $3'_1$ и 3_1; P_4 эшелон должен пройти от 2 часов до 2 час. 30 мин.

2. Боевой обоз применит тот же вариант, следуя сзади 4-го эшелона. M_1 он должен будет пересечь между 1 час. 30 мин. и 2 часами; дальнейшее его движение по дороге Фюрно—Бьестерэ — Эрметон (между 2 часами и 2 час. 30 мин.) — Маредре—Маредсу.

3. Боевой автомобильный обоз, двигаясь по M_2, при выходе из Флорена сворачивает на M_1 и возвращается затем через Став и P_3 на M_2 у Корен, куда он должен прибыть к 0 час. 20 мин. Здесь он ожидает 15 минут, чтобы пропустить 27-й пех. полк, после чего продолжает движение по M_2 на Флавион; из Флавиона по P_4 и через Эрментон он прибывает в пункт своего назначения — Дэнэ — к 1 час. 50 мин.

4. Моторизованная артиллерия двигается по M_1 до Маральмэ, затем по P_1 выходит на M_2, по которому следует до Флавион, чтобы по P_4 вновь выйти на M_1 у 9-й версты.

Она (артиллерия) должна пройти через Ланэф к 0 час. 40 мин., через Моральмэ — 1 час. 10 мин., через Флорен — к 1 час. 30 мин., через Флавион — к 2 час. 30 мин. и выйти на M_1 у 9-й версты к 3 час. 20 мин.

5. Штаб дивизии и рота связи смогут использовать две дороги, а именно:

а) выступив из Валькур в 0 часов и следуя по M_2 до Флавион, повернув затем на P_4, они выходят на M_1 у 9-й версты к 3 час. 10 мин.; перекресток дорог к западу от Дэнэ они должны пройти к 3 часам, ожидая при необходимости прохода 4-го эшелона, или

б) оставляя Валькур в 23 часа 50 мин., следуют по M_1, придерживаясь тех же дорог, что и моторизованная артиллерия, и увязывая с последней свое движение;

в) должны будут также изменить свое движение штаб I и IV/7 а. п. (в связи с изменением движения моторизованной артиллерии), используя 3_2 2-го маршрута и учитывая, что подход к Корен должен быть к 3 часам;

г) указания всем перечисленным частям об изменении направлений движения согласно новому графику в связи с происшедшим инцидентом доставляются:

1) для конного боевого обоза и частей 4-го эшелона — на мотоцикле (из «пункта по сбору донесений»);

2) для боевого автомобильного обоза, I и IV/7 а. п. — по телефону через офицера 2-й секции «команды по ориентировке и провешиванию», оставленного у 34,8-й версты (на P_2);

3) для штаба дивизии и роты связи — по телефону и

4) для моторизованной артиллерии — по телефону (из штадива).

Кроме I и IV/7 а. п. и конного боевого обоза все части прибудут в указанные для них районы своевременно.

I и IV/7 а. п. прибудут к 5 часам в Фуай и конный боевой обоз к тому же времени в Эрметон; это потребует от них по достижении этих пунктов форсированного движения с целью быстрейшего прибытия в конечные пункты.

Перевел **П. Калиновский.**

Управление войсками в современных условиях

(С немецкого)

Neuzeitige Führung „Militär Wochenblatt“ № 17 и 18, 1932

Рассматривая вопросы организации управления войсковыми соединениями в масштабе полк — корпус, автор отмечает вредную тенденцию разбухания штабов и технических средств связи в ущерб боевому составу частей, а также злоупотребления советами специалистов, указывая на то, что сам командир в известных пределах должен владеть техникой для отдачи необходимых распоряжений.

Разбирая вопросы, связанные с управлением войсками, нужно точно условиться, о каком именно командовании говорится: о высшем, среднем или низшем. Кроме того необходимо иметь ясное представление о характере той армии, о которой идет речь: комплектуемой по вольному найму, построенной на основе обязательной воинской повинности или добровольческой армии. Необходимо точно установить эти моменты потому, что методы управления войсками находятся в существенной зависимости не только от особенностей средств передачи распоряжений, но и от количества и состава войск.

Приводимые ниже соображения построены применительно к войсковым соединениям масштаба полк — корпус типовой организации и среднего качества боевой подготовки. Но мы должны оговориться, что качество управления войсками далеко не в такой мере зависит от величины и степени боевой подготовки войсковых соединений или частей, как это иногда кажется, хотя без сомнения в чисто военном отношении это различие существует.

Управление войсками прежде всего должно соответствовать современной обстановке. Современные условия в двух словах могут быть охарактеризованы так: **развитие техники и специализация.**

Так наряду с посыльными, ординарцами, конем, голубями, телефоном и самокатчиками появились собаки, мотоциклы, автомобили, самолеты, буквопечатающие телеграфные аппараты, стереотрубы, оптические средства связи, пишущие и шифровальные машинки. Упростилось, облегчилось и улучшилось ли от этого управление войсками? Ставить так прямо вопрос конечно нельзя. Было бы неразумно отказываться от технических усовершенствований и от специализации. И то и другое нужно всемерно использовать, но ни в коем случае нельзя становиться их рабом, между тем такая опасность существует.

Во время мировой войны приходилось наблюдать ненормально **разбухшие штабы.** И теперь еще управленческий аппарат отнимает много сил и средств, что сокращает непосредственную боевую силу.

Общая численность войск всегда ограничена, поэтому увеличение одних элементов неминуемо приводит к сокращению других.

Обеспечение командования богатыми техническими средствами управления и связи несомненно облегчает и улучшает управление войсками и тем самым косвенно повышает их боевую силу, поскольку хорошее управление является обязательной предпосылкой правильного использования боевой силы. Но должен быть установлен какой-то предел, за которым качество управления падает и когда целесообразнее покупать пулеметы, орудия, снаряды и патроны, вместо того чтобы тратить средства на приобретение телефонов, автомобилей, собак, радиостанций, фотографических аппаратов, пишущих машинок, мигалок и т. п.

Быть может исход битвы на Марне был бы иным, если бы германская армия была обеспечена большим количеством и более совершенными техническими средствами связи. Но если бы на это были истрачены миллионы, в той степени, в какой техника того времени была бы в состоянии обеспечить эти технические средства связи, то германская армия пожалуй не имела бы например

полевой тяжелой артиллерии и может быть вовсе не дошла бы до Марны.

Но дело не в этом. Посмотрим например, действительно ли для управления тремя унитарными отделениями требуются один командир взвода и четыре связных или сигналиста? Не является ли это искусственным и несерьезным? Разве многие моменты в действиях взвода не являются сами по себе понятными и без того, чтобы обязательно отдавать распоряжения или доносить? Нельзя ли ограничиться во многих случаях простейшими условными знаками и личным управлением, также примером командира взвода, и тем избежать напрасной посылки взад и вперед связных под огнем противника?

Не слишком ли велик по отношению к численности бойцов состав взвода управления роты, батальонного и полкового штабов и специальных подразделений в пехотных частях? В других родах войск и в высших штабах положение аналогичное. Конечно бывают случаи, когда все предусмотренные штатами связные, ординарцы, собаки, голуби, мигалки, радиостанции, разведчики, наблюдатели по службе ПВО и ПХО, самокатчики, мотоциклисты и т. п. могут оказаться полезными. Но где тарантия, что благодаря этим многочисленным специалистам не будет ослаблена основная боевая сила и не превратится ли она в жалкие остатки, в результате чего станет ненужной вся эта громадная и дорого стоящая надстройка?

Осенью 1918 г. германская армия имела высокие технические средства управления, и только на одном западном фронте численность ее превышала 3 млн. едоков и 1 млн. лошадей; она имела десятки тысяч пулеметов, орудий, повозок, автомобилей, тысячи самолетов, громадные запасы огнеприпасов, десятки тысяч километров провода, тысячи радиостанций и оптических станций, имелось много хороших грунтовых и железных дорог, но действительная боевая численность в пределах указанных 3 млн. едоков далеко не соответствовала высоким возможностям управления, вооружения и снабжения армии.

Например в 1918 г. командование располагало отличной телефонной сетью связи на очень дальние расстояния, отдельными сетями связи, предназначенными для различных нужд, и сверх того специальными проводами ограниченного пользования и т. д. Но с одной стороны телефоном безусловно злоупотребляли, используя его не только для излишних служебных переговоров, но и для частных, а с другой — некоторые провода вовсе бездействовали. Между тем телефонная служба отнимала очень много личного состава и материальных средств.

* * *

Каков же конкретно должен быть характер управления войсками в современных условиях боевой обстановки?

1. Аппарат управления и боевая сила

Прежде всего нужно установить правильное соотношение между численностью управленческого аппарата и боевой силой и неуклонно сохранять это отношение во все время войны, тем более что всегда будет иметь место тенденция нарушить это равновесие под влиянием всякого рода деловых, а подчас и несерьезных соображений.

Практически не так легко конечно установить правильное соотношение между численностью управленческих аппаратов и различными родами войск и дать армии четкую организацию. Если поручить это дело специалистам, то в очень редких случаях они сумеют договориться до необходимого компромисса. Квалифицированные специалисты естественно отстаивают свои интересы и всегда страдают известной односторонностью. Поэтому подобные вопросы должны разрабатываться общевойсковым командованием и генеральным штабом. Но и тут существует двоякая опасность. Во-первых нередко высшие начальники и штабные работники не в состоянии отделаться от традиций того рода войск, в котором они начали свою служебную карьеру. Поэтому на многие вещи они смотрят с точки зрения пехотинца, артиллериста и т. д., иными словами они сами оказываются в роли односторонних специалистов. Кроме того они слишком легко относятся к разбуханию своего управленческого аппарата и даже требуют его увеличения, так как, являясь своего рода «управленческими специалистами», они заинтересованы в более мощном аппарате управления, считая, что именно этим способом они

облегчат себе задачу управления войсками. Однако наоборот это нередко приводит как раз к обратным результатам: во-первых потому, что разбухание управленческого аппарата влечет неминуемое сокращение той самой боевой силы, которой начальники распоряжаются, а во-вторых громоздкий аппарат управления замедляет, осложняет, утяжеляет и уменьшает гибкость методов управления войсками.

2. Личное руководство

В эпоху Фридриха Великого и Наполеона командиры и генералы управляли войсками преимущественно личным приказом и примером: ад'ютанты большей частью только «галопировали», генеральный штаб был только в зародыше, специалистов вовсе не было.

Теперь роль ад'ютантов гораздо влиятельнее. Нельзя себе представить генерала без офицера генерального штаба. Обыкновенно при высоком начальнике состоят начальник штаба, затем офицеры генерального штаба, ведающие оперативными и разведывательными вопросами (1а, 1в [1] и т. д.) и один или несколько ад'ютантов и, кроме того большое количество всякого рода «отделений». В низших штабах помимо ад'ютанта имеются офицеры для поручений. В высших штабах предусмотрены генералы или штаб-офицеры отдельных родов войск, притом конечно тоже с офицерами генерального штаба, ад'ютантами и офицерами для особых поручений; иногда при них состоят даже целые штабы. К этому следует добавить наличие во всех штабах начальника связи с весьма значительным персоналом, притом в крупных штабах начальник связи назначается обыкновенно из штаб-офицеров и тогда при нем обязательно имеется ад'ютант и пр. Остальные отделения штаба также стремятся иметь одного или даже нескольких офицеров-ординарцев. Затем нужны писари, чертежники, квартирьеры, лошади, коноводы, автомобили, шоферы, телефонисты и радисты. Все вместе взятое дает такой внушительный состав, что нужно еще иметь комендантов, продовольственных офицеров, караульные команды, фельдфебелей, счетоводов, походные кухни, поваров, всякого рода мастеровых и т. д. Ко всему этому необходимо добавить еще ординарцев для связи с соседями, с вышестоящими и подчиненными соединениями. Всего не перечислить.

Процесс разбухания управленческих аппаратов не закончился и в послевоенный период. Для увеличения штабов всегда найдутся вполне обоснованные доводы. Но отрицательные последствия разбухания управленческого аппарата заставляют задуматься, все ли в этом отношении благополучно. Некоторые штабы возросли до численности роты и даже батальона, а то и больше. Правда затем штабы были несколько подсокращены, но все же опасность всегда возможного их разбухания в корне не пресечена, поскольку это зависит от целого ряда серьезных, а подчас и нездоровых причин и тенденций.

К серьезным причинам увеличения численности штабов следует отнести присущие нашему времени развитие техники и специализацию. Частично это имеет за собою основание, но вполне понятно с общечеловеческой точки зрения, что наряду с этим играют роль и побочные соображения.

Выше мы уже отметили то влияние, которое оказывает разбухание штабов на сокращение боевого состава армии. Следующий отрицательный момент — это все большее и большее **смазывание личной руководящей роли начальника.**

В современных условиях командование безусловно не в состоянии работать совершенно без консультантов. Высшее командование должно иметь офицеров генерального штаба, а на более низких степенях нужны ад'ютанты. Кроме того немыслимо совершенно обойтись без консультантов и помощников из специалистов.

Но часто выходит, что начальник только принимает решения, а сам лично не приказывает. Для высшего командования, и то далеко не всегда, это еще пожалуй допустимо, но совершенно непонятно, почему именно начальники штабов, прочие молодые офицеры генерального штаба и ординарцы должны подменять командира дивизии или корпуса. Еще менее понятно, почему командиры полков, батальонов и дивизионов возлагают как правило отдачу прика-

[1] Сокращенное обозначение. — Ред.

заний или передачу их по телефону на ад'ютантов начальников связи или офицеров-ординарцев. Почему бы самому командиру не взять в руки карандаш или телефонную трубку? Этот способ быстрее, надежнее и гарантирует от ошибок. Бывает и так, что ад'ютанты тоже сами не пишут, а используют для этой цели писарей, чертежников и пишущие машинки, даже на поле боя. Они диктуют, приказывают писать и составлять схемы.

Подобная система приводит к **бюрократизации и обездушиванию управления войсками и весьма пагубному оттеснению на задний план личности начальника.**

Между тем каждый начальник обязан **работать лично** и, невзирая на современную специализацию, **обладать личными познаниями.** Конечно это не означает, что командир полка обязан в точности знать все малейшие детали миномета или пулемета. При условии, что начальник работает самостоятельно и обладает знаниями во всех областях военного дела, управление войсками будет выполняться значительно лучше, будут устранены излишняя писанина и многие нежелательные и незаконные пути в обход личности начальника.

Нерешительность начальника приводила в былые времена к созданию хорошо известных из военной истории «кригсратов» (военных советов). В настоящее время такие «кригсраты» не существуют. Но всякими обходными путями, например использованием права внесения предложения, нечто подобное «кригсратам» восстанавливается.

Нельзя себе представить, чтобы хороший начальник стал отдавать приказание, не продумав предварительно, выполнимо ли оно. Если нужно, он и без того опросит предварительно своих советчиков и подчиненных. Современная специализация более чем когда-либо обязывает к этому начальника. Но недопустимо например, чтобы командир батальона имел право отдавать приказание своим пулеметам только после выслушивания доклада командира пулеметной роты.

Конечно командир батальона его выслушает, если найдет это нужным, но все же он обязан сам знать, как использовать свои пулеметы.

Сказанное в одинаковой степени относится и к командиру полка в части полковых минометов и ко всем вообще общевойсковым командирам в части использования артиллерии и частей (подразделений) прочих родов войск. Чем более специальный характер носит приданное оружие, чем меньший масштаб общевойскового соединения и чем детальнее поэтому должно быть приказание, тем нужнее и ответственнее должен быть доклад (предложение) соответствующего командира-специалиста. Но тот общевойсковой начальник, который в самой обыкновенной обстановке чувствует свою зависимость от такого рода предложений специалистов, должен быть признан несоответствующим своему назначению.

Право и обязанность вносить предложения являются характерным следствием своевременной специализации. Однако злоупотребление этим правом наносит вред престижу начальника и пагубно отражается на управлении войсками, кроме того оно граничит с «кригсратом». Лучшую гарантию против подобных явлений **дает личное руководство начальника войсками.**

3. Основные соображения о содержании распоряжений

Довоенный полевой устав германской армии гласил: «Приказ должен содержать все то, **но и только то,** что необходимо знать подчиненному для выполнения этого приказа».

Подробные, с теоретической точки зрения отлично изложенные приказы, против которых не в состоянии возразить даже самые строгие критики, приказы, которые во всех подробностях предусматривают не только то, что может быть интересным для подчиненных, но и то, что без того известно, на практике большей частью оказываются неправильными или по крайней мере мало соответствующими условиям боевой обстановки.

Перегрузка приказа излишними подробностями затемняет в нем самое существенное. Изготовление, передача и чтение пространных и исчерпывающих приказов отнимают слишком много времени и человеческих сил, требуют много бумаги, пишущих машинок или печатных станков. Все это отражается на

быстроте действий и ставит под угрозу элемент внезапности.

Кроме того необходимо помнить, что начальник должен базироваться главным образом не на беспрекословном повиновении своих подчиненных, а на **способности понимания ими** своего начальника. Если подчиненные не понимают ясных и очень кратких приказов, быть может имеющих даже некоторые пропуски, то они не лучше разберутся и в пространных приказах, загруженных излишними деталями.

Самая важная часть приказа — это **задача**, притом четко и кратко сформулированная. Именно задача, а не способ ее выполнения. Сформулировать как следует задачу — дело нелегкое. Ставя задачу, невольно как-то себя заранее связываешь, а на войне все полно неизвестности: все опасаешься попасть в неприятное положение, если события развернутся не так, как это ранее намечалось. Часто стараются избежать четкой постановки задачи, указывая подробно способ выполнения, давая указания на все возможные случаи, излагая всякого рода соображения и обоснования. В результате получается какая-то половинчатость и своего рода роман вместо приказа.

Однако ставить в столь резкой форме вопрос о вреде помещения в приказ некоторых предположений, соображений, указаний, как действовать в различных случаях обстановки и т. п., конечно было бы неправильно. Во время войны, да и в практике мирного времени, иногда приходилось прибегать к более подробным приказаниям и притом небезуспешно. И в будущем не исключена такая необходимость.

Например если в пункте приказа, трактующем о противнике, ограничиться только голым изложением имеющихся сведений о противнике, то это скорее даже вредно. Начальник обязан пояснить в этом пункте приказа, как он сам оценивает эти сведения, не боясь, что быть может в будущем эта оценка окажется не совсем верной. Если начальник этого не сделает, то он заронит чувство неуверенности в душу своего подчиненного, в то время как обязанность всякого начальника бороться с этим чувством. При соответствующем воспитании командного состава ни один начальник, если он допустит вполне законные ошибки, не вправе бояться потерять свой авторитет в глазах подчиненных. Если начальник дает в приказ свою собственную оценку обстановки и обосновывает свои предположения, то он тем самым внушает свою идею подчиненным. Подчиненный после этого будет в состоянии действовать именно в духе указаний своего начальника и понять, что именно от него требуется, для того чтобы действовать в духе полученной задачи.

При современном развитии техники и специализации единство понимания значительно важнее и надежнее, для того чтобы действовать в духе полученной задачи, чем краткий и мертвый боевой приказ. С этой точки зрения следует считать несколько устаревшим взгляд, что ни в коем случае нельзя помещать в приказе соображения, которыми руководствовался начальник, отдавая приказ и принимая то или иное решение. В одинаковой мере это относится и к указаниям начальника о том, как следует действовать в различных случаях. При известной обстановке подобных указаний иногда никак нельзя избежать.

Телефон, буквопечатающие телеграфные аппараты, автомобили и прочие современные средства связи весьма облегчают передачу таких более полных указаний.

На первый взгляд кажется сомнительным, стоит ли отклоняться от ранее принятых, вполне ясных и основных указаний по составлению приказов. И теперь несомненно во многих случаях нужно стремиться к краткости командного языка, избегать пространных обоснований и изложения излишних соображений и указаний. В мелких войсковых подразделениях в условиях несложной тактической обстановки и при надежной связи необходимо как можно ближе придерживаться прежних основных указаний о составлении приказов. Но в иных более сложных условиях обстановки это было бы нерациональным.

Чем больше уверенности в том, что подчиненный проникся идеей своего начальника, тем короче может быть приказ, тем меньше должно быть в нем указаний о способе выполнения поставленной задачи и прочих деталей. Но избежать таких указаний теперь уже не всегда возможно под влиянием современ-

ных, более сложных условий обстановки.

Дать верный для всех случаев обстановки рецепт конечно нельзя. Будешь слишком много и пространно приказывать — тебя законно обвинят в болтовне. Будешь отдавать слишком скупо приказания — не обеспечишь единства действий и заслужишь упрек в недостаточно жестком управлении. Лучшим указанием, как нужно приказывать в отдельных случаях (а на войне только и бывают «отдельные» случаи), будет ссылка на приведенные уже выше слова старого полевого устава: «Приказ должен содержать все то, но и только то, что необходимо знать подчиненному... » и т. д.

4. Формы и характер приказов

Разберем вопрос, какие нужно отдавать приказы: письменные или устные; предварительные, отдельные или общие?

Этот вопрос как будто уже считается разрешенным: предпочтительно отдавать устные, отдельные распоряжения. Однако стоит несколько подробнее остановиться на этом вопросе.

Отдавать ли устные или письменные приказы? Чего ждут прежде всего от приказа?

Приказ во-первых должен быть ясным и не допускающим возможности неправильного его толкования. Во-вторых нужно приказывать просто, быстро, избегая тяжеловесных, полных вежливости выражений и многоречивости; нужно, чтобы чувствовалась личность начальника, что будет содействовать устранению бюрократического и анонимного характера управления войсками.

Первому требованию удовлетворяет письменный приказ, а второму — устный. В период позиционной войны второе требование как-то стушевывалось: писалось слишком много, управление становилось тяжеловесным, на отдачу приказов уходило большое количество времени. Война окончилась, но привычки еще сохранились. Поэтому в течение еще некоторого периода предпочтительно установить по крайней мере для соединений небольшого масштаба, от полка и ниже, устный порядок отдачи приказаний, допуская записывание лишь кратко сформулированной задачи и важнейших сроков.

Перейдем к вопросу о предварительных, отдельных и общих приказах. О полезности и необходимости предварительных приказов двух мнений быть не может. Но нужно иметь в виду, что нередко предварительные приказы бывают настолько краткими и бессодержательными, что из них трудно почерпнуть что-либо, или наоборот они излагаются настолько пространно, что делают излишним отдачу последующих общих приказов. В первом случае составление так называемого приказа или краткой выдержки из общего приказа только понапрасну загружает аппарат управления, впустую его изматывания; во втором случае предварительный приказ представляет собою нечто вроде отдельных распоряжений, которые по существу могут отдаваться лишь после принятия решения. Но окончательное решение может быть принято после тщательного изучения важнейших деталей тактической обстановки. Помимо этого нередко общий приказ или отдельные распоряжения могут быть настолько быстро изготовлены, что надобность в предварительном приказе сама по себе отпадает.

Раньше обязательно требовалось вслед за предварительным приказом отдавать общий приказ. Если же предварительный приказ был слишком краток, то в промежутке между ним и отдачей общего приказа предусматривалась еще возможность отдачи отдельных распоряжений. Что касается общего приказа, то для начальника, отдающего приказ, а при теоретических занятиях и для тех лиц, которым необходимо выполнять несколько задач, этот общий приказ является наиболее удобной формой. Но что касается большинства исполнителей, то общий приказ не отвечает требованию «приказывать все то, но и только то...» и т. д., о чем в статье неоднократно уже упоминалось. Таким образом для исполнителей общий приказ далеко не всегда является лучшей формой, а между тем нужно делать ставку прежде всего именно на исполнителя.

В известных случаях на составление общего приказа и передачу его сразу всем исполнителям потребуется меньше времени, чем для нескольких предварительных и отдельных распоряжений. Но часто дело идет не о всех исполнителях, а о том, чтобы некоторые из них как

можно скорее получили хоть какие-нибудь указания, остальные же могут без всякого ущерба подождать. В таких случаях предпочтительнее отдавать отдельные распоряжения, хотя это и отнимет больше времени у начальника, отдающего приказ.

В конечном итоге можно притти к следующим основным выводам.

Общие приказы не годятся, если они повторяют предварительные распоряжения или носят исключительно характер документов для истории. В прочих случаях общие приказы следует признать целесообразными, но все же желательно свести случаи их отдачи до минимума.

Предварительные приказы полезны и даже необходимы, но лишь при том условии, что их содержание дает исполнителям хоть какой-нибудь материал для будущих действий.

Отдельные распоряжения обыкновенно являются как для начальника, отдающего приказ, так и для исполнителей самой ясной и лучшей формой приказа, хотя они далеко не всегда могут быть быстро получены исполнителями и часто отнимают много времени у начальника, отдающего приказ.

5. Средства управления войсками и место начальника

Понятно, что современное развитие техники выдвинуло на первый план технические средства связи. Преимущество их очевидно: ускорение передачи, быстрота преодоления пространства, большая свобода выбора начальником своего местрасположения.

Однако во время войны, как это ни странно, приходилось констатировать, что благодаря частой порче технических средств связи и под влиянием иных причин конные ординарцы и пешие посыльные зачастую оказывались наиболее быстрым и надежным средством связи. Кроме того начальники нередко имели возможность лично наблюдать и распоряжаться, выдвигаясь далеко вперед, конечно при том условии, что их штабы имели небольшой состав и располагались так, как этого требует боевая обстановка.

И теперь и в ближайшем будущем это положение не изменится. Понятно в короткие периоды напряженного боя передвижение на поле боя на дистанциях в 1 000—2 000 м от противника будет сопряжено с большой опасностью, но в перерывы боя, пока противник не подтянет и не пополнит израсходованные огнеприпасы, будет значительно спокойнее; благодаря большой растянутости современных фронтов, особенно в обстановке маневренной войны, только отдельные, сравнительно небольшие, участки будут подвержены большой опасности. Поэтому личное руководство боем со стороны начальника и выдвижение далеко вперед как его самого, так и ординарцев пешком, на коне и автомобиле всегда будут иметь место.

Этот факт имеет чрезвычайное значение например для момента начала атаки, поскольку всякий начальник естественно захочет на основании своих личных наблюдений в бою установить время подтягивания резервов, артиллерии и т. п. Или взять хотя бы затяжной бой: ни один начальник не согласится назначить момент отхода на ответственнейщем участке в зависимости от чьеголибо другого решения. Опыт боев весной 1918 г. например со всей очевидностью доказывает, что чем дальше начальник выдвигался вперед, тем более энергичный характер носило управление войсками и тем больше были одерживаемы ими успехи. Корпус, командир которого ген. ф. Беррер был убит осенью 1917 г. на итальянском театре войны, находясь при головных пехотных частях, или дивизия, командир которой принц Бухау в конце 1918 г. был убит гранатой, когда он выехал верхом далеко вперед, являлись именно теми войсковыми соединениями, которые одерживали блестящие успехи в боях и руководство войсками в которых стояло на очень высокой ступени.

Хорошо развитая сеть технических средств связи, автомобиль и самолет в значительной степени облегчают начальнику возможность в напряженные моменты боя находиться на решительном участке, в большинстве случаев далеко впереди, и оттуда лично управлять войсками. Совершенно не требуется, чтобы начальник пребывал в географическом центре района действий своих войск, он должен находиться в центральном пункте боя. Начальник в современном бою способен часто менять место своего рас-

положения, и всегда его можно будет найти.

Случается и так, что некоторые начальники слишком связывают себя и своих подчиненных технической связью. Но это уже нужно отнести к неправильному применению средств, а не к самым средствам; отказываться же от них благодаря неумелому их применению — то же самое, что «выплескивать ребенка из ванны вместе с водой».

Неправильно также восполнять слабость действий или нехватку некоторых технических средств путем обеспечения всех штабов самыми различными средствами связи, чтобы предоставить им возможность всегда иметь в своем распоряжении разнообразную связь. Это связано с раздуванием численности штабов до громадных размеров, что имеет свои отрицательные стороны и едва ли может считаться целесообразным. Командование не вправе требовать для себя всего того, что желательно иметь и что может оказаться полезным с точки зрения техники управления, хотя и имелась бы для этого некоторая возможность. Наоборот начальники должны довольствоваться тем, что фактически может быть им предоставлено.

Поэтому какими средствами следует обеспечить тот или иной штаб, а каких не давать, далеко не является узко техническим вопросом и совершенно не зависит от благосклонного или сдержанного отношения к средствам техники. Было бы опрометчиво высказывать сейчас конкретные соображения, тем более что целый ряд технических средств находится еще в стадии испытаний и принадлежит, так сказать, к области будущего их применения.

6. Управление войсками и тактика

Развитие техники и специализация оказали влияние на эволюцию тактики в том смысле, что первенствующую роль начинают играть огневые припасы. С другой стороны приходится наблюдать значительное разнообразие вооружения и снаряжения.

Отсюда вытекает, что в вопросе управления войсками как при разработке всякого рода тактических соображений, так и в смысле отдачи приказов подвоз начинает играть все более значительную роль по сравнению с тем, что было до войны. Командование не вправе уже больше считать, что «трудности подвоза не должны оказывать влияния на энергичное управление войсками». Наоборот **командование находится в большой зависимости от возможностей подвоза, в особенности это относится к высшему командованию.** Но и все остальные начальники, до командиров пулеметных подразделений включительно, во всех своих расчетах и предположениях должны уделять вопросам подвоза гораздо больше внимания, чем раньше.

Следующий момент эволюции тактики, выражающийся **в чередовании ударных периодов и периодов передышки,** также должен соответственно отразиться на системе отдачи распоряжений. В период перерывов и передышек ведут подготовку, ориентируют, доносят. Но такие распоряжения, как назначение точного времени для начала атаки или отхода, отмена атаки перед самым ее началом, открытие огня при обороне и т. п., нужно по возможности оттягивать подальше. Все это существенно облегчается такими средствами, как автомобиль, самолет и технические средства связи. В то же время этим облегчаются сосредоточение сил и осуществление внезапности. Кроме того становится вполне возможным осуществлять жесткое руководство действиями своих подчиненных и на очень значительных расстояниях.

Но каждая медаль имеет свою обратную сторону: возникает опасность, что при таком методе командование будет слишком долго медлить с принятием окончательного решения. Воспитанию командира в духе выдержки и принятия смелого решения даже при невыясненной обстановке может быть причинен ущерб, если имеется полная возможность дополнять приказы или вновь запрашивать дополнительные сведения от всех инстанций. Такие моменты обязательно необходимо учитывать при подготовке командиров.

Перевел **А. Герберт.**

VI. Проблемы современного вооружения

Г. Герлих

Балистическая мощность огнестрельного оружия

Достигнуто большое увеличение начальной скорости

The ballistic Efficiency of Guns. A great increase of velocity has been attained. „Army Ordnance" № 76, January—February 1931.

От редакции

Помещаемая ниже статья немецкого изобретателя новой винтовки с коническим стволом и пули «Хальгер-ультра» Г. Герлиха, напечатанная в американском журнале «Арми Орднанс», составляет продолжение его статей в том же журнале[1] и в ряде немецких журналов, обзор которых был дан во 2-м и 7-м выпусках «Военного зарубежника».

Статья Герлиха об опытных стрельбах из его винтовки представляет несколько особый интерес, поскольку его **опыты выходят из пределов отдельных усовершенствований в огнестрельном оружии, но касаются новых принципов, на которых основывается его мощность. В зарубежной военной литературе** (в некоторых немецких, польских, английских и американских военных журналах) определенно выражается **мнение**, что **опыты стрельбы Герлиха** по броневым плитам уже **подтвердили** до **известной** степени **его предложения** относительно возможности пробивания этих плит даже из ручного огнестрельного оружия; если же Герлиху удастся осуществить все его предположения о дальнейшем усилении бронебойной способности его пули, то это **обещает начало новой эры в балистике,** а затем и существенные **изменения в танкостроении,** поскольку те же предположения окажутся осуществимыми в массовом производстве новых типов огнестрельного оружия.

В предлагаемой статье Герлих сообщает некоторые новые данные о своих достижениях и вместе с тем дает ответ известному немецкому знатоку балистики (ныне престарелому), артиллеристу, генералу Роне, который весьма скептически взглянул на изобретение Герлиха и даже отнес его попросту к категории более или менее негодных предложений. Герлих отвечает, что подтвердившиеся факты сильнее вычислений, тем более что Роне допустил в них непростительную ошибку.

Опытная стрельба Герлиха в САСШ на Абердинском полигоне, как видно, дала снова положительные результаты.

По крайней мере редакция «Арми Орднанс», т. е. журнала ассоциации лиц, работающих в области материального снабжения артиллерии, не только сочла возможным сообщить об этом в особом заявлении «От редакции» в начале статьи Герлиха, но поместила в том же выпуске журнала особую заметку «О достижениях доктора Герлиха», в которой говорится следующее:

«Арми Орднанс» имел единственную в своем роде честь опубликовать в этом номере последние результаты замечательных достижений доктора Герлиха в области развития ручного оружия высокой мощности. Наше удовольствие усиливается тем фактом, что несколько лет тому назад, когда скептически настроенные люди в разных странах отнеслись с подозрением к заявкам Герлиха, наш журнал оказался одним из немногих, который помог довести до всеобщего сведения возможности его ультравинтовки и пули. Наглядные изображения, приложенные к статье, дают с нашей неофициальной точки зрения полную возможность распознать как общий смысл этих возможностей, так и достигнутые результаты. **Наконец мы имеем доказательство** начала того, что можно считать **революционизирующим изменением в способах ведения войны.** Дальнейшие известия будут ожидаться с самым большим интересом, а пока сторонники доктрины, устанавливающей, что никакая новая сила не останется без встречного противодействия, будут смотреть с надеждой на уже достигнутые результаты. Воздействие повышенной начальной скорости и достигаемое таким способом пробивание брони могут **изменить наше представление о бое.** А если танк уже достиг всего, что хотят иметь в нем энтузиасты танкового дела, то на горизонте появляется по крайней мере новая форма противодействия. Поскольку вес является всегда главным фактором, а потому и ограничивающим моментом в защите, создаваемой броневой плитой, конструкторы танков и те, которые ими пользуются, ясно поймут, что увеличение начальной скорости пули в руках пехотинца может ослабить как грозный «лай», так и «укусы» их излюбленного оружия».

Следует еще упомянуть, что в том же номере «Арми Орднанс» помещена статья начальника штаба армии САСШ, генерала Дугла-

[1] № 60, май—июнь 1930 г.; № 68, сентябрь—октябрь 1931 г.

Мак-Артура, с извлечением из его отчета военному министру о состоянии механизации армии, в которой также упоминается об изобретении Герлиха как о факторе, усложняющем танковую проблему. «Недавно, — пишет генерал Мак-Артур, — была изобретена пуля с очень большой начальной скоростью (5 800 фут. или 1 760 м/сек.), которая обещает способность пробивать по желанию каждую броню, которой снабжаются ныне танки и другие боевые повозки. Если это изобретение окажется пригодным для всех типов малого (пехотного) оружия, то конструкция танков, а быть может даже и вся теория механизации подвергнутся по необходимости революционным изменениям».

Таким образом американские отзывы предвещают изобретению Герлиха очень широкую будущность, но не следует упускать из виду, что до сего времени успешные результаты пробивания брони достигаются против неподвижных плит и притом с очень небольшого расстояния (до 60 м). Остается неопровергнутым сомнение Роне о действительности огня из винтовки Герлиха на настоящих боевых дистанциях в 500—1 000 м.

От редакции журн „Арми Орднанс"

Уже после того, как настоящая статья была подготовлена для напечатания в «Арми Орднанс», автор посетил Соединенные штаты и продемонстрировал на Эбердинском полигоне для Артиллерийского департамента упоминаемую в настоящей дискуссии винтовку и выпускаемую этой винтовкой пулю.

По имеющимся сведениям результаты испытания подтвердили большую часть заявлений автора.

Редакция

В 1932 г. в мартовско-апрельском выпуске «Арми Орднанс» была помещена статья генерал-лейтенанта германской армии Х. Роне под нижеприведенным заглавием с вопросительным подзаголовком: «Действительно ли достигнуто большое увеличение скорости полета пули?»

Это был перевод статьи упомянутого генерала, помещенной в декабрьском выпуске 1931 г. «Цейтшрифт фюр дас гезаммте Шисс унд Штоссшпренгвезен» (выходит в Мюнхене). Мой ответ на эту статью в германской прессе был опубликован в июльском выпуске этого же широко известного в Германии технического журнала, но так как статья генерала Роне появилась и на страницах «Арми Орднанс», о чем я узнал несколько позже, то я пользуюсь случаем поместить здесь же и мой ответ генералу Роне. Мне особенно приятно это сделать на страницах «Арми Орднанс» потому, что это был первый из научных журналов Соединенных штатов, откликнувшийся несколько месяцев тому назад на мое открытие и поместивший по этому поводу соответствующую статью.

Статья генерала Роне без сомнения вызвала улыбку у большинства инженерных, научных и военных авторитетов в Германии и за границей, в особенности же у тех представителей различных армий, которые имели возможность лично убедиться в действительности огня моей ультравинтовки, присутствуя на ее испытаниях. Они убедились в правильности моих основных исходных данных, которые были мною изложены в «Вер унд Ваффен» (июль 1931 г.), «Кугель унд Шрот» (апрель и июнь 1931 г.), «Арми Орднанс» (сентябрь и октябрь 1931 г.) и др.[1].

В ответ генералу Роне, который пытается, при помощи математических формул и расчетов доказать практическую и теоретическую невозможность моих положений, я могу сослаться на свидетельство всех тех военных руководителей, которые, рассмотрев мое предложение, не только полностью признали правильность моих доводов, но и подтвердили их своими собственными испытаниями. Несмотря на это, генерал Роне полагает, что ему удалось при помощи элементарных расчетов доказать «техническую смехотворность и неосуществимость на деле моего открытия». На деле же генерал Роне сам впал в катастрофическую ошибку, не говоря уже о том, что он противоречит самому себе, так как в своей первоначальной статье он не сомневался в возможности опубликованной мною скорости удара пули, а затем об'явил, что эта скорость «находится в абсолютном и смешном противоречии со всеми законами механики».

Прошу извинить меня за отступление, которое я хочу сейчас сделать, сослав-

---

[1] «Увеличение скорости полета пули», «Арми Орднанс», т. X, № 60, май—июнь 1930 г.; «Наступающая эра скорости полета пули», т. XII, № 68, сентябрь—октябрь 1931 г.

шись на заключительные слова моей статьи в «Кугель унд Шрот» (№ 4, 15 апреля 1931 г.).

Изложенные в упомянутой статье мои основные положения вкратце таковы: «Тот факт, что мне удалось доказать полную неверность и ошибочность критических утверждений и технических предсказаний, сделанных мне устно и письменно официальными и неофициальными экспертами по балистике, лучше всего об'ясняется практическими результатами, которых я добился. Мне приятно отметить, что часть этих так называемых экспертов в своих официальных отзывах в конце концов признала мои достижения успешными, хотя некоторые мои теоретические расчеты и технические прогнозы и об'являлись перед тем практически неосуществимыми. Я чувствую себя обязанным признать, что германские военные доктринеры, официальные, полуофициальные и неофициальные, заслуживают высокой оценки, по крайней мере в том смысле, что, будучи слабы в практическом анализе, они «непогрешимы» в теории. Но мне очень жаль, что генерал Роне, столь известный в Германии и за границей писатель по вопросам военной техники, обнаружил свое слабое место даже в теоретической области.

Так как генерал Роне не имел другой информации о моих достижениях кроме моих же статей, то подверг себя большому риску, попытавшись доказать невозможность моих предложений без более близкого и подробного знакомства с ними.

К тому же генерал Роне категорически отказался принять мое об'явленное в печати предложение присутствовать на произведенных мною опытах и лично убедиться в действительности огня моей ультравинтовки. К сожалению по своему званию балистика он предпочел теоретическую бумажную критику практическому испытанию.

Ошибочные предпосылки, усвоенные моим критиком, и привели его к неправильным выводам. При помощи элементарных расчетов он доказывает, что при обычной конструкции ствола и пули выдвигаемая мною проблема не может быть разрешена. Но проблема состоит именно в улучшении балистических качеств огнестрельного оружия и устранении в то же самое время таких препятствий, которые с самого начала делают эту попытку тщетной и недостижимой. Генерал Роне своими вычислениями лишь подтверждает факт существования таких препятствий. Подвергая критике мое утверждение о возможности достижения скорости в 5 710 фут/сек. (1 740 м/сек.), генерал Роне допустил элементарную ошибку. Применяя формулу, верную по отношению к обычному стволу и таковой же пуле, он указывает, что например для пули в 7 мм, весом 6,5 г, при начальной скорости в 3 000 м/сек., или 9 842 фут/сек. средней скорости, необходимо давление пороховых газов в среднем в 110,700 кг/см². Принимая пропорцию давления газов, т. е. отношение среднего давления к максимальному в 0,5, как это делает генерал Роне, надо было бы допустить, что максимальное давление будет 221,400 кг/см², или около 1 400 т на 1 кв. дм. Не говоря уж о том, что принимаемая мною пропорция давления значительно выше 0,5, расчеты генерала Роне очевидно ошибочны на целую $^1/_{10}$, т. е. в 10 раз преувеличены. При конечной дульной энергии в 2 980 м/кг и движении 7-мм пули внутри ствола в 0,7 м длиной, принимая в расчет предпосылки генерала Роне, получим, что максимальное давление должно быть:

$$\frac{2980}{0,7 \cdot 0,38} = 11,070 \text{ кг/см}^{2}$$ [1]

[1] Генерал Роне выводит давление пороховых газов по формуле:

$$P = \frac{V^2}{2} \cdot \frac{W}{La^2 \cdot \pi/4 \cdot 1000}.$$

В этой формуле P — давление газов на 1 кв. см, V — начальная скорость пули, W — вес пули в граммах, L — длина хода пули в стволе в метрах, g — ускорение силы тяжести (9,81 м на 1 кв. см), a — калибр в сантиметрах (0,7 см), $\pi = 22/7$. Указанная формула может быть выделена из элементарного уравнения, указывающего, что живая сила удара измеряется силой, умноженной на пройденное ею расстояние, т. е.

$$\frac{mv^2}{2} = P \cdot \pi r^2 \cdot L,$$ где m — масса пули, v — ее начальная скорость, P — давление газов на 1 кв. см, πr^2 — площадь, на которую они давят, причем радиус $r = \frac{a}{2}$, т. е. половине калибра в сантиметрах, L — длина хода пули внутри ствола. Если заменить массу через отношение веса пули к ускорению силы тя-

Я останавливаюсь только на одной этой ошибке, не касаясь некоторых других.

Далее в ответ генералу Роне я имею возможность категорически утверждать, что те балистические данные, которые мне удалось реализовать с моей ультравинтовкой, были достигнуты без затруднения со стороны длины ствола и веса оружия, которое может быть длиннее или короче обычного образца. Вместе с тем нельзя не отметить тех необычайных результатов, к которым пришел генерал Роне при помощи своих расчетов относительно максимального давления газов в стволе, необходимого для развития энергии, уже фактически достигнутой в моем ружье. Я лично никогда не достигал указываемого генералом Роне давления газов и никогда к этому не стремился по той причине, что это вовсе не требовалось для достижения практических[1] целей. На деле я был вполне удовлетворен получением максимального давления, не очень заметно превышающего то среднее давление на протяжении всего хода пули внутри ствола, которое по мнению самого генерала Роне требуется для достижения начальных скоростей 7-мм. пулей различных образцов. Достойно удивлению лишь то, что мне удалось при этом весьма значительно увеличить скорость полета пули сравнительно с **теперешней и чрезвычайно** увеличить энергию пули. При этом я достиг таких. результатов, вовсе «не нарушая законов механики».

Что касается вопроса о коэфициенте полезного действия заряда, то нужно указать, что мне именно удалось достигнуть увеличенного среднего действительного давления газов на протяжении всего хода пули в канале ствола без повышения максимального давления газов на его стенки. Не входя здесь в подробности обсуждения термического коэфициента полезного действия, надо отметить, что число фуго-фунтов, развиваемых в ультравинтовке единицей веса порохового заряда, заметно больше, чем в существующем огнестрельном оружии стандартной конструкции.

Другая капитальная ошибка генерала Роне заключается в предположении, что моя винтовка испытывалась при незначительном числе выстрелов, а потому не подвергалась даже приблизительно тому напряжению, какому она подвергается в условиях действительной службы. Напротив значительное число выстрелов было сделано из единственной винтовки с плеча мною лично. Мне хочется еще добавить, что если бы допустить такое максимальное давление газов, какое вычислил генерал Роне, то достаточно было бы и одного выстрела, чтобы разорвать винтовку или привести ее в негодность, если бы даже она не уступала Маузеру, да и обычные медные гильзы не выдержали бы такого давления, как это известно каждому практику-заводчику и опытному стрелку. Я еще раз призываю генерала Роне прислушаться к свидетельствам моих сотрудников и всех тех, кто сами испытали мою винтовку или были очевидцами испытаний. Здесь идет речь исключительно о практических результатах.

Думаю, что я не преувеличу, если скажу, что если бы мне удалось повысить нынешние балистические качества ружья на 10 или 20%, то так называемые «авторитеты» в области балистики подписались бы под этим. Но так как мне удалось сразу повысить эти качества на 100—200% и даже более, то единственным выходом для «непогрешимости» этих авторитетов было бы просто отрицать возможность таких результатов, не считаясь с фактами. Я не решаюсь утверждать, что причина подобных утверждений кроется большей частью в обстоятельствах «особого порядка».

Во всяком случае наибольшее препятствие к более широкому признанию моих достижений кроме секретности, ко-

---

жести, а r^2 — через $\left(\frac{a}{2}\right)^2$ и выразить вес пули не в граммах, а в долях килограмма, разделив p на 1 000, то получим:

$$\frac{p}{g.1000} \cdot \frac{V^2}{2} = \frac{\pi . a^2}{4} . L.P,$$

откуда:

$$P = \frac{p . V^2 \cdot 4}{g . 1000 \cdot 2 . \pi . a^2 L} .$$

Если в эту формулу подставить числовые величины, то и получим среднее давление газов:

$$P = \frac{2980}{0,7} .$$

А для получения максимального давления надо среднее давление разделить на его отношение к максимальному давлению, т. е. на 0,385, тогда и получим, что максимальное давление: $\frac{2980}{0,7 \cdot 0,385} = 11,070$ кг/см².

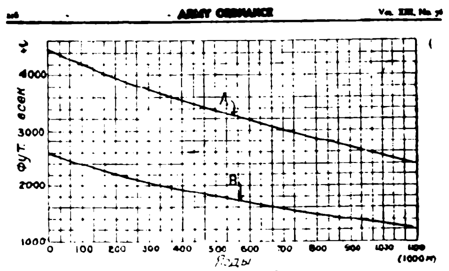
торой были обставлены мои опыты, заключается именно в этом ко мне отношении. Как бы то ни было, но истина всегда проникает через самые непреодолимые препятствия. Факты сильнее теорий даже мировых авторитетов и в данном случае они находятся в полном противоречии с теорией.

На мой взгляд в настоящее время, с самым лишь началом новой эры в балистике, замечается едва лишь приближение к искусству того единственного «артиллериста», снаряды которого были пущены в невообразимо отдаленные времена и еще до сих пор летят с такой же скоростью, как и раньше. Это снаряды великого балистика — вселенной. Но быть может найдутся авторитеты, которые будут доказывать своими теориями, что и эти деяния неосуществимы, и об'явят их противоречащими законам механики.

В нижеследующем изложении я ограничусь опубликованием дополнительных балистических данных моей 7-мм ультрапули, выпущенной из моей 7-мм «Хальгер-ультравинтовки» на дистанцию в 1 000 м (1 094 ярдов). Опыты были произведены около года тому назад. Хотя эти данные уже превзойдены, но они имеют то преимущество, что я могу их теперь опубликовать. Случайно в одном из официальных учреждений испытания производились как раз с теми же самыми пулями и тем же зарядом, и результаты этих официальных испытаний сходятся в пределах нескольких футо-секунд с нижеследующими данными. Пули в этом случае весили 8,15 г, или 126 гран, и имели при вылете скорость в 1 358 м/сек., или 4 445 фут/сек., будучи выпущены из моего

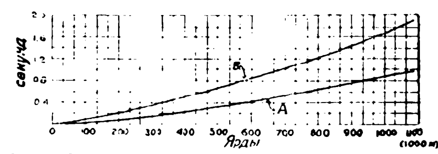
Дистанция		Скорость при ударе	Энергия при ударе	Время полета	Выс. траект. (см)	Скорость (фут/сек.)
метры	ярды					
0	0	1 358 м/сек.	765 м/кг	—	—	4 445
100	109.336	1 260	659	0,044	0,4	4 135
200	218.670	1 184	583	0,112	2,1	3 885
300	328 000	1 115	516	0,195	6,1	3 660
400	437.340	1 050,5	459,5	0,289	11,8	3 450
500	546.000	989	4 5,5	0, 9	21,0	3 242
600	657,000	930,5	360	0,50	35 9	3 059
700	765.345	875	318	0,61	53,	2 870
800	874.680	8 2,5	281	0,73	73,5	2 700
900	984.015	773	248	0,86	95,2	2 538
1 000	1 093.350	720	219	0,98	120,0	2 382

первого опытного ружья с применением совершенно мягкого заряда. Вышеприведенная таблица содержит балистические данные для моей опытной винтовки для дальности полета от 100 до 1 000 м, которые были получены при стрельбе через щиты, поставленные на расстоянии в 100 м. На диаграммах (фиг. 1 и 2) кривые скорости и времени полета показаны по сравнению с ныне

Фиг. 1. Кривые сравнительных скоростей при ударе.

Дистанция — 1 000 м (или 1 094 ярда); А — кривая «Хальгер-ультрапули» 7-мм весом 126 г; скорость при вылете — 1 358 м/сек., или 4 445 фут/сек.; В — кривая 7,9-мм германской пули весом 197 г; скорость при вылете — 780 м/сек., или 2 560 фут/сек. Нужно отметить, что скорость германской пули такая же, как и САСШ весом 173 г со скоростью 805 м/сек., или 2 640 фут/сек.

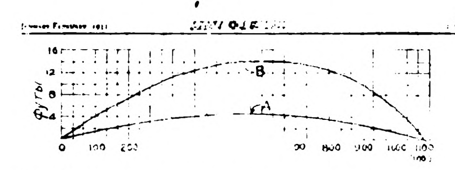
Фиг. 2. Сравнительная диаграмма времени полета.

Дистанция — 1 000 м, или 1 094 ярда; А — время полета 7-мм «Хальгер-ультрапули» весом 126 г; скорость при вылете — 1 358 м/сек., или 4 445 фут/сек.; В — время полета 7,9-мм германской пули весом 197 г; скорость при вылете — 780 м/сек., или 2 560 фут/сек.

действующей германской 7,9-мм винтовкой на дистанции свыше 1 000 м (1 100 ярдов), причем данные для германской винтовки взяты из официальной германской таблицы. Эта германская пуля 7,9-мм калибра с наконечником типа Шпицера (так называемая пуля S) весит 12,8 г. Из диаграммы явствует, что конечная скорость (скорость удара) 7-мм ультрапули на дистанции 900 м (или около 1 000 ярдов) как раз равна начальной

скорости при вылете из ствола ныне действующей длинноствольной германской винтовки. Высота 1 000-м траектории ультрапули составляет всего почти ¼ высоты траектории германской пули при той же самой дальности полета. Время полета ультрапули равно 0,98 секунды на дистанции 1 000 м, а германской — 1,87 секунды.

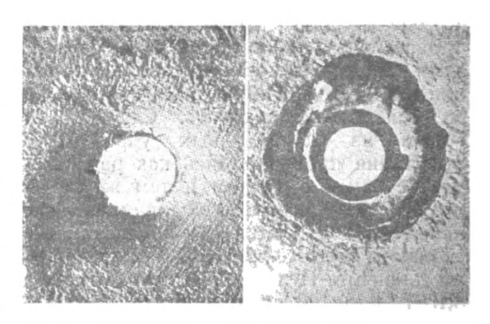
Та же 7-мм ультрапуля оказалась удивительно точной при больших дальностях полета. Успешность результатов оказалась без сомнения в тесной зависимости от отлогости траектории и в полном соответствии с хорошо известной аксиомой балистики, гласящей, что устойчивость снаряда на траектории и точность попадания тесно связаны между собой. Мягкий металл ультрапули без стального сердечника и других каких-либо бронепробивных приспособлений постоянно пробивал при различных испытаниях без всяких исключений современную броню до ¾ дм. толщиной и больше, причем эта броня была наибольшей сопротивляемости из хромоникилевой стали и других сплавов, употребляемых для танков и пр. Я должен при этом констатировать, что пробивное действие ультрапули с ее повышенной скоростью оказалось одинаковым во всех случаях, независимо от того, употреблялась ли броня, одинаково закаленная по всей своей толщине, или броня, закаленная только в своих поверхностных слоях, с постепенно убывающей, по направлению к центру брони, особенно крепкой сердцевиной с максимальной сопротивляемостью. При этом ультрапуля без стального сердечника, попадая в броню под углом в 30 или 40° и более, не рикошетировала, но пробивала ее насквозь или входила в ее толщу, обнаруживая пробивное действие такое же, как и при попадании под прямым углом. Это проникание ультрапули, ударяющей в броню со скоростью, превышающей критический предел, сопровождалось неизменно разрушительным действием, особенно в выходном отверстии. Ультрапуля может быть конечно снабжена и стальным сердечником общепринятого типа. В этом случае сильно увеличенное пробивное действие может быть реализовано возросшим механическим действием. Это вполне естественно для значительно увеличенной скорости пули при ударе по сравнению со значительно меньшей начальной скоростью и скоростью при ударе современных бронебойных пуль со стальным сердечником. Действительная дальность полета ультрапули по отношению к нынешним типам пуль может быть также значительно повышена.

Фиг. 3. Сравнительная диаграмма траекторий.

Дистанция — 1 000 м, или 1 094 ярда; А траектория 7-мм «Хальгер-ультрапули» весом 126 г; скорость при вылете — 1 358 м/сек., или 4 445 фут/сек.; В — траектория 7,9-мм германской пули весом 197 г; начальная скорость — 780 м/сек., или 2 560 фут/сек.

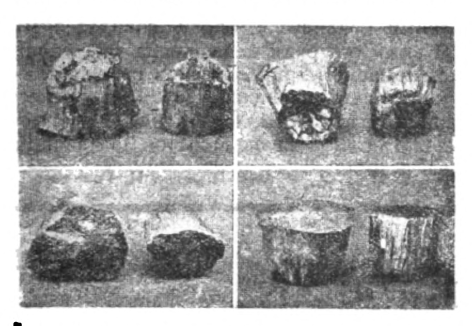
Как я уже указывал в первой моей статье, конечный предел и возможности достижений в этой области не могут быть определены в настоящее время, но применение этих достижений против броневиков, танков, аэропланов и других механических средств уже указывает на революционизирующие результаты.

Фиг. 4. Пробивание броневой плиты

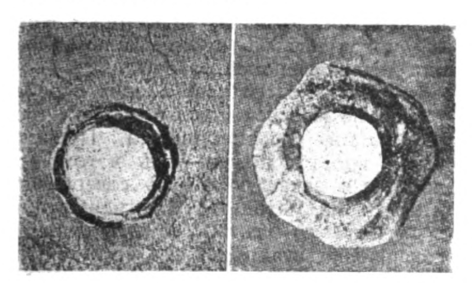
Эти пробоины (натуральной величины) были сделаны мягкой, т. е. без стального сердечника и других бронепробивных приспособлений, 7-мм «Хальгер-ультрапулей» весом 126 г в хромоникелевой броне толщиной в 15 мм (около ⅝ дм.). На левой стороне изображено входное отверстие, на правой — выходное. Состав брони: брома — 1,25%, никеля — 3,70%; сопротивление на удар — 82,4 кг/мм², упругость — 61 кг/мм², растяжение — 13,15%.

Что касается фотографических снимком с пробоин, сделанных мягким свинцовым сердечником ультрапули, опубликованных в сентябрьско-октябрьском выпуске «Арми Орднанс» 1931 г., то в настоящее время я к ним добавлю иллюстрации, каковые теперь мне представляется возможным огласить. Условия и детали указаны особо для каждого случая (фиг. 4, 5, 6 и 7). Я уверен, что читатели этого журнала заинтересуются ими, равно как и снимком с 7-мм ультрапули в том виде, какой она приняла после пробития ею броневой плиты. Толщина плиты на практике достигала 1 дм. Равно интересны и выбитые куски брони, получавшиеся при пробивании брони с особо сильной сопротивляемостью удару толщиной до 18 мм.

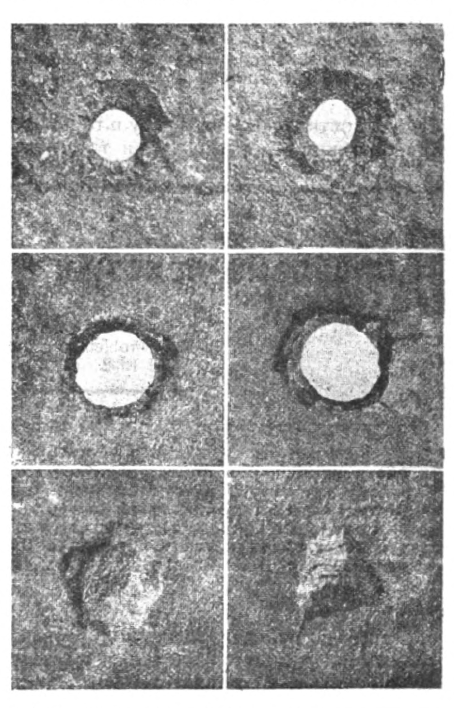
Фиг. 5. Куски брони, выбитые из плиты

Куски изображены в натуральную величину. Они выбиты 7-мм «Хальгер-ультрапулей» весом 126 г без стального сердечника и каких-либо других подобных приспособлений. Выбоины проделаны в хромоникелевой плите максимальной твердости. На левой стороне изображены куски брони толщиной ¾ дм. (чаще встречающейся в практике), на правой — куски брони толщиной в $^{5}/_{8}$ дм. Диаметр пробоины — около 1 дм. Снаружи входного и выходного отверстий заметно значительное количество разророченного материала. Выбитые куски застряли в сосновом щите толщиной около $1^{1}/_{4}$ дм., установленном в 24 фут. позади пробитой плиты.

Фиг. 6. Пробивание брони

Эти пробоины (в натуральную величину) были сделаны мягкой (без стального сердечника и других приспособлений) 7-мм «Хальгер-ультрапулей» весом 126 г в хромоникелевой броне толщиной 10 мм (около $^{3}/_{8}$ дм.). Налево изображено входное отверстие пули, направо – выходное.

Фиг. 7. Пробивание тройной брони

Пробоины сделаны (в натуральную величину) мягкой (без стального сердечника и прочих подобных приспособлений) 7-мм «Хальгер-ультрапулей» весом 126 г в тройной броне на дистанции 60 м. Фотография показывает налево входное отверстие пули, направо – выходное. Три броневые плиты ставились одна за другой на расстоянии 10 см. Первая плита (верхний ряд) 10 мм толщиной была пробита перпендикулярно; вторая (средний ряд) толщиной в 7,5 мм и третья (нижний ряд) 12-мм толщиной были поставлены под углом в 20°. Как видно на фото, пуля пробила две первых плиты и застряла в последней на глубине 6—7 мм. С тыльной стороны третьей плиты (правый нижний ряд) видно вдавление на глубину 4 мм. Пуля засела в третьей плите (левый нижний ряд), проникнув всего на глубину 24 мм (1 дм.).

Я помещаю эти снимки потому, что хорошо помню, как генерал Роне характеризовал методы, посредством которых

Фиг. 8. 7-мм ультрапуля после пробития тройной брони

Изображение несколько меньше натуральной величины. Фото показывает последовательную деформацию пули после пробивания первой, второй и третьей плит.

были достигнуты эти результаты, как «невозможные», а весь мой труд «как фундаментальное заблуждение» и как «полнейшее противоречие всем законам механики». Человечество всегда было и будет способным руководиться указаниями разума, и точка зрения генерала Роне должна быть охарактеризована как неверие перед лицом фактов, засвидетельствованных нелицеприятными очевидцами, что явно противоречит провозглашенному в Германии республиканскому правилу: «Дорогу созидателям». Я вижу впереди день, когда мне удастся продемонстрировать под строжайшим контролем правильность моих утверждений в САСШ, на родине стрелков-практиков и артиллеристов, создавших ее историю.

Перевел **И. Гольднер.**

Дэникер

К проблеме пехотного орудия

(С немецкого)

Das Problem der Infanteriegeschütze. Däniker. „Militär Wochenblatt" № 14, 11/XI 1932.

Указывая на трудности проблемы, которая все еще не выходит из периода изысканий и опытов, Дэникер отмечает в ней новейшее течение в пользу применения пехотных орудий с двумя стволами калибра 45 мм и 75 мм, чтобы иметь одновременно противотанковую пушку и орудие сопровождения. Но продолжаются опыты и с другими образцами с переходом с одной стороны к таким орудиям, которые уже перестают быть «пехотными», и с другой — к пулеметам и мелким минометам.

Если бросить взгляд на ход развития пехотной артиллерии за годы после мировой войны, то можно отметить наступившую за последнее время некоторую приостановку этого развития. Во время войны развитие шло вполне естественно и несколько излишне стремительно, хватали все, что предлагалось, не ставя длительных испытаний. Затем в первые годы после войны удовлетворялись в большей или меньшей степени оставшейся от войны материальной частью.

Первыми взяли в руки инициативу техники орудийного дела, намереваясь добиться принципиально нового решения проблемы. Отдельные фирмы дали новые модели и этим поставили вопрос на обсуждение. Основываясь на этих образцах, разгорелась дискуссия в специальной печати, а также вероятно и на полигонах. В итоге выявилось немало ценных предложений, из которых фирмы могли извлечь руководящие указания для дальнейшей работы.

Все же и по сей день вопрос окончательно не выяснен даже в области теоретической его постановки. Причина этого кроется может быть в том, что дискуссия зачастую велась совершенно ненаучными методами. Многие авторы выступали со своими предложениями, совершенно игнорируя все то, что уже ранее писалось по этому вопросу, игнорируя также и имеющиеся достижения орудийной техники.

Такое состояние вопроса затрудняло фирмам дальнейшую проработку, для которой нужны ясные требования, чтобы на них опереться. Наконец при господствующем хозяйственном кризисе

нет никакой возможности все время конструировать новые образцы без перспектив определенного сбыта. В нормальные периоды крупные поставки способствовали постройке опытных моделей и их тщательному испытанию.

Пока вопрос не получил дальнейшего раз'яснения, военные ведомства различных государств относятся к нему весьма сдержанно. Испытания затягиваются, так как никакого опыта в прошлом у них нет. И лишь в очень немногих армиях уже созрело окончательное решение в пользу того или другого образца.

Оказывают влияние на сегодняшнее состояние вопроса и следующие обстоятельства. Стрелковое вооружение за малыми исключениями изготовляется в собственной стране. Что же касается артиллерийской материальной части, то ее — в особенности небольшие государства — должны были заказывать у иностранных мировых фирм. Однако легкие пехотные пушки начинают также изготовлять в собственной стране. Соответственно большое число фирм, даже те, которые раньше никогда оружия не изготовляли, перешло на конструкцию орудий сопровождения пехоты. Отсутствие у этих фирм основательного опыта, которым были богаты большие заводы, работавшие десятилетиями, делает понятным медленные достижения сегодняшнего дня в этой работе. Большинство таких малых фирм возникли по частной инициативе, и созданные ими образцы лишь в очень немногих случаях носят официальный характер.

Действительное положение вопроса о пехотном орудии часто извращается тем, что в печати не делают строгого различия между предприятиями частновладельческими и государственными; как только становится известным, что в какой-либо стране конструируется тот или иной образец орудия, он сейчас же выдается за официальную модель соответствующего военного министерства.

Все вышеизложенное вкратце выявляет те причины, которые привели к некоторому затишью в деле развития пехотного орудия. На деле мы на сегодня ушли не намного вперед от того состояния, которое мы имели несколько лет тому назад. Самое последнее время было особенно бедно новыми моделями, и действительно радикального решения нигде еще не найдено.

Как одно из наиболее замечательных явлений последних лет приходится отметить значительное улучшение применявшегося еще во время войны миномета Стокса. Как известно, фирме Брандт удалось придать этому орудию довольно хорошую меткость при одновременном значительном увеличении его досягаемости. 50-процентное рассеивание в глубину до предельной дальности составляет кругло около 13 тысячных дистанции стрельбы и не намного превышает рассеивание специальных малых пехотных гаубиц. Боковое рассеивание однако — что связано с конструкцией образца — значительно больше, чем у нарезных конструкций, заряжаемых с казны. Боковое рассеивание примерно равно половине рассеивания в глубину. Легкий, но очень мощный благодаря сильному разрывному заряду снаряд выбрасывается на предельную дистанцию, равную 3 000 м. Если при этом иметь в виду, что общий вес орудия всего 57 кг, то миномет Стокс-Брандт приходится признать вполне подходящим образцом орудия сопровождения. Наряду с Францией у себя ввели это орудие Польша, Швеция, Дания, Голландия и Финляндия; в ряде других стран, как например в Греции, Югославии, Норвегии и Швейцарии, эти минометы находятся в стадии испытаний.

Разрешила вопрос об орудии сопровождения введением собственного миномета также и Испания, принявшая на вооружение в 1926 г. миномет Валера. Образец этот вообще как в отношении веса снаряда, так и в отношении дальности стрельбы является скорее орудием сопровождения стрелковой роты и уступает в меткости миномету Стокс-Брандт. Ближе к последнему образцу, в частности в отношении веса орудия, досягаемости и мощности снаряда, стоит другая испанская конструкция — миномет Эция (Ecia), рассеивание которого как в глубину, так и боковое примерно в 1.5 раза более, чем у миномета Стокс-Брандт.

В САСШ попытки улучшить качественные показатели миномета Стокса привели к совершенно новой конструкции — 75-мм пехотному миномету M_1, который нормально принимает боевое

положение на колесах. Обращает на себя внимание, что американцы удовлетворяются предельной дальностью в 1 650 м. Вес орудия почти в три раза больше, чем миномета Стокса; вес же снаряда достигает 5,45 кг против 3,3 кг у последнего.

В Англии в вопросе о пехотном орудии во главу угла поставлены опыты по моторизации его. Не только миномет Стокса, но и опытное пехотное орудие — 3,7" гаубица — поставлены на гусеничный ход, чтобы обеспечить моторную тягу по местности. При этом в Англии как-будто продолжают держаться идеи миномета в его чистом виде.

Введение миномета Стокс-Брандт или сходного с ним орудия приводит к тому, что отражение танков в пехоте должно быть поручаемо особому противотанковому орудию. Какого рода должно быть это последнее, зависит в свою очередь от того, имеется ли в виду ставить ему наряду с основной еще и другие задачи, например борьбу с самолетами. Если дело идет о противотанковом орудии в чистом виде, то и ему самому можно придать форму танка, т. е. пойти по пути создания антитанка или так называемого «истребителя» танков.

Наиболее ярко эта тенденция проявляется во Франции, хотя уже и там обсуждается вопрос об орудии типа 37-мм противотанковой пушки, но увеличенной мощности. Для этого калибр предлагается увеличить до 45 мм в противовес Америке, где увеличение мощности достигнуто моделью М, без изменения 37-мм калибра. В Италии отказались от увеличения мощности бывшей австрийской пушки Шкода 37F и по крайней мере временно приняли в качестве орудия сопровождения 65-мм пушку образца 17 г.

Все зависит таким образом от того, какие задачи намереваются возложить на эти противотанковые средства, входящие организационно в низовые пехотные соединения. В настоящее время, когда на поле сражения появился подвижной малый танк, прототипом которого служит танк Карден-Ллойд в качестве либо боевой машины либо транспортной повозки, легкоподвижное противотанковое орудие не слишком большой мощности приобретает такое большое значение, что на первое место снова выдвигается 20-мм автоматическая пушка, тем более что она в то же время может быть использована и против самолетов. Правда эти типы орудий, после того как от первоначально принятого для них опытного лафета пришлось отказаться ради лафета лучшей конструкции, стали значительно тяжелее. Лафет автоматической пушки Солотурн S 5-100, отвечающий современным требованиям, придает всей системе вес около 200 кг. Строится также новый лафет для автоматической пушки «Эрликон». Из новых моделей можно указать на лафет для 25,4-мм автоматической пушки Виккерса марки А и на лафет Скотти для его 20-мм пушки. Гочкис намечает полевой лафет только для своего 13,2-мм пулемета, тогда как орудия большего калибра мыслятся им исключительно на жесткой установке, например в танках, так как в лице этих автоматических пушек видят наилучшее вооружение для так называемых «танкоистребителей».

В Голландии первоначально наряду с минометом Стокс-Брандт заинтересовались 20-мм автоматической пушкой. Затем некоторое время производили опыты с 31-мм пехотной пушкой А-1 (Боксмана), но опыты не дали удовлетворительных результатов, так как мощность орудия была слишком незначительна и, что особенно отмечалось, невозможность одновременно использовать орудие в качестве противосамолетного признавалась его недостатком.

Большинство армий, вооруженных ярко выраженными минометами, стремятся найти такое противотанковое орудие, которое могло бы быть использовано и против тяжелых танков, вследствие чего заранее готовы отказаться от возможности использовать это орудие и против самолетов. Таким орудием конечно можно рассчитывать вести борьбу настильным огнем против неприятельских пулеметных гнезд на гораздо большие дистанции, чем дистанции пулеметного огня. Для задачи такого порядка наиболее подходящим повидимому становится калибр около 47 мм. В Польше сконструировали 47-мм пушку Поциска М-25, в которой заслуживает особого внимания коленчатая и раздвижная ось, так как такое устройство позволяет изменять высоту канала

орудия и полнее применяться к обстановке на местности. Неудовлетворительный приходится признать малую мощность этого орудия. Опыты должны быть продолжены: проблема орудия сопровождения здесь пока своего разрешения не получила.

Более удовлетворительного разрешения вопроса видимо удалось добиться в Испании, где на государственном орудийном заводе Трубия сконструирована 40-мм пушка Арельяно; у этого орудия, как у пушки Шкода ВА₁, оба сплошные металлические колеса могут быть при стрельбе заведены вперед и служить щитом для расчета.

В Швейцарии продолжаются опыты над 47-мм пушкой, сконструированной конструкторскими мастерскими в Туне. Для стрельбы снимаются оба колеса, благодаря чему получается установка на трех точках опоры и достигается отличная возможность приспособления к местности. Данные орудия, имея в виду его малый вес в 235 кг, очень высоки. Этот образец является одним из самых лучших из числа всех по сей день предложенных моделей.

Орудием, которое может быть использовано для указанных задач, является также 47-мм пушка Виккерса Q. F. S. A., показавшая удовлетворительные результаты, в частности она интересна своим очень низким расположением оси канала орудия, что достигнуто применением коленчатой оси. В настоящее время разрабатывается новый усовершенствованный образец этого орудия. Ведут разработку 47-мм пехотного орудия также и заводы Шкода.

Все до сих пор перечисленные образцы орудий являются в основном результатом развития, которое в общих чертах можно было предусмотреть несколько лет назад, — это улучшение и повышение данных образцов, получивших давно всеобщее признание. Иначе обстоит дело с пехотными пушками, имеющими два ствола. Еще сравнительно недавно к таким образцам, появившимся по частной инициативе, относились в общем скорее отрицательно. И если сегодня к этим конструкциям проявляют интерес также и официальные инстанции, то это пожалуй лучший показатель того, что здесь мы имеем дело с более широким развитием. В Чехо-Словакии сделаны впервые опыты с пушкой Виккерса 46/60 мм, построенной по лицензии чешско-моравским акционерным обществом Кольбен-Данек. Образец этот имел взаимозаменяемые стволы. В то же время заводы Шкода пытались найти разрешение проблемы в мелкокалиберном вставном стволе и создали свой образец 32/70-мм пехотной пушки. Орудие это привлекало к себе внимание своим малым весом и низкой установкой, получившейся благодаря отгибанию колес вниз; бронебойность орудия 32-мм калибра оказалась однако недостаточной. В новой модели ВА калибр вдвижного ствола увеличен до 37 мм. В этом виде орудие встретило одобрение командования и принято для дальнейших испытаний. Этим путем и надеются найти разрешение вопроса об образце орудия сопровождения и добиться возможности заменить ныне уже не удовлетворяющий больше требованиям миномет М-17.

И в Бельгии официально восприняли идею пехотного орудия с двумя стволами. Первоначально здесь собирались лишь несколько изменить германский легкий миномет и приспособить его к современным требованиям. Однако выяснилось, что потребуется почти полная реконструкция этого образца. Таким образом появился пехотный миномет 76 F. R. C. Внешние формы этого орудия с раздвижным лафетом обусловлены требованием взаимозаменяемости стволов. Для отражения танков устанавливается 47-мм ствол с начальной скоростью 600 м/сек. Эта бельгийская модель показывает, что орудия с взаимозаменяемыми стволами вовсе не должны быть тяжелее, чем конструкции, построенные только для одного ствола: орудие весит с 47-мм стволом, хотя и без щита, всего 225 кг; с 76-мм стволом система легче на 15 кг, а со щитом — на 35 кг тяжелее.

Одной из первых фирм, взявшихся за постройку пехотных орудий с двумя стволами, было Голландское промышленное и торговое акционерное общество «Сидериус» (H. Y. H. S.). Оно в этой области имеет богатый опыт и все время улучшало свои первоначальные образцы. Современный тип 47/75-мм на раздвижном лафете продан в Китай. Все поступающие об этом образце отзывы

определенно благоприятны; это тем более заслуживает внимания, что суждения о других пехотных орудиях основаны на испытаниях в мирной обстановке полигонов или стрельбищ, тогда как данные об этом образце идут с театра военных действий. В самое последнее время орудие подверглось дальнейшему улучшению в том смысле, что при неизменном весе начальная скорость при 75-мм стволе повышена до 300 м/сек., в соответствии с чем наибольшая досягаемость доведена до 6 000 м, т. е. до такой же, как и у двухствольного орудия Бофорс М-31. Фирма Бофорс, давшая в своей модели пехотного орудия 47-мм L-33 одно из наиболее мощных противотанковых орудий, в свою очередь тоже перешла к орудиям с двумя стволами; это доказывает, что те опасения, которые имелись первоначально по отношению к этим новым образцам, теперь уже окончательно рассеяны.

Голландское общество «Сидериус» (H. Y. H. S.) и Бофорс в своих образцах пехотных орудий довели вес системы до 350 кг, преследуя главным образом цель добиться и при стволе калибра 47 мм возможности действия против средних и даже тяжелых танков. Вследствие этого они подошли к тем же данным, что и фирма Шнейдер при конструкции своего орудия EL, которое не должно было быть собственно пехотным орудием, а в соответствии с французскими взглядами образовать промежуточное звено между полевым орудием и орудием сопровождения пехоты и должно было занять место рядом с минометом Стокс-Брандт и противотанковым орудием пехоты. С чисто внешней стороны конструкция этого образца отличается отсутствием у него раздвижного лафета, получившего для орудий сопровождения пехоты, поскольку дело не идет о чистых минометах, почти всеобщее признание.

Развитие с одной стороны миномета Стокс-Брандт, с другой — двухствольных орудий привело к тому, что настоящие пехотные орудия, не преследующие в первую очередь борьбы с танками, почти не эволюционировали дальше. Новых конструкций пехотного орудия за последнее время совершенно не появлялось. Шнейдеровская 70-мм модель S. A. C. появилась уже несколько лет тому назад и с тех пор лишь незначительно усовершенствована.

В вопросе о пехотном орудии до сих пор продолжается период нащупывания решения и опытов. Работа протекает теперь несколько спокойнее, и уже достигнутые результаты как-будто позволяют внести в это дело ясность. Ясность здесь тем более необходима, что речь идет не о какой-либо обособленной в себе области, а всего лишь об одном из звеньев в сплошной цепи элементов вооружения пехоты. Вниз по этой цепи мы имеем переход с одной стороны к миномету Валеро и 60-мм Стокс-Брандт, а от них в свою очередь к еще более мелким орудиям навесного огня, образец которых мы имеем в малом польском миномете для пехотного взвода; с другой стороны от автоматических пушек намечается переход к пулеметам. Вверх внедряются на вооружение пехоты конструкции таких пехотных орудий, как Голландского общества, Бофорса и Шнейдера, которые являются уже собственно артиллерийскими средствами. Установить здесь точные границы никогда не удастся, и стремиться к жесткой систематике бесцельно. Тем более важно добиваться ясности в основных сторонах вопроса — тогда границы выявятся естественно сами собой.

Перевел **У. С.**

VII. Военноморские проблемы

Лейт.-ком. **Бродбент**

Воздушные силы в десантных операциях

(С английского)

Aircraft in joint military and naval operations Lt. Comm. Broadbent. «United States Naval Institute Proceedings», August, 1931.

Автор указывает на значение воздушных сил в десантных операциях как для наступающего — для захвата и удержания господства в воздухе на время операции, так и для обороняющегося — для уничтожения пловучих баз десанта. В дальнейшем рассматриваются задачи воздушных сил сперва при обороне в их последовательности в зависимости от обычных приемов десантных операций, а затем при атаке. В последнем случае подчеркивается особенная трудность доставки к месту высадки нужного числа самолетов, принимая во внимание ограниченность наличного числа авианосцев и их уязвимость для нападений с воздуха.

Десантная операция, особенно в связи с развитием авиации, является исключительно сложной.

Основная роль десантной операции — высадка войск на берег для захвата территории противника. В этой операции воздушные силы, подобно военным кораблям, должны играть вспомогательную и содействующую роль. Основная задача воздушных сил в этом случае — обеспечить высаживающиеся войска и поддерживающий их флот от воздушных нападений противника.

Абсолютная обеспеченность от воздушного нападения может быть достигнута только путем полного уничтожения воздушных сил противника. Может ли быть достигнута эта мера безопасности — является проблематичным. При невозможности достигнуть абсолютного обеспечения необходимо по крайней мере добиться той степени превосходства, которая давала бы возможность десанту выгодно использовать свои воздушные силы. Для этого необходимо добиваться захвата и удержания превосходства в воздухе воздушными силами, сопровождающими десант. Таким образом мы приходим к выводу, что главное назначение воздушных сил в десантной операции — поддержка десантных частей путем захвата и удержания местного господства в воздухе.

Воздушные силы не менее ценны и при отражении десанта. Пока господство в воздухе остается в руках противника, обороняющего побережье, до тех пор всякий значительный десант обречен на неуспех. Большое преимущество воздушных сил в этом случае заключается в том, что сравнительно легкая операция по уничтожению пловучих баз десанта по всей вероятности принудит его к отступлению без выполнения задуманной операции. Зависимость десанта от баз чрезвычайно велика, что в колоссальной степени увеличивает значение и ценность воздушных сил для противника, обороняющего побережье. Развитие современной авиации вызвало увеличение дистанций между действующими силами. После Ютландского боя адм. Шеер сказал: «Линейный корабль остался бесспорным костяком военноморского флота вследствие дальнобойности своей артиллерии. Радиус же действия воздушных сил внес в проблему обороны морских границ неопределенность, которая бес-

покоит оперативную мысль». Учитывая эти слова, приходится отметить, что в данном случае преимущество находится на стороне противника, обороняющего побережье, так как с помощью дальности действия своего воздушного оружия он сможет удержать десант на большой дистанции. Очевидно при обороне морской границы безопасность эта тем более будет обеспечена, чем дальше может быть распространено отражение, — такова старинная доктрина национальной обороны.

Эта доктрина требовала добиваться безопасности путем мощного удара по побережью противника, но подобный удар, проводимый вдали от отечественных баз, естественно должен следовать за предварительными, в свою очередь десантными, операциями крупного масштаба в целях создания в этих случаях передовых баз.

При отражении десанта обычно разделяют авиацию на две крупные группы воздушных сил, а именно: 1) воздушные силы, брошенные далеко в море и приданные к крейсирующему военно-морскому флоту; 2) воздушные силы местной обороны, базирующиеся на береговые базы в «критической» зоне или вблизи таковой.

Действия первой группы относятся больше к совместным с флотом. Что же касается операций второй группы, то им уделяется в настоящее время большое внимание. Только эта вторая группа и будет рассмотрена ниже.

Первой задачей вооруженных сил, охраняющих морскую границу или морскую базу, является обеспечение безопасности данного района. В этих целях вооруженные силы будут использовать все то, что наиболее действительным образом может служить целям разведки и сохранения района в безопасности. Для выполнения этих задач используются воздушные силы, имеющие преимущества по сравнению с другими соединениями морских сил, хотя они и имеют некоторые естественные слабые стороны. Их большая скорость дает возможность производить разведку огромных пространств в короткий промежуток времени, уменьшая таким образом вероятность внезапного появления десанта на побережье. Для увеличения дальности разведки мыслится использование авианосцев и промежуточных небольших баз на отдельных островах. При этом наиболее важные об'екты, которые должны быть покрыты разведывательной авиацией, лежат в пределах расстояния, с которого десант противника может достигнуть базы за время темноты. Для крупного десанта ночной переход едва ли превысит 100 миль. Если же в составе флота, сопровождающего десант, можно ожидать присутствия и авианосцев, то район, подлежащий разведке, увеличивается до 500 миль (полный радиус самолетов десанта противника). Однако производить в дневное время разведку такого огромного района воздушными силами не представляется целесообразным за исключением чрезвычайных, вызываемых обстановкой, случаев. К задачам, выполняемым воздушными силами в охраняемом районе, относятся также поиски и борьба с подводными лодками, которые представляют собой довольно опасного врага, скрытно действующего с целью разведки, установки минных заграждений и производства торпедных атак по кораблям, выходящим из базы и входящим в нее. Для этой цели пригодны как дирижабли, так и самолеты, причем первые применяются больше для наблюдения, а вторые как для наблюдения, так и для уничтожения.

При подходе десанта к месту высадки для его отражения должны быть использованы все наличные воздушные средства нападения: бомбардировщики и торпедоносцы для бомбардирования транспортов десанта и кораблей флота, сопровождающего десант; штурмовые самолеты для действий против производящих высадку частей, а также по уже высадившимся на берег частям; химзавесчики для постановки дымовых завес и газовых атак; самолеты-корректировщики или аэростаты для корректировки артиллерийского огня и наконец истребительные самолеты для защиты от воздушных сил противника.

Таким образом можно констатировать, что при отражении десанта участвуют два вида воздушных сил: 1) морские самолеты, совершающие дальние полеты в открытое море, и 2) сухопутная авиация, действующая над сушей

или вблизи берегов. Действующая в открытом море морская авиация является наиболее подготовленной. При действиях над сушей главное значение имеет войсковая авиация.

Ценность средств наземной противовоздушной обороны, как обеспечивающих охраняемый об'ект, считается до известной степени проблематичной. Предполагается, что лучшим методом в данном случае будет непосредственная атака наступающего противника, если для этого имеются «эквивалентные» силы. В порядке последовательности атака должна быть сосредоточена:

1) по прикрывающим десант воздушным силам.

2) по транспортам,

3) по отряду корабельного прикрытия.

Вывод из строя авианосцев (повреждение взлетных палуб, потопление хотя бы части транспортов и нанесение значительных повреждений корабельному составу отряда прикрытия) может не только значительно задержать выполнение операции, но и — вероятнее всего — заставить отказаться вовсе от производства высадки.

Таким образом первым об'ектом нападения воздушных сил стороны, отражающей десант, являются воздушные силы противника и главным образом авианосная авиация. Если авианосцы путем воздушной бомбардировки и не будут потоплены, то они как пловучие аэродромы могут быть приведены в негодность, и действия авиации с них будут прекращены. Правда возможность производства нападения без воздушного боя, если только противник не захвачен врасплох, мало вероятна. В этом случае бомбардирование авианосцев будет затруднено, в силу чего атакующие бомбардировщики и торпедоносцы должны быть поддержаны штурмовыми или истребительными самолетами. Атака должна быть стремительной, так как в случае предупредительной встречной атаки противник может захватить первым известное преимущество, которое потом будет трудно вырвать из его рук.

В случае же если противник отразит все атаки, прорвет первую линию обороны и создаст вблизи района намеченной высадки временную береговую воздушную базу, от которой могут начать операции его воздушные силы, то уничтожение этой временной базы и базирующихся на нее воздушных сил может сделаться главнейшей задачей воздушных сил обороняющейся стороны. Возможно, что чисто сухопутные самолеты, а не морские могут быть использованы при действиях против такой базы. Например предположим, что передовой отряд десанта создает временную береговую воздушную базу вблизи района намеченной высадки и в то же самое время отряд корабельного прикрытия противника не был обнаружен. Нужно ли все наличные воздушные силы направлять против этой временной береговой воздушной базы противника или сохранять морские воздушные силы для действий против отряда корабельного прикрытия по его обнаружении за счет общего числа самолетов, выделенных для действий против временной береговой воздушной базы? При решении этого вопроса прежде всего необходимо учесть задачу воздушной обороны в целом, нужно изучить и спланировать все вероятные операции, нужно иметь четко руководимое взаимодействие и превыше всего единство командования, так как только при этом возможно учесть относительную важность разных задач и принять соответственное решение. В противном случае катастрофическое нарушение «экономии сил» может лишить обороняющуюся сторону надлежащих сил в нужное время и в нужном месте.

Предварительные воздушные операции в случае успешного их ведения должны предоставить обороняющемуся превосходство в воздухе во время самой высадки десанта. Особенно уязвимыми для воздушных нападений являются войсковые транспорты. Последние не имеют броневой защиты и плохо защищены от подводных атак. Их палубы с погруженными войсками совершенно открыты для успешной бомбардировки легких самолетов. Равным образом и войска на небольших шлюпках во время следования к местам высадки почти беззащитны от воздушных атак. При этом необходимо учесть следующее обстоятельство: пока воздушные силы десанта совершенно не уничтожены, эти атаки должны производиться при поддержке

истребительных самолетов. Учитывая также то, что высадка десанта может иметь место во время темноты, возникает потребность в снабжении самолетов специальными прожекторами, осветительными ракетами на парашютах и «пловучими свечами».

Деятельность воздушных сил не прекратится и после закрепления противника на берегу. Кроме поражения живых целей и оборонительных сооружений воздушные силы по-прежнему должны стремиться нанести значительные повреждения транспортам противника и тем самым поставить под угрозу полного срыва все виды снабжения для высадившихся частей.

Необходимость наличия при десанте значительных воздушных сил для борьбы с авиацией обороняющейся стороны ставит довольно остро вопрос о способах доставки нужного числа самолетов к месту высадки. Современное число авианосцев и их емкость не обеспечивают этой операции. Видимо самолеты придется доставлять в разобранном виде на транспортах. Это в свою очередь уже требует наличия вблизи места высадки временной базы.

По ходу воздушных операций различается несколько отдельных стадий: а) период, во время которого превосходство в воздухе поддерживается только самолетами с авианосцев; б) период, во время которого превосходство достигается самолетами с авианосцев и с береговых баз; в) период главной атаки, во время которой действия воздушных сил выражаются главным образом в действиях десантных частей на берегу.

Наиболее критическим периодом для нападающей стороны является первая стадия. Истребительная авиация не может непрерывно держаться в воздухе и требует значительного времени для взлета с полетных палуб и сосредоточения в воздухе в боевых строях. Даже незначительные повреждения в это время авианосцев сорвут или недолго задержат взлет истребителей.

Быстрота, с которой развиваются воздушные атаки, требует того, чтобы все наличные истребительные самолеты в ожидании атак самолетов противника находились в состоянии готовности на палубе авианосца. Об'ектами атак этих самолетов являются бомбовозы и торпедоносцы обороняющейся стороны, которые в этот период представляют собой главную угрозу для десанта.

Во время этой стадии может быть произведена воздушная разведка района намеченной высадки. По своему характеру это—самостоятельная операция, однако в случае, если район уже известен, разведка эта необязательна. Также следует отказаться от разведки в том случае, если последняя может подвергнуть опасности успех операции, вскрыв районом (направлением) и интенсивностью разведки ее предполагавшийся характер.

Может случиться, что длительность первой стадии определится временем, необходимым для создания указанных выше весьма необходимых временных береговых баз. Для вытаскивания из корзин, сборки, испытания и наполнения горючим самолетов требуется много времени.

Операция по созданию базы является весьма сложной задачей, особенно если на берегу отсутствуют средства для выгрузки и дальнейшего обращения с громоздкими корзинами. В таком случае необходимейшие для этих целей средства должны быть доставлены с кораблей. Воздушное и морское превосходство, хотя бы временное и частичное, вблизи создаваемой подобной базы необходимо, так как во время спешки по созданию базы существует наибольшая опасность нападения на нее противника. Эта угроза настолько значительна, что является необходимым подготовить все мероприятия, в том числе и сборку самолетов, в каком-либо ином пункте, вне радиуса действия воздушных сил противника.

Роль авиации в десантных операциях колоссальна. Необходимо иметь в виду, что если один из противников захватит господство в воздухе в районе намеченной высадки десанта, то он фактически обеспечит за собой успех по крайней мере на первых этапах наступательных действий.

Перевел А. Стассельно.

Контр.-адм. **Браунринг**

Военноморские базы с точки зрения обороны империи

(С английского)

Naval Bases in relation to Empire Defence. Rear-Admiral H. Brownring. „Roya United Service Institution" № 5?5, 1932.

Давая краткий обзор морских баз Британской империи, автор указывает на значение организации их обороны, равно как и на меры для «нейтрализации возможных баз противника», а затем излагает требования, которым должны удовлетворять современные морские базы, как с точки зрения наступления, так и обороны, в отношении положения, обороноспособности и материальной обеспеченности.

В мирное время разрешение таких вопросов, как оборудование портов для военного времени и оборудование существующих морских баз, иногда считают делом небольшой важности. Так как денежные средства всегда ограничены, программа нового судостроения или механизации армии считается более необходимой для обеспечения безопасности империи; ассигнования же на оборудование портов, складов и холодильников в колониях делаются крайне незначительные. Таким образом последние всегда рискуют быть исключенными из годовой сметы, чтобы удовлетворить настойчивым требованиям экономии, особенно в тех случаях, когда мнения о необходимости той или иной базы разделяются. Однако вопреки всем рассуждениям этого рода обеспечение и модернизация морских баз являются делом, требующим нашего пристального внимания, потому что само приобретение этих баз было одним из основных факторов создания Британской империи, и недостаток или слабость их могут в будущей войне привести к поражению.

В наше время различных соглашений, преследующих цель «предупреждения войны и поощрения разоружений» (?), понятие «наступление» стало слишком непопулярным, между тем как определение термина «морская база» остается тем же, какое было дано Мехеном, формулированное как «необходимый фундамент», на котором основывается все «здание наступления». Это определение широко известно и постоянно цитируется.

Из него следует вывод, что морские базы являются наступательным элементом. Однако это справедливо только наполовину. Применяя определение Мехена в отношении проблемы безопасности государства, важно отметить, что наличие морских баз у таких держав, как Британская империя, у которой источники ее благополучия и мощи разбросаны по всему земному шару, имеет совершенно отличное значение от использования этого понятия державой, не имеющей за границей реальных насущных интересов. У последней морские базы могут рассматриваться единственно как средства нападения, но для нас они только средства обороны, так как без них наши корабли не могли бы дать отпора атакам противника против наших широко разбросанных владений.

В прошлом дело обстояло так, что эти базы были жизненно необходимы для использования нашей морской силы, и мы обязаны предусмотрительности наших предков, которые, приобретая их, осуществляли обеспеченность для действия нашего флота.

Мало того, позиции этих британских баз по всему миру не были выбраны случайно; они были непосредственно связаны с деятельностью флота, которую последний вел. Поэтому в XV столетии Генрих VII основал королевские доки в Соутгемптоне, так как в это время главным противником была Франция, имевшая основные базы в Гонфлере и

Шербурге. Чатам обязан своим развитием голландским войнам, во время которых стало необходимым иметь базу на восточном берегу. Позднее получил развитие Ревонпорт, как наиболее близко расположенный для наблюдения за Брестом. За границей мы использовали в наших войнах с Францией Кадикс, пока Испания не выступила против нас, с момента занятия нами Гибралтара для обеспечения контроля в Средиземном море.

Дальнейшие операции в этом море привели к приобретению Минорки и позднее Мальты.

Несколько поучительных уроков морской стратегии имеется в период захвата пригодных баз в Караибском море. В то время господство в Вест-Индии было особенно важно для ведения войны ввиду важности вест-индской торговли для всех стран. Подобным же образом в борьбе за Индию мы завладели мысом Доброй Надежды и островами Маврикия. Таким образом конец эры парусного флота в отношении морских баз застал нас на твердой позиции. Эти факты иллюстрируют положение, повторяющееся постоянно при изучении данного вопроса, а именно — отношение морских баз к морской торговле. Без этих баз государство не может содержать свои боевые корабли в опасной зоне ни для охраны своих коммуникаций, ни для подрыва коммуникаций противника.

В период после наполеоновских войн британская политика была направлена главным образом, как тогда называлось, на «поддержание равновесия сил». Следует добавить, что мы мудро истолковали эту фразу в том смысле, что ни один камень не должен быть оставлен в покое для обеспечения безопасности тех коммуникаций, на которых целиком покоится благополучие Британской империи. В результате этой политики мы сделали существенные приобретения. В 1918 г. благодаря предприимчивости сэра Стэмфорд Раффльс мы получили Сингапур, имеющий значение как «Гибралтар Востока», в 1839 г. по какому-то «незначительному факту» мы заняли Аден, в 1841 г. приобрели Гонг-Конг.

С другой стороны мы заботливо предотвращали, пользуясь нашей силой, захват какой-либо морской державной базы, которая бы угрожала безопасности вышеупомянутых коммуникаций

Малоизвестный пример этого представляет Кипр, который мы приобрели от Турции в 1878 г. с целью предупредить возможность близости к Суэцкому каналу. Более яркий пример представляет упорное сопротивление, оказанное нами в 1911 г., когда Германия угрожала захватить Агадир, предполагая создать здесь базу на фланге наших коммуникаций.

Хотя великая война 1914 г. и не повлекла за собой для нас никаких территориальных потерь, ни расширений (территории оккупированные не могут рассматриваться в активе государственной обороны, поскольку дело касается сооружения морских баз), все же мы не можем быть вполне уверены в том, что укрепленные базы, которыми мы в настоящее время владеем, достаточны для наших нужд в будущем. Необходимо припомнить, что большинство наших баз за границей было занято нами потому, что они были важны для нас в прошедших войнах. Например мы имеем только одну базу в южноамериканских водах — Фальклендские острова,— которая в смысле прикрытия наших важных коммуникаций с Бразилией и бассейном реки Ла-Платы расположена неудачно. Равным образом мы несколько не обеспечены в отношении укрепленных баз на Дальнем Востоке.

Наличие баз в восточном полушарии повидимому хорошо было осознано Японией в период Вашингтонской конференции.

В первоначальном американском проекте не было сделано указаний относительно баз, и Япония отказалась принять ограничения в кораблях, если базы также не подвергнутся ограничению.

По этому соглашению Англия сохранила полную мощность в Сингапуре, но не могла развивать укрепления Гонг-Конга. Соединенные штаты отказались от планов сооружения новых баз в Гуаме и Манилле, но сохранили полную мощность на Гавайских островах. Япония согласилась не усиливать укреплений Бонин, Курильских, Лиу-Чу, Формозы и Пескодорских островов.

В настоящее время все цивилизованные государства зависят в большей или меньшей степени от колониального снаб-

жения и все они сильно уязвимы в этом отношении.

Более всего это применимо к нам самим, чем к какой-либо иной державе, ввиду разбросанного характера Британской империи. Поэтому наступательные и оборонительные действия в отношении морских коммуникаций явятся в будущем, как это было и в прошлом, главнейшей задачей всякого флота и притом такой, которая не может быть выполнена без соответствующего расположения морских баз и топливных станций.

Не говоря уже о германской подводной войне, мы до сих пор испытываем жгучую боль при воспоминании о потерях, причиненных нашей морской торговле 10 германскими крейсерами, которые были в дальних морях, когда намечалась последняя война, и получали помощь от случайных надводных корсаров, которые прорывались через блокирующие силы союзников. Было весьма трудно их найти даже при подавляющем превосходстве в крейсерах (чего случайно в будущем может у нас и не оказаться). Но одной из главных причин нашей победы над ними было то, что у нас имелись базы, а у них не было ни одной.

Легко понять, какие трудности может представить в будущем вопрос защиты торговли, если какой-либо наш возможный противник будет иметь свободный доступ к морским коммуникациям из надлежаще расположенных баз.

Таким образом другой фактор, который необходимо учитывать в отношении обороны империи, состоит в нейтрализации возможных баз противника. Оставляя в стороне захват их военной силой, что представляется весьма трудной операцией, это может быть осуществлено только помощью флота, действующего из британских баз, так расположенных, что корабли противника, выходя в море, всякий раз должны иметь боевое столкновение.

У нас много естественных и защищенных портов по всему миру, но так как экономически невозможно превратить государство в одну большую крепость, то мы должны решить, какие порты важны для наших будущих задач, и затем найти необходимые средства, чтобы превратить их в укрепленный пункт против вероятного нападения.

Если это встречает финансовое затруднение, то флоту придется импровизировать свою собственную оборону во время войны в порту, которым он вынужден пользоваться.

Так было в Скапа-Флоу. Лорд Джелико и мистер Уинстон Черчилль ясно указали на громадный риск для государства в отсутствии у флота надежной базы, когда вспыхнет война. Фактором, тормозящим подготовку баз в мирное время, является боязнь вызвать политические обиды за границей, и в этом как раз камень преткновения для развертывания Сингапура, о котором мы будем говорить подробнее ниже.

Требования к современным морским базам

В дни парусного флота наши корабли могли находиться в открытом море в течение многих недель, однако даже тогда для них требовались базы, где они могли бы получить воду и произвести ремонт; как бы то ни было, их требования были просты по сравнению с нуждами современного флота, который с каждым днем становится все более сложным. Прежде, находясь в гавани, корабли были в достаточной безопасности против атак, обеспечив себя соответствующей бдительностью, тогда как в настоящее время мы требуем выработки мер безопасности против невидимого приближения неприятельских подводных лодок и внезапных атак неприятельских воздушных сил. Ясно поэтому, что требования к морским базам сейчас более сложны. Нельзя привести лучшего примера слабости современного флота без заокеанских баз, чем положение Германии в последнюю войну. Она не имела собственных баз за исключением Цзин-Тао, и даже эта последняя не имела достаточно морских сил, для того чтобы оборонять ее и ее коммуникации. В результате этого германские корабли вынуждены были или держаться в открытом море или зависеть от нейтральных портов, но такие временные базы не удовлетворяли повышенным требованиям военного времени и не служили местом, где корабли могли бы уволить на берег команду и перебрать механизмы. Мало того, мы благодаря этому всегда получали информацию о местонахождении германских кораблей.

Вообще признано, что основные требования, которым должна удовлетворять морская база, — это «положение», «обороноспособность» и «материальная обеспеченность». Обзор различных факторов, подлежащих учету при оборудовании базы, дается в прилагаемой таблице, причем стратегические факторы сгруппированы под заглавием «Наступательные» и «Оборонительные».

К первой группе отнесены все те, которые касаются непосредственно наступательной мощности флота, а ко второй — те, которые более связаны с обороноспособностью. Технические требования также приводятся, но поскольку они относятся более к береговой обороне, о них говорить не будем.

образом, но прямой или косвенной целью его является уничтожение или нейтрализация морских сил противника: раз они обезврежены, все остальное становится возможным. Поэтому в основном положение базы должно быть таково, чтобы корабли противника всякий раз при выходе в море могли быть вовлечены в бой.

Базирование Гранд-Флита во время войны представляет хороший пример. Положение Скапа-Флоу было прекрасно в стратегическом отношении, как для предупреждения выхода германских кораблей, так и для поддержания блокады. Однако в тактическом отношении Скапа-Флоу расположено было несколько далеко, чтобы обеспечить возможность

Морская база

Стратегические факторы		Другие соображения	
В отношении наступления	В отношении обороны	Средства обеспечения	Технические данные
1. Расположение, обеспечивающее выполнение своих задач. 2. Расположение в отношении намерения противника. 3. Расположение временных баз. 4. Расположение передовых баз. 5. Расположение баз поддержки. 6. Цепь баз, поддерживающих одна другую. 7. Расположение для фланкирования коммуникаций противников	1. Обеспеченность коммуникаций. 2. Наличие нескольких входов и обеспеченность против атак: а) с моря, б) с суши, в) с воздуха. 3. Топографические данные: Удобный доступ для своих кораблей. Затрудненный доступ для неприятельских кораблей. Неудобство водного района для неприятельских заградительных операций. Неудобство водного района для действия подводных лодок. Неудобство для воздушных атак противника.	1. Доковые средства. 2. Ремонтные средства. 3. Рабочая сила. 4. Снабжение { топливо, боеприпасы, провизия, разное. 5 Организация отдыха личного состава. 6. Госпитальн. средства. 7. Топографические данные. 8. Аэродромы. Удобные места для якорных стоянок. Качество грунта. Защита от ветров. Места для практических занятий.	**Для близкой обороны** 1. Оборона с моря. 2. Оборона с суши. 3. Противовоздушная оборона. **Для дальней обороны** 1. Дозор { надводный, противолодочный, воздушный. 2. Служба траления. 3. Минные поля. **Разное** 1. Служба разведки. 2. Служба наблюдения и связи.

I. **«Положение».** Очевидно, что главный стратегический фактор — это «положение». Существует целый ряд точек зрения о «положении» базы, причем наиболее важная из них заключается в том, что идеальный порт должен обеспечить флоту удобное базирование в соответствии с его задачами. Задачи флота могут быть выражены различным

перехватить «флот открытого моря», когда он предпринимал береговые набеги. В связи с этим Гранд-Флит был переведен в Ровайт в 1917 г. Позднее. в 1918 г., когда стало ясно, что немцы намереваются создать помеху перевозке войск через канал, принято было решение передвинуть линейные крейсеры к устью Темзы, а боевой флот — в Гулль.

Другой пример важности выбора «положения» базы можно видеть в захвате Минорки в XVIII столетии, так как Гибралтар расположен слишком далеко для целей наблюдения за Тулоном. Равным образом в 1904 г. Сасебо по своему расположению был далек для наблюдения за Порт-Артуром, что привело к организации японцами передовой базы на островах Эллиота. Отсюда можно видеть, что основное значение слова «положение» морской базы есть собственно «положение» флота, на нее базирующегося, а не базы как таковой.

Что же касается слова «господство» в связи с положением базы, то такие выражения, как «Гибралтар господствует над Средиземным морем» и т. п., не следует понимать так, что сама база выполняет эту господствующую роль. Последнее возможно лишь в тех случаях, когда батареи береговой обороны в состоянии перекрыть то водное пространство, которое противник стремится использовать.

Примером этого могут служить Дарданеллы или Мессинский пролив. Таким образом надо понимать, что флот, пользующийся базой, господствует на данном участке моря.

Естественно, что при выборе позиции базы с точки зрения досягаемости до противника особое внимание должно быть уделено вопросу, сможет ли база обеспечить базирующимся на нее силам успешное действие при соприкосновении с кораблями противника. Знание намерения противника помогает этому, так как наилучшим способом защиты являются наступательные действия.

Однако это условие тесно связано с необходимостью иметь возможность перемены баз, так как истинные намерения противника редко бывают точно известны. При наблюдении за Тулоном думали, что противник хочет прорваться в Атлантический океан, поэтому использовалась Минорка, но когда выяснилось, что наиболее вероятным об'ектом противника является Сицилия или Египет, то Нельсон выбрал как базу Мадделену.

Как исторический пример, показывающий возможность перемены баз, можно привести Францию, которая, перемещая свои главные силы между Брестом, Кадиксом, Рошфором, Картагеной и Тулоном, создавала для нашего командования ряд сложных задач.

Нашим командирам приходилось не только следить за всеми базами, в которых базировались неприятельские корабли, но надо было предвидеть то направление, в котором неприятельские силы могут двигаться, если они пройдут незамеченными дозором. Важно заметить, что в последнюю войну немецкий флот действовал в Северном море для всех целей из одной базы.

Редко случается, что главная, оборудованная долговременными оборонительными сооружениями, база так идеально расположена, что силы, на нее базирующиеся, могут если не разбить, то задержать противника. Вследствие этого является необходимым развернуть передовую базу, которая будет выполнять эту задачу. Однако существование передовой базы безусловно требует наличия базы поддержки, через которую передовая база могла бы снабжаться и которая предоставляла бы флоту такие средства, каких не имеет передовая база, как например доки и средства ремонта. Цзин-Тао был примером базы. существующей одиноко без вспомогательной базы, и поэтому она была покинута германскими кораблями с началом войны.

Мальта и Сингапур являются примерами прекрасно расположенных баз поддержки, причем главная ценность заключается в том, что они расположены на пути в метрополию, а это предоставляет возможность флоту, базирующемуся на нее, охранять коммуникации. Однако при выборе передовой базы нет выгоды располагать ее далеко, так как становится трудно обеспечить коммуникации, ведущие к ней, а если уж расстояния велики, то необходимо иметь не одну, а несколько баз поддержки. Существуют примеры целой цепи баз, взаимно поддерживающих одна другую. чтобы обеспечить коммуникации баз, далеко расположенных. Лучшим примером этого является наша хорошо известная, имеющая неоценимое значение цепь защищенных портов, ведущая на восток вдоль средиземноморских и атлантических коммуникаций.

Также и Америка в результате войны с Испанией приобрела цепь портов — Кей-Уэст, Гаванна, Гуантанамо, Порто-

Рико и С.-Фома, которые обеспечивают ей действительный контроль над Караибским морем.

Очевидные преимущества имеет база, расположенная на фланге коммуникаций противника. Примером является Владивосток, который всегда был источником беспокойства для японцев в отношении их коммуникаций с Кореей. Владение германцами Остенде и Зеебрюгге было постоянной угрозой нашим сообщениям через канал в течение последней войны.

Наличие нескольких путей в базу увеличивает ее значение, иллюстрацией чего служит беспокойство адмирала Того в русско-японскую войну, когда по его расчетам Рождественский опоздал с прибытием в Цусимский пролив. Конечно Того, владея внутренними путями, мог бы дать русским бой раньше, чем они достигнут Владивостока, направляясь другим путем. Однако победа могла быть не так решительна, так как бой был бы непосредственно вблизи укрепленного русского порта.

II. «Обороноспособность». Следующее требование, которое пред'является к морским базам, — это обороноспособность против атак с моря, с суши и с воздуха.

1. Атаки с моря. Главная защита базы от атак с моря — это наличие флота, на нее базирующегося. Где флота нет, база более подвержена атакам, даже если она и защищена.

Скапа-Флоу представляет исключительный пример, так как при незначительной артиллерийской обороне Гранд-Флит, действуя в Северном море, обеспечивал оборону своей собственной базе. Однако в более открытых водах флот, имея свободу действий, может оторваться от своей базы; в этом случае безопасность базы не должна связывать действия флота. Следовательно надо иметь в виду, чтобы база была обеспечена в отношении безопасности. Иначе, если противнику удастся захватить базу, он воспользуется ее обороной, и будет весьма трудно выбить его оттуда.

Ни одна база не может продержаться одна неопределенное время, без поддержки. Поэтому база должна иметь достаточную оборону, чтобы оказать сопротивление атакам на определенный промежуток времени. Оборонительные средства, предусматриваемые для обеспечения базы, должны быть рассчитаны по времени и по ожидаемому масштабу атак, но не по размерам флота, который пользуется базой; это ошибка, которая иногда допускается.

Есть ряд примеров в истории баз, когда они были вынуждены держаться самостоятельно. Наиболее показательным примером будет Гибралтар, который занят нами в 1704 г., и после этого он все время был предметом многих домогательств со стороны Испании. Будучи сильно укрепленным сам по себе как с моря, так и с суши, он успешно выдерживал осады до прибытия помощи со стороны флота. Однако этот случай не может служить хорошим примером правильного комбинирования сил, так как во время этих грандиозных столкновений мы были слабее в морской силе, и только неудачные действия противника допустили, чтобы к нам прибыла помощь.

2. Сухопутные атаки. Сухопутные атаки против морских баз могут разделяться на два вида: 1) как десант, 2) как атака исключительно со стороны сухопутной границы.

Оборона морской базы против десанта вытекает из правил отражения атак с моря и не требует дальнейшего рассмотрения. История имеет много примеров десантных операций с специальной целью захвата определенной базы. Однако свободная посадка войск на суда для такой операции часто рассматривается как результат господства на море на данном участке театра. Это не всегда справедливо, и известен ряд случаев, когда экспедиционные силы выходили в море, не имея господства, и достигали успеха в присутствии неприятельского флота. Крупнейший пример этого из современной эпохи представляет перевозка японцами больших армий в Корею, затем осада и взятие Порт-Артура при наличии сильного неприятельского флота и отряда неприятельских крейсеров в базе. Опасность этого предприятия также хорошо иллюстрируется захватом корабля, доставлявшего боезапас для флота, действующего против Порт-Артура.

Германские комбинированные операции на острове Эзеле и в Рижском заливе в 1917 г. представляют более со-

временный пример такого же рода обстоятельств.

Так как возможно, что подобные комбинированные операции могут быть предприняты при начале будущей войны, весьма желательно предупредить, чтобы мы не становились на ту точку зрения, что они являются слишком рискованными как для нас, так и для наших возможных противников.

Окинув взглядом мировую карту, можно видеть, что у нас есть морские базы, имеющие важное значение или могущие приобрести такое значение в военное время, которые могут быть атакованы непосредственно со стороны суши.

Не входит в задачи настоящего доклада обсуждать возможность их удержания, но важно заметить, что они могут оказаться слабыми звеньями в общей цепи обороны государства.

3. Атаки с воздуха. Атака с воздуха— это один из вопросов, к которым следует подходить с осторожностью, причем некоторые утверждают, что опасность воздушных атак для заокеанских морских баз невелика. Это зависит в значительной степени от близости аэродромов противника, а атаки с авианосцев могут быть только случайными и маловероятными, так как они сопряжены с большим риском для самого авианосца, который является более ценным для выполнения других задач.

Тяжелые современные бомбовозы имеют радиус действия от 200 до 400 миль в зависимости от типа. Опасность безусловно существует, и успехи в развитии воздушных сил ее прогрессивно увеличивают.

То правило, что главнейшим обеспечением базы против атак с моря является присутствие флота, действующего из данной базы, не вполне применимо к воздушным атакам, которые якобы должны отражаться воздушными эскадрильями, действующими из данной базы. Как показывает практика, отражающие воздушные эскадрильи должны быть специально обученными и могут успешно действовать только в соединении с хорошо разработанной системой постов, звукоулавливания и связи, но иметь такое оборудование в отдаленных, передовых базах кажется маловероятным. Однако должно уделяться большое внимание приспособлению аэродромов для достаточного числа аппаратов, чтобы производить контратаки. При выборе передовых баз этот новый и важный фактор должен всегда учитываться.

В средства обороны океанских баз в Панаме, Гаваях и на Филиппинах САСШ включают эскадрильи самолетов всех типов.

III. «Обеспечение». База должна заключать в себе самой все виды снабжения или быть так расположенной, чтобы снабжение ее было обеспечено. Способность базы обеспечить флот спокойной стоянкой и способность базы снабжать флот всеми видами довольствия являются важным фактором. При этом, если база имеет возможность снабжать флот непосредственно из своих ресурсов и запасов, то вопрос коммуникаций базы значительно упрощается.

Доковые и ремонтные средства являются наиболее важными элементами обеспечения, а топливо, боеприпасы и продовольствие — важнейшими видами снабжения.

Другим очень важным фактором при выборе баз является способность базы производить докование и ремонт. Некоторые из наших мощных баз страдают этим недостатком.

Этот вопрос имел место при дискуссии о Сингапуре, который имеет малые ресурсы за исключением туземной силы, и наоборот Сидней имеет все ресурсы и белую рабочую силу.

На основании этих предпосылок некоторые делают вывод, что Сидней было бы лучше превратить в главную базу флота. Тот же аргумент применяют к другим австралийским портам и выставляют положительные стороны, так как затрата средств здесь является выгодной в мирное время и способствует развитию этих портов.

В известном случае может оказаться необходимым развивать австралийские порты как средство обороны этой страны против нападений, однако они не могут заменить Сингапура как звена в общей схеме обороны государства, так как Сингапур так расположен на главной торговой артерии на Восток, что было бы недопустимым с стратегической точки зрения оставить его незащищенным при возможности захвата со стороны какого-либо современного Сюффрена.

Если рассматривать приведенные выше требования в отношении Сингапура, то ясно, что эта база отвечает этим требованиям, а австралийские порты нет. С точки зрения защиты наших собственных интересов Сингапур занимает выгодное положение для обеспечения любой операции в восточных водах. Что касается его положения относительно намерений наших противников, то он должен фланкировать любую операцию, предпринимаемую против Австралии, и в то же время охранять подступы к Индии с Востока. Он прикрывает коммуникации, ведущие на Восток, он защищает коммуникации, по которым идет подвоз нефти из Бирмы в Боржо, он продолжает цепь морских баз на Востоке и хорошо защищен с моря и с суши. Имеется достаточно рабочей силы для погрузочных работ, уже имеются доки и происходит дальнейшее оборудование его как морской базы.

С точки зрения обороны империи австралийские порты не отвечают этому требованию, хотя и имеют преимущества в климате, некоторых видах обеспечения и в белой рабочей силе для нужд обороны.

Выбор базы

Сейчас мы пытались проанализировать как можно проще те необходимые условия, которым должна удовлетворять всякая морская база. Конечно невозможно выбрать базу так, как этого хотелось бы, и оборудовать ее в таком месте, чтобы она обладала желаемым качеством. Прежде всего надлежит использовать уже существующие порты.

Вообще же говоря, является полная необходимость изучать театры военных действий.

Мы не должны переоценивать знания нами географии. В этом отношении Германия в последнюю войну сделала ряд сюрпризов для нас. План борьбы на наших коммуникациях, разработанный немецким штабом, показывает, что немцы знали наши коммуникации и географию. Например крейсер «Карлсруэ» пользовался для якорной стоянки малоизвестным островом Кайсара и другими якорными стоянками на северном берегу Бразилии; «Дрезден» чувствовал себя как дома среди лабиринта фарватеров и бухт, которые лежат в стороне от известных фарватеров вблизи Магелланова пролива.

Передовые базы

Безопасность передовой базы во многом зависит от ее расположения, однако кроме этого необходимо обеспечить передовую базу и всеми другими мощными оборонительными средствами, чтобы не иметь случаев, подобных захвату французами в 1782 г. базы Тринкомали.

Оборона базы

Вопрос обороны базы также подвергается некоторому обсуждению. Существуют две точки зрения, указывающие наналучший способ защиты морских баз от атак с моря: одна защищает испытанную систему неподвижных береговых орудий, в то время как другая указывает на нецелесообразность приковывать и людей и средства к неподвижному гарнизону и предпочитала бы осуществить оборону посредством действия воздушных сил против неприятельских кораблей. Последняя точка зрения имеет своих сторонников в правительстве, которые рассчитывают, что такой способ может быть более экономным и в то же время ведет к росту наших воздушных сил. Мы не предполагаем оспаривать «за» и «против» этих двух мнений, а только указываем, что при использовании воздушных сил для обороны базы необходимо учитывать следующие два обстоятельства:

1) Эффективность воздушных сил для уничтожения боевых кораблей сомнительна или во всяком случае не доказана.

2) Всегда является риск, что в момент международных осложнений воздушные силы, предназначенные для обороны данного порта, могут как раз там не оказаться в то время, когда они потребуются.

Более разумной является такая точка зрения, которая определяет необходимые расходы по степени важности базы, для того чтобы сделать ее абсолютно защищенной, причем армия и воздушные силы должны быть скомбинированы в правильном соотношении, для того чтобы встретить атаку ожидаемого порядка.

Заключение

Если обратить внимание на владения трех великих морских держав, то можно заметить, что владения всех трех широко разбросаны. Из этого вытекает, что благополучие Британской империи зависит от защиты наших коммуникаций, причем надо помнить, что в каждом океане имеются хорошо оборудованные и укрепленные морские базы, принадлежащие прочим державам. С другой стороны важно заметить, что поскольку наши крейсерские силы уменьшены международными договорами, то важность иметь хорошо оборудованную и удачно расположенную базу увеличилась, так как крейсеры, чтобы выполнить свои задачи с полной эффективностью, зависят от баз.

Существует общее соглашение между всеми культурными народами, что международные претензии лучше всего разбирать путем арбитража, не прибегая к войне. Однако безопасность Британии и ее престиж, которые дают нам право оказывать наше действительное влияние в качестве союзника, мирового полисмена или посредника, находятся в зависимости от наших возможностей направить наш флот в любую часть земного шара и, если потребуется, использовать его для достижения цели.

Это требует надлежащих затрат на морские базы в мирное время, так как они в деле обороны империи составляют не менее существенную часть, чем боевые корабли.

Перевел **Оксман.**

Ком. **Р. Паркер**

Анализ воздушной опасности

(С английского)

An' Analisis of the Air menace. Com. Ralph C. Parker. „U. S. N. I Proceedings", May 1932.

Отметив большое расхождение взглядов по вопросу эффективности авиации в морском бою, автор анализирует свойства воздушного оружия с точек зрения его разрушительной силы, скорострельности, меткости, возможной множественности ударов, действительности, дальности и уязвимости. Приходя в общем к выводу, благоприятному для этого оружия, он находит однако недопустимым лозунг «ликвидируй линкоры, авиация выше всего». Линкор и авианосец должны дополнять друг друга.

Вопрос об использовании авиации в морском бою и ее собственная эффективность по сравнению с флотом подвергаются большим обсуждениям и выявляют целый ряд разногласий. Доказательства того или иного положения вызывают новые несогласия и новые доказательства, тем самым спорящие стороны непроизвольно удаляются от действительной истины.

Такое разногласие особенно нашло свое отражение в вопросе о нападении самолетов на линкоры. С одной стороны мы имели ярых сторонников авиации, действующей самостоятельно, которая будто бы способна топить корабли, как жестяные коробки. С другой стороны выступают твердокаменные представители старой школы, по мнению которых морской бой после нескольких схваток самолетов, подводных лодок и торпедных катеров кончается все-таки схваткой между главными силами.

В дальнейших рассуждениях делается попытка установить факторы, которые применимы ко всем наступательным средствам, и, взяв их за основу, взвесить все сильные и слабые стороны самолета. Мы рассмотрим только самолеты авианосцев, которые предназначены для атаки или обороны кораблей; береговая авиация, хотя и располагает большим районом действия, все же прикова-

на к берегу, и инициатива соприкосновения с ней принадлежит флоту.

Что касается морских воздушных сил, то из них бомбардировщики в меньшей степени подлежат рассмотрению, чем торпедоносцы, поскольку первые по распространенному представлению обладают большими возможностями. Однако те принципы, которые применимы к бомбардировщикам, применимы в большей части и к торпедоносцам.

Какое бы оружие, новое или старое, мы ни рассматривали, мы можем считать, что его общая эффективность заключается **в разрушительной силе:** одним ли ударом или несколько раз примененное оружие должно дать достаточный, поражающий эффект. Но действие его должно сопровождаться хорошей **скорострельностью** (или быстротой использования). Какой бы ни был в отдельности удар, все же он не дает исхода, и следовательно надо нанести несколько подобных ударов, чтобы уничтожить противника и выиграть войну.

Еще в большей степени необходима **меткость,** без которой быстрота использования оружия потребует громадных затрат материальных средств. Поскольку применяется несколько видов оружия, то независимо от характеристики каждого оружия надо учитывать его **количество:** то количество боевых средств, которое мы имеем в настоящее время, ожидаем иметь в скором времени или изготовить в случае надобности. Однако характеристика оружия не будет полной без оценки его **действительности.** Оно не должно быть «оружием на время», которое невозможно использовать в любой момент, в зависимости от обстановки и необходимости. Оно не должно быть слишком **уязвимым;** наоборот оно должно само поражать в большей степени, чем терпеть поражения. Наконец, оружие должно иметь достаточную **дальность.**

Перечисленные факторы не поддаются простому определению: каждый из них можно развить и исследовать до бесконечности. Однако с их помощью можно наметить об'ем изучения оружия.

Разрушительная сила. Оценивая этот фактор, сравним авиабомбу со снарядом, поскольку мы более знакомы с последним и наше представление о разрушительном действии вынесено главным образом отсюда.

Скорость полета, точность и живая сила снаряда быстро падают по мере увеличения дистанции. Скорость полета бомбы наоборот увеличивается с увеличением высоты бомбометания. Однако это увеличение идет до предела от 3 000 до 4 000 м; при большей высоте увеличения скорости не получится, так как, падая с такой высоты, бомба достигает критической скорости. В противоположность снаряду точность попадания бомбы уменьшается по мере увеличения скорости и живой силы удара.

Чтобы пробить толстую броню, снаряд должен иметь толстые стенки и следовательно уменьшенный об'ем для взрывчатого вещества. Бомба же при всех условиях не сможет приобрести достаточной скорости, чтобы одной живой силой удара пробить толстую броню; поэтому корпус ее может быть более тонким, а об'ем для взрывчатого вещества относительно большим. Вполне возможно изготовить бомбу, которая пробивала бы палубу линкора, но весьма сомнительно, чтобы можно было ею вообще попасть в корабль, поскольку ее сбрасывать надо было бы с очень большой высоты. Грубо говоря, успешность применения бомб зависит в большой степени от живой силы удара.

Пока что нет формулы, которая бы определила соотношение разрушительной силы бомбы и снаряда во всех случаях. Мы имеем богатые сведения об опытных бомбардировках, но никто еще не может сказать, что поражение корабля тем или иным метательным предметом даст именно такой-то результат и никакой больше. Мы навешиваем на наши корабли 14" броню, отнюдь не надеясь, что снаряды от нее будут отскакивать, как теннисные мячи, а лишь для того, чтобы уменьшить возможную опасность корабля. Мы снабжаем корабль переборками и осушительной системой, вовсе не надеясь, что взрывом торпеды или мины он не будет поврежден, а для того, чтобы после взрыва корабль оставался на плаву. Нанесенные в большом количестве удары различным оружием могут причинить гибель корабля, в то время как 1—2 удара могут причинить ему лишь некоторое повреждение. Все это учитывается при постройке кора-

бля. Его вооружают определенным количеством пушек и торпедных аппаратов не потому, что большее количество их могло бы скорее уничтожить врага, а потому, что это определенное количество обеспечивает потребность, необходимую для выполнения поставленных задач данному классу кораблей. И если авиабомба имеет 25, 50 или 75% эффективности артиллерийского снаряда, если даже это и будет доказано, все-таки мы не должны пренебрегать бомбой как сильным оружием. В противном случае мы должны были бы исключить из рассмотрения и артиллерийский снаряд, так как он обладает несравненно меньшим разрушительным действием, чем торпеда или мина.

Допустим на минуту, что линейный корабль имеет меньше шансов быть утопленным бомбой, чем снарядом или торпедой; однако безрассудно было бы обманывать себя, допуская, что 450-кг бомба, разорвавшись на верхней палубе, башне или в другом месте корабля, взрывом поцарапает лишь окраску. В действительности же в лучшем случае после попадания бомбой корабль отделается незначительными повреждениями и сохранит свою боеспособность; в худшем же случае он потеряет большой процент скорости, пловучести или огневой мощи и вынужден будет докироваться несколько месяцев. Таким образом после нескольких серьезных воздушных атак командующий морскими силами убедится, что часть его линейных сил стала небоеспособна, хотя и не потоплена, или, что еще хуже, не может уйти от противника вследствие потери хода. Каковы бы ни были преимущества в начале боя, мы должны усвоить, что они приобретают все большее значение по мере прогрессивности боя. Поэтому правильно ли будет стремиться получить начальное превосходство артиллерии в первые же залпы, отрицая возможность получить это превосходство путем воздушной атаки?

Далее, стоит ли нам допускать, что флот может наступать только при помощи линейных кораблей? Воздерживаясь от воздушных атак, говоря, что для этого нет подходящих об'ектов, люди больше полагаются на рассуждение, чем на факты. Война не есть какой-то матч, при котором засчитывается лишь непременное прикосновение к воротам противника. Если ты хочешь нанести поражение врагу по времени и месту там, где ты можешь, делай это, если только удар оправдывает твои усилия и вероятные потери. Может быть много случаев, когда самолеты, не достигнув атакуемого линкора, атакуют менее важные, но более уязвимые об'екты, расположенные поблизости. И если, сбросив бомбу на эсминец или учебный корабль, мы причиним меньшие потери противнику по сравнению с атакой линкора, то и цена успеха (потери противника), сопоставленная с затратами (наши собственные потери), может дать выигрыш все же в нашу пользу.

Не следует упускать из виду возможность воздушной атаки кораблей охранения.

Какие корабли противника будут находиться в охранении и следовательно чаще всего подвергаться воздушным атакам наших воздушных сил?

Легкие крейсеры и эсминцы.

Будут ли эти корабли чаще всего подвергаться неожиданным воздушным атакам ввиду того, что они снабжены сравнительно слабо вооруженными противосамолетными пушками, в меньшей степени охраняемы истребительной авиацией и более уязвимы, чем авианосцы и линкоры?

Конечно будут.

Должен ли командующий флотом, готовясь к операции, учитывать возможную потерю кораблей охранения?

Без сомнения должен.

После всего этого, какие причины могут удержать нас от воздушной атаки этих кораблей, если нет других подходящих об'ектов?

Никаких причин кроме сохранения нашей авиации на случай атаки главных сил противника, но этот случай может нам и не представиться.

Таким образом вопрос о том, может или не может самолет утопить линкор, является схоластичным. Разрушительные свойства самолета вероятно меньше, чем у орудия или торпеды, но он также может разрушить и уничтожить все что угодно; весь вопрос лишь в частоте, продолжительности и силе удара.

Скорострельность. Скорострельность самолета зависит от количества использованных им средств нападения в еди-

ницу времени, иначе говоря, она зависит от под'емной силы самолета, скорости полета и числа раз использования своего оружия во время операции.

Современный самолет может нести бомбу, равную по весу торпеде или 16" снаряду, но он не имеет возможности быстро восстановить запас вооружения, так как возвращение для перезарядки на авианосец и вылет на повторную атаку невозможны. Но каждый полет кроме времени пребывания в воздухе должен включать время на посадку, перезарядку боезапаса, горючего и время приготовления к следующему полету. Вернувшись с атаки после сильного противосамолетного огня, надо думать, что очередная атака того же отряда самолетов будет проводиться с меньшей энергией и другими результатами, особенно если отряд получил уже некоторый урон. Авианосец, поднявший свои самолеты в атаку, также вряд ли останется невредимым в течение нескольких повторных бомбардировок, которые произведет противник, имея свою авиацию и крейсеры. К тому же запас бомб даже на самом большом авианосце ограничен международными договорами. Запас бомб, которым располагают самолеты авианосцев «Саратога», «Лексингтон» и «Ланглей», по разрушительному действию едва ли равен одному артиллерийскому залпу наших крупных кораблей, а притом повторные атаки самолетов возможны не раньше как через 30—40 минут.

Повышая нагрузку самолета, приходится увеличивать и размеры и вес самолета, однако увеличение груза не дает больших преимуществ, зато эти уязвимые гиганты-авианосцы, будучи в силу ряда причин в ограниченном количестве, станут жертвой обороняющегося противника.

Рассуждая теоретически, воздушная армада может пересечь океан с целью атаковать нас, однако используемое ею оружие едва ли будет настолько опасным, чтобы оправдать все затраты, усиливая вероятные потери в пути. Наконец те самолеты, которые долетят, могут не получить от нас «ни городских ключей, ни билетов на обратный путь». Игра может оказаться не стоящей свеч. Вообще же говоря, самолеты, выполняя свою задачу, должны действовать массой и совершить несколько полетов, чтобы эффективно использовать свое вооружение.

Меткость. Меткость всегда относительна. Вы можете добиться 100% попадания, если приблизитесь к цели, и наоборот на 99,9% используете оружие впустую на больших дистанциях и высотах.

Мы не приводим здесь точных расчетов меткости и процентов попадания нашими самолетами в различных случаях бомбардировки, но несомненно попадания будут иметь место, если самолеты будут атаковать на высотах, на которых они рискуют быть пораженными противосамолетным огнем. Кроме того высокий процент попаданий абсолютно необходим, чтобы компенсировать низкий коэфициент огневой мощи самолета.

Чем больше высота самолета во время атаки, тем меньше он подвержен поражению зенитным огнем, но в то же время и действительность его атаки будет мала.

Нам известно, в какой степени противосамолетная защита понижает меткость бомбометания самолетов. Это совершенно естественно, так как всякий об'ект стреляет более успешно, если он не подвергается нападению. Но отсюда не следует, что самолет при атаках должен набирать такую высоту, чтобы его не могли заметить зенитные батареи.

Выводы. Меткость бомбардировщика и его прочие разобранные нами условия для успешного действия аналогичны другим средствам борьбы. Мы не должны рассматривать летящий над нами самолет противника как предвестник немедленного взрыва бомбы на палубе корабля, но в то же время не должны оставаться пассивными, наблюдая воздушную атаку, хотя бы в сотнях километров от нас. Наша задача — не допустить к себе самолеты противника на дистанцию сбрасывания бомб.

Численность. Кажется несколько странным, что каждый раз, как только подойдем к вопросу о численности боевых средств, мы невольно производим сравнение стоимости линкора и самолета. В самом деле, с одной стороны — 30 млн. долларов, с другой — 50 тыс. или 1 линкор и равные ему по стоимости 600 самолетов, а следовательно

600 бомб, которые смогут утопить всякий линкор. Чего же больше!

Такие рассуждения напоминают о планах некоего фермера, мечтавшего о множестве гусей, которые будут ежедневно нестись, и если все это подсчитать на несколько месяцев, то получатся миллионы яиц, гусят, миллионы долларов.

Всякий, кто обстоятельно ознакомится с авиационным производством, эксплоатацией и снабжением и учтет новейшие условия и опыт мировой войны, убедится в громадном разрыве, который существует между количеством изготовленных и активно действующих самолетов.

Что же касается морской авиации, то численность ее поставлена в зависимость от наличия авианосцев, являющихся узким местом нашей военноморской мощи.

В самом деле, предположим, что самолеты черной стороны должны уничтожить 20 белых кораблей с таким расчетом, что 10 бомб в среднем топят корабль, попадание бомб измеряется 25%, потери самолетов — 33% при 40 самолетах на каждом авианосце, участвующем в атаке. Мы придем к выводу о необходимости иметь для этого 30 авианосцев, т. е. целый авианосный флот. Но не сможет ли меньшая черная авиация достигнуть тех же результатов путем успешных атак? Да, если ее самолеты произведут больше повторных атак, а ее авианосцы не будут повреждены, утоплены или преследуемы крейсерами белой стороны; но нет однако никаких причин утверждать, что какой-либо флот останется столь беспомощным или морской бой будет таким односторонним.

Далее, будет ли утоплено во время воздушной атаки такое количество белых кораблей, что победа черных будет обеспечена? И даже если у белой стороны не будет утоплен ни один корабль, то не понизится ли его боеспособность настолько, что даст победу черным? Конечно это может случиться. И это является аргументом к тому, чтобы не только иметь достаточно мощную авиацию, чтобы нанести удар противнику раньше, чем он нанесет его нам, но и сильнейшую артиллерию, которая сломит противника и уменьшит вероятность нашего поражения.

Наши игры показали, что авиация обоих противников обычно выводится из строя в начале войны или по крайней мере перед генеральным сражением в результате массовых потерь или благодаря изматыванию людей и механизмов. Но было бы ошибочным приводить и направлять это доказательство против использования авиации. Будучи оружием дальнего действия, самолеты будут применяться в первую очередь и очень часто, а это приведет безусловно к износу и потере материальной части. Такие же доказательства могут быть приведены и для об'яснения потери судового состава.

Надо здраво оценивать средства и факты. Надо понять, что самолет является своеобразным метательным оружием, что он будет применяться часто в начале войны, что надо иметь многочисленную авиацию и держать ее в готовности, а также иметь достаточный запас машин для замены выбывающих из строя самолетов. Для снабжения авианосца самолетами и производства замены выходящих машин из строя должен иметься соответствующий запас самолетов на складах наравне с прочими видами боезапаса.

Можно представить себе, что наши авианосцы могут быть атакованы неприятелем и потоплены со всеми своими самолетами, в то же время сотни самолетов в полной готовности находятся в базе и не могут принять контрмер, так как нет соответствующего пловучего состава, который мог бы доставить их к месту атаки. Каким укором должно звучать сообщение, что один или несколько из наших немногих авианосцев подверглись атаке неприятельских самолетов и были уничтожены!

Хотя мы и связаны на время искусственными договорными ограничениями, все же, логически разрешая эти вопросы, мы должны в конце концов найти в себе энергию, чтобы строить авианосцы до установленного договорами тоннажа и приспособлять для этого другие корабли, в частности производить оборудование полетных палуб на крейсерах.

Действительность. Если оружие не может быть использовано в любой момент, оно имеет малую боевую ценность независимо от прочих хороших его качеств. В особенности это приме-

нимо к самолету, как к наступательному оружию.

Возможность полета зависит от времени года, театра действий и различных условий погоды: шторма, плохой видимости, тумана и т. п. Поэтому наши упражнения авиации иногда могут привести к ошибочным выводам, так как они выполняются большей частью в условиях спокойного моря и ясной погоды; в военное же время вероятно придется действовать в любых условиях.

Наступательная операция всегда связана с выбором времени и обстановки. И если плохая погода не дает возможности произвести воздушный налет в намеченное время самостоятельно или совместно с флотом, то такая неудача не должна умалять роли авиации и ее возможно больший успех в то время, когда другие более мощные средства не смогут вовсе принять бой и противодействовать неприятелю. Вы достигнете больших успехов в охоте с ружьем, которое иногда тоже отказывается действовать, но вы никогда не добьетесь успеха с топором, хотя бы он был в полной исправности.

Что касается неприятностей, происходящих благодаря нашей временной неспособности полностью использовать бомбардировочную авиацию по причинам метеорологического характера, то они могут быть очень редкими. Мы мало возлагаем надежд на бомбардировщиков с целью остановить нападение противника; вероятнее всего мы пошлем их атаковать противника тогда, когда у нас не будет других средств для его уничтожения.

В хорошую погоду конечно флот подвергается атаке бомбардировщиков, но это не значит, что флот должен нападать на противника только в плохую погоду, когда авиация не может действовать. Ведь война не ведется по программе.

Уязвимость. Всем известно, что самолет — тонкий механизм. Если ценность потерь авиации противника превышает ценность повреждений, нанесенных нашим кораблям, то нам безразлично, откуда действует эта авиация противника; если же наши потери будут значительно превышать потери авиации противника, тогда нам срочно придется оценить опасность и предпринять меры для ликвидации ее, т. е. сделать налет на базу авиации противника, чтобы не нести постоянных и возрастающих потерь.

В настоящее время мы сравнительно мало знаем о потерях самолетов в будущем. Во время мировой войны зенитная артиллерия непрерывно совершенствовалась и уже к концу войны на поражение одного самолета в среднем приходилось тратить только одну треть зенитных снарядов того числа, которое тратилось в начале войны. Нет сомнений, что с тех пор достигнуты еще большие успехи.

Батарея зенитных орудий линкора, управляемая центральной наводкой и ведущая сосредоточенный огонь по одной цели, обычно сбивает ее; то же относится и к бригаде линкоров, стреляющих по двум целям. Но есть большая разница в стрельбе по буксируемому рукаву или по 10—20 самолетам, развивающим полную скорость и маневрирующим с целью сбить управление огнем атакуемых кораблей. Сомнительно, чтобы судовая зенитная артиллерия добилась успеха, стреляя по самолетам, идущим на разных высотах или стремительно пикирующим на атакуемый корабль.

Далее не подлежит сомнению, что имеются большие достижения в ПВО кораблей как в отношении совершенствования оборудования, так и в отношении количества кораблей, оборудованных средствами ПВО. Но это делается больше по нужде, нежели по желанию, так как все это требует денег, помещений и личного состава, а используется только лишь во время воздушной атаки.

Нападающие самолеты имеют перед зенитными пушками то преимущество, что они могут начать атаку первыми и могут преследовать корабли противника после атаки. Эти преимущества увеличиваются в зависимости от количества самолетов, их скорости, боевой мощи и т. п. Для нас более существенно держать самолеты в воздухе тогда и в таком пункте, где происходит атака, не изматывая их напрасными полетами в ошибочных направлениях и в ожидании атак, которые могут и не состояться.

Ранее доказывалось, что мощные боевые средства корабля должны быть направлены главным образом на разведку и отражение воздушной опасности, для

чего необходимо увеличить количество корабельных самолетов так, чтобы оно превышало количество атакующих самолетов противника.

Ошибочность этого доказательства заключается в сопоставлении, что якобы при большом количестве самолетов можно владеть воздухом, подобно тому как при большом количестве кораблей можно владеть морем. Вы можете сопоставить один корабль с другим с достаточной точностью, потому что их радиус видимости и быстрота передачи сведений о противнике весьма велики по сравнению с их скоростью хода, наконец они движутся только в двух плоскостях, что облегчает учет их действий. Самолет же движется в трех плоскостях с большой быстротой, и его трудно заметить, пока он не окажется почти над головой. Отсюда превосходство в количестве самолетов обороны ни в какой мере не гарантирует от поражения. Самолеты обороны могут быть застигнуты врасплох, так что не успеют подняться и набрать высоту; они могут находиться в воздухе, но не поспеть к моменту атаки: часть их выйдет из строя в бою или измотается во время предыдущих полетов, они могут ошибиться в курсе благодаря неправильным показаниям приборов или неверным движениям, наконец они могут быть опрокинуты более мощной вспомогательной авиацией противника на месте атаки, поскольку стягивание сил и выбор времени и места атаки производит нападающая сторона.

Кроме всего сказанного такая чисто оборонительная авиация менее полезна. Предположим, что мы обеспечили себя на 100% истребительной авиацией, но не имеем ни одного самолета для нападения. Это сильно (но не на 100%) обеспечит нас от воздушных атак противника но зато абсолютно обеспечит противника от наших атак. А если мы возьмем соотношение 1 : 1 между наступательными и оборонительными элементами, то при этом наша безопасность едва ли понизится на 50%, безопасность же противника без сомнения понизится во много раз больше.

Вероятно имеется какое-то соотношение между обоими элементами, которое дает большее преимущество нападающей стороне, т. е. противник получает большие поражения, чем сама наступающая сторона. Пусть в этом разберутся специалисты тактики воздушных сил.

Будущая война несомненно покажет, сумеем ли мы устоять против воздушных атак противника или будем нести поражение за поражением. Но никакому сомнению не подлежит необходимость нанесения удара авианосцам противника, пока их самолеты не атаковали наш флот и базы, ибо вы сможете уничтожить больше шмелей, сжигая их гнезда, нежели размахивая руками при их приближении.

Радиус действия. Мы уже отмечали, что радиус действия самолета есть его действительная дальность действия, так как в этом смысле радиус действия влияет на нашу стратегию и тактику. Обращаясь к ПВО корабля, безразлично, с какой высоты он подвергнется бомбардировке с высоты 2 000 или 3 000 м, так как все равно кораблю ничего не останется делать, как отстреливаться своими зенитными пушками и посылать проклятия по адресу своей авиации, которая не могла дать отпора противнику. Но тот факт, что воздушная атака может осуществляться с дистанций, в 20 и больше раз превышающих дальность орудийного огня, вынуждает корабль искать новые методы защиты.

Существуют три широких пути, по которым мы должны пытаться встретить воздушную опасность:

а) сбить самолеты и тем самым не допустить атаки;

б) произвести контратаку своей авиацией;

в) вступить в морской бой, выиграть его и тем самым решить судьбу войны.

Наша точка зрения заключается в том что мы ставим перед собой главную цель — нанести удар первыми.

Что касается решительного боя флотов, то мы полагаем, что если обстановка складывается для противника так, что он должен владеть морем или проиграть войну, то он попытается победить нас и завладеть морем, но если обстановка позволяет ему выжидать и производить наблюдение за нами, то нам в этом случае нельзя рассчитывать на быстрый исход войны.

Атака противника в его базах, наподобие действий Хока в Кибероне или Фаррагута в Мобиле, нецелесообразна в современных условиях, при наличии

мин, подводных лодок и береговой обороны. Для захвата противника в открытом море также становится все меньше и меньше шансов. Сторона, готовящаяся к отступлению или уклоняющаяся от артиллерийского боя, может использовать (или только угрожать) свои эсминцы, подводные лодки или плавающие мины, чтобы не позволить противнику производить преследование своих сил. Мы часто критикуем осторожные действия стороны, имеющей превосходство в силе над противником, т. е. критикуем отказывающегося добиваться решительной победы из боязни рисковать, однако мы не должны отрицать, что риск при этом существует и может быть максимально использован слабейшим противником при нашем сближении с ним для решительного боя.

Далее надо учитывать большой радиус действия средств связи и наблюдения, существующих в настоящее время. В те времена, когда соотношение сил выяснялось только при сближении на дистанцию видимости, тогда шансы ухода от погони были ограничены. Теперь же, когда дистанция соприкосновения противников во много раз превышает дальность видимости, не может быть и речи о каких-либо неожиданных встречах, так что слабейший противник всегда может уйти, если он не имеет преимущества над своим соперником.

Скорость корабля имеет меньшее значение для воздушной атаки, чем для артиллерийского боя. Во время последнего дистанция имеет решающее значение, а владеть дистанцией можно только в том случае, если имеется преимущество в скорости. На предельных дистанциях артогня преимущество в скорости на 1—2 узла может служить причиной поражения слабейшего противника и наоборот последний, обладая большим ходом, сможет уйти невредимым. При воздушной же атаке корабля скорость последнего не имеет никакого значения, так как все равно он не уйдет от самолетов.

Эти рассуждения не исключены и для случаев, когда мы столкнемся с линейными крейсерами или «карманными линкорами» типа «Дейчланд» — слишком мощными по сравнению с нашими крейсерами и слишком быстроходными по сравнению с нашими линкорами.

Предположим, что наш флот выполняет какую-то операцию в открытом море и его преследуют самолеты противника. Ведь мы же не можем запретить им беспокоить нас и не можем также организовать погони кораблей за ними, расходуя драгоценное топливо (кстати самолеты будут отступать по направлению к своим главным силам), а если мы будем иметь собственные самолеты для атаки противника, картина резко изменится и тогда никакие разведчики противника не помешают действиям наших бомбардировщиков. Кроме того мы можем дальше утверждать, что сильнейшая в артиллерийском отношении сторона успешнее всего сможет произвести воздушную атаку флота противника в его собственных водах, если он отказывается выходить в открытое море. И если воздушная атака с моря по базам или стоянкам флота проводится организованно, то местные воздушные силы и зенитные батареи не смогут ничего поделать, чтобы отразить атаку.

Впротивовес нашему положению, рассматривающему авиацию как активное оружие, которое следует применять в начале операции и почаще, существует теория, предлагающая авиацию сохранять для окончательного удара, иначе мол она быстро износится или понесет потери.

В настоящее время принцип сохранения сил для решительного удара достаточно обоснован и имеет в виду «нанести удар раньше противника», и мы годами добивались, чтобы первыми нанести поражение противнику артиллерийским огнем, мы непрерывно увеличиваем дистанцию наших практических стрельб, мы тратим миллионы на увеличение дальности артогня на старых кораблях. Мы вероятно будем открывать огонь на дистанции 20 000—30 000 м, хотя бы и небольшим процентом попаданий, но все же противник первый получит эти попадания. Было бы полным переворотом в логике, если бы мы отрицали необходимость использовать свое оружие первыми.

Наши бомбардировщики и торпедоносцы должны тогда атаковать и выбирать высоту атаки, когда об'ект и его место будут точно определены, притом на такой дистанции, чтобы можно бы-

ло достигнуть его и вернуться обратно, не нуждаясь в горючем и не теряя ориентировки. Если противник рассчитывает на меньший предел своей безопасности, или имеет самолеты с большим радиусом действия, или настолько фанатичен, что, жертвуя самолетами и летчиками, атакует на высотах и дистанциях, не допускающих никаких шансов на возвращение самолетов, мы все-таки не должны игнорировать этого и рассчитывать, что подобная воздушная атака не может причинить нам большого вреда. В этом случае самолеты противника могут очутиться в положении дуэлиста, который, выстрелив первым, промахнулся и остается на месте в виде мишени с разряженным пистолетом.

Производить воздушную атаку нужно непосредственно перед боем флота, когда противник не будет иметь времени исправить повреждения, во время боя, когда он будет занят и ослабит внимание по части ПВО, или сразу после боя, когда боеспособность его сильно понизится. Вместо использования самолетов и подлодок в самостоятельных их действиях мы часто настаиваем на использовании их в совместном морском бою, отчего они могут сильно пострадать, но с другой стороны такое прекрасное средство борьбы держать в резерве и действовать лишь одной корабельной артиллерией является конечно недопустимым.

Против многих изложенных выше заключений можно возразить, так как ни опыт мировой войны, ни опыт проводимых морских маневров не доказывает, что авиация является грозным или серьезным противником артиллерии. Но с другой стороны не следует забывать, что в мировую войну в составе флотов вовсе отсутствовали авианосцы и радиус действий береговой авиации был так мал, что совершенно отпадала возможность воздушной атаки кораблей в море даже на малых дистанциях от берега, так что опыта в этом отношении безусловно нет. А наши тактические упражнения в мирное время, будучи хорошо разработаны, часто переоценивают возможности авиации, в частности продолжительность полета, дистанцию и безопасность, а поэтому в военное время подобные действия авиации вполне могут быть сорваны.

Ограниченность времени и топлива всегда пред'являет флоту требование в кратчайший срок выполнять свои задачи. Поэтому во время упражнений участвующие силы действуют в ограниченных условиях, почти всегда зная о взаимном местонахождении, а постановка задач производится так, чтобы решение их могло быть выполнено также сравнительно быстро. Ни одно из наших упражнений не предусматривает возможности длительного пребывания противника у наших берегов, который может пройти через океан или делать налеты авиации из своих баз. Большие операции, проводимые нами, часто принимают миниатюрный вид. Кроме того наши маневры нереальны также и по причине консерватизма в использовании авиации как в отношении малого количества участвующих самолетов, так и из боязни допустить риск. В то же время при использовании эсминцев и подлодок известный риск допускается. Нас крайне пугает потеря хотя бы одного самолета и летчика, но как будто бы не пугает гибель даже всего флота. Мы слишком считаемся с погодой, между тем как во время войны полеты будут совершаться почти в любую погоду. Точно также мы сильно сокращаем дальность полетов, чтобы иметь большой запас времени на возвращение самолетов в базу.

Наличие 15 линкоров и только 3 авианосцев, с которыми мы будем начинать войну, является результатом сложившихся обстоятельств, а не установившейся нормой. Война заставит нас строить и оборудовать авианосцы намного быстрее и дешевле, чем линкоры, а также всегда иметь готовые самолеты для замены выбывающих из строя. Малочисленность наших авианосцев сопровождается еще и тем обстоятельством, что на каждом из них сосредоточено большое количество самолетов, как говорится «все яйца в одном лукошке», а это вызывает большую опасность.

Допустим, что «Саратога» или «Лексингтон» выйдут из строя, не выполнив своей задачи, и мы тогда должны вычеркнуть половину нашей воздушной морской мощи. Конечно наши авианосцы сильно охраняются, но ведь чем тщательнее эта охрана, тем больше суживается поле деятельности авианосцев. Для

наших упражнений мирного времени авиации вполне хватает, но мы жестоко ошибемся, если будем считать это количество достаточным для военного времени.

Заключение. Мы стремились поставить на разрешение некоторые вопросы, приводя доказательства «за» и «против», но не вынося приговора той или другой стороне. Только опыт и конкретные условия дадут полное решение о влиянии различных факторов на боевую деятельность авиации. Оценивая кратко эти факторы, можно считать, что меткость и точность поражения, разрушительная мощь и действительность воздушного оружия превосходны, но взятые отдельно, сами по себе, не могут противопоставляться таковым же факторам артиллерийского оружия. Большой разрыв во времени от одной атаки до другой одним и тем же самолетом, т. е. «низкая скорострельность» (или об'ем огневой мощи), является наибольшим его недостатком.

Уязвимость — пока еще мало изученный фактор, так как мы не можем реально и вплотную заняться этим делом практически, как это можно делать в артиллерии. Точно также не существует формулы, которая бы учитывала все условия между такими крайностями, как мирное и военное время, т. е. в первом случае веселое возвращение бомбардировщиков на свои авианосцы после учебной бомбежки беззащитного корабля, во втором случае атака этих же бомбардировщиков истребителями, выпущенными противником.

Большой **радиус действия** есть важнейший фактор воздушной мощи, без которого она сильно теряет свое значение. Самолеты могут поражать, и притом жестоко, на дистанциях, далеко превосходящих дистанцию артиллерийского огня, и мы не должны недооценивать этого факта.

Мы отнюдь не делаем вывода, что развитие авиации направлено против развития артиллерии. Линкор и авианосец взаимно дополняют друг друга. Первый почти неуязвим и наносит сильнейшие поражения, но вряд ли сможет заставить противника принять бой. Второй сравнительно уязвим и слабее может наносить удары, но зато наносит их с несравненно больших дистанций, чем артиллерия линкора. Нет необходимости выдвигать на первое место мощь авиации или артиллерии, ибо наша задача — добиваться мощи флота в целом. И лозунг — «ликвидируй линкоры, авиация выше всего», подобно прочим радикальным лозунгам, вытекает не из разумного рассуждения, а из слепоты, недооценки других видов вооружения.

Никакие «новшества» вроде того, что бой на море надо заменить воздушными атаками, не собьют нас с толку и не изменят нашу оценку всякого оружия по достоинству. Морские бои являются серьезнейшим делом, где применяются наиболее взрывчатые вещества для нападения на противника надводными, подводными и воздушными средствами борьбы, кроме того пытаются нанести удар раньше противника.

Если несколько пудов тротила или другого взрывчатого вещества обрушится на наш корабль, то для нас будет иметь меньшее значение эффект взрыва, а гораздо важнее тот факт, что это случилось раньше, чем мы сделали то же самое по противнику. И мы прививаем себе мысль выдержать удар 14" снаряда лишь потому, что мы надеемся в это же время послать противнику два 14" снаряда. Такое же рассуждение мы должны воспитывать в себе и по отношению к авиации.

Признание за самолетом качества как оружия, которое должно быть использовано для удара раньше противника и на большое расстояние, есть первый шаг успеха применения авиации и средство защиты против нее. Однако мы должны делать больше, мы должны чувствовать эти качества авиации и использовать их почти инстинктивно.

Перевел **А. Стассельхо.**

VIII. События на Дальнем Востоке

Метозада Цумото

Шанхайская операция

(Борьба вокруг Шанхая)

Автор излагает ход Шанхайских операций в январе—феврале 1932 г. по официальным японским данным. Статья является продолжением описания операций в Северной Манчжурии, данного в предыдущем выпуске «Военного зарубежника». Ввиду большой тенденциозности обзора приходится и на этот раз сопровождать его изложение редакционными примечаниями.

От редакции

Начав изложение истории шанхайских событий, автор в двух словах описывает начальный период операции под Шанхаем с 28 января по 20 февраля, тщательно скрывая от читателей неуспехи японского флота, морского десанта и 24-й смешанной пех. бригады под Шанхаем и Усуном. В целях цельности изложения всех событий и правильного их освещения редакция вынуждена дополнить труд автора материалами иностранной прессы, относящимися к этому периоду событий.

Шанхайская операция была предпринята Японией с целью укрепления и расширения японских экономических позиций в долине р. Янцзы и с целью разрешения в благоприятном для Японии смысле манчжурского вопроса. Нанося удар по Шанхаю, японские империалисты стремились также покончить с антияпонским движением в Китае и бойкотом японской торговли.

Поскольку японское правительство и генеральный штаб опасались крупных осложнений с США и Англией, имеющих в Шанхае и в долине Янцзы большие капиталовложения, то в начале было решено провести операцию против Шанхая силами морского флота и авиации. Высадка армейских частей несомненно могла бы вызвать более сильное беспокойство со стороны этих держав, ибо она носила бы явный характер оккупации территории Шанхая. Рассчитывая на то, что нанкинское правительство не рискнет на какое-либо серьезное сопротивление непосредственно в Шанхае, японский генштаб полагал вполне достаточным направить для действий на суше 5-тысячный морской десант с 40 легкими и тяжелыми полевыми орудиями, 1 ротой танков и 1 отрядом бронемашин. Этот морской десант обеспечивался поддержкой 10 крейсеров, 3 авианосцев (со 125 самолетами) и 24 эсминцев. Для демонстративных действий против Нанкина было выделено 3 крейсера и 4 эсминца. Помимо того для обеспечения безопасности японских резидентов и защиты вообще японских интересов в долине р. Янцзы и в южных портах Китая сюда были направлены: 1 крейсер, 10 эсминцев и 11 канонерок.

План операции имел в виду очищение от китайских войск Шанхайского района в радиусе 20 км и уничтожение 4 фортов, запирающих вход в р. Янцзы и р. Вампу (двух Усунских фортов, форта Гаоцзяо и форта Сыцзылин).

В то время, когда составлялся этот план, в районе Шанхая было расположено лишь 2 полка китайских войск (6-й и 4-й полки 78-й пех. дивизии). Все остальные части 19-й армии были расположены в районе Нанкина и вдоль железной дороги Нанкин — Сучжоу на значительном расстоянии от Шанхая (схемы 1 и 3).

Дислокация частей 19-й китайской армии отнюдь не свидетельствовала о готовности нанкинского правительства к обороне Шанхая. Японский генштаб однако не учел одного чрезвычайно важного обстоятельства — огромного под'ема антиимпериалистического движения в Китае и готовности трудящихся масс Китая грудью встать на защиту Шанхая.

К моменту прибытия японского десанта в Шанхае имелось свыше 6 тыс. вооруженных волонтеров из рабочих, безработных, городской бедноты и студентов, прочно связавшихся с распропагандированными солдатскими массами 19-й армии и в частности с солдатами 2 пех. полков, стоявших в районе Шанхая.

Когда в ночь на 29 января 1932 г. с прибывших японских военных судов был внезапно высажен 3-тысячный десант, который устремился к северному вокзалу, волонтерские отряды и часть солдат преградили ему путь. Завязался бой, в который стихийно вовлеклось население Чапея.

С помощью населения волонтеры и солдаты в течение ночи не только расстроили наступление японских моряков, но и создали неприступные линии баррикад по берегу канала Хонкю и вдоль железной дороги Шанхай —

Цзянван. Несмотря на высадку 29 января еще 2 000 моряков, японцам не удалось взять северного вокзала и Чапея. Неуспех японцев об'яснялся не столько сопротивлением 2 китайских пехотных полков (6-го и 4-го), солдаты которых вопреки приказу об отходе стали защищать Чапей, но главным образом тем, что в борьбу вовлеклись волонтеры и население Чапея. Успешное отражение волонтерами, жителями и солдатами японского наступления на Чапей оказало решающее влияние на настроение солдатских масс всей 19-й армии. Полки 60-й и 61-й пех. дивизий 19-й армии потребовали немедленной отправки их на фронт. Командование 19-й армии, опасаясь бунта солдат и обвинения в измене, вынуждено было согласиться на передвижение частей 19-й армии к Шанхаю. Нанкинское правительство в это время заняло явно предательскую позицию по отношению к национальным интересам Китая. 19-я армия не получила никаких средств усиления (в армии имелось всего 14 полевых и горных пушек и весьма незначительное количество снарядов). Ни танков, ни тяжелой артиллерии, ни самолетов армия не имела. Все свои лучшие дивизии Чан Кай-ши перебросил в глубь Китая — в провинцию Хонань. Все запасы нанкинского и шанхайского арсеналов были эвакуированы в Лоян. Несмотря на наличие в Пукоу (близ Нанкина) 75 самолетов нанкинской авиации, 19-я армия не получила ни одного самолета.

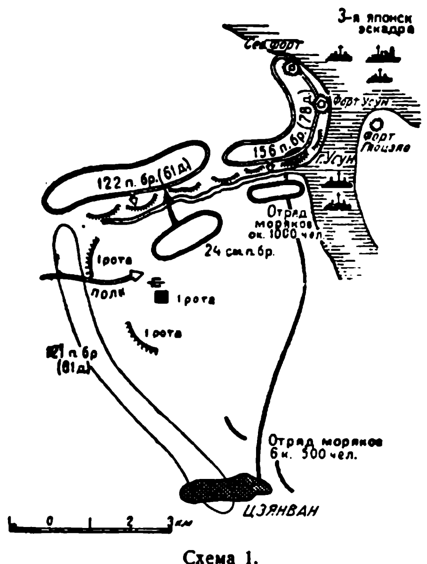

Схема 1.

Нанкинский морской флот в составе 2 крейсеров и 9 канонерок, стоявший на р. Вампу, не оказал никакого сопротивления, заняв нейтральное положение.

После неудачного наступления на Чапей 28—30 января японское морское командование, несмотря на движение к Шанхаю частей 19-й армии, не отказалось от попытки овладения Шанхаем и Усунским укрепленным районом. Усилив морской десант до 8 000 человек, оно с 3 февраля предприняло новое наступление 5 батальонами (около 5 000 человек) на Чапей и одновременно начало действия 2 батальонами (около 2 000 человек) против Усунских фортов при поддержке флота и авиации. Превосходство в силах было на стороне 19-й армии, которая насчитывала около 38 000 человек. Японцы однако имели подавляющее превосходство в технике (до 260 судовых орудий, 40 полевых орудий, 125 самолетов и до 40 бронемашин и танков против 14 полевых орудий 19-й армии).

В распоряжении командования Усунского укрепленного района имелось на 2 главных фортах около 20 орудий калибром от 5,7 см до 30,5 см. Форты с их устарелым вооружением и земляными сооружениями хотя и не представляли большой силы, однако в силу пересеченности местности многочисленными каналами были трудно доступными для атаки с суши.

Это обстоятельство было учтено японским командованием. Когда после демонстративной бомбардировки Нанкина в ночь с 1 на 2 февраля 3 крейсерами и 4 эсминцами, имевшей целью удержать у Нанкина главные силы 19-й армии, выяснилось, что последняя все же направилась к Шанхаю, японское командование начало спешную подготовку к отправке в Шанхай 24-й смешанной пех. бригады и 9-й пех. дивизии.

Не дожидаясь прибытия этих частей, морское командование 3 февраля начало операции против Чапея и Усуна. Недостаток сил и в частности танков, отсутствие инженерных частей и неподготовленность моряков к уличному бою — все это привело к неуспеху наступления 3—4 февраля. С 5 февраля центр японских усилий был перенесен к северу от Чапея. В районе Бацзицяо бои шли до 7 февраля. С 7 февраля японские моряки пытались ночными атаками сломить китайскую оборону у ст. Тентоган и у северного вокзала, но безрезультатно. Усиление морского десантного отряда 1 пех. батальоном 24-й смешанной бригады, прибывшим 6 февраля, и 10 танками также ни к чему не привело. Наступление на Чапей и Бацзицяо, продолжавшееся до 11 февраля, закончилось неуспехом и потерей 1 300 человек убитыми и ранеными.

Бомбардировка Усунских фортов флотом и авиацией была начата 3 февраля и продолжалась с короткими перерывами до конца операции, т. е. до 6 февраля. В бомбардировке участвовало сначала 3 крейсера и 12 эсминцев и до 20—30 самолетов, а впоследствии — 6—8 крейсеров, 24 эсминца и до 40 самолетов. Бомбардировка в общем была малоуспешной. С суши форты атаковывались сначала 2—3 000 моряков (со стороны г. Усуна и г. Паошань), а с прибытием 6 февраля 24-й смешанной пех. бригады осаждающие части были усилены частями этой бригады, которая пыталась отрезать коммуникации 156-й пех. китайской бригады, защищавшей форты. Выдвижение к этому времени на подступы к фортам Усуна 122-й пех. бригады 61-й китайской дивизии обрекло эту попытку на неуспех. 24-я японская пех.

бригада при переправе через р. Усун понесла большие потери (до 25% своего состава), и наступление кончилось полной неудачей.

Перебросив к 16 февраля в Шанхай 9-ю пех. дивизию, японское командование, пользуясь разобщенностью усунской группы противника (156-я и 122-я пех. бригады) от остальных частей 19-й армии, решило силами 9-й пех. дивизии и 24-й смешанной пех. бригады нанести главный удар по левому флангу 19-й армии (севернее г. Цзянван) и, прорвав фронт между р. Усун и г. Цзянван, отбросить 19-ю армию к западу от Шанхая.

С этого момента автор и начинает фактически описание действий японской армии под Шанхаем.

Предоставляя теперь слово автору, редакция будет лишь восполнять его пробелы и исправлять неточность изложения им тех или иных фактов и событий.

Предисловие автора

Это первые заслуживающие доверия [1] сведения на английском языке, напечатанные до сих пор об имевших недавно место военных операциях в районе Шанхая. Сведения почерпнуты из официальных данных, любезно предоставленных отделом прессы военного министерства. Несмотря на огромные потери и непередаваемые страдания, всегда связанные с военными действиями, при чтении истории этой кампании могут пробудиться чувства и более приятного характера.

Например с национальной точки зрения мы можем сказать без всякого тщеславия, что наши сердца горят гордостью и благодарностью, когда мы видим, что наш народ не потерял своей традиционной храбрости и самоотверженного патриотизма, которые сделали Японию тем, чем она есть сейчас среди великих наций мира.

В такой же мере мы хотим отметить большую силу сопротивления и прекрасное единодушие, проявленное китайскими войсками при действиях против наших войск. Без чувства неучтивости по отношению к нашим континентальным соседям мы можем сказать, что это было открытием не только для нас, но и для всего мира [2]. Весь мир имел возможность убедиться, что китайцы в противоположность общепринятому за последние годы мнению обладают качествами, присущими первоклассным бойцам. Необходимы только подготовка и организация, чтобы превратить их в грозную военную силу.

Мы рады отдать эту почесть китайскому народу, потому что мы убеждены, что появление достаточно крупной армии, состоящей из сильных людей, вроде тех, которые находились под руководством генерала Цай Тин-кая, является одним из существенных условий об'единения Китая.

Имеется еще одна причина, почему мы рады неожиданному проявлению храбрости и силы китайцами. Не может быть искренной продолжительной дружбы, если она не будет основана на взаимном уважении. По отношению к нациям это является еще большей истиной, чем по отношению к отдельным лицам.

Перспектива сильной и хорошо вооруженной армии Китая неизбежно может вызвать тревожные опасения. Но, приняв во внимание все соображения, мы можем выразить уверенность, что более сильный и самостоятельный Китай несомненно восстановит более дружественные и продолжительные отношения с Японией [3].

Помимо всех этих соображений мы обязаны во имя справедливости признать наше безграничное уважение к Китаю за ту доблесть, которую его войска проявили в Шанхае.

Метозада Цумото.

---

[1] В целях восстановления истины редакция берет на себя смелость заключить эти слова автора в кавычки.

[2] Это признание автора несомненно заслуживает внимания. Отдавая должное уважение китайскому солдату, автор несомненно не только соблюдает старинную японскую традицию «отдания чести достойному противнику», но и об'ясняет в известной степени истинную причину столь необычайной продолжительности и безрезультатности действий японских войск под Шанхаем. — **Ред.**

[3] Не приходится сомневаться в том, что автор в порыве благородных чувств зарапортовался и высказал здесь мысли, явно расходящиеся с его убеждениями. — **Ред.**

БОРЬБА ВОКРУГ ШАНХАЯ

I. НАЧАЛО ВОЕННОГО ПОХОДА

Императорский морской флот, высадивший в Шанхае с появлением там беспорядков десант для защиты 30 000 японского населения и их имущества, столкнулся с китайской армией, превышавшей его больше чем в 10 раз. Наши моряки в их беспрерывной борьбе против таких неравных сил вынуждены были сражаться в невероятно тяжелых условиях день и ночь почти без сна и отдыха. Несмотря однако на эти усилия, положение в Шанхае становилось все хуже, подвергая наших жителей опасности и создавая неопределенное положение. Так как количество моряков, могущих быть использованными для службы на берегу, было явно недостаточным, то в начале февраля правительство решило с разрешения императора отправить в Шанхай для обеспечения безопасности японских резидентов, а также для выполнения международных обязанностей по охране сеттльмента — сухопутные силы.

Была организована экспедиционная армия во главе с 9-й дивизией. Кроме того была отправлена смешанная пех. бригада 12-й дивизии, которая на время была подчинена командиру 3-й эскадры и позже по прибытии в Шанхай 9-й дивизии поступила в подчинение командира этой дивизии. Смешанная пех. бригада была посажена на корабли 2-й эскадры и покинула Сасебо в 11 часов утра 6 февраля. На следующий день после полудня части бригады начали высаживаться в пункте в 3 км к югу от г. Усуна. Около 17 час. 30 мин. передовые части бригады продвинулись до южной окраины г. Усуна и вошли в соприкосновение с неприятельскими войсками, расположенными вблизи Усунских фортов, в то время как главные силы бригады были сконцентрированы около железнодорожной станции в 3 км к югу от фортов. После обследования местности, а также по соображениям тактического характера было решено прекратить наступление и вести лишь наблюдение за неприятелем.

9-я дивизия начала посадку на корабли в порту Удзина 9 февраля. Передовые части дивизии под прикрытием огня конвоирующих кораблей продвинулись к вечеру 13 февраля по р. Вампу к югу от Усуна. Часть этих войск была высажена у железнодорожной верфи к югу от г. Усун, в то время как главные силы были направлены в Шанхай.

Первое заявление командира 9-й дивизии

Генерал-лейтенант Уэда, командующий 9-й дивизией, по прибытии в Шанхай, прежде чем произвести высадку войск, выпустил декларацию следующего содержания:

«Я прибыл сегодня сюда, имея задание по охране подданных нашей империи, проживающих в Шанхае и в его окрестностях. Провокационное отношение китайцев к нашей высадке поставило сеттльмент в опасное и неопределенное положение. Наши соотечественники находятся сейчас в очень тяжелых условиях. Руководя действиями вверенной мне дивизии, я имею намерение работать совместно с флотом и спасти как можно скорее наших граждан от существующего сейчас тяжелого положения. Хотя моей задачей является достижение поставленной цели по возможности мирным путем, однако всякое вмешательство в действия нашей дивизии будет встречено быстрым и решительным отпором. По отношению к державам, с которыми мы должны сотрудничать, мы в наших попытках спасти сеттльмент от предстоящей опасности сохраним дружественные отношения. В отношении всего населения Китая, которое не будет вмешиваться в дела нашей дивизии или в выполнение ею своих обязанностей, мы готовы, приняв во внимание мирный характер его жизни, учесть его тяжелое положение, заслуживающее симпатии...»

9-я дивизия начала производить высадку первой части войск в 7 часов утра 14 февраля. Часть этих войск была расквартирована в китайской деревне, расположенной на расстоянии около 6 км. к востоку от Цзянвана, в то время как главные силы были расположены на японских фабриках в северо-восточной части международного сеттльмента. На следующий день, 15 февраля, часть этих войск, заменив высадившуюся партию, приняла на себя охрану рай-

она Хонкю (северная окраина Шанхая). Вторая часть войск прибыла на пристань утром 16 февраля, совершив высадку в этот же день [1].

II. ЧТО БЫЛО ПРЕДПРИНЯТО ВО ИЗБЕЖАНИЕ ВРАЖДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

Таким образом 9-я дивизия закончила концентрацию своих сил в районе Шанхая 16 февраля. Все еще надеясь на дружественное соглашение, командир дивизии поручил начальнику штаба начать переговоры с начальником штаба 19-й кантонской армии. На этом совещании мы прилагали все усилия для мирного соглашения. Однако совещание показало большое расхождение во взглядах сторон, и наши предложения, без сомнения искренние, не встретили благоприятного ответа. Командир 9-й дивизии, все еще надеясь урегулировать положение каким-либо другим способом помимо оружия, послал 17 февраля в 21 час командующему 19-й армией ноту с предложением пересмотра вопроса.

Нота генерала Уэда командующему 19-й армией

Содержание ноты генерал-лейтенанта Уэда сводилось к следующему:

«Имея самое серьезное намерение выполнить возложенную на меня задачу мирным путем, я хочу предложить нижеследующее в надежде получить от вас благоприятные предложения:

1. Вы должны немедленно прекратить враждебные действия, закончив эвакуацию первой линии ваших войск в 7 часов 20 февраля. Китайская армия должна будет отойти до 17 часов 20 февраля на 20 км к западу от границ международного сеттльмента. Укрепления в пределах очищаемых районов должны быть уничтожены.

2. Японская армия не будет производить никаких действий за исключением разведки с помощью самолетов. По окончании эвакуации вашей армии японская армия ограничится сохранением порядка в Хонкю, включая район вокруг парка Хонкю.

3. После полного удаления передовой линии вваших войск японская армия отправит под вооруженной охраной комиссию для обследования эвакуированного района. Эта комиссия будет нести японский национальный флаг для установления подлинности комиссии.

4. Ваша армия должна оказывать полную защиту жизни и имущества японского населения в районе Шанхая и за пределами района эвакуации. Если такой защиты оказано не будет, то японская армия предпримет такие меры, которые она будет считать необходимыми. Ваша армия должна также прекратить все выступления ваших солдат, переодетых в гражданское платье.

5. В отношении защиты других иностранных жителей кроме японцев в окрестностях Шанхая договоренность последует в ближайшем будущем.

6. В отношении подавления антияпонской пропаганды ручательство, данное майором Ву генеральному консулу Мураи 28 января, должно быть строго приведено в действие.

По этому пункту японские дипломатические представители войдут в сношение с вашими гражданскими властями Шанхая для отдельного по этому поводу соглашения.

В том случае если вышеприведенные пункты не будут выполнены, японская армия будет вынуждена предпринять военные действия против вашей армии, которая и должна нести ответственность за все последствия».

Ответ командующего 19-й кантонской армией

В ответ на вышеприведенную ноту генерал Цай Тин-кай, командующий 19-й кантонской армией, послал 19 февраля в 20 час. 15 мин. ноту следующего содержания:

«Подтверждаю получение вашей ноты, посланной 18 февраля в 21 час. Наша армия, неся ответственность непосредственно перед национальным правительством, подчиняется только его приказанию. Мы доложили Национальному правительству о пунктах вашей ноты,

[1] Первые 7 транспортов с частями 9-й пех. дивизии вошли в р. Вампу в ночь на 14 февраля во время сильной снежной бури, препятствовавшей наблюдению с фортов Усуна. Остальные части дивизии прибывали с 14 по 16 февраля под покровом ночи. Флот в это время держал Усунские форты под огнем. С прибытием 9-й пех. дивизии и частей усиления силы японцев возросли до 30—33 000 человек, 130 легких и тяжелых орудий, 70 бронемашин и танков и 150 самолетов. — **Ред.**

и мы надеемся, что правительство пошлет свой ответ непосредственно вашему министру через министерство иностранных дел. Несмотря на то, что я еще не имею официальной инструкции, Национальное правительство по сообщению Ренго поручило мне и майору Ву ответить вам нижеследующее:

1. Китайская армия отойдет на 20 км от границы международного сеттльмента.

2. Японская армия точно также должна отойти на 20 км.

3. В отношении постоянного разоружения Усунских фортов мы отказываемся удовлетворить ваше предложение».

Получив этот ответ командир 9-й дивизии вынужден был сделать заключение, что китайцы не имеют намерения согласиться на его предложение, и решил придерживаться единственного способа действий, открытого теперь перед ним.

III. ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ РАЙОНА ШАНХАЯ И РАСПОЛОЖЕНИЕ ВОЙСК ПРОТИВНИКА

А. Топографическое описание

Местность вокруг Шанхая, представляющая собой равнину с песчаной почвой, покрытой илом, нанесенным рекой Янцзы, является по существу зоной многочисленных речек и каналов, протекающих по всем направлениям между озерами и крупными реками (р. Вампу, р. Усун, р. Цзянван). Для водного транспорта здесь имеются большие возможности, но в отношении движения по суше и особенно по дорогам здесь нет хороших дорог за исключением тех, которые проходят вдоль более крупных речек и каналов. Через мелкие речки перекинуты в некоторых местах мостики, которые пригодны только для прохождения скота. Вне этих переправ водные преграды таковы, что войска не могут их легко преодолеть, а потому они образуют очень серьезные препятствия для движения войск. В таких условиях военные операции были в значительной степени затруднены.

Все мелкие города в окрестностях Шанхая окружены толстыми кирпичными стенами, на которые не только нельзя взобраться, но которые представляют хорошее укрытие от огня полевой артиллерии. Деревни хотя в большинстве и не имеют таких стен, но окружены водными преградами. Обычно в этих деревнях имеются стены вокруг отдельных зданий и домов, представляющие собой значительные удобства для сопротивления наступательным действиям.

Б. Расположение сил противника (сх. 2)

Китайские силы, с которыми пришлось столкнуться 9-й дивизии после ее высадки, представляли собой 19-ю кантонскую армию под командой генерала Цай Тин-кая, в состав которой входили:

Части	60-я дивизия	61-я дивизия	78-я дивизия	Всего
Количество бойцов	11 000	12 500	10 000	33 500
Количество винтовок	9 000	10 500	8 000	27 500
Станковые пулеметы	24	28	20	72
Горная артиллерия	8	10	6	24
Окопные мортиры	10	20	10	40

Примечание. Каждая дивизия состоит из 6 полков [1].

Сооружение оборонительных позиций противника около Шанхая было начато до 12 февраля. Очевидно с самого начала предполагалось, что Цзянван и Мяосинчен должны были образовать опорные пункты первой линии обороны. Китайские позиции в Цзянване и севернее имели в качестве базы деревню с надежной охраной на флангах в виде ряда сильных установок для пулеметов.

1. Стрелковые окопы

Окопы имелись для стрельбы со ступеньками. Как правило окопы были узкие, но достаточно глубокие и на некоторых участках были покрыты деревянными досками или листами железа.

2. Крытые пулеметные гнезда

Пулеметные гнезда обычно были крытые. Перекрытия были довольно прочно

[1] Увеличение количества горных пушек в 19-й армии об'ясняется прибытием к этому времени на фронт нескольких новых батарей из тыла. — **Ред.**

сделаны из листового железа и кирпичей. Насыпи или китайские могилы, где они только имелись, были использованы для оборонительных целей. Все бетонные и кирпичные здания были использованы для обороны. Многие из них имели бойницы.

3. Наружные рвы

В качестве наружных рвов перед позициями противника использовались каналы и речки. В некоторых опорных пунктах были образованы специальные противотанковые рвы шириной 4 м и глубиной 2 м.

4. Баррикады и т. п.

Опорные пункты неизменно окружались проволочным заграждением, для этой цели использовались также деревья, деревянные балки домов и т. п., образуя баррикады и проволочные заграждения. Они в большинстве случаев делались шириной около 4 м и некоторые из них были переносными. В некоторых местах были использованы также изгороди.

5. Броневые перекрытия позиции

Позиции, защищенные броней, не представляли ничего особенного за исключением позиций с легкими железными перекрытиями для командного состава.

IV. НАСТУПЛЕНИЕ НА ЦЗЯНВАН (схема 2)

Что особенно следует отметить в отношении настоящих операций, так это то, что японская армия: 1) открыто назначила день общего наступления 20 февраля и 2) применила фронтальное наступление. Эти тактические действия, несмотря на кажущиеся их недостатки, были тщательно обдуманы. Было принято во внимание то обстоятельство, что действия на флангах могли бы вовлечь в события другие иностранные державы, имеющие интересы в Шанхае. Например если бы атака была произведена на фланг противника с севера, его войска могли бы отступить назад в беспорядке в международный сеттльмент, подвергая опасности гражданское население последнего. Об операциях с южной стороны также не могло быть речи из-за наличия здесь французской концессии. В силу сложившихся обстоятельств японские войска должны были сражаться в наиболее неблагоприятных условиях [1].

А. Сражение 20 февраля

В 7 часов 20 февраля передовые части китайских войск не проявили никаких признаков отхода. Национальное правительство оставило ноту генерала Уэда без ответа. Вследствие этого 9-я дивизия начала свои наступательные действия в 7 час. 30 мин. при нижеследующей группировке войск.

Усунский отряд (2 пехотных роты) 24-й смешанной пех. бригады как отдельная часть находился к югу от фортов Усуна. Этот отряд прикрывал правый фланг 9-й дивизии [2].

24-я смешанная бригада (без 2 рот), сосредоточившись в районе к юго-западу от г. Усуна, должна была прорвать фронт противника к северо-западу от г. Цзянван.

Правофланговая бригада 9-й пех. дивизии (6 пехотных батальонов и 1 батальон горной артиллерии) должна была прорвать фронт противника около Цзянвана (севернее этого города). Левофланговая бригада 9-й пех. дивизии (без 2 батальонов, приблизительно 4 батальона пехоты и 1 батальон горной артиллерии) атаковала фронт противника к югу от Цзянвана. Морской десантный отряд наступал на Чапей.

---

[1] Действия японской армии на левом фланге действительно были затруднительными, так как весь международный сеттльмент был занят американскими, английскими и французскими войсками. Наступление в обход правого китайского фланга могло бы вызвать разрушение международного сеттльмента и французской концессии и следовательно крупные осложнения для Японии.

Что касается действий против левого китайского фланга, то здесь наступление привело к фронтальному сражению главным образом благодаря неожиданному для японцев появлению на левом фланге 19-й армии свежих 88-й и 87-й китайских дивизий, занявших участок от г. Усуна до г. Цзянвана. — **Ред.**

[2] Фланг армии обеспечивался не только 2 ротами (явно недостаточными силами), но и морским флотом, однако последний мог обеспечивать фланг лишь огнем. — **Ред.**

Полевая артиллерия и воздушный флот

В первый период сражения эти войска действовали главным образом с правофланговой бригадой 9-й пех. дивизии.

Третья морская эскадра содействовала наступлению 9-й дивизии и 24-й смешанной пех. бригады на правом фланге, бомбардируя определенные стратегические пункты и маневрируя в направлении Люхэ [1] (схема 5).

Передовые части продолжали продвигаться вперед, тесня небольшие силы противника на пути их следования, пока в 10 часов не достигли Цзянванского ипподрома. Здесь правофланговая бригада 9-й пех. дивизии нанесла поражение противнику численностью от 2 до 3 000, заняв позицию к северу от восточной окраины г. Цзянван. Передовые части бригады заняли восточную окраину этого города в 13 часов.

Вечером 24-я смешанная бригада продвинулась к северо-западу от Цзянвана, достигнув Маоцзячай [2]. Главные силы 9-й пех. дивизии продвигались по железнодорожной линии до тех пор, пока не подошли к юго-восточной окраине Цзянвана.

Около полуночи того же дня стало известно, что передовые части войск противника заняли укрепленные позиции к востоку от Мяосинчена. Неприятельские войска, расположенные в центре Цзянвана, все еще оказывали сильное сопротивление. Недалеко от Тазана были сосредоточены крупные силы китайских войск. Район Усунских фортов и г. Усун все еще находились в руках противника. Было также установлено, что вторая оборонительная позиция противника проходила к югу и к северу от Тазана [3], в то время как третья оборонительная позиция — непосредственно за второй. Имея такие сведения, командир дивизии в ночь на 21.2 перебросил главные силы левофланговой бригады 9-й пех. дивизии в район между правофланговой бригадой 9-й пех. дивизии и 24-й пех. бригадой. В результате в группировке войск произошли следующие изменения.

Усунский отряд продолжал выполнять свое назначение.

24-я смешанная пех. бригада подготовилась к наступательным действиям на своем участке.

Правофланговая бригада 9-й пех. дивизии (без 3 пех. батальонов, а всего 3 батальона пехоты и 1 батальон горной артиллерии) готовилась к наступлению севернее Цзянвана.

Левофланговая бригада 9-й пех. дивизии (6 батальонов пехоты и 1 батальон горной артиллерии) готовилась к наступлению на войска противника, расположенные в г. Цзянван.

Один пехотный батальон готовился к наступлению на войска противника, расположенные к югу от Цзянвана.

Главные силы полевой артиллерии были расположены восточнее Цзянвана, поддерживая огнем наступление правофланговой бригады 9-й пех. дивизии.

Морской десантный отряд наступал на Чапей.

Резерв II батальона пехоты был расположен в восточной части Цзянванского ипподрома [1].

Б. Сражение 21 февраля

В 8 часов 21 февраля 9-я дивизия и 24-я смешанная пех. бригада открыли артиллерийский огонь, за которым последовала атака позиций противника на участке между г. Цзянван и р. Усун.

Около 9 час. 30 мин. войска противника, расположенные в центре Цзянвана, начали проявлять колебания под нашим обстрелом. На часть сил левофланговой бригады 9-й пех. дивизии была возложена задача по очистке улиц от противника в то время, как главные силы этой бригады продвигались по обеим сторонам улиц вперед по направлению с севера на юг.

Вечером 21 февраля противник продолжал удерживать свои позиции в 6 км севернее западной окраины Цзянвана, а

---

[1] Первоначальная группировка частей 9-й пех. дивизии и 24-й смешанной пех. бригады имела повидимому в виду ввести противника в заблуждение о направлении главного удара, который намечался 21 февраля севернее г. Цзянвана. — **Ред.**

[2] На схеме нет. — **Ред.**

[3] Схема 3.

[1] Перегруппировка частей 9-й пех. дивизии в ночь на 21 февраля имела в виду сосредоточение ударной группы на правом фланге (к северу от Цзянвана) в составе 2 полков 24-й смешанной пех. бригады и 2 полков 9-й пех. дивизии. Непосредственно на Цзянван направлялось не более 4 батальонов. В резерве комдива оставалось 2 батальона, т. е. явно недостаточные для развития прорыва силы. — **Ред.**

также у Мяосинчена и к югу от этого пункта. Наши передовые части подошли вплотную к этим позициям противника [1].

В. Сражение 22 февраля

С рассветом 9-я пех. дивизия и 24-я смешанная бригада начали операции против позиций противника севернее Цзянвана. В 6 час. 40 мин. 24-я смешанная бригада заняла позиции охранения противника к востоку от Мяосинчена и позднее прорвалась через линию неприятельских окопов в расстоянии около 600 м к северу от западной окраины Цзянвана. Группировка японских войск при наступлении была следующей:

Главные силы 24-й смешанной бригады — около восточной окраины Мяосинчен.

9-я пех. дивизия (без 2 батальонов) на участке Мяосинчен — Цзянван.

Главные силы горной артиллерии — севернее Цзянван.

Главные силы полевой и тяжелой артиллерии — около Цзянванского ипподрома (восточнее Цзянван).

Разбитые войска противника остановились в деревнях, находящихся непосредственно перед нашей линией.

В результате сражения около Мяосинчена было определенно установлено нахождение здесь 88-й (бывшей гвардейской) дивизии Чан Кай-ши.

В полночь 22 февраля неприятельские войска численностью около 3 батальонов произвели внезапную атаку в тыл и правый фланг нашей 24-й смешанной бригады со стороны Цяоцзяцяо (пункт севернее правого фланга 24-й смешанной пех. бригады — см. схему 2), однако противник был отброшен с большими потерями. В эту же ночь противником был произведен ряд контратак севернее Чапея, которые во всех случаях были отражены [2].

21 февраля 3 японских солдата погибло таким образом, что вся страна должна была признать их поступок национальным героизмом высшего порядка. Ниже приведен краткий отчет об этом случае.

Позиции противника около Мяосинчена были хорошо укреплены. Защищенные целой системой проволочных заграждений, они были неприступны. Проволочные заграждения не были разрушены огнем нашей артиллерии. В таких условиях наши саперы вынуждены были проделать в этой запутанной системе проволочных заграждений проходы для пехоты, которая должна была атаковать позиции рано утром 22 февраля. Решено было выполнить эту задачу, использовав длинные трубы со взрывчатыми веществами, и вечером 21 февраля работа была начата.

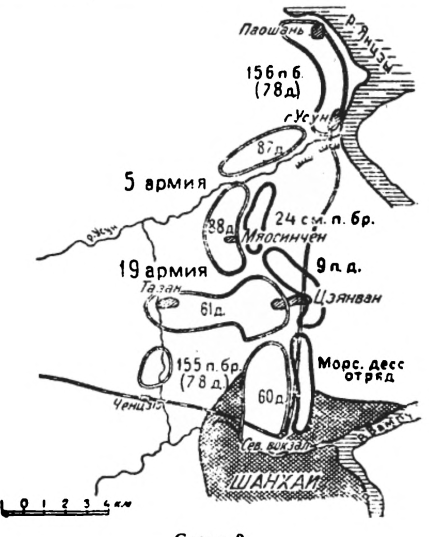

Схема 2.

Подрывной отряд под командой унтерофицера Умада разделился на 3 группы по 3 человека в каждой. Имея намерение закончить свою работу по разру-

[1] Результатом сражения 21 февраля было лишь незначительное продвижение частей 9-й пех. дивизии вдоль северной окраины Цзянвана. Центр города вовсе не был занят японцами, как об этом пишет автор. — **Ред.**

[2] Автор замазывает неуспех наступления 22 февраля: фактически 22 февраля японское наступление потерпело полный крах. 24-я смешанная пех. бригада была атакована с фронта (у Мяосинчена и южнее) 5 полками из состава 87-й и 61-й китайских пех. дивизий и с тыла (со стороны Цяоцзяцяо — с северного берега р. Усун) 1 полком 87-й китайской дивизии. Кроме того китайцами была произведена 2 полками контратака против левого фланга 9-й пех. дивизии (со стороны Цзянвана и северо-западной окраины Шанхая). Японская армия вынуждена была отступить почти к линии железной дороги и лишь к утру 23 февраля, использовав авиацию, несколько выправила свое положение. — **Ред.**

шению в темноте, они образовали дымовую завесу, под прикрытием которой и начали пробираться к проволочным заграждениям. В 30 м от заграждений по ним был открыт сильный ружейный огонь. Все саперы были убиты или ранены. Таким образом работа по разрушению перешла ко второму отряду под командой капрала Уцида. Рядовой Сакуэ из первой группы и рядовой Китамура из второй группы приготовились

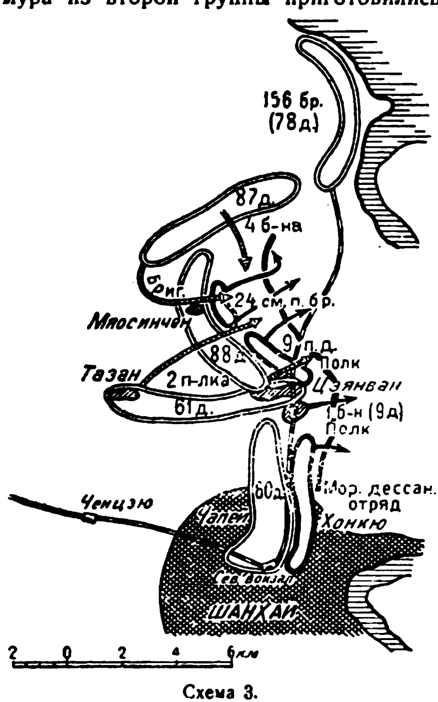

Схема 3.

к выполнению своих обязанностей. Было совершенно ясно, что противник находится на-страже и не даст им возможности зажечь взрывчатое вещество, после того как они положат его под проволочные заграждения. Поэтому они решили взять взрывчатое вещество с собой таким способом, чтобы даже при неуспехе все же взорвать заграждения хотя бы ценой своей жизни. Они зажгли трубу с сильно взрывчатым веществом и, держа ее между собой, побежали к проволочным заграждениям. Вторая группа рядового Китамура успела во-время отскочить на некоторое расстояние. Первая группа рядового Сакуэ и двое других, погибнув, выполнили свою задачу, не допуская мысли об отступлении. Капрал Уцида был ранен. Таким образом было открыто 2 прохода каждый шириной около 10 м. Унтерофицер Умада, командир первого отряда, пославший все 3 группы без успешных результатов, устремился вперед и бросил в сторону противника больше дюжины ручных гранат. В момент созданного замешательства он один бросился к проволочным заграждениям и проделал проход с помощью ручных ножниц. Таким образом было сделано 3 прохода, и пехота свободно прошла через них и захватила часть позиций Мяосинчена.

Г. Сражение 23—24 февраля (схема 2)

Было признано желательным изменить тактику на основании опытов, полученных за последние несколько дней. Противник при укреплении своих позиций казалось не пропустил ни речек, ни деревень или жилых домов, имеющих какое-либо тактическое значение. В каждом имеющем военное значение населенном пункте были устроены баррикады одного или другого вида. Учитывая это обстоятельство, а также численный состав 9-й дивизии, принимавшей участие в операции, командование 9-й дивизии решило отказаться от идеи наступления одновременно на всем фронте. Решено было после обстоятельной в каждом отдельном случае артиллерийской подготовки и бомбардировки с воздуха постепенно овладевать важными тактическими пунктами позиций противника (узлами сопротивления), с тем чтобы облегчить свободу тактического маневра. В течение 2 дней, 23-го — 24-го, наши войска оставались на позициях, которые они занимали в предыдущую ночь, подготавливаясь к наступлению.

Противник приблизительно около захода солнца 23 февраля произвел контратаку на фронте нашей 24-й смешанной пех. бригады и на фронте левофланговых частей 9-й дивизии. Около 20 час. 30 мин. он атаковал район расположения штаба дивизии. Эти отдельные контратаки были отражены.

Д. Сражения с 25 по 29 февраля

25 февраля наша дивизия произвела второе генеральное наступление. 24-й смешанной бригаде было поручено

удержать за собой захваченные позиции восточнее Мяосинчена. Правофланговая бригада должна была первая начать действия, открыв огонь тяжелой артиллерии и с самолетов в 6 час. 30 мин., концентрируя его на фронтовой линии противника. В 10 часов эти войска захватили позиции противника к северу и к югу от Цзинцзяцзяна. К этому времени противник к юго-западу от Цзянвана начал отступление к западу. Затем 9-я пех. дивизия сосредоточила артиллерийский огонь на частях противника, расположенных перед фронтом левофланговой бригады 9-й пех. дивизии, которая около 16 часов целиком захватила позиции противника в этом районе.

Разбитые части 88-й дивизии противника начали концентрироваться в пункте, расположенном в 2 км к северо-западу от Цзянвана. В это время «ударные части», расположенные в тылу 19-й армии, задачей которых было не допускать отхода частей 88-й пех. дивизии с фронта, заставили 88-ю пех. дивизию пойти в контратаку. Наши самолеты и артиллерия продолжали бомбардировку, нанося тяжелые потери противнику. Однако нажим ударных войск 19-й армии в тыл 88-й китайской дивизии в конце концов имел эффект и заставил разбитые части 88-й пех. дивизии повернуть обратно и продвинуться в восточном направлении для восстановления потерянных позиций. Эти люди появились перед деревнями, находящимися теперь в наших руках, но, почти совершенно деморализованные, они не могли предпринять решительных действий. Войска противника, оказывавшие сильное сопротивление в Цзянване, начали понемногу отступать к 16 часам. Прибывшие из тыла свежие части противника остановили наше наступление [1].

[1] 88-я и 87-я дивизии Чан Кай-ши, расположенные на левом фланге 19-й китайской армии (от Цзянвана до Усуна), оказались недостаточно боеспособными. Командованию 19-й армии пришлось выделить специальные части и расположить их в тылу 88-й и 87-й дивизий, для того чтобы не допустить самовольного отхода 88-й и 87-й дивизий с фронта. Поведение 88-й и 87-й дивизий несомненно об'яснялось в первую очередь нежеланием командного состава этих дивизий сотрудничать с 19-й армией и возможно соответствующими тайными директивами нанкинской военной клики, противившейся обороне Шанхая. — **Ред.**

В этот день во время наступления большую помощь оказал морской флот. Взаимодействие между нашей артиллерией и пехотой точно также дало хорошие результаты. Наши войска с успехом заняли все намеченные позиции противника. Несмотря на то, что мы были не в состоянии развить полную боевую мощь наших войск из-за топографических условий и численности войск, наша армия в этот день причинила противнику много потерь.

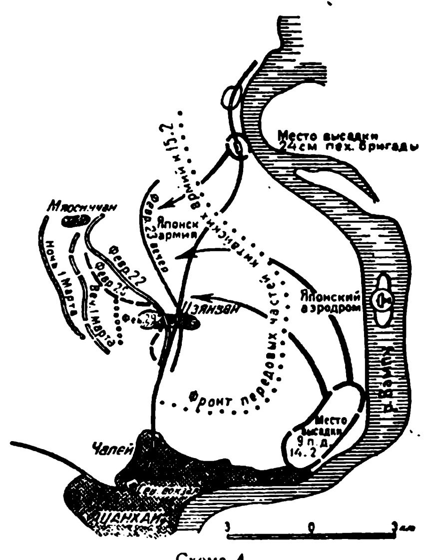

Схема 4.

На следующий день, 26 февраля, в 6 час. 20 мин. рота под командой подполковника Вакабаюци 7-го пех. полка произвела внезапную атаку с северо-западной окраины Цзянвана. Эта рота, совершив ловкий маневр, овладела китайской позицией, охраняемой 4 пулеметами.

В 14 час. 10 мин. 27 февраля наша дивизия заняла западную окраину Цзянвана, выпрямив фронт от Мяосинчена до западной окраины Цзянвана. Наши части после этого начали готовиться к наступлению против второй оборонительной линии противника около Тазана [1].

[1] В период 22—27 февраля японская бомбардировочная авиация громила аэродромы и тыл противника. 22 и 23 февраля была уничтожена

V. ПРИБЫТИЕ ПОДКРЕПЛЕНИЙ НАШЕЙ АРМИИ

Во время отправления 9-й дивизии в Шанхай у нас не было точных сведений о расположении других китайских войск кроме частей 19-й армии. Лишь 22 февраля в результате боев было установлено, что силы противника значительно увеличились за счет бывших гвардейских дивизий Чан Кай-ши. В силу трудных топографических условий, которые приходилось преодолевать нашим войскам, и малочисленности наших войск создалось положение, благодаря которому действия 9-й пех. дивизии могли зайти в тупик. Необходимо было быстро подбросить подкрепления, чтобы скорее разрешить создавшееся положение. Вследствие этого было решено подготовить отправку 11-й и 14-й пех. дивизий и специальных частей и сформировать в районе Шанхая экспедиционную армию. Командующим этой армии был назначен генерал Сиракава. Было решено подготовить переброску этих подкреплений в возможно короткий срок.

Командующий с частями экспедиционной армии в сопровождении штаба отправился из Японии 27 февраля. Прибыв в устье Янцзы 29 февраля, он договорился с морским командованием о помощи флота во время высадки войск. Командующий, приняв во внимание все обстоятельства, считал задержку дальнейших действий невозможной. Генеральное наступление было назначено на следующий день, 1 марта, и в соответствии с этим были разосланы инструкции. 9-й дивизии и 24-й смешанной пех. бригаде было приказано прорвать фронт противника севернее Цзянвана в направлении на Сяоченмяо, развивая прорыв к юго-западу. Главные силы 11-й пех. дивизии должны были высадиться рано утром 1 марта на берег Янцзы к северо-западу от Люхэ с задачей быстро овладеть этим пунктом и быть в готовности к дальнейшему наступлению в направлении на Тазан — ст. Ченцзю.

Командующий армиями генерал Сиракава высадился в Шанхае в 13 часов 1 марта.

VI. ОПЕРАЦИЯ ЯПОНСКОЙ АРМИИ 1—3 МАРТА

(Схема 2)

А. Расположение китайских армий до начала действий

Китайские войска были расположены таким образом, как показано на схеме 3, за исключением 60-й и 61-й дивизий, которые Цай Тин-кай сконцентрировал около Тазана, очевидно решив сохранить здесь вторую линию во что бы то ни стало. В передовую линию в районе Чапея влилось большое количество добровольцев [1].

19-я армия вначале была полна энтузиазма и обладала большой боевой силой, однако после целого ряда потерь начался процесс деморализации. Солдаты бывших гвардейских дивизий, имевшие очень небольшой опыт в действительной войне, были тяжело наказаны нашим огнем в первый же час их появления на фронте. Потери этих дивизий были настолько велики, что они скоро утратили свой боевой дух. Кроме того их столкновение с «ударными частями» из состава 19-й армии 25 фе-

---

посадочная площадка китайской авиации в Сучжоу и сбит 1 китайский самолет.

23 февраля японские самолеты бомбардировали ст. Ченцзю, арсенал в Лунхуа и китайский аэродром в Хунцзяо. 26 февраля был разгромлен аэродром в Ханьчжоу и подбито 5 китайских самолетов, японцы при этом потеряли 2 самолета.

Подготовка к наступлению 25 февраля была проведена 23 и 24 февраля. Эти 2 дня авиация и тяжелая артиллерия сосредоточенным огнем разрушали китайские укрепления у Мяосинчена и Цзянвана. Атака была произведена 25 февраля на участке Мяосинчен — Сяоченмяо. (Сяоченмяо между Цзянваном и Мяосинченом) с использованием танков и бомбардировочной авиации. 88-я китайская дивизия, занимавшая позиции у Мяосинчена и к северу от Цзянвана, не выдержала удара японцев и начала отход. Этот отход был остановлен частями 61-й пех. дивизии, открывшими огонь по отступавшим частям 88-й пех. дивизии. Японские части, прорвавшиеся между Мяосинченом и Цзянваном, развивая прорыв в юго-западном направлении, овладели западной окраиной Цзянвана лишь 27 февраля, превратив ее воздушными атаками в пепел.

После захвата Цзянвана японская армия оказалась настолько истощенной, что без подкреплений уже не могла продолжать наступления. — **Ред.**

[1] К 1 марта китайские силы насчитывали 5 дивизий (78-я, 60-я и 61-я пех. дивизии 19-й армии и 88-я и 87-я пех. дивизии 5-й армии), всего около 40 000 человек. — **Ред.**

враля вызвало неизбежное расхождение между командованием этих 2 армий [1].

Китайцы, узнав о прибытии наших подкреплений, почувствовали, что дальнейшая борьба будет бесполезной. Начальник штаба 19-й армии и Велингтон Ку 28 февраля поставили нас через британское морское командование в известность, что «если японцы отойдут на территорию международного сеттльмента, китайская армия будет эвакуирована на 20 км к западу от Шанхая». В этот же день У Те-чен, мэр Шанхая, точно также прислал уведомление подобного же содержания, переданное нам через Юн Чан-чена [2]. Тем не менее передовая линия китайских войск продолжала сражение, не проявляя и признаков отхода.

29 февраля Ван Цзин-вей (член нанкинского правительства) послал к нам курьера с предложением отвода обеих армий, в котором он указывал, что «добровольная эвакуация китайских войск, предложенная Велингтоном Ку, никогда не будет отвечать желаниям народа. Национальное правительство считало бы приемлемым лишь эвакуацию обеих армий на равных условиях».

Б. Сражение 1 марта (схемы 2 и 5)

9-я дивизия и 24-я смешанная бригада вместе с подкреплением из 3 пех. батальонов 11-й дивизии, высадившихся 29 февраля, возобновили действия рано утром 1 марта. Расположив вновь прибывшие войска на своем правом фланге, дивизия направила их в атаку на участке между Мяосинченом и Цзянваном. В общем положение оказалось благоприятным, наши войска заняли позиции противника на участке в 4 км по фронту и 2 км в глубину. Во время сражений 1 марта был убит командир 7-го пех. полка, полковник Хаяси.

Этой же ночью 9-я дивизия продвинулась на всем остальном фронте на ½ км северо-западнее Мяосинчена и на 3 км юго-западнее Цзянвана [1].

Главные силы 11-й дивизии совместно с морским флотом начали высадку у Люхэ в 6 часов 1 марта. Неприятельские войска, охранявшие берег, состояли приблизительно из 1 батальона. Самое место высадки охранялось китайскими войсками в количестве около 100 человек, вооруженных 3 пулеметами. Однако наши войска полностью высадились до полудня, потеряв убитыми 1 офицера и 1 солдата. Эти войска начали двигаться в южном направлении после полудня и в 13 часов столкнулись с противником в Цзенчин (севернее Люхэ), который и был взят в 17 часов.

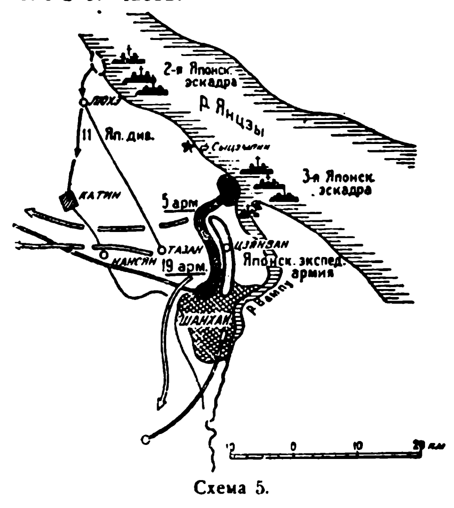

Схема 5.

Разрушение нашим флотом фортов Усуна в устье р. Вампу значительно облегчило переброску наших войск. Когда 22-й пех. полк 11-й пех. дивизии и небольшая часть для пополнения смешанной бригады были высажены к югу от Усуна, то китайцы неправильно считали, что главные силы 11-й пех. дивизии сконцентрированы в этом пункте, а потому их внимание естественно было

[1] Утверждение автора о деморализации 19-й армии неверно. Это верно лишь в отношении 88-й дивизии (5-й армии), действительно потерявшей свою боеспособность. «Ударные части», о которых упоминает автор, — это части 19-й армии, подпиравшие с тылу бывшие гвардейские дивизии Чан Кай-ши. — **Ред.**

[2] Приводимые автором факты служат лишним доказательством предательского отношения к интересам Китая со стороны нанкинского правительства. — **Ред.**

[1] «Успехи» японцев на шанхайском фронте 1 марта явились следствием лишь высадки 11-й японской пех. дивизии у Люхэ в тылу 19-й армии. Командование 19-й армии, тяготившееся обороной Шанхая, получило удобный «законный» предлог для отступления и с 1 марта уже готовилось к отступление. Отступление 19-й армии началось в ночь на 2 марта и прикрывалось сильными арьергардами. — **Ред.**

сосредоточено на этом направлении. Поэтому, когда 11-я дивизия была высажена у Люхэ, китайцы начали отход.

В месте, выбранном для высадки, ночью начался сильный северо-западный ветер и поднявшаяся буря грозила затруднениями при высадке. Но перед временем, назначенным для высадки, ветер повернул к югу и р. Янцзы стала спокойной. При таких благоприятных условиях наши войска с помощью флота произвели успешную высадку на виду у противника, которая редко отмечалась в истории войн всего мира.

В. Сражение 2 марта (схемы 3 и 5)

9-я дивизия возобновила действия рано утром 2 марта и продвинулась к западу от Тазана. Противник по всему фронту отступал. Продолжая наступление, 9-я дивизия продвинулась к 16 час. 30 мин. на 3 км северо-западнее Тазана и на 2 км к западу от ст. Ченцзю (ст. Ченцзю к югу от г. Тазан).

Главные силы 11-й дивизии, отправившиеся рано утром из района высадки, продвинулись к Люхэ, который был взят в 16 час. 30 мин. Отсюда дивизия наступала дальше на Катин[1].

Во время всех этих сражений воздушные силы нашей армии и флота действовали в полной согласованности и совместно с сухопутными войсками, нападая на отступавшего противника и производя разрушения дорог и мостов.

Г. Сражение 3 марта (схема 5)

В этот день 9-я дивизия произвела перегруппировку, направив главные силы на Нансян и часть в направлении на Ченцзю. 11-я дивизия после полудня продолжала наступление на Катин. Катин был взят в 17 час. 30 мин.

Рано утром 3 марта войска нашего десантного отряда с помощью пехоты произвели высадку перед фортами Усун и взяли эти форты[2].

[1] Высадившаяся утром 1 марта 11-я японская пех. дивизия (без 22-го пех. полка) действовала крайне осторожно. Лишь 3 марта она продвинулась к Катину. Силы 11-й пех. дивизии были слишком слабы для того, чтобы она могла отрезать путь отхода 19-й и 5-й армий. Обе последние армии благополучно отошли на 20 км к западу от Шанхая, выйдя из-под удара японской армии. — **Ред.**

[2] Форты Усун к этому времени были уже оставлены частями 156-й китайской бригады. — **Ред.**

После полудня 5 марта командующий японской экспедиционной армией издал приказ о прекращении военных действий.

Заявление генерала Сиракава

«Императорская армия совместно с императорскими морскими силами приняли все меры к выполнению возложенных на них обязанностей по охране японского населения мирным путем. Однако наше ревностное желание было нарушено китайской 19-й армией, которая открыла враждебные действия.

Теперь китайские войска отошли на расстояние, требуемое первоначально японской армией, обеспечив таким образом безопасность японским жителям и восстановив порядок в сеттльменте.

Вследствие изложенного я заявляю, что ввиду прекращения китайскими войсками провокационных операций императорская армия также прекращает военные действия».

VII. ПОСЛЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ВРАЖДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. Японская армия

4 марта наши войска были перегруппированы на линии Катин, Нансян. 11-я дивизия продвинулась 10 км северо-западнее Катина, в то время как 9-я дивизия 10 км западнее Нансяна.

В этот же день часть наших войск заняла форт Сыцзылин.

С момента начала враждебных действий по 17 марта японская армия понесла следующие потери[1].

	Убитых	Раненых	Всего
9-я дивизия	503	1 274	1 777
24-я смешанная бригада	151	417	568
11-я дивизия	64	96	160
Другие	—	1	1
Всего	718	1 788	2 506

[1] Эти официальные данные о потерях японской армии не соответствуют действительности. Потери армии и флота убитыми и ранеными составляли около 8 000. — **Ред.**

По сравнению с тем, что происходило во время европейской войны, где армии, наступающие на сильно укрепленные позиции, обычно теряли до 50% личного состава, наши потери были весьма невелики.

Б. Китайская армия

Китайская армия, понеся тяжелые потери, вынуждена была отвести свои главные силы в район Сучжоу и часть сил — в район к западу и юго-западу от линии Люхэ, Катин, Нансян (схема 5). Согласно сообщениям потери 19-й армии со времени начала действий вместе с пропавшими без вести достигли 40 000 человек [1].

В. Несколько слов о китайской пропаганде

Китайская пресса во время военных действий была заполнена сообщениями злобного и часто абсурдного характера. Сообщалось о взятии обратно Люхэ, Нансяна и Ченцзю, о полном уничтожении японской армии, о возвращении на родину самовольно отступивших японских войск, о смерти генерала Сиракава, о потоплении 2 японских кораблей и т. д. Распространяя ложные сведения, Гоминдан надеялся прикрыть поражение своей армии на поле сражения. Китайцы изображали отступление 19-й армии как добровольное отступление, вызванное угрозой левому флангу со стороны Люхэ, неприбытием подкреплений, недостатком военного имущества и войск и т. д.

Народ был в некоторых случаях настолько неправильно информирован, что многие жители жгли фейерверки по случаю воображаемых побед. По китайским сведениям японская армия потеряла убитыми и ранеными 33 470 человек, а также 29 самолетов, 6 кораблей и 15 танков и бронеавтомобилей [1].

Обыватели, находясь в неведении, все еще как будто верят таким версиям о китайских военных успехах. На самом деле китайцы более благосклонно относятся к 19-й армии, чем к нанкинскому правительству, которое благодаря махинациям кантонских политических кругов было не в состоянии дать надлежащую поддержку 19-й армии, когда та нуждалась в таковой. Движение народа против Гоминдана однако еще не приняло широкого характера.

Перевела **Е. И. Смоленцева.**

---

[1] Потери китайской армии в действительности составляли лишь около 14 000 человек. — **Ред.**

[1] В действительности японская армия потеряла под Шанхаем около 20 самолетов и 15 танков и бронемашин. 2 миноносца были повреждены. — **Ред.**

IX. Библиография

Обзор военной периодической зарубежной печати

(Из материалов Военного сектора Всесоюзной публичной библиотеки имени В. И. Ленина)

От редакции

Нижеприводимый перечень заглавий и аннотаций зарубежной периодической печати за первый квартал текущего года касается только наиболее важных и заслуживающих внимания статей общего военного содержания, без значительного углубления в ту или иную специальную область отдельных родов войск.

К первому разделу отнесены статьи по вопросам: война и политика, война и экономика, оборона государств, стратегия и будущая война. Буржуазная военная мысль даже и в этой широкой области военной политики и стратегии вращается вокруг двух наиболее актуальных военнотехнических вопросов—мото-механизации и дальнейшего развития ВВС в соединении с применением военнохимических средств.

Все заметнее выступает идея использовать успехи авиации уже не только для усиления военного воздушного флота, но и для перенесения в него центра тяжести государственной обороны, возведя ВВС в степень главной части вооруженных сил. Из области этого вопроса заслуживает внимания статья французского специалиста по военным вопросам Арманго, которая дается в извлечении в настоящем выпуске «Военного зарубежника». Идеи Арманго почти совпадают с идеями известного итальянского ген. Дуэ, с той лишь разницей, что Арманго считает необходимым соблюсти бо́льшую постепенность в столь радикальной «модернизации» вооруженных сил. Британская военная мысль сосредоточивает свое внимание на дальнейшем усилении воздушного флота для поддержания «порядка» (т. е. империалистического господства) в колониях. Это видно хотя бы из дебатов в английском парламенте по поводу бюджета воздушного флота на 1933—1934 г. Но и здесь можно заметить отголоски тех же идей, которые проводят Дуэ и Арманго. Это показывает статья лейт. Кингстона в настоящем выпуске «Военного зарубежника». В Германии представителем школы «самостоятельного» военновоздушного флота является Риттер, который и дал наиболее сочувственный отзыв о взглядах Арманго (как указано в перечне аннотаций) почти без критики, с одним лишь замечанием, что «дальнобойность» воздушного оружия побуждает вообще покончить с проектами будущей войны на тесных пространствах Западной Европы и обратить это оружие на борьбу между континентами (?!). Это почти совпадает с мнением обозревателя прений по воздушному бюджету в английском парламенте в журнале «Арми Нэви Энд Эр Форс Гэзетт», как упомянуто в перечне аннотаций, который прямо призывает забыть мелкие распри для большой войны против СССР.

Нельзя не отметить, что «апостолы мотомеханизации», Фуллер и Лиддель-Гарт, продолжая отстаивать значение бронированных сил, также отмечают усиливающуюся роль воздушного флота, который в их представлении составляет продолжение этих сил, необходимое по крайней мере для их ориентировки, защиты от воздушных нападений и развития успеха.

Ряд статей все более уточняет современную тенденцию перенести центр тяжести «потенциальных» военных сил страны из «мобилизационных запасов» в общую способность промышленности данной страны быстро перейти на широкое военное производство. Литература о последней империалистической войне попрежнему занимает видное место, превышая по количеству статей другие отделы. С одной стороны продолжается разбор причин более крупных успехов и неудач, с другой — сказывается стремление использовать опыт империалистической войны для грядущих конфликтов, но при этом дело ограничивается почти исключительно разбором одних оперативно-технических условий и приемов действий, мало касаясь политических факторов. Эти факторы затрагиваются в разделе «Подготовка и планы войны», но и то больше в бесплодных поисках, кто хотел войны, т. е. кто виноват. Итоги действительно ценного боевого опыта дают французские описания боев отдельных бригад и полков. Новый материал заключает английский перевод книги Головина «Бои на Мазурских озерах», поскольку автор использовал некоторые малоизвестные документы высшего командования царской армии.

В разделах «Военные операции» и «Общая техника» мы не найдем ничего выдающегося по вопросам новых форм оперативно-тактического искусства. Но обращают на себя внимание работы на не менее актуальную тему о подвижной обороне, отступательной обороне и замедляющих действиях, которые могут получить особенное значение в связи с маневром на широких фронтах или по внутренним операционным линиям. На этот раз эти проблемы рассматриваются в бельгийской и польской литературе, но за предыдущее время много работ на ту же тему можно найти на немецком языке.

Не лишенный интереса труд представляет статья Луазо (автора статей «Успехи тактические, успех стратегический», которые печатались в «Военном зарубежнике») на тему «Фланговый маневр», в особенности в своей заключительной части, которая рисует организацию этого маневра с современными мото-механизированными войсками, но автор слабо очерчивает участие воздушных сил.

Из других разделов обращают на себя внимание по пехоте и стрелковому оружию французская статья анонимного автора об усилении вооружения пехоты, статьи Пайе об огне станковых пулеметов на дальние расстояния, дискуссия в немецком журнале «Дейче Вер» на тему «Групповая или линейная тактика» и статья Р. Сидорского (на польском языке) «Действительно ли пехота безоружна в борьбе с танками?»

В разделе «Артиллерия» надо отметить статью Шаллеа о корпусной артиллерии и статьи в американском артиллерийском журнале о французской артиллерийской доктрине (еще не доведенные до конца).

В отделе «Моторизация и механизация» статья Лиддель-Гарта представляет некоторую особенность по сравнению с другими произведениями того же автора: она отводит много места вопросам подготовки пехоты, признавая, что в конечном счете именно пехоте придется решать большинство боевых задач.

Но Лиддель-Гарт стремится доказать, что нужна не столь многочисленная, но отборная, соответственно механизированная и притом легкая пехота; он одобряет принятое на маневрах 1932 г. новое направление в подготовке именно такой пехоты, предводимой командованием с широко развитой инициативой действий. Он видит в этом признаки столь необходимых навыков мыслить и действовать во взаимодействии с машинами и моторами. В описании маневра танковой бригады подчеркнуты ее численная слабость и устарелость по конструкции. Даны некоторые интересные подробности. Интересны указания анонимного автора в «Крафтцуг ин Виртшафт унд Хеер» о воздействии успехов противотанковой обороны на танковое строительство.

Широким развитием отличается литература о военновоздушных силах и ПВО. Этим проблемам посвящается много места не только в специальных, но и в общевоенных журналах. Можно отметить перевод с итальянского исследования ген. Мальтезе о возможностях и условиях успешности воздушной бомбардировки больших городов, статьи германского адмирала Гадова о воздушной войне на море, статьи, освещающие будущее ночных полетов, и статью о маневрировании аэростатов заграждения; последняя представляет особый интерес по недостатку сведений по этого рода вопросам в зарубежной печати. Заслуживает внимания статьи по устройству противогазовых убежищ и по строительным мероприятиям гражданской ПВО. Из других отделов можно отметить обстоятельную статью Бекленди о разрушениях на путях отхода 5-й английской армии в марте 1918 г.

I. ВОЙНА И ПОЛИТИКА. ВОЙНА И ЭКОНОМИКА. ВООРУЖЕНИЕ И РАЗОРУЖЕНИЕ. ОБОРОНА ГОСУДАРСТВ. СТРАТЕГИЯ. ВОЙНА И ТЕХНИКА. БУДУЩАЯ ВОЙНА

Лиддел-Харт. Новые армии вместо старых.

„Current History". March 1933.

Картинное изображение в сжатой форме эволюции военных средств и приемов ведения войны с начала империалистической войны до наших дней: безуспешность пехотных атак в этой войне, недостаточность одной артиллерийской поддержки и ОВ, значение танков; эволюция военных средств после войны: недостаток наличной артиллерии, развитие ОВ в пользу обороны; значение моторизации и механизации и различные пути их развития. Недостатки массовых армий; на что годится современная пехота. Потребность в легкой отборной пехоте. Необходимый состав современных армий из двух частей: ближнего боя (из полумеханизированной пехоты) и подвижно-боевой (из одних бронированных повозок), по аналогии с фалангой и конницей Александра Македонского. ВВС как новый фактор, играющий в отношении сухопутной армии такую же роль, как механизированные силы в отношении пехоты. Расширение сферы оперативно-стратегических действий на экономические об'екты.

Основной недостаток изложения: непонимание роли политических факторов, значения человеческого материала, революционных начал.

Фуллер. Военные изобретения: их древность и их влияние на войну.

«Army quartl.» № 2, 1933, Jan.

Мысль автора направлена против попыток конференции по разоружению воспретить некоторые, якобы новые, виды оружия (ОВ, танки, ВВС), которые в действительности очень древнего происхождения и будут неизбежно возобновляться. Надо бороться не с военными средствами, а с войной, т. е. в первую очередь с нарушением мира. Запрещение некоторых видов оружия (в особенности танков) может привести только к позиционной войне, наиболее разорительной, создающей к тому же наиболее благоприятные условия для непосредственного нападения на гражданское население, которое Женевская конференция стремится предохранить от ужасов войны. Статья разоблачает лицемерие Лиги наций, но и сама исполнена лицемерия, отстаивая по существу агрессивные виды оружия.

***** О прениях по поводу воздушного флота.** Содержание прений.

„Aeroplane" № 12, 1933, p. 481—488, 490—496.

Речь идет о прениях в английском парламенте по бюджету воздушного флота на 1933/34 г., которые возбудили внимание всех партий. Наибольший интерес представляли речи зам. министра воздушных сил Сэссун, который сравнивал роль британских воздушных сообщений в поддержании «порядка» в колониях с соответствующей ролью государственных дорог древнего Рима, и Уинстон Черчилля, который опровергал мнение лорда Бальфура о беззащитности больших городов от воздушных нападений, указывая на необходимость усиления ВВС именно для устранения

этой опасности. Ораторы критиковали предложение Макдональда об ограничении воздушных сил, а также предположение комиссии по разоружению воспретить нападение с воздуха. Обозреватель прений особенно восстает против пацифистских выступлений некоторых ораторов, заявляя с своей стороны, что «когда начнется большое русское вторжение (!?), то все пока еще обращенные друг против друга армии и воздушные флоты Западной Европы вероятно покажут себя под руководством британского и германского высшего командования».

Риттер. Французские идеи о будущей войне.
„Milit. Wbl." № 31, 1933. S. 1020—1024.

Одобрительная рецензия, почти без критики, на обширную статью Арманго за минувший 1932 г. в четырех последних номерах «Revue de forces aériennes», в которой французский автор доказывает, что для обеспечения своей территории от воздушных нападений и поддержания политического веса (гегемонии) в Западной Европе Франция должна создать сильный воздушный флот как автономный род вооруженной силы, следуя в этом отношении по пути, по которому уже идет Италия. Одобряя общие взгляды Арманго на применение ВВС, Риттер задает вопрос, не целесообразно ли и не пора ли вообще перенести сферу действий ВВС за пределы Западной Европы, где все страны (не исключая и Франции) уже насквозь поражаются воздушным флотом, — на более широкие просторы, над «континентами», покончив с западноевропейскими междоусобиями.

***** Военное значение русского пятилетнего плана.**
„Milit. Wbl." № 32, 1933, S. 1058—1060

Извлечение из речи т. Ворошилова представителям Московского гарнизона. Без оценки. Лишь в конце 17 строк указывают на продовольственные затруднения, которые якобы могут вынудить продолжать мирную политику.

Мак-Артур Д. Применение машин в бою.
„Army ordn." № 76, 1933, p. 197—200.

Извлечение из отчета за 1933 г. начальника штаба армии САСШ, представленного военному министру, о строительстве и достижениях в названной армии в области моторизации и механизации с упоминанием о революционизирующем воздействии изобретения д-ра Герлиха на конструкцию танков и все вообще теории механизации. Проводится идея изготовления в мирное время лишь образцов для массового производства в случае неизбежности войны.

Дау. Детальные картины боевого снабжения.
„Army ordn." № 76, 1933, p. 227—228.

Метод — вызвать индустриальную готовность. Ряд кратких соображений о характере конфликтов, в которые могут быть втянуты САСШ, с предложением разработать подробные описания условий и порядка снабжения боеприпасами в наиболее вероятных из этих конфликтов.

Гадов. Война, вооруженные силы и народное хозяйство.
„Mar. Rund" № 1, 1933, S. 1—10.

Дикс А. Экономическая военная наука.
„Milit. Wbl." № 30, 1933, S. 999—1001.

Важность изучения опыта военной промышленности (в мировую войну), экономической войны и экономической структуры народа.

Менье А. Милиция и профессиональные армии или национальные армии.
„Rev. ét. milit." № 12, 1933, p 17—23.

Лэверэк. Оборона Британской империи, в особенности в отношении Дальнего Востока и Австралии.
„Army quartl." № 2, 1933, Jan.

Возражения на статью адмирала Ричмонд в „Army Qnarterly", 1932, July на ту же тему, в частности против слишком абсолютного проведения принципа, что «проблема вооруженных сил доминионов должна быть рассматриваема с широким взглядом на оборону империи», так как это ведет к ошибочной оценке условий обороны каждого доминиона в отдельности. Конкретные данные (и то неполно) приведены только для Австралии.

Швейдеман К. Предложения Франции по разоружению и вопрос о военных долгах.
„Berl. Mh." № 1, 1933, S. 61—63.

Фокс. Бактериологическая война.
„Coast. art. journ." № 1, 1933. p 32—40.

Заключение комиссии 1922 (в Вашингтоне) и 1932 (в Женеве) по поводу бактериологической войны, ее цели, пути и способы распространения. Общее заключение автора: при существующих пока технических затруднениях пригодность биологических средств для ведения войны представляется под большим вопросом.

Фокс. Бактериологическая война.
„Cav. journ. W." № 175. 1933. p. 25—33.

Статья, помещенная одновременно и в других военных журналах САСШ (см. «Coast art journal», 1933, January-February).

***** Конференция по уменьшению и ограничению вооружений:** химическое, бактериологическое и зажигательное оружие.
„Rev. Int. Cr.-Rouge" № 169, 1933, p 33—52.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Подготовка и планы войны

Франек Ф. Развитие австро-венгерских вооруженных сил в первые два года войны.
„Militärwis. Mit", 1933, Jän., S 15—31, Febr.; S 98—111.

Большая обстоятельная статья с приложением таблиц и многими статистическими данными.

Фон-Шефер А. Военные приготовления тройственной Антанты (с тремя схемами).
„Berl. Mh. , № 4, 1933, S. 320—352.

Фон-Вегерер А. Кто хотел войны.
„Berl. Mh." № 4, 1933, S. 375—382.

Разбор ряда интервью журналиста Ганса Мазоль, печатаемых во французском журнале «Вю» под тем же общим заглавием.

Дебизе Ф. Сенат САСШ и Версальский мир.
„Rev. Hist. Guerre Mond." № 1, 1933, p. 17—45.

Военные операции, касающиеся нескольких фронтов

Ларшэ. Статистические данные о войне 1914—1918 гг.

„Rev. milit. franç." № 140, 1933, février, p. 190—204; № 141, mars, p. 291—303.

Ценное исследование, дающее на основе преимущественно официальных источников цифровые сведения о наличных силах (по числу дивизий и приблизительно в некоторых случаях по числу бойцов), как со стороны четверного союза, так и Антанты, на разных фронтах, за разные периоды, а также о количестве потерь (в некоторых случаях с разделением на убитых, раненых и пропавших без вести), что дает возможность сделать интересные выводы о том, в какой последовательности, с какими силами и с какими результатами (по числу потерь) велись различные операции.

Фон-Драгони А. Исследование австро-венгерского стратегического развертывания и начало войны.

„Militärwiss. Mitt.", 1933, Jän., S. 2—8.

Кислинг Р. Стратегический прорыв.

„Militärwiss. Mitt.", 1933, Febr. S. 81—87.

Стратегический прорыв на примерах из империалистической войны на австрийском фронте и в Испании.

Западный фронт

Куль. Командование Жоффра в 1915/16 г.

„Milit. Wbl." № 28, 1933, S. 921—924.

Рецензия на второй том воспоминаний маршала отмечает ряд интересных новых данных (в особенности относительно боев 1916 г. в районе Вердена, предполагаемых условий перемирия и др.), а также подробные данные в воспоминаниях Жоффра относительно состояния военной промышленности.

**** Мемуары о войне маршала Жоффра.** Без указания автора.

„Army quarte." № 2, 1933, Jan., p. 218—226.

Рецензия на первый том этих мемуаров («Mémoires du maréchal Joffre», 1910—1917, т. I, «Paris, Librairie Plon»), касающиеся приготовлений к войне, плана мобилизации, развертывания XVII и событий маневренного периода до Марны, бега к морю и сражений на Ипре включительно. Рецензия отмечает трудности задач Жоффра, ошибочность плана XVII, недостатки довоенной французской доктрины, а также недостатки редакции мемуаров, которая не позаботилась оговорить многие ошибки и неточности, в которые Жоффр впадал, будучи часто недостаточно или неверно ориентирован в ходе событий.

Валарше Е. Маневр на Марне.

„Rev. art." № 1, 1933, т. 111, p. 14—40; № 2, т. 111, p. 125—148.

Пюжан. Защита прорыва Клук-Бюловскими кавкорпусами Марвица и Рихтгофена (6—9 сентября 1914 г.).

„Rev. cav.", 1933, janv.—févr, p. 1—33.

Обширная статья (начатая с выпуска май—июнь 1932) с подробным описанием и анализом событий, рисующая в частности невыгоды отсутствия общего командования, что приводило к заботе каждого из командиров кавкорпусов о прикрытии фланга своей армии: Марвиц прикрывал 1-ю армию, Рихтгофен — 2-ю, будучи увлечен ее отходом.

**** Драматизирование битвы на Марне.**

„Milit. Wbl." № 2», 1933, S. 966—967.

Рецензия на книгу «Die Marneschlacht» Кремера. Неудача попытки представить ход сражения в виде театральных сцен.

Эрбье. Влияние бельгийского театра военных действий на Марнское сражение в сентябре 1914 г.

„Bull. belge s. milit." № 1, 1933, т. 1, p. 1—28.

В дополнение к статье «Роль полевой армии и крепостей Бельгии в 1914 г.», которая была напечатана в этом же журнале с марта по октябрь 1928 г. и касалась воздействия, оказанного бельгийской армией и обороной крепостей преимущественно лишь на правый фланг германских армий (на 1-ю и 2-ю армии).

Эта статья анализирует воздействие, оказанное военными событиями в Бельгии на весь ход кампании на всем протяжении фронта.

Мусье. От сражения на Марне до «бега к морю».

„Rev. milit. fr.".

Прютер Ф. 24 февраля 1916 г. под Верденом. С французской точки зрения.

„Wiss. u. Wehr." № 1, 1933, S. 1—17.

Крец. Очерк снабжения Верденского гарнизона во время войны.

„Rev. serv. Int. milit." № 1, 1933, т. 15, p. 7—

Хикки. Атака (танковая) при Камбрэ.

„R. tank c. journ." № 165, 1933, p. 227—231.

Доклад бывшего командира танкового взвода, участника атаки при Камбрэ, на годичном обеде в воспоминание этого события. Некоторые интересные подробности: 1 кроки, несколько фотоснимков.

Хотблек. Не миф ли эпизод при Камбрэ?

„R. tank. c. journ." № 167, 1933, p. 285—286.

Письмо в редакцию с опровержением известного рассказа о неизвестном германском офицере, который в бою при Камбрэ опрокинул 16 английских танков, стреляя «один из одной пушки».

Банах К. Действительность поля боя.

„Prz. piech." № 2, 1933, str. 207—224.

Описание обороны Уазы 228-м французским полком 28 и 29 августа 1914 г. Выдержки из французской статьи.

Бенар и Вуало. Ночная контратака у Жалонь 5 июня 1918 г.

„Rev. inf." № 485, 1933, p. 204—237.

Подробное описание тщательно подготовленной и образцово выполненной ночной атаки французского батальона против немецкого батальона, оказавшегося в изолированном положении на южном берегу р. Марны в период большого сражения на Марне в июне 1918 г. Параллельно приведены выдержки из французского послевоенного устава о ночном бое, свидетельствующие о том, насколько атака отвечала наиболее строгим требованиям.

Тьерри д'Аржанлье. 11-я пехбригада в бою у Лерн-Андерлю 22 августа 1914 г. — в составе I кавкорпуса Сирдэ.

„Rev. inf." № 484, 1933, p. 108—125.

Тюфро П. Записная книжка бойца. Отдельные эпизоды из империалистической войны на французском фронте.

„Rev. inf." № 484, 1933, p. 3—27.

Восточный фронт

Дьяков И. Брусилов и его конница в июне 1916 г. по русским источникам.
„Militärwis. Mitt", 1933. Jan., S. 9—14.

Головин. Бои на Мазурских озерах, ч. 2.
„Journ. R. U. S. Inst, Ind." № 270, 1933, p. 56—80.
Извлечение из книги на русском языке под тем же заглавием.

Ленчовский Р. Ночной поиск на Рафайлову.
„Prz. piech." № 1, 1933, str. 91—116.
Описание ночного полета русских частей на польские легионы в январе 1914 г. в Карпатах.

Нанан. Галицийское сражение в августе 1914 г.
„Bull. belge s. milit." № 2, 1933, т. 1, p. 135—172.

Румынский и итальянский театры

Понат. Операция с меньшими силами в тылу противника.
„Milit. Wbl." № 32, 1933, S. 1051—1053.
Прорыв через железные ворота в Румынии в 1916 г. Краткий очерк операций 9-й германской армии ген. Фалькенгайна в 1916 г.

Вандаль Ф. Военные операции на итальянском фронте. 1915 год. По данным официальной итальянской истории войны.
„Bull. belge s. milit." № 1, 1933 т. 1, p. 73—98.

ОПЕРАЦИИ НА МОРЕ ВОЕННОМОРСКИЕ СИЛЫ

Фон-Мантей. Несостоявшееся сражение.
„Milit Wbl." № 32, 1933, S. 1062—1062.
Рецензия на книгу под тем же названием д-ра П. Зете.

НАЦИОНАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

***** Французская точка зрения на манчжурскую проблему.**

„Rev. milit. fr." № 139, 1933, p. 73—94.
Сильная, здоровая и миролюбивая Манчжоуго с внутренней Монголией являются барьером, отделяющим французский Индокитай от «московского яда», — такова точка зрения автора на манчжурскую проблему.

Дзевановский. Применение авиации в боях под Шанхаем (29 января — 3 марта 1933 г.).
„Prz. lot." № 1—2. 1933, str. 102—108.

Фиц Джерольд. Кампания в Ливийской пустыне.
„Quarterly. rew." № 4, 1933 p. 56—57.
Описание итальянской экспедиции в эту пустыню в декабре 1930 г. и январе 1931 г., особенно поучительной с точки зрения снабжения.

Тевене. Прогресс в умиротворении Марокко (операции на фронте Тадла).
„Fr. milit." № 14433, 1933, 12 janv.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ В 1917—1922 г

Пьер А. САСШ и первые русские революции. Март — ноябрь 1917 г.
„Rev. hist. Guerre mond", № 1, 1933, p. 1—16.

Ледаке. Занятие Брест-Литовска в феврале 1918 г.
„Rev. inf." № 485, 1933, p. 252—256.

ОПЕРАТИВНОЕ ИСКУССТВО

Подвижная война и позиционная война

„Milit. Wbl." № 32, 1933, S. 1053—1055.
Автор предостерегает от заключений под впечатлениями маневров мирного времени. Позиционная война не исключается, хотя необязательна в масштабе 1914—1918 гг.

Альтрихтер. Действительно ли позиционная война не повторится?
„Takt. u. Techn." № 4, 1933, S. 13—14.

Ржепецкий И. Подвижная оборона. Проблема подвижной обороны в польской армии и в других армиях.
„Prz. piech." № 1. 1933, str. 53—90.
Анализ подвижной обороны. Два конкретных примера.

Ван-Эгро. Отступательная оборона и замедляющие действия.
„Bull. belge s milit." № 1, 1933, т. 1, p. 45—72; № 2, p. 109—134.
Исследование приемов отступательной обороны и замедляющих действий на примерах кампании 1815 г., империалистической войны 1914—1918 гг. и на основе взглядов (доктрины), установившихся в бельгийской армии.

Грюндель. Вождение на помочах.
„Milit. Wbl." № 30, 1933, S. 990—994.
Заметки о необходимости развивать инициативу частных начальников, не злоупотребляя «проводами».

Луазо. Фланговый маневр (продолжение статьи).
„Rev. milit. fr." № 139, 1933, p. 5—45; № 140, p. 161—189.
Фланговый маневр начала XX века — в русско-японскую войну; фланговый маневр Шлиффена, Мольтке, Жоффра; фланговый маневр на восточном фронте. Как бы мог сложиться маневр Жоффра при современных средствах.

Охейм. Искусство вождения и действительность огня.
„Deut. Wehr." № 9, 1933, S. 1 1—133.

Общая тактика

***** Преследование.**

„Milit. Wbl." № 28, 1933, S. 929—930.
Небольшая заметка о слабом развитии преследования в империалистической войне, взгляд на будущее (ВВС, пропаганда с воздуха).

Хубицкий А. Графическое изображение походного движения.
„Militärwis. Mitt.", 1933, Febr., S. 116—127.

***** Взаимодействие артиллерии с пехотой.**

„Milit. Wbl." № 28, 1933, S. 924—928.
Ряд тактических примеров из кампании 1914 г. на западном фронте.

Соттио. Пехотный полк при атаке охранения противника.
„Bull. belge s. milit." № 3, 1933, т. 1, p. 247—258.

В февральском номере того же журнала на ту же тему была помещена статья подполк. Буа, в которой разобраны подробно лишь действия пехоты; в данном номере на том же конкретном примере исследуются действия артиллерии.

Пехота

**** Сопровождение пехоты и необходимое для пехотного батальона вооружение.**

„Fr. milit" № 14418, 1933.

Альтрихтер. Еще раз — групповая или линейная тактика.

„Takt. u. Techn." № 1, 1933, S. 1—2.

Продолжение дискуссии на эту же тему, начатую в приложении «Тактика и техника» № 15 и 16 за 1932 г. к «Дейче Вер».

Сидорский Р. Действительно ли пехота безоружна в борьбе с танками?

„Prz. piech." № 3, 1933, str. 369—387.

Буа М. Пехполк в атаке передовых частей противника. На конкретном примере.

„Bull. belge. s. milit." № 2, 1933. т 1, p. 153—170.

Шамбион Р. Два месяца у пехотинцев.

„Rev. inf." № 485, 1933, p. 188—194.

Краткая статья с призывом к артиллеристам серьезнее изучать пехоту, а к пехотинцам — действительно уверовать и вселить в артиллерию уверенность, что именно пехота является главным родом оружия.

**** Доктрина мужества.** Апология значения пехоты по труду ген. Буше «Пехота жертвует».

„Prz. piech." № 2, 1933, str. 225—242.

Гейслер Б. Тактическая задача на тему «Контрудар батальона при упорной обороне».

„Prz. piech." № 3, 1933, str 329—343.

**** Пехота в бою.**

„Inf journ." № 1, 1933, p. 25—28.

Исследования приемов вождения небольших частей пехоты в бою, иллюстрированные примерами из мировой войны (преимущественно с психофизической точки зрения).

Стрелковое дело

Борас А. Тяжелые пулеметы в упорной обороне батальона.

„Prz. piech." № 3, 1933, str. 345—368.

Финк К. Кино при практических занятиях частей.

„Takt. u. Techn." № 2, 1933, S. 5—6.

**** Управляемый огонь частями в пехотном бою.**

„Milit. Wbl." № 31, 1933, S. 1031—1032.

Автор считает, что ни командир отделения, ни взводный командир не могут управлять огнем своих частей; стрелки сами выбирают цель и точку прицеливания.

Шерман И. Как сделать боевые упражнения более реальными и интересными.

„Inf. journ." № 1, 1933, p. 29.

Приспособление для взрыва мишени, изображающей пулеметные гнезда (при удачном попадании); обозначение попаданий артиллерийских снарядов разрывами ручных гранат.

Штайх А. Дружина в огневом бою.

„Prz. piech." № 2, 1933, str. 155—190.

1. Действительность огня дружины (отделения). 2. Виды огня ручных пулеметов. 3. Управление и ведение огня. Боевой порядок дружины в огневом бою.

Кингсли От. Эволюция пулемета.

„Canad. def. quartl" № 2, 1933, p. 230—238.

История развития оружия массового учащенного огня со времени битвы при Гастингсе и орудий XV века до наших дней.

Перре Д. Зенитная пулеметная стрельба.

„Rev. milit. suisse" № 2, 1933, 75—91.

Пайе. Дальний огонь пулеметов. Результаты на опыте.

„Rev. inf." № 484, 1933, p. 51—107; № 485, p. 195—203.

Теоретические данные на основе опытов, произведенных в одном из лагерей в сентябре 1932 г. Опыты показали возможность уточненной стрельбы, но число попавших пуль из числа выпущенных было незначительно, как впрочем и ожидалось по вычислениям. К статье приложено пояснение крупного специалиста, фамилию которого редакция не называет, что на большие дистанции стрельба будет открываться по небольшим по фронту целям лишь в том случае, когда за ними можно предполагать более глубокую цель.

Вельвер. Дополнение к исследованию действительности пулеметной стрельбы на дальние дистанции.

„Rev. inf." № 486, 1933, p 360—386.

Конница

Рюмильи. Органическая (штатная) конница крупных войсковых соединений.

„Rev. cav.", 1933, janv.—févr., p. 53—83

Два тактических примера, характеризующих работу войсковой конницы: один на наступление — марш, сближение и соприкосновение, другой на оборону — прикрытие с непосредственно следующим оборонительным боем крупного войскового соединения.

Шак. Тактическое значение конных и моторизованных войск для наступления на фланги и тыл противника (по опыту мировой войны).

„Milit Wbl." № 30, 1933, S. 994—997.

Артиллерия

Шаллеа. Современные орудия корпусной артиллерии.

„Fr. milit." № 14479 и 14481, 1933.

Гальвиц. Вопросы артиллерийского вооружения.

„Milit. Wbl." № 31, 1933, S. 1025—1027.

Дискуссия по вопросу о составе дивизионной артиллерии в развитие статей на ту же тему в № 13 «Militär Wochenblatt» за 1932 г. и в «Wehr und Waffen» № 6/7 за 1932 г. (того же кап. Гальвица). Проводится мысль, что пехота со своим тяжелым оружием не может обойтись без артиллерийской поддержки, но что состав дивизионной артиллерии не должен быть чрезмерно громоздким.

Гофф. Указания для обучения работе прожекторов типа АА по мишеням с применением звукоулавливателей М-1.

„Coast artil. journ." № 1, 1933, p. 66.

Фуллер. Артиллерия в классические времена.

„Army ordn." № 76, 1933, p. 201—206.

История развития тяжелого метательного орудия в древней Греции и в Римской империи в параллель с современным развитием артиллерии, которая по мнению автора «поглотит пулемет, как пулемет поглотил винтовку». Приложены рисунки катапульты и балисты.

Лермонт Д. Артиллерийская топографическая с'емка.

„Journ. R. art.“ № 4, 1933, p. 398—412.

Уд. Французская артиллерийская доктрина.

„Filed. art. journ.“ 1933, Jan—Febr., p. 77—86.

Продолжение статей, излагающих содержание лекции французского полковника Де-ля-Порт дю Тэйль в Военной академии в 1929—1931 гг.

В данной статье напечатано начало третьей части «Артиллерии в оборонительном бою», раздел 1-й — Маневр огня (контрподготовка, заградительный огонь, огневая поддержка охранения, дальний огонь).

Моторизация и механизация. Танковые части ПТО

Лиддель Гарт. Сознание и машина.

„Army quartl.“ № 2, 1933, Jan., p. 237—250; № 1, Apr, p. 51—58.

В первой части статьи автор передает благоприятные впечатления от занятий английской армии, произведенных по новым программам 1932 г., которые ставили задачей поднять инициативу частных начальников и развить в пехоте «сознание до степени мастерского применения механического оружия». В статье приведен ряд примеров, иллюстрирующих выводы автора.

Во второй части автор дает критическое описание хода маневров танковой бригады в 1932 г. Подчеркнуты недостаточность имеющихся бронесил и необходимость бережного к ним отношения, а также нецелесообразность попыток попрежнему связывать быстроходные танки с задачами продвижения пехоты. Затронут вопрос о том, какую роль могла бы танковая бригада сыграть в английской экспедиционной армии в 1914 г. Отмечена между прочим легкость снабжения горючим (вопреки некоторым утверждениям).

Лиддель Гарт. Маневры британской танковой бригады.

„Army ordn.“ № 76, 1933, p. 220—225.

Перепечатка 2-й части статьи, помещенной в январском выпуске журнала „Army quarterly“ (см. выше).

Альбор. Моторизация в больших армиях мировых держав.

Rev. polit et parlement, 10 mars, 1933.

Значение мото-механизации в тактической и оперативно-стратегической областях и сопоставление ее современного состояния и путей развития в Англии, САСШ, Германии и Франции; невыгодные стороны моторизации: сравнительная хрупкость мотора, трудность организации снабжения и ремонта, пригодность не на всякой местности, невозможность иметь в мирное время мото-мехчасти в большом количестве. Необходимость осмотрительного усвоения моторизации, в особенности не теряя из виду возможности изобретения новых противотанковых средств с применением электрических волн и т. п.

Пиль Фр. Эволюция и будущее бронированных боевых повозок.

„Rev. cav.“, 1933, janv.—févr., p. 31—52.

Перевод с английского речи одного из директоров английского департамента механизации, произнесенной еще 10 декабря 1930 г. Несмотря на устарелость, речь характеризует направление и пути дальнейшего развития танков и броневиков, увеличение быстроходности за счет бронировки.

Кризолли. Моторизация и кавалерия в Польше.

„Milit. Wbl.“ № 26—117, 1933, S. 868—869.

**** Успехи противотанковой обороны, ее воздействие на танковое строительство.**

„Kraftzug i. W. u. H.“ № 2, 1933, S. 33—34.

Военновоздушные силы. ПВО

Гросскрейц. Воздушная война и территория Германии.

„Coast. art. journ.“ № 1. 1933, p. 1—13.

Исторический очерк воздушных нападений на территорию Германии в империалистическую войну 1914—1915, 1916, 1917—1918 гг., последовательность развития бомбардировочных атак и их значение в будущем. В общем заключении подчеркивается необходимость иметь ПВО для защиты германской территории.

Мейер Е. Авиация — единственное оружие.

„Rev. milit. suisse“ № 1, 1933, p. 1—13.

Новые военные самолеты.

„Luftw“ № 2, 1933, S. 45—46.

**** Воздушные вооружения за границей.**

„Luftw“ № 1, 1933, S. 1—32.

Ретроспективный взгляд на развитие их в 1932 г.

Ген. Мальтезе, генеральный директор военнохимического центра итальянского военного министерства. Фугасные бомбы и авиахимическое нападение (сравнительное исследование возможной действительности бомбардировки городов).

„Gassch. u Luftsch“ № 1. 1933. S. 1—10.

Перевод с итальянского статьи указанного автора в «Эзерчито Национе», в которой сравниваются возможные результаты бомбометания фугасных бомб нестойкими ОВ (фосген) и бомб со стойкими ОВ (иприт) по участкам Турина и Милана с фотографиями и расчетами.

Гадов. Средства воздушной войны на море.

„Luftschutz Nbl“. № 2, 1933, S. 37—39.

Сайфекс. Будущее развитие ночных полетов.

„R. air f. quartl“, 1933, p. 28—34.

Автор указывает на особое преимущество ночных полетов, обеспечивающих безопасность нападения; раз'ясняет требования, которым должен удовлетворять самолет для ночных полетов с целью разведки и бомбометания; подчеркивает особое значение морального воздействия ночного меткого бомбометания на жизненные центры противника.

Эрбар. Прошлое, настоящее и будущее ночной разведывательной авиации.

„Rev. forces aér.“ № 43, 1933, p. 123—150.

Констатируя, что ночная разведавиация очень мало эволюционировала в сравнении с прошлым, статья уточняет ее состояние в настоящем и указывает необходимые пути развития для французской авиации в будущем.

**** Японские бомбы.**

„Schw. art.“ № 2, 1933, S. 181.

Жюди и др. Организация медицинско-хирургической помощи в неотложных случаях в Се-

верной Сирии посредством санитарной авиации.

„Arch. med. pharm. milit.“ № 2, 1933, p. 177—192.

Криптоним. Летающая лодка или авианосец.
„Army n. a. air forces gaz.“ № 3809, p. 49.

Дау. Роль воздушного транспорта для национальной обороны.

„Airtransport“ № 2, 1933, p. 13—15.

Краткие сведения о его современной организации в САСШ.

Де-Рокка Серра. Маневрирование аэростатов заграждения N и NN.

„Rev. forces aér.“ № 43, 1933, p. 156—170.

Теоретические указания для наилучшего технического применения привязных аэростатов заграждения в отношении высоты под'ема и условий под'ема.

Абжолтовский С. Французская инструкция по активной противовоздушной обороне.

„Prz. lot.“ № 1—2, 1933, str. 83—91.

Инструкция издана в 1932 г. Статья дает подробное изложение инструкции.

Боровиц, майор полиции. Гражданские упражнения по ПВО в средней Германии в ноябре 1932 г.

„Gassch. u. Luftsch.“ № 1, 1933, S. 10—13.

Описание упражнений по ПВО с целью выяснения некоторых специальных вопросов, както: временное закрытие движения на большой проезжей дороге через малый и большой город и ПВО больших зданий, в которых собирается большое количество людей (склад, тюрьма, театр).

Шумахер Ф. Строительные мероприятия гражданской ПВО.

„Gassch. u. Luftsch.“ № 3, 1933, S. 57—63.

Казеберт. Опыты с противогазовыми убежищами.

„Gassch. u. Luftsch.“ № 1, 1933, S. 13—20.

Описание опытов, имевших целью выяснить, в течение какого времени люди могут оставаться без вреда для здоровья в противогазовых убежищах разного устройства.

Гадов. Воздушное нападение и ПВО на море.

„Luftschutz Nbl.“ № 3, 1933, S. 61—63.

Боевое применение химических средств ПХО

Фон-Темпельгоф. Искусственный туман как оборонительное и наступательное средство.

„Takt. u. Techn.“ № 1, 1933, S. 3—4.

** **Газ.** — Поэзия и действительность.
„Deut. Wehr.“ № 2, 1933, S. 17—19.

Изар Д. и Сийель. Воздушнохимическая война и гражданское население: исторический, клинический, терапевтический и другие очерки. 2-е изд. испр. и доп. с расширенной библиографией в каждом отделе.

„Arch. med. pharm. milit.“ № 1, 1933, т. 98, p. 101—102.

Фон-Фридрих В. О детонации взрывчатых веществ.

О скорости детонации в зависимости от плотности взрывчатого вещества.

Статья специального содержания с несколькими таблицами для разных работ.

** **Военноинженерное дело. Пути сообщения.**

„Z. f. d. gesammte Schiess u. Sprengstoffw.“ № 1, 1933, S. 2—6.

Вабниц. Материальная часть, необходимая для переправы через водные преграды.

„Rev. génie milit.“, 1933, т. 72, janv.—févr. p. 66—87.

Клеман-Гранкур. Универсальный носимый шанцевый инструмент.

„Rev. génie milit.“, 1933, т. 72, janv.—févr., p. 101—113.

Французский автор предлагает испытанный им в марокканских войсках носимый шанцевый инструмент, который заменяет топор, лопату, кирку и служит сошкой для винтовки и даже прикрытием для стрелка.

Зингер. Проблема путей сообщения для войск, действующих в малокультурной стране.
„R. eng. journ.“, 1933, March, p. 36—55.

Бекленд. Разрушения на путях отхода 5-й английской армии в марте 1918 г. С предисловием майора Плэйфер.

„R. eng. journ.“, 1933, March, p. 11—35.

Описание разрушений, произведенных 5-й английской армией при ее отходе в направлении к Амьену в марте 1918 г. по корпусам, но без технических подробностей, с указанием, что разрушения принципиально распространялись только на мостовые переправы.

Подготовка войск и комсостава

Енджейчик Л. Военная традиция и воспитание солдата.

Схема проекта программы для офицеров, унтерофицеров и солдат, внедрения традиции в дело воспитания армии.

„Prz. piech.“ № 2, 1938, str. 243—259.

** **Темы испытаний и сочинений конкурса 1933 г. в Высшую военную школу.**

„Rev. ét. milit.“ № 1, 1933, p. 21—32.

** **Корпус подготовки офицеров запаса в Англии.**

„Milit. Wbl.“ № 26, 1933, S. 869—872.

** **Иллюзии ящика с песком.**

„Milit Wbl“ № 33. 1933. S. 1095—1098.

Отрицательные стороны этого пособия, вызываемые «взглядом на местность с высоты птичьего полета» и преждевременным и слишком простым обозрением противника и всей обстановки.

Мадалинский Л. Изменение в программах физподготовки в польской армии.

„Prz. piech.“ № 1, 1933, str. 117—122

Фаватье. Обучение унтерофицеров пехоты в кадровых частях.

„Rev. inf.“ № 484, 1933, p. 28—50.

Котарба С. Обучение командиров дружин в школах подхорунжих резерва пехоты.

„Prz. piech.“ № 1, 1933, str. 35—38.

Программа обучения стрелка, имеющего льготу по образованию, на командира отделения.

Стеблик В. Надлежащие нормы времени в обучении.

„Prz. piech." № 3, 1933, str. 317—323.

** **Руководство для подготовки пехотинца.**

„Bull. belge s. milit." № 3, 1933, т. 1, p. 302—307.

Содержание нового бельгийского руководства (в том числе устройство окопа для отделения ручного пулемета).

Милитаризация гражданского населения Политработа в иностранных армиях

Зенкевич В. Надлежащи ли тенденции обучения вневойсковой подготовки.

„Prz. piech." № 2, 1933, str. 260—264.

Ответ на статью полковника Цвертняка в № 8 того же журнала за 1932 г. Границ между армией и вневойсковой подготовкой нет. Последняя на хорошем пути, хотя и работает в трудных условиях, и в деле спорта стоит выше, чем армия.

Леснер. Вневойсковая подготовка в Эстонии.

„Spähen u. Streifen" № 3, 1933. S. 12.

Оливье М. Военное воспитание германской молодежи.

„Fr. milit." № 14,433. 24 janv; № 14/468, 4 mars 1933.

Торванд И. Лига самообороны (Кайтселит) в Эстонии как фактор обороны государства.

„Pol zbr" № 21, 1933. str. 3.

Сосабовский С. Воспитание солдата-гражданина.

„Prz. piech." № 3, 1933, str 388-395.

Вооруженные силы различных стран

** **Вооружение и разоружение.**

„Milit. Wbl." № 31, 1933, S. 1027—1028.

Книга, издаваемая полк. Орцен в виде продолжения к «Ежегоднику Лебеля». Новое издание (46-й год) через 2 года после предыдущего.

** **Американская армия на Филиппинах** (морские, сухопутные и воздушные силы).

„Rev. d. troupes colon." № 210, 1933, p. 44—55

** **Финляндская армия.**

„Fr. milit." № 14..3, 21 janv 1933.

** **Германия в 1933 г.**

„Milit. Wbl." № 33, 1933, S. 1094—1095.

Содержание статьи «француженки», возвратившейся из Германии. Статья взята из «Matin» от 5 февраля с. г.; военные силы Германии исчисляются в 1 060 000 бойцов.

** **Вооружения и новый пакт Малой Антанты.**

„Milit. Wbl." № 34, 1933, S. 1125—1127.

Сведения о новых вооружениях Югославии и Румынии.

Муллер. Третий эшелон государственной обороны (резервы армии).

„Inf Journ." № 1, 1933, p. 47—52.

** **Годовой отчет американской армии.**

„Forze arm." № 70.., 1933.

** **Советы вооружаются.**

„Oesterr. Wehrztg." № 3, 1933, S. 1—2.

** **Технические войска балканских государств.**

„Deut. Wehr" № 2, 1933, S. 20—21.

Видаль К. Что нужно знать об итальянской армии.

„Fr. milit." № 1, 19 3, 446.

Рецензия на книгу под тем же заглавием.

** **Вооруженные силы Чехо-Словакии.**

„Wiss. u. Wehr." № 1, 1933, S. 42—52.

** **Усиление японских вооружений.**

„Milit. Wbl." № 30, 1933, S. 989—990.

Новые танки и бронемашины, новый бронепоезд типа «Deutschland», 1 640 самолетов, бомбовозы, 24 brutto tonn 3000-км дальность полета.

Биографии.

Фон-Кохенгаузен. Шлиффен.

„Militärwiss Mitt.", 1933, Febr., S 77—80

Биографическая заметка на 4 страницах к столетию со дня рождения, не заключающая новых данных. Автор подчеркивает особую работу Шлиффена о телеграфном и железнодорожном сообщениях.

Муф. Мысли к 100-летнему юбилею со дня рождения Шлиффена.

„Milit. Wbl." № 32, 1933, S 1049—1050.

Краткая биографическая заметка, не представляющая особого интереса.

РЕДКОЛЛЕГИЯ: **Ф. Блументаль, С. Будкевич, А. Никонов.** Отв. редактор А. Никонов. Отв. секретарь Ф. Огородников

Сдано в набор 10/I—27/IV 1933 г. Подписано к печати 10/VI 1933 г. Техн. редактор Г. Константинов.

Уполномоч Главлита В-58577. ОГИЗ № 43. Зак. тип. № 142. Тир 7000.

Центр. тип. НКВМ им. Клима Ворошилова. Москва, ул. Маркса и Энгельса, д. 17.

3 руб.